

А·УЗИЛЕВСКИЙ ДОМ КНИГИ

А·УЗИЛЕВСКИЙ

ДОМ КНИГИ

ЗАПИСКИ ИЗДАТЕЛЯ

ДОВЕРИЕ

А·УЗИЛЕВСКИЙ

ДОМ КНИГИ

ЗАПИСКИ ИЗДАТЕЛЯ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

ББК 84. Р7
У34

Автор благодарит заведующую отделом информации и публикаций Центрального государственного архива литературы и искусства г. Ленинграда Адию Константиновну Бонитенко за оказанную помощь.

В книге использованы фотоматериалы из личного архива В. С. Бахтина.

РЕДАКТОР Т. С. ХАРЫКИНА

ХУДОЖНИК М. Е. НОВИКОВ

У $\frac{4702010201-157}{083(02)-90}$ 144—90

ISBN 5-265-01209-5

Эта книга написана не писателем. И тем не менее мы решили выпустить ее в свет, потому что написал ее человек, 40 лет своей жизни отдавший книге, именно книге как предмету материальной культуры.

Писатель создает рукопись, но она должна пройти еще много этапов, требуется труд большого коллектива людей для того, чтобы авторская рукопись превратилась в книгу. И чем квалифицированнее эти люди, чем больше души и, можно смело сказать, таланта вкладывают они в свою работу — тем успешнее результат.

Издатель — издавна одно из самых уважаемых занятий в России. Достаточно вспомнить такие широко известные имена, как А. Ф. Смирдин, А. С. Суворин, братья Гранат, А. Ф. Маркс, И. Д. Сытин — люди, сыгравшие огромную роль в судьбе многих русских писателей и в судьбе всей нашей культуры.

Неоценима и та большая просветительская деятельность, которую вели организованное при участии Л. Н. Толстого издательство «Посредник» и созданное Максимом Горьким издательство «Знание».

Лучшие традиции русских издателей были достойно восприняты новыми, организованными в советское время издательствами. Но много ли мы знаем сегодня о деятельности наших, советских издательств и издателей? Чаще всего их имена остаются в тени, теряются или сохраняются только в выходных данных на последней странице книг.

40 лет — это тысячи книг, прошедших через твои руки. Это сотни писательских судеб, которые начинались на твоих глазах и при твоем участии, одни счастливые, удачные, другие не очень, а порой драматичные и даже трагичные. О встречах с писателями, об особенно запомнившихся эпизодах работы над их книгами вспоминает А. Н. Узилевский.

Мы же, выпуская эти воспоминания в свет, надеемся, что читателям будет интересно побывать внутри издательства, познакомиться ближе с процессом, подчас сложным и мучительным, превращения писательской рукописи в книгу.

*

Внуку Алексею

Невский, 28 — адрес ленинградского Дома книги. Это старинное здание на углу Невского проспекта и канала Грибоедова, увенчанное стеклянным глобусом, хорошо знают и ленинградцы и гости нашего города. На первых двух этажах этого здания расположен центральный книжный магазин. Но мало кто знает, что именно в этом бывшем торговом доме фирмы «Зингер» в начале 20-х годов разместились первые советские издательства и редакции журналов. Здесь находились «Госиздат» и «Молодая гвардия», журналы «Чиж» и «Ёж», «Юный пролетарий», «Костер», «Звезда», «Ленинград».

С Домом книги связана литературная молодость Самуила Маршака, Алексея Толстого, Ольги Форш, Анны Ахматовой, Бориса Житкова, Всеволода Рождественского, Николая Тихонова, Михаила Зощенко, Юрия Тынянова, Всеволода Иванова, Вениамина Каверина, Леонида Соболева, Бориса Корнилова и многих других писателей, составивших гордость нашей литературы.

После войны в Дом книги перебралось из тесных помещений на Малой Садовой и Ленинградское отделение издательства «Советский писатель», где я проработал без малого 40 лет. Откройте последнюю страницу любой книги, изданной Ленинградским отделением «Советского писателя» в период с 1947 по 1983 годы,

и в выходных данных вы прочтете: «...Ленинград, Невский пр., 28».

Сюда приносили свои рукописи Юрий Герман и Вера Панова, Ольга Берггольц и Вера Кетлинская, Александр Прокофьев и Михаил Слонимский... Отсюда выпускающие отвозили в типографии подготовленные редакторами, корректорами и техредами рукописи книг. Здесь на мой стол ложились стопки корректур, первые сигнальные экземпляры книг, пахнущие клеем, коленкором и типографской краской...

Листаю рукопись этих своих записок, и в памяти возникают все новые и новые события, встречи, лица... Об этих встречах и событиях, драматических и радостных, праздничных и будничных, моя книга «Дом книги».

ПЯТЬДЕСЯТ
ЛЕТ

*

Шел сорок шестой год. Первый послевоенный год... Из-за тяжелой болезни я был демобилизован, долечивался и искал работу. Искал долго, а устроился в один день. Как-то в марте возвращался домой от врача. В ту пору по Невскому еще ходили трамваи. В вагоне было тесно. Когда я подъезжал к Садовой, меня кто-то взял под руку. Обернулся и увидел Николая Александровича Брыкина. Мы с ним воевали на Волховском фронте в начале сорок второго года. Тогда он был замполитом корпусного госпиталя.

— Да-вай вый-дем,— привычно для меня заикаясь, сказал Брыкин.

Мы вышли из вагона.

— Пойдем ко мне на службу, поговорим, тут близко.— И, не дожидаясь согласия, повел меня за собой.

Через несколько минут мы уже были в маленьком кабинете Брыкина на улице Пролеткульта (теперь Малая Садовая), где в то время размещалось Ленинградское отделение издательства «Советский писатель», директором которого он был. Расспрашивали друг друга о фронтовых товарищах. В сорок третьем нас разбросало: он остался в армии у Чуйкова, я в Шестой армии...

Потом он стал рассказывать о себе, о своих директорских заботах, о романе «Искупление», который он тогда писал.

— Ну, а ты где трудишься? — спросил он.

— Пока не работаю, подыскиваю.

— Иди ко мне начальником производственного отдела,— неожиданно предложил Брыкин,— не раздумывай. Ты же до войны в типографии работал. Освоишь. На фронте сложнее было. С завтрашнего дня и начинай...

С того дня минуло более сорока лет! Сколько рукописей превратилось за это время в книги благодаря маленькому коллективу издательства. Сколько писательских судеб решалось тогда!

Вот об этом хочется вспомнить. Не знаю, как получатся у меня мои заметки. Разве вместишь в них историю Ленинградского отделения? Даже если вспоминать о самых важных, самых значительных событиях... Да и что является самым важным: вагон невесть где добытой бумаги, на которой отпечатаны первые книги Ю. Германа, Н. Задорнова, В. Пановой, Е. Воробьева, А. Кожевникова, В. Инбер, О. Форш; с большим трудом отремонтированная и пущенная в работу еще одна печатная машина в Пятой типографии; освоенный из-за отсутствия переплетных тканей цельнобумажный переплет; работа над книгами «Библиотеки поэта»; организация литературного объединения молодых писателей; выпуск первой книги альманаха «Молодой Ленинград»?

Все это важно, в издательской деятельности нет мелочей. Каждая изданная книга — это кропотливая, самоотверженная, творческая работа редакторов, художников, корректоров,

техредов, выпускающих, всего коллектива издательства.

Я пишу эти заметки и вспоминаю моих друзей-сослуживцев, и молодых, которых принимал на работу, учил издательскому делу, кому передавал опыт, и тех, с кем проработал двадцать — тридцать лет (многие из них еще работают, а другие на заслуженном отдыхе). Вспоминаю и тех, кого давно уже нет. Им достались самые трудные послевоенные годы...

«ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ»

(Странички истории)

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» имеет свою предысторию.

«Издательство писателей в Ленинграде» — так называлось кооперативное товарищество, основанное в 1927 году группой писателей Ленинграда. Издавались здесь тогда прозаические, стихотворные и литературоведческие книги не только литераторов Ленинграда, но и Москвы. В первое его правление, которое переизбиралось каждый год, вошли М. Л. Слонимский, М. А. Сергеев, С. А. Семенов, М. Э. Козаков, К. А. Федин. Бессменным председателем его стал Федин. Заместителем — Козаков. Позднее в состав правления вошли Н. С. Тихонов, Б. А. Лавренев и А. Е. Горелов. Штатных редакторов в ту пору в издательстве не было. Редактировали прозаические книги Федин, Лавренев и Слонимский, поэзию — Тихонов, критику — Горелов. Когда количество издаваемых

книг возросло, к редактуре стали привлекаться и видные писатели — члены этого товарищества. Разумеется, вся эта работа велась на общественных началах.

Трудно переоценить роль этого самого большого кооперативного издательства в литературном процессе того времени, чему в большой степени способствовало и то, что именно Ленинград в те годы был литературным и полиграфическим центром страны.

В 30-е годы в этом издательстве печатались: А. Толстой, К.Федин, Б. Лавренев, М. Зощенко, А. Чапыгин, К. Чуковский, М. Шагинян, М. Слонимский, О. Форш, Вс. Иванов, Ю. Либединский, Л. Соболев, В. Шишков, Н. Заболоцкий, А. Прокофьев, П. Антокольский, В. Каверин, М. Козаков, О. Берггольц, Ю. Герман, В. Саянов, Л. Грабарь, Ю. Тынянов, Л. Канторович, Н. Тихонов и многие другие.

Здесь было начато изданием двенадцатитомное собрание сочинений А. Блока, предназначенное на экспорт.

Минуло немногим более полувека с той поры, когда в «Издательстве писателей в Ленинграде» вышла в свет последняя книга. Практика семилетней деятельности этого товарищества представляет несомненный интерес, особенно в наши дни.

Что же самое ценное в этом опыте?

Прежде всего следует отметить демократическое начало. Правление избиралось собранием пайщиков и было ему подотчетно. Решение о принятии рукописи к изданию утверждалось на заседании правления при наличии положительного отзыва двух его членов. Годовой план выпуска формировался из одобренных рукопи-

сей. Вот до каких пределов тогда была упрощена процедура издания книг.

В 1932 году по инициативе М. Горького в этом издательстве начала работу редакция «Библиотеки поэта».

Тихонов как-то рассказывал, почему именно Ленинград был избран центром «Библиотеки»: Ленинград — город поэтов, впитавших в себя лучшие традиции русской поэтической и переводческой школы. Здесь была база, которая позволила бы поставить дело широко и научно.

Площадь Островского, дом 4. Там в те годы размещалось «Издательство писателей в Ленинграде». Штат наемных работников был невелик: директор, ведающий хозяйственной и финансовой деятельностью, заведующий редакцией, два бухгалтера, художественный редактор, два корректора, один технический редактор и агент по снабжению. Этот небольшой штат обеспечивал выпуск более ста тридцати книг в год тиражами до десяти тысяч экземпляров.

Для художественного оформления книг приглашались лучшие ленинградские графики, для иллюстрирования отдельных книг привлекались такие известные мастера, как, скажем, Е. Кибрик, В. Козлинский, Л. Хижинский и другие.

Долгое время я разыскивал архив этого издательства и, уже потеряв надежду, совершенно случайно для себя обнаружил рукописи и корректуры в Институте русской литературы (Пушкинский Дом). На титульных страницах двухсот семидесяти книг дата выпуска — 1933 или 1934 годы, везде марка «Издательство писателей в Ленинграде». О чем могли рассказать

эти рукописи, хранящиеся в фонде под номером 630? О многих авторах, не перечисленных в начале этих заметок, о редакторах, которые оставили следы своей работы на полях рукописей, о времени отсылки в набор или о дате подписания в печать. Здесь не представляется возможным перечислить все имена писателей, чьи книги были изданы в последние два года. Назову лишь некоторых: Н. Заболоцкий, М. Зощенко, В. Каверин, Н. Клюев, А. Безыменский, Л. Канторович, Н. Брыкин, С. Абрамович-Блэк. А вот рукопись книги лирических стихов О. Берггольц, на титульной странице которой надпись — «В набор. Н. Тихонов. 26 октября 1933 г.»; на второй корректуре книги А. Безыменского «Стихотворения и поэмы» надпись редактора А. Горелова — «Можно печатать. 26 сентября 1933 года.» А на гранках книги П. Антокольского «Стихи и поэмы» надпись В. Саянова — «По исправлении ошибок можно верстать». Это перечисление можно продолжить.

Если теперь на издание книги тратится почти год, то тогда большинство книг этого издательства выходило в свет через два-три месяца после отсылки в набор. Представляет интерес и порядок выплаты авторского гонорара. Общая сумма, причитающаяся автору, делилась на время нахождения рукописи в производстве и выплачивалась помесячно. Это давало возможность писателю спокойно продолжать работу.

В 1983 году, когда я задумал написать эту книгу, я долго искал среди писателей старшего поколения тех, которым довелось сотрудничать в кооперативном «Издательстве писателей в

Ленинграде». Ими оказались мои хорошие знакомые Леонид Рахманов и Анатолий Горелов. Вот что мне тогда написал Леонид Николаевич:

«Рапповцы постоянно обвиняли это издательство в том, что оно печатало только книги «попутчиков». На самом же деле правление этого издательства во главе с К. Фединым печатало тогда лучшие произведения художественной литературы того времени...

...Директором издательства был Самуил Миронович Алянский, милейший человек, друг Блока, бывший подле него до самой его смерти...»

И далее Леонид Николаевич писал:

«...В 1929 году издательство ознакомилось с моей повестью «Племенной бог» (отличный отзыв написал известный переводчик и литературовед Д. И. Выгодский)... В 1931 году в сборнике «Решающий год» (Издательство писателей в Ленинграде) был напечатан мой большой очерк «Колхозники в океане». В 1933 году это издательство выпустило мою книжку „Базиль“...»

Трудная судьба выпала на долю ленинградского писателя Анатолия Ефимовича Горелова: тюрьма, лагеря. Анатолий Ефимович — наш давнишний автор, и как приятно мне было в архиве «Издательства писателей в Ленинграде», который хранится в Пушкинском Доме, полистать его самую первую рукопись «Путь современника» — о творчестве Михаила Слонимского. Не буду пересказывать всю биографию Горелова, скажу лишь, что в партию он вступил более чем шестьдесят лет тому назад, в 1927 году, и после реабилитации Комиссией

партийного контроля получил чудом уцелевший партбилет.

С 1934 года по день ареста в 1937 году Горелов — первый секретарь Ленинградской писательской организации. Он делегат Первого съезда писателей от Ленинграда.

В 1956 году к главному редактору Ленинградского отделения издательства Евгению Ивановичу Наумову пришел Горелов и принес свою рукопись «Подвиг русской литературы». В двух папках было более тысячи страниц. Кроме старшего редактора Сергея Спасского, Горелова в издательстве никто не знал, и к рукописи отнеслись с опаской. После первой рецензии стало ясно, что это незаурядная работа писателя. Любопытную историю написания ее рассказал мне сам Анатолий Ефимович:

«На обороте рабочих листков, которые тогда велись в лагерях на заключенных, не располагая справочной литературой, в условиях строгого лагерного режима, украдкой писались страницы будущей книги. Я жил верой, что настанет день, когда она будет напечатана. Опасно было держать при себе написанное, постоянно устраивался «шмон». Близкие друзья по лагерю, освободившиеся раньше, чем я, переправили страницы рукописи моей сестре в Москву. Хранила она «крамольную» для того времени рукопись на антресолях. Не хвастаясь, скажу, что уже на воле, готовя рукопись для пишущей машинки, сверяя с первоисточниками, я обнаружил только две ошибки...»

Выслушав Анатолия Ефимовича, я понял его нетерпение поскорей увидеть готовую книгу, выстраданную в столь необычных условиях. И

мы спешили порадовать автора сигнальным экземпляром книги, которая вышла в свет в первой половине 1957 года.

Тридцать лет прошло с тех пор, как Анатолий Ефимович впервые пришел к нам. Эти годы он много работал. Все свои книги он печатал только в нашем издательстве. В 1961 году были изданы «Очерки о русских писателях» — серия литературных портретов русских классиков. Книга вызвала интерес у широкого круга читателей и была рекомендована в качестве пособия в высших учебных заведениях; в 1964 и 1968 годах она была переиздана. В 1970 году появилась задуманная много лет назад книга «Гроза над соловьиным садом (Александр Блок)». «Три судьбы» — очерки-монографии о Ф. Тютчеве, А. Сухово-Кобылине и И. Бунине — это, по существу, продолжение «Очерков о русских писателях». Книга выдержала три издания. Отмечая восьмидесятилетие нашего автора в 1984 году, мы издали его «Избранное: Очерки о русских писателях. Статьи». В 1987 году была напечатана книга «Тропою совести». Общий тираж изданных у нас книг Горелова составил более четверти миллиона экземпляров, а общий объем — более четырех тысяч печатных страниц.

У нас не принято говорить о женах писателей, но в данном случае не могу не сказать несколько добрых слов о Розе Рафаиловне, жене писателя, которая вместе с ним в лагерях испила горькую чашу страданий. После освобождения Анатолий Ефимович тяжело болел, и только благодаря ее заботам он мог столь много сделать для литературы.

Так вот, о деятельности «Издательства писа-

телей в Ленинграде» Анатолий Ефимович рассказывал:

«Членом правления «Издательства писателей в Ленинграде» я был с 1929 года... На заседаниях правления распределялось, кому что редактировать, иногда привлекались редакторы со стороны, но очень редко. Производственная часть была сферой директора... Штатный художник М. Кирнарский тщательно оберегал особый стиль, присущий нашему издательству,— строгий, но в то же время отличавшийся устойчивым изяществом...

Любую рукопись прочитывали и рецензировали минимум два члена правления, если возникали сомнения — прибегали к дополнительному рецензированию. На заседаниях правления возникали и бурные дискуссии. «Трудные» рукописи специально дорабатывали с автором Федин, Слонимский, Лавренев...

Издавались рукописи без задержки, по мере их поступления, раза два-три согласовывали с отделом печати в Смольном.

После постановления о создании в 1934 году объединенного Союза писателей и возник вопрос о слиянии кооперативных писательских издательств...»

Здесь рассказ Горелова требует пояснений. Тридцать четвертый год был знаменателен тем, что шла подготовка к Первому съезду писателей. Весть о готовящемся решении создать издательство «Советский писатель» с его отделением в Ленинграде на базе слияния «Издательства писателей в Ленинграде», «Московского товарищества писателей» и еще двух кооперативных издательств — «Посредник» и «Север» — была воспринята ленинградскими ли-

тераторами неоднозначно. Многие боялись утраты самостоятельности, и надо сказать, что их опасения разделяли Федин, Слонимский и другие члены правления, и это несмотря на заверения М. Горького, что интересы ленинградцев не будут ущемлены.

В конце июня 1934 года было образовано оргбюро по созданию издательства «Советский писатель», в него вошли Федор Левин, Алексей Новиков-Прибой, Константин Федин и Артем Веселый.

Осенью 1934 года в Ленинград приезжает первый директор, он же главный редактор, издательства «Советский писатель» Федор Маркович Левин с целью организовать Ленинградское отделение издательства. В тот приезд он попросил Федина возглавить это отделение, но Федин вежливо отклонил предложение. По-другому к вопросу о создании Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» отнеслись Ю. Тынянов, В. Саянов и другие активные участники «Библиотеки поэта». Они понимали, что во вновь созданном издательстве книги «Библиотеки поэта» будут щедро печататься.

Теперь продолжим рассказ Горелова:

«...Ленинградцы были весьма встревожены, ибо опасались, что это осложнит процесс прохождения рукописей, лишит издательство известной гибкости, усилит сферу «канцелярщины». Поэтому ни Федин, ни Слонимский, ни Тихонов не соглашались отправляться в Москву подписывать соглашение о слиянии издательств, хотя были получены заверения, что Ленинград сохранит свою автономию и издавать будет лишь ленинградских писателей.

Подписывать соглашение о едином издательстве «Советский писатель» поехали в Москву лишь мы с Ефимом Добиным...»

Этими воспоминаниями Горелова мы завершаем рассказ об «Издательстве писателей в Ленинграде».

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

В ноябре тридцать четвертого года на титульных страницах книг, вышедших в свет в Ленинграде, стояла уже марка «Советский писатель».

С этой поры Ленинградское отделение и начало отсчет времени. Оно поселилось на втором этаже краснокирпичного здания № 122 внутри Гостиного двора, в нескольких комнатах с маленькими окнами. Все чаще и чаще по узкой крутой лестнице с деревянными перилами стали подниматься сюда писатели, приносили свои рукописи, приходили для разговора с редактором, за получением корректуры или не менее радостным событием — получением из кассы издательства аванса. Собирались и просто, чтобы поделиться новостями. Здесь всегда было многолюдно и шумно.

В маленькой комнатушке с деревянной перегородкой, где еле умещались два стола, расположилась редакция «Библиотеки поэта». Здесь допоздна засиживались Юрий Тынянов и Виссарион Саянов, которые тогда возглавляли эту редакцию.

Н. А. Брыкин (1895 — 1979)

Менялись директора. Вначале эту должность занимала Зоя Александровна Никитина, затем какое-то время Григорий Сорокин, позже долгое время в этой должности работал Николай Александрович Брыкин.

Как я уже говорил, на Волховском фронте, где в первый год войны части Четвертого Гвардейского корпуса вели тяжелые бои, началась моя фронтовая дружба с ним. Тогда и поведал он мне свою нелегкую жизнь. Тринадцатилетний мальчишка моет посуду в трактире, потом служит поваром в ресторане. В 1916 году был мобилизован в царскую армию. В начале 1917 года стал коммунистом. В гражданскую войну командир полка Красной гвардии, затем комиссар Красной Армии. В начале 30-х — редактор великолукской газеты. В эти годы стал писать, вступил в Союз писателей.

Жизненный и писательский опыт помог ему сформировать коллектив издательства, решать сложные хозяйственные вопросы.

За шесть предвоенных лет издательство «Советский писатель» выпустило в свет семьсот сорок названий книг. Из этого количества двести шестьдесят пять — это книги ленинградских писателей (в том числе сто пятнадцать книг «Библиотеки поэта»). Напечатаны они общим тиражом немногим более двух миллионов экземпляров. Нетрудно подсчитать, что средний тираж издания тогда составлял около девяти тысяч.

Не следует переоценивать результаты первых трех лет работы издательства, здесь уместно заметить, что большое количество готовых рукописей нам досталось в «наследство» от «Издательства писателей в Ленинграде».

В те теперь уже далекие годы здесь печатались произведения видных советских писателей.

Алексей Николаевич Толстой, несмотря на свой отъезд в Москву, продолжал сотрудничать с Ленинградским отделением издательства. За предвоенные годы здесь были изданы такие известные его произведения, как исторический роман «Петр Первый», повесть «Хлеб», романы «Гиперболоид инженера Гарина» и «Аэлита», повесть «Эмигранты».

Бывало и так, что сотрудничество с этим известным писателем приносило огорчения. Объявленный в планах выпуска 1939 и 1940 годов последний роман трилогии «Хождение по мукам» — «Хмурое утро» был у нас впервые напечатан только в конце 1941 года. Правда, когда срок сдачи рукописи по творческим соображениям откладывался, Алексей Толстой нас аккуратно об этом извещал письмом.

Одной из первых, изданных Ленинградским отделением, была книга известного советского писателя Александра Степановича Грина «Фантастические новеллы». Иллюстрации к этому изданию были напечатаны с гравюр хорошо известного в ту пору художника В. Козлинского. Автору не суждено было подержать в руках эту книгу. Двумя годами раньше он скончался в Старом Крыму от тяжелой болезни.

Александр Романович Беляев — один из основоположников советской фантастической литературы — постоянно сотрудничал с нашим издательством. В последние годы своей жизни он написал два новых романа: «Человек, нашедший свое лицо», изданный у нас в 1940 году, и «Ариэль», напечатанный в 1941-м. Эту книгу автор, к сожалению,

увидеть не смог. Прикованный тяжелой болезнью к постели, он скончался в оккупированном фашистами городе Пушкине в самом начале сорок второго года.

Интерес к творчеству одного из зачинателей советского исторического романа Юрия Николаевича Тынянова был настолько велик, что в 1935 году в нашем отделении были напечатаны за один год все его произведения — романы «Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара», повести «Подпоручик Киже», «Малолетний Витушишников» и «Восковая персона».

Год спустя выходят в свет две книги его романа «Пушкин». Вскоре издательство подписывает договор на рукопись третьей книги романа. Тяжелая болезнь автора прогрессирует, ему предоставлены отсрочки на рукопись. В конце 1939 года он сообщил в издательство, что роман он закончит к 15 марта 1941 года, но в начале апреля просит договор на третью книгу романа расторгнуть, потому что писать в это время он практически не мог. Вот несколько записей из дневника секретаря Тынянова Натальи Васильевны Байковой:

«Июнь 1941. ...Однажды вечером слушала изложение плана III части романа о Пушкине. Это, собственно, не план, а вдохновение — непередаваемый рассказ основных линий с поразительными подробностями...

Измученная болезнью память порой изменяла писателю».

Далее Байкова рассказывает:

«В следующий мой приезд он горестно и озабоченно спросил, не помню ли я, что такое он прошлый раз намечал писать о Пушкине,

у него нигде это не записано, и он плохо себе представляет, что он мне излагал... Я, насколько могла подробно, все ему напомнила. Он искренно удивился моей памяти, повеселел и с моих слов закрепил на этот раз все на бумаге».

Роман так и не был завершен. Двадцатого декабря сорок третьего года Юрий Николаевич скончался в Москве, не дожив до пятидесяти лет. Похороны этого большого писателя, по рассказам очевидцев, были скромными. В печати не было ни одной строчки о его смерти.

Постоянным автором издательства в эти годы был Лев Владимирович Канторович, человек незаурядных способностей и необычной биографии: участвовал в арктической экспедиции на «Сибирякове», служил в пограничных войсках. Канторович был одаренным художником. В 1939 году издательство готовило к изданию две его новые повести — «Бой» и «Капитан Коршунов». Вместе с рукописями Лев Владимирович сдал в издательство двадцать нарисованных им иллюстраций, переплет и титул. Эти работы и сегодня составили бы честь хорошему книжному графику. И сейчас, перечитывая эти книги, по отдельным деталям видишь, что написаны они человеком, обладавшим, помимо писательского дара, талантом художника.

Есть писатели, верные одной теме. Таким был писатель-маринист Сергей Колбасьев. Все его книги — о море, герои его книг — военные моряки. За сравнительно короткую жизнь (42 года) написал семь книг.

В Ленинградском государственном архиве литературы и искусства я знакомился с матери-

аламами, связанными с жизнью и творчеством Сергея Колбасьева.

Сергей Адамович Колбасьев родился на исходе прошлого столетия. После окончания Морского кадетского училища молодой офицер в первые годы Советской власти командует дивизионом канонерских лодок минных заградителей. В 1922 году переходит на дипломатическую работу, работает в полпредствах Финляндии и Афганистана, в совершенстве владеет пятью языками (немецкий, английский, французский, шведский и язык фарси).

Я узнал, что Сергей Адамович, пусть и не долгое время, был причастен также и к цеху издателей, когда А. В. Луначарский пригласил этого образованного морского офицера на работу в издательство «Всемирная литература». Обрадовало меня и то, что с первых дней создания Ленинградского отделения «Советский писатель» он стал здесь сотрудничать, издав в 1935 году книгу рассказов «Правила совместного плавания», а в 1936 году была напечатана его новая книга «Военно-морские повести». Вскоре он был арестован и погиб в октябре 1942 года. «Место смерти не установлено» — так гласит справка в личном деле писателя.

И вот спустя почти двадцать лет издательство вновь вернулось к его повестям и рассказам, издав книгу «Поворот все вдруг» с послесловием Виктора Конецкого.

Когда в Ленинградском государственном архиве литературы и искусства я просматривал уцелевшие документы о работе отделения в предвоенные годы, меня все время не покидала мысль, как маленький штат сотрудников, на-

считывающий тогда всего двадцать человек, справлялся с довольно большим объемом работы.

Из отчета директора отделения издательства Брыкина на заседании редакционного совета узнал, что в предвоенном сороковом году отделение издало пятьдесят два названия книг общим тиражом четыреста пятьдесят тысяч экземпляров.

Последующие страницы архива рассеяли мое недоумение относительно того, как при отсутствии штатных редакторов можно было тогда справиться с редактированием 800 листов авторского текста — это столько, сколько составлял объем выпущенных книг за год. Так вот, в аккуратно подшитых страницах архива были и издательские договоры с писателями на редактуру книг плана этого и последующего года. Вот далеко не все имена редакторов и авторов, чьи книги они редактировали: В. Рождественский — книгу А. Прокофьева, М. Слонимский — Полное собрание сочинений М. Зощенко, Ю. Тынянов — «Из шести книг» А. Ахматовой, П. Капица — книгу Б. Четверикова, В. Саянов — книгу И. Соколова-Микитова. Даже этот далеко не полный список рассказывает о месте, которое занимало издательство в литературном процессе Ленинграда тех лет.

Было бы несправедливо, если бы в этих записках я не отметил, что Союз писателей СССР постоянно заботился о совершенствовании форм издательской деятельности. В качестве подтверждения сказанного приведу лишь две выдержки из «Положения о Ленинградском отделении издательства «Советский

писатель», утвержденного президиумом Правления Союза 31 мая 1940 года. Это положение подписал член Правления, известный писатель Алексей Силыч Новиков-Прибой — автор широко известной эпопеи «Цусима», два тома которой были напечатаны в «Советском писателе» еще в 1934—1936 годах. Два пункта из этого Положения не утратили значения и сегодня:

«В задачу отделения входит выдвижение и выращивание молодых писателей, организация для них литературно-художественной и политической консультационной помощи путем привлечения лучших писательских сил, издание произведений молодых писателей как отдельными книгами, так и в альманахах...

П.4. В целях способствования привлечению писателей к активному участию в работе отделения при директоре отделения состоит редакционный совет, являющийся органом совещательного характера...»

Успешно начался для издательства и 1941 год. Количество книг, подготовленных и намеченных к выпуску, обещало быть рекордным. За четыре месяца было издано двадцать две книги. Среди них — первая книга в нашем издательстве С. Бытового «На Тихом океане», сборник рассказов И. Кратта «Дом среди тундры», «„Сын старика“ и другие рассказы» Л. Канторовича, «Перед порогом» — роман С. Спасского. Единственная при жизни книга стихов Бориса Кострова «Заказник», в которой насчитывалось всего шестьдесят страниц, вышла в свет за несколько месяцев до начала войны, с которой поэту не

суждено было вернуться, 14 марта 1945 года он скончался от тяжелого ранения.

Рассказ о годах предвоенной деятельности Ленинградского отделения издательства хотелось бы закончить историей издания двух книг.

Одна из них — это роман Н. Пинегина «Георгий Седов», первая часть которого вышла в свет в первые месяцы войны и тираж которого почти полностью погиб при попадании бомбы в книжную базу. Сам Николай Васильевич скончался в октябре 1940 года.

Что знает сегодняшний читатель о Николае Васильевиче Пинегине? Пожалуй, ничего, последняя его книга вышла в 1947 году.

Николай Васильевич прожил недолгую жизнь, всего пятьдесят семь лет. Из них почти четверть века были отданы исследованию Севера. Ученик средней художественной школы в Казани, студент Академии художеств, в это время он совершает свои первые поездки на Север — из реки Камы по заброшенному Екатерининскому каналу в Вычегду и Северную Двину. В 1908 году он поехал в Лапландию и на Мурман (места малоизвестные в ту пору) и, вернувшись, впервые написал о Севере, которому впоследствии отдал всю жизнь. На полученные сто рублей гонорара снарядил небольшую экспедицию на Новую Землю. Там познакомился и подружился с Седовым. В 1912—1914 годах на шхуне «Святой Фока» участвовал в экспедиции Георгия Седова к Северному полюсу. Кем только он не был в этой экспедиции: историком, художником, кинооператором, штурманом, метеорологом и, наконец, капитаном, который вместе с Владимиром Юльевичем Визе привел «Святую Фоку» на

Большую землю. Георгия Яковлевича Седова уже не было в живых,— не достигнув Северного полюса, он скончался 5 марта 1914 года.

Н. Пинегин привез из этого путешествия не только наброски будущей книги, но и замечательные этюды, отмеченные в 1917 году премией имени А. И. Куинджи.

После похода на «Святом Фоке» были и другие экспедиции, в которых этот неугомонный полярный исследователь и мореплаватель принимал участие. Летал над Арктикой вместе с известным полярным летчиком Б. Чухновским. Возглавлял экспедицию Академии наук на Новосибирских островах. Построил вторую по счету советскую полярную станцию на Большом Ляховском острове и дважды там зимовал. В 1932 году возглавил экспедицию на Землю Франца-Иосифа на ледоколе «Малыгин». Писатель Соколов-Микитов рассказал мне, как он уговорил Пинегина взять и его в эту экспедицию. О Пинегине можно бы написать еще очень много, вряд ли кто-либо из знакомых мне писателей мог бы похвастать такой сказочной биографией.

Может быть, историю рукописи Андрея Николаевича Лескова «Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям» я бы опустил в своих записках из чувства ложного стыда. Мне не хотелось ворошить то обстоятельство, что тогдашнее руководство издательства с начала сорокового года долгое время не занималось этой рукописью, и это несмотря на

положительные отзывы М. Горького и известного литературоведа В. А. Десницкого. И только после личного вмешательства Жданова эта рукопись в сентябре 1941 года была подготовлена к набору. Но злой рок преследовал это издание: в конце 1941 года в результате артиллерийского обстрела рукопись была похоронена под обломками здания.

Что же заставило меня вернуться к этой истории?

В мартовском номере «Литературной газеты» за 1986 год я прочел статью Григория Бакланова под заглавием «Становится нормой?» — письмо Л. А. Аннинскому. В статье, в частности, идет разговор о втором экземпляре рукописи А. Лескова, и это побудило меня рассказать все, что я знаю об этой истории. Но вначале строки из письма Бакланова:

«...А теперь о Вашем предположении, как погибла рукопись Андрея Николаевича Лескова, дело его жизни, два тома, написанных об отце (которые после войны он написал заново, будучи уже в преклонных годах). Ваше предположение просто: «...Спасаясь от холода, сжег ее на исходе первой блокадной зимы». Каждый, кто читал эти книги, мог убедиться, какой высокой нравственности и чувства долга был этот человек. Предполагать Вы вольны что угодно, но, не проверив, печатать предположение, бросающее тень на человека, которого уже нет, который не может защитить себя!..

...Свое предположение, что Андрей Николаевич Лесков якобы сжег рукопись об отце, писателе Лескове, чтобы согреться у этого огня,

Вы обосновали в статье в журнале «Новый мир» вот чем: „Как бы то ни было, а пережить первую блокадную зиму в Ленинграде ни одна рукопись шансов не имела. Вся бумага: архивы, библиотеки — все сожжено было в печках в первую зиму вслед за мебелью...“»

Здесь я обрываю цитаты из этой статьи, чтобы рассказать о тех материалах, с которыми мне удалось ознакомиться в ЛГАЛИ.

Вот что собственноручно пишет в конце 1939 года Андрей Николаевич Лесков в своем письме Правлению Ленинградской писательской организации:

«После демобилизации и получения в 1931 году персональной пенсии республиканского значения, приобретя досуг, полностью исключавшийся на остро-многоработных должностях в больших масштабах, целиком посвятил себя розыску «растерянного Лескова», изучению всего творческого и эпистолярного его наследия, составлению картотек (свыше 15 тысяч записей сейчас)... Наконец, после многолетнего подбора материалов, сел писать до сих пор отсутствующую биографию Лескова. Писал почти пять лет. Вышло почти шестьдесят листов. Но лежавший на мне долг перед русской литературой и нашей общественностью выполнил — написал ее».

Началась война, Андрей Николаевич долго не покидает Ленинград и только в августе 1942 года был, как он сам писал, «принудительно эвакуирован по преклонности лет» в поселок Кратово, что в сорока километрах от Москвы. Позже он переезжает в Москву, где вновь начинает работу над монографией, изданной в 1954 году.

Вернувшись из эвакуации, Лесков пишет заявление в президиум Ленинградской писательской организации, в котором просит объявить благодарность управхозу дома №1/2 по Петровской улице М. Сысоеву, который в квартире 46, где проживал писатель, сохранил в период блокады материалы по биографии и библиографии (а мы уже с вами знаем, что там было 15 тысяч карточек) о Николае Лескове. Президиум Союза писателей 13 декабря 1946 года за сохранение «Лесковианы» объявляет благодарность М. Сысоеву.

Как же теперь быть с домыслами Л. Аннинского? Ведь по логике его рассуждений Лесков вначале должен был сжечь архив, тем более что там и бумаги было значительно больше, чем в оригинале рукописи.

Был бы рад, если рассказанным я помог Григорию Бакланову защитить доброе имя Андрея Николаевича Лескова.

Вот на этом я и хотел бы закончить рассказ о предвоенных годах деятельности издательства и его роли в литературной и культурной жизни тех лет.

УШЛИ НА ВОЙНУ ПИСАТЕЛИ

Ушли на фронт сотрудники издательства, способные носить оружие. Первым был призван Николай Брыкин; выполнять директорские обязанности по совместительству стал Павел Федорович Герасимов, известный тогда в писательском и издательском мире директор Ленинградского отделения Гослитиздата. При

тусклом свете коптилок продолжали работу корректоры, техреды, выпускающие, производственной деятельностью руководил хорошо знавший издательское и типографское дело Г. Драгунский. Главный редактор Александр Михайлович Семенов был единственным редакционным работником.

Ушли на войну писатели... В блокадном, голодном и холодном, городе остались те, кто из-за болезни или преклонного возраста был освобожден от военной службы. Все они считали себя мобилизованными и собирались пером вместо штыка сражаться с врагом.

По призыву Союза писателей в короткий срок была написана серия малообъемных книг. Это были короткие повести и рассказы о героизме русского воина. Написать художественное произведение в малом объеме было не просто, но это диктовалось обстоятельствами военного времени. Боец должен был успеть прочитать такую книжечку за короткое время относительного затишья на фронте.

Работники издательства и типографии построили свою работу так, что на издание стотысячного тиража уходило всего два-три дня. Запакованные в пачки книги из ворот типографии доставлялись на передовые позиции, в воинские части, в окопы.

Не имея возможности рассказать содержание их, назовем хотя бы авторов и названия книг.

Писательницы Антонина Голубева и Дина Бродская написали повесть «Разъезд 105». Одиннадцать страниц насчитывал очерк Вениамина Каверина «Салют». Настолько велико было желание помочь фронту, что литера-

туровед Борис Казанский, не писавший до этого времени художественных произведений, в короткий срок написал книжечку «Счетовод Протасьев — рассказ артиллериста». Вера Кетлинская, в ту пору первый секретарь Союза писателей Ленинграда, написала в этой серии (инициатором которой она была) рассказ «Скорость». Писатель Иван Кратт помимо запланированной книги «Дом среди тундры» написал рассказ «Партизаны». Наш давний автор Павел Лукницкий написал книгу рассказов «Друзья». Автор очень многих книг, изданных в нашем издательстве, Николай Никитин в соавторстве со Всеволодом Лебедевым напечатали в этой серии две книжечки — «Удар Брусилова» и «Чапаев на германском фронте». Кроме названных книг в ту пору было напечатано два сборника ленинградских писателей «Родина зовет».

Помимо издания книг этой серии, усилия издательства в сложных условиях военного времени были направлены на издание еще целого ряда тематически важных книг: Борис Лавренев — «Ветер с моря. Рассказы о Балтийском флоте», Борис Лихарев — «Записки сапера», Григорий Мирошниченко — «Танкист Дудко», Леонтий Раковский впервые опубликовал свой роман «Генералиссимус Суворов», Евгений Федоров — «Повесть о храброй и героической партизанке Василисе», Сергей Хмельницкий — «Ярославич».

Может быть, имеет смысл сейчас подумать над тем, чтобы собрать под одним переплетом эти маленькие повести и рассказы грозового сорок первого года. Эта книга была бы хорошим памятником защитникам Ленин-

града, писателям и издателям блокадного города.

Пятьдесят одну книгу успел выпустить коллектив отделения до того дня двадцать второго сентября сорок первого года, когда от разорвавшегося снаряда обрушилось здание издательства. Под обломками оказались многие сотрудники, пять из них были заживо погребены; погибло много рукописей и корректур. С того дня до конца войны Ленинградское отделение издательства прекратило свою деятельность...

* * *

Из осажденного города с разными оказиями рукописи ленинградских писателей доставлялись в Москву. В «Советском писателе» в военные годы были изданы: «Ленинградская тетрадь» и поэма «Ленинград» Ольги Берггольц, «Избранные стихи» Анны Ахматовой, «Ленинградские рассказы и стихи» и «Огненный год» Николая Тихонова, «Закон жизни» Ивана Кратта, «Мы стали другими» —рассказы Вениамина Каверина, «Вахтенный журнал» — стихи Юрия Инге, погибшего во время перехода военных кораблей из Таллинна в Ленинград, повесть «Председатель горсовета» Михаила Слонимского, «Повести о русских воинах» — стихи Виссариона Саянова, «Рассказы разных лет» Николая Никитина, «Ветер странствий» Ильи Авраменко. «Мой светлый край» — стихи Николая Брауна. Часть тиражей этих книг была доставлена в Ленинград для воинов переднего края.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Не прошло и двух месяцев с момента окончания войны, еще не успели вернуться из армии писатели, сотрудники издательства, а в Москве уже велись хлопоты о начале работы Ленинградского отделения издательства. Поначалу это были робкие шаги. В Ленинграде было создано представительство из четырех человек, возглавил его директор Книжной лавки писателей Г. Рахлин. В задачу этой группы входило повседневное наблюдение за прохождением заказов издательства на полиграфических предприятиях Ленинграда.

Тем временем в Москве, в Союзе писателей принимается решение возобновить с 1 января 1946 года деятельность Ленинградского отделения издательства, утверждается положение и штаты.

В июле 1945 года с готовыми для печати рукописями в Ленинград приезжает директор издательства «Советский писатель» Георгий Алексеевич Ярцев. В одной из комнат Лавки писателей, где тогда ютились работники издательства, он проводит первое послевоенное производственное совещание. Ярцев поручает ленинградцам в счет выделенных лимитов обеспечить набор и печать привезенных рукописей, организовать весь издательский процесс.

Октябрь этого же года. Рахлин на заседании правления писательской организации рассказал, что из четырехсот листов рукописей, находящихся в наборе, сто двадцать пять листов — это рукописи книг ленинградских авторов.

Все надо было начинать сначала. Из прошлого ничего не сохранилось. Помещение, где раньше размещалось издательство, было полностью разрушено, рукописи остались под завалами. Авторский актив, без которого немыслима плодотворная работа писательского издательства, надо было заново собирать. Предстояло выяснить, над какими произведениями работают писатели, как скоро можно получить от них рукописи. Реальные предложения надо было без промедления закрепить договорами.

На вакантные места следовало подбирать знающих и любящих издательское дело работников.

И самое главное, без чего немыслима любая издательская деятельность, нужны были лимиты на полиграфию, бумагу и переплетные материалы. Все это требовало немедленного решения, а ведь война только что закончилась.

Нам очень помогал А. А. Прокофьев. Теперь, четыре десятилетия спустя, возвращаюсь мысленно к первым послевоенным годам работы издательства. О нуждах Ленинградского отделения издательства Прокофьев писал в обком, в ЦК ВКП(б). В декабре сорок пятого высшей инстанцией принимается решение закрепить за издательством «Советский писатель» ленинградскую типографию № 3.

Секретарь Центрального Комитета партии, первый секретарь Ленинградского обкома Алексей Александрович Кузнецов, человек крайне перегруженный государственной и партийной работой, находил время, чтобы заняться поисками помещения для издательства, типографских красок, марли для шитья книг. В делах издательства сохранилась копия его

указания городскому торговому отделу об отпуске пятисот килограммов растительного масла, необходимого при изготовлении белил для цветной печати, и это в ту пору, когда ленинградцы по карточкам получали это масло. Дважды приезжали инструкторы Центрального Комитета партии, два энергичных молодых человека, которые занимались изысканием оборудования для закрепленной за нами типографии,— фамилий их сейчас не помню. А вскоре по указанию Кузнецова издательству были предоставлены три комнаты на Малой Садовой улице. Но даже и этих мер было мало для решения задач, которые жизнь выдвигала перед издательством.

В конце августа Брыкин вручил мне документ — это было постановление Совмина СССР за № 1726 от 2 августа 1946 года «О мерах помощи издательству «Советский писатель». О том, что такое постановление готовится, мы были предупреждены, но масштабность его поразила нас. В нем, в частности, было сказано:

«1) Обязать ОГИЗ РСФСР отпечатать и изготовить до 1 января 1947 года один миллион экземпляров произведений советских писателей, в том числе 400 тысяч до 1 октября 1946 года.

2) Обязать директора издательства «Московский рабочий» тов. П. Чагина ежемесячно выполнять 70 листов набора и 2 миллиона листов-оттисков печати.

3) Поручить издательству Советской военной администрации в Германии отпечатать до конца 1946 года с матриц двадцать произведений объемом 2 миллиона листов-оттисков.

4) Обязать Министерство целлюлозно-бумажной промышленности выработать и поставить в четвертом квартале 1946 года триста тонн бумаги.

5) Госплану предусмотреть выдачу в 1947 году издательству «Советский писатель» 1500 тонн печатной бумаги.

6) Освободить издательство «Советский писатель» от взимания налогов с дохода».

И дальше идет указание о персональных окладах и литерных продуктовых карточках для работников издательства.

Но больше всего поразило всех нас в этом документе, что подписан он был лично Сталиным.

Постановление это, кстати сказать, появилось как нельзя более вовремя. 1947 год — год тридцатилетия Советской власти. Союз писателей принимает решение ознаменовать этот праздник изданием «Библиотеки избранных произведений советской литературы 1917—1947 годов».

Этот правительственный документ позволил издательству значительно увеличить выпуск книг и продвинуть издание этой юбилейной серии, о чем можно судить на основании некоторых цифр, которые я хочу назвать: в 1946 году было издано 108 названий книг общим тиражом 2 миллиона экземпляров, в том числе по Ленинграду 15 названий тиражом 300 тысяч экземпляров. В 1947 году издано 183 названия, 7,5 миллионов экземпляров, по Ленинграду 41 название и почти 900 тысяч экземпляров.

Тысяча девятьсот сорок шестой год... В маленьких полутемных комнатах на Малой Са-

довой собираются только что демобилизовавшиеся из армии Брыкин и главный редактор Г. Э. Сорокин, редакторы, корректоры, техреды, выпускающие. Приступил к работе и редактор «Библиотеки поэта» А. Г. Островский. Первый секретарь Ленинградской писательской организации Прокофьев помогает формировать авторский коллектив, первый редсовет. Пользуясь большим авторитетом в партийных и советских органах, он добивается решения ряда важнейших хозяйственных вопросов: выделения бумаги, прикрепления к издательству типографии, предоставления складских помещений. В первый послевоенный год в отделении выходят из печати всего одиннадцать прозаических и стихотворных книг ленинградских писателей и две книги серии «Библиотека поэта».

Из почтового вагона московского поезда издательский пикапчик привозит почту. Здесь рукописи: Д. Нагишкина «Сердце Бонивура», Ю. Слезкина «Брусилов», Н. Вирты «Одиночество», А. Фадеева «Разгром», А. Гудзенко «После марша». Главный редактор отделения Сорокин подписал в набор и рукописи ленинградских писателей. Все рукописи из-за отсутствия рабочих мест уносят работающие на дому корректоры и техреды. Кто же они, наши первые корректоры и техреды?

Хорошо знавший классическую литературу и латынь седовласый П. Е. Суздальский, учитель словесности З. Н. Петрова и вечно спорившая с редакторами из-за языковых погрешностей С. М. Пинус, А. А. Кирнарская, работавшая еще с Ю. Н. Тыняновым, С. И. Брусиловская, Р. И. Сквирская и В. Г. Комм, в совер-

шенстве знавшие каноны технической редактуры. Это они вместо гранок впервые в практике книгоиздания стали верстать в рукописи макеты страниц будущих книг советских поэтов и томов «Библиотеки поэта».

В те далекие годы редакторы, корректоры и технические редакторы заложили основы культуры книгоиздания. Эта традиция и сейчас живет в книгах, выпускаемых издательством «Советский писатель».

В 1946 году, как уже было сказано, за издательством закрепляется как основная полиграфическая база старейшая типография страны, созданная в 1721 году по именному указу Петра Первого. По легенде, Петр Первый собственноручно изготовил первый печатный станок. Типография в ту пору была приписана к сенату, издавала рескрипты и именные указы Петра.

Любопытен и такой факт: в 1933 году свою трудовую деятельность в качестве корректора иностранного текста в этой типографии начал Д. С. Лихачев, ныне действительный член Академии наук СССР и давний автор нашего издательства.

Мое знакомство с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым началось много лет тому назад. Тогда, в сорок восьмом году, он стал сотрудничать в «Библиотеке поэта», подготовив к изданию рукопись «Слово о полку Игореве». Книга, в которой он выступил как автор вступительной статьи и примечаний, а также осуществил редактуру текста, вышла в свет год спустя. Позже мы еще встречались по поводу двух изданий «Слова» и книги «Демократическая поэзия XVII века».

В 1980 году он часто заходил в производственный отдел по поводу корректуры своей книги «Литература — реальность — литература». В марте следующего года Дмитрий Сергеевич пришел в издательство, чтобы подарить своим издателям первые экземпляры книги. На экземпляре, предназначенном мне, была следующая надпись: «...С благодарностью и на память о нашем многолетнем знакомстве от потомственного полиграфиста и типографщика». Вокруг автографа я насчитал нарисованные его рукой шестнадцать летающих птичек в лучах солнца, это как бы символизировало наши теплые, дружеские отношения.

Долго я недоумевал: академик, и вдруг — «потомственный полиграфист и типографщик»...

В 1983 году, когда писались эти воспоминания, я послал Дмитрию Сергеевичу письмо с просьбой сообщить подробности подготовки им издания «Слова о полку Игореве», а также просил его разъяснить, как понимать в дарственной надписи на форзаце книги упоминание «Потомственный полиграфист и типографщик». Вот что он ответил мне:

«Мой отец работал в различных типографиях (больше всего на Печатном Дворе и в типографиях им. Евгении Соколовой, а также у Ивана Федорова и др.). Он был инженер-электрик, но стал специалистом по типографским машинам. В детстве я жил с семьей в казенной квартире при Печатном Дворе (Гатчинская ул., 26). По окончании университета

первая моя служба была (более года) в 1933—34 гг. корректором по иностранным языкам в типографии «Коминтерн» (Красная, 1). Оттуда я был переведен в издательство АН СССР в 34 году, где работал до 37 г. включительно. С конца 37 г. я работал в Пушкинском Доме. В издательстве АН СССР я работал ученым корректором (обязанности ученого корректора были несколько шире, чем просто корректора,— «ученый корректор» был и вычитчиком, и литературным редактором, и техредом). Отсюда (из типографии и издательства) мой интерес к текстологии. В издательстве совместно с другими я составил «Справочник для корректоров издательства АН СССР». Был напечатан типографски.

Издания «Слова», в которых я участвовал, дают некоторые новые толкования, прочтения и комментарии.

Желаю Вам успеха в Вашей работе.

Искренне Ваш. *Д. Лихачев*. 31/III 83 г.»

Получив ответ на мое письмо, я был очень обрадован, узнав хоть это немногое из жизни Дмитрия Сергеевича. Но он обошел молчанием тот факт, что в первом издании «Слова» был опубликован его прозаический перевод с древнерусского.

Обратил я внимание и на некоторую несогласованность в датах его биографии.

Известно, что Д. С. Лихачев закончил Ленинградский государственный университет летом двадцать восьмого года, а «первая служба», по его письму, началась в 1933 году. Где же он был все эти годы? Оказывается, там, где находилась лучшая часть советской

интеллигенции в годы сталинских репрессий.

Дмитрий Сергеевич был арестован (вскоре после окончания учебы) в октябре двадцать восьмого года и этапирован в Соловецкие лагеря.

Совсем недавно в один из вечеров я смотрел документальный фильм Марины Голдовской «Власть Соловецкая» и слушал рассказ Лихачева о трагических годах его жизни, как чудом он избежал расстрела, потом участвовал в строительстве Беломорско-Балтийского канала и был досрочно освобожден как ударник труда с правом прописки в любом городе.

Известно, что тогда с клеймом «врага народа», хотя и досрочно освобожденного, было нелегко подыскивать работу, с трудом он тогда устроился корректором типографии...

В конце 1945-го и весь 1946 год под толстыми сводами бывшей Сенатской типографии шли реконсервация и ремонт оборудования, печатного парка и здания.

Возвратились на работу уцелевшие после войны и блокады наборщики, печатники и переплетчики. Их осталось немного. Начали обучать сложным полиграфическим профессиям молодежь, в большинстве своем — девушек.

Когда в начале 1946 года мы с Брыкиным приехали в типографию, то увидели у наборных касс, за линотипами, у печатных и швейных машин, в окружении старых рабочих низкорослых подростков, перенесших блокаду. Они с большим интересом постигали полиграфические премудрости.

Типография тогда работала в три смены. С большими сложностями осваивали словно забытые за годы войны процессы выпуска книг художественной литературы. Директором типографии тогда был старый подпольщик А. М. Рымкевич. В его кабинете на кожаном диване — аккуратно сложенная солдатская постель. Здесь он часто ночевал.

Работа осложнялась тем, что промышленность не могла в полной мере обеспечить издательство переплетными тканями. Пришлось осваивать цельнобумажные переплеты. Как дорогие реликвии храню я на моей книжной полке выстраданные книги тех лет. В то время писатели были частыми гостями типографии. Читали стихи, рассказывали о том, как пишутся книги. Теплая атмосфера товарищества писателей и полиграфистов помогала в трудные послевоенные годы выпуску книг.

...Вспоминая эти годы, мы и потом часто организовывали такие встречи. Бывало, собьется с четкого, напряженного ритма работы издательский механизм. Мало ли для того причин: то вовремя не поступила бумага, то печатная машина сломалась, то на Московской товарной затерялся контейнер с переплетными материалами. Или автор такую правку корректуры учинил, что хоть заново делай набор. Нависает угроза невыполнения плана. А не хватает-то всего двух-трех рабочих смен...

И вот в обеденный перерыв в печатном цехе типографии — Юрий Герман. (Здесь в это время печаталась его повесть «У студеного моря».) Юрий Павлович был замечательным рассказчиком. Слушали его всегда с большим

интересом. Тепло, с юмором он рассказывал о прототипах своих героев, о том, как рождается замысел будущей книги, о нелегком писательском труде. Как по многу раз переписывает он один и тот же эпизод, переделывает одну и ту же сцену. Как среди ночи усаживается за стол, чтобы написать всего несколько строк... И вдруг, застенчиво улыбнувшись, словно стесняясь своей слабости, говорит о том, как всегда радуется сигнальному экземпляру, каким волнующим бывает для него этот момент — момент превращения рукописи в книгу, с каким нетерпением он ждет появления книги на прилавках магазинов и читательских писем. После таких встреч уже никого в типографии не надо было уговаривать поработать дополнительную смену в воскресный день.

Старые печатные и швейные машины, часто простаивавшие на ремонте, мало обученная полиграфическим специальностям молодежь — все это вместе взятое обеспечивало выпуск типографией только двух-трех книг в месяц. Типография с большими трудностями наращивала мощности.

Я уже рассказывал, что решение правительства помогло издательству в трудную пору, остается лишь добавить, что к изданию книг в то время были подключены все полиграфические предприятия нашего города. До пуска Тульской типографии (построенной на средства издательства) в Ленинграде печаталось более шестидесяти процентов всех изданий.

Посещая цеха типографий «Печатный Двор», имени Володарского, «Ленинградской правды» и типографии № 5, приятно было наблюдать, как ловкие руки девчат бегают по

клавиатуре наборных машин,— здесь идет набор. Тем временем в печатных цехах на машинах идет печать книг Георгия Березко «Ночь полководца», Эльмара Грина «Ветер с юга», Бориса Горбатова «Обыкновенная Арктика», Георгия Холопова «Огни в бухте», Ольги Форш «Михайловский замок».

На переплетных участках у ниткошвейных машин в ярких косынках молодые работницы, они сшивают тетради книг. На крылатках идет вставка сшитых блоков в переплетную крышку. Рядом укладываются в штабеля упакованные пачки готовой продукции. Здесь еще пахнущие типографской краской и клеем книги В. Пановой, Н. Вагнера, В. Инбер, Е. Воробьева, С. Маршака. Наши сотрудники А. Пюльканен и Л. Красильникова ведут качественную приемку готовых книг.

...Дождливый осенний день 1946 года. В отделение приехал завпроизводством центрального издательства Соколов — умный, хорошо знающий издательское дело, не по годам подвижный человек. Ознакомившись с производственным портфелем, Соколов наскоро просматривает графики выпуска юбилейной серии, мы торопимся на совещание с полиграфистами.

Два часа дня. В кабинете начальника Управления полиграфии Л. Грушко собрались почти все директора типографий города. Идет обсуждение сроков набора, матрицирования и печати семидесяти книг из стотомной «Библиотеки избранных произведений советской литературы 1917—1947 годов». «Библиотека», издаваемая к 30-летию Советской власти, заинтересованно встречена полиграфистами. Гра-

фики с некоторыми уточнениями приняты. Скоро начался и выпуск этих книг.

Помню, как в тесном номере «Европейской» гостиницы главный художник К. М. Буров, ленинградские художники В. В. и Л. Г. Петровы, удостоенные на лейпцигской выставке медали «Гран-При» за рисунки к повести М. А. Шолохова «Судьба человека», старший художник издательства М. Е. Новиков, заведующая производством отделения Н. А. Савелова обсуждали макет иллюстрированного издания этой книги.

Немногим позже вышли в свет иллюстрированные издания В. Кетлинской «Дни нашей жизни», В. Пановой «Спутники», Э. Казакевича «Звезда».

Радостным событием для нас, издателей, был и выход иллюстрированного издания поэтической книги А. Прокофьева «Гроздья» с рисунками и оформлением Новикова. На международной выставке книга была отмечена дипломом, а Новиков был награжден серебряной медалью ВДНХ.

Как это ни парадоксально звучит сегодня, сроки выхода книг тогда составляли не более шести месяцев, а большой роман Г. Севунца «Тегеран» был выпущен за три месяца.

В Ленинград часто приезжали писатели, книги которых печатались у нас. Помню, как над корректурой рассказов «Пехотная гордость» в 1946 году работал мой старый друг Е. Воробьев. В 1948 году корректуру романа «Строговы», своей первой книги в «Советском писателе», читал Г. М. Марков. Он вспомнил об этом, когда в один из летних дней 1973 года

вместе с Ю. Верченко посетил наше Ленинградское отделение.

В конце беседы Георгий Мокеевич обратился ко мне:

— А помните, как в 1948 году на Малой Садовой, где тогда размещалось отделение, мы в коридоре снимали вопросы в корректуре моей книги «Строговы»? Четверть века прошло с тех пор, а я хорошо помню этот день. Тяжелое это было время для издательства. Как радостно было потом держать в руках сигнальный экземпляр этой книги!..

Работу издательства не сравнишь ни с какой другой. Издательский процесс необычен тем, что здесь слились воедино творчество и производство, искусство и промышленность.

Замечу, что многие писатели Москвы стремились напечатать свои книги в ленинградских типографиях, ведь Ленинград был одним из крупнейших полиграфических центров страны.

Приведу отрывок из письма Павла Григорьевича Антокольского от 13 мая 1971 года:

«Прежде всего позвольте поблагодарить Вас от всего сердца за то, что Ваша редакция, и особенно Ваши технические работники, легко и сравнительно быстро справились с версткой моей книги «Сказки времени». Ведь эта верстка оказалась настолько благополучной, что хозяева издательства Москвы решили обойтись без сверки, сразу подписали верстку в печать, и она уже у Вас в Ленинграде... Я уже далеко не молод и видел всякие виды в наших издательствах, но на моей старой памяти этот случай не то что редчайший, но и просто единственный! Кого же тут благода-

рить, как не Ленинградское отделение издательства?..»

Теперь, уже много лет спустя, я должен покаяться. Дело в том, что в этом письме ко мне были и такие строчки:

«...Наконец, последняя важная просьба.

На первой сказке — „Тетрадь в красном сафьяне“ поставить посвящение „Белле Ахмадулиной“».

Сделать я этого не успел: когда пришло письмо П. Антокольского, книга уже печаталась.

А вот строки из письма академика М. Б. Храпченко по поводу отпечатанной в Ленинграде его книги «Творческая индивидуальность писателей и развитие литературы»:

«Получил экземпляр второго издания моей книги и хочу очень сердечно, горячо поблагодарить Вас за все то, что Вы сделали для лучшего появления ее в свет. А сделали Вы и Ваши сотрудники необыкновенно много, и я это хорошо понимаю. Книга мне нравится по всей своей фактуре, по своему оформлению (о содержании говорить воздерживаюсь). Сделана она с любовью и со вкусом».

Успешно закончился 1947 год. В типографиях нашего города отпечатаны и отправлены во все уголки страны тиражи 108 книг, среди них 27 произведений ленинградских писателей, 11 сборников «Библиотеки поэта».

Свою первую рукопись, повесть «Мы еще встретимся», принес в издательство лейтенант саперных войск А. Минчковский, впоследствии автор многих добрых книг. С повестью «Полк

А. Г. Розен (1910 — 1978)

продолжает путь» приходит к нам мой старый товарищ еще по комсомолу А. Розен. До последней своей книги он оставался верен военной теме. Выходит повесть Э. Грина «Ветер с юга», в 1947 году удостоенная Государственной премии СССР. Вышли в свет «Рассказы о родине» известного писателя И. Соколова-Микитова. Была быстро отредактирована и издана повесть о героях ледовой Ладожской трассы «Суровый берег» И. Кратта. О героической эпопее восстановления нефтяных промыслов и о роли выдающегося деятеля нашей партии С. М. Кирова рассказывают роман «Огни в бухте» Г. Холопова и изданная позже вторая книга этой дилогии «Грозный год»; «Невыдуманные рассказы о войне», «Докер», «Гренада» и другие произведения этого автора вышли в разные годы в Ленинградском отделении.

Хорошо помню, каким большим событием для читателей был выход в 1947—1948 годах ста книг «Библиотеки избранных произведений советской литературы 1917—1947 годов». Ленинградские писатели здесь были достойно представлены прозаическими и стихотворными книгами: О. Берггольц — «Избранное», Э. Грин — «Ветер с юга», В. Панова — «Спутники» и «Кружилиха», А. Прокофьев — «Избранное», В. Саянов — «Избранное», Ю. Тынянов — «Кюхля», О. Форш — «Одеты камнем», А. Чапыгин — «Разин Степан».

Я попытался составить краткую библиографию книг ленинградских писателей, изданных в отделении за пятьдесят лет. Эта библиография заняла 25 страниц убористого текста. В моих заметках назвать всех авторов, перечислить все книги невозможно. Назову

лишь некоторые цифры и имена. Ведь за это время редакцией современной литературы было издано более 1700 названий. Вышло в свет 586 томов Большой и Малой серии «Библиотеки поэта». Тираж изданных книг составил почти 74 миллиона экземпляров. Без преувеличения можно сказать, что каждый четвертый житель нашей страны мог читать книгу с маркой Ленинградского отделения издательства «Советский писатель».

Внешний облик книги зависит не только от того, как над ней работали редактор, художник и технический редактор, но и в немалой степени от того, как результаты их труда будут воплощены типографией.

Полиграфия в какой-то мере решила количественный показатель. С конвейеров типографии сегодня сходят миллионными тиражами книги художественной литературы. Но все острее просматривается тенденция к стандартизации массовой книги. В чем причины? Их много. Отсутствуют машины для изготовления цельнобумажных переплетов. Трафаретная печать не всегда может обеспечить осуществление замысла художника. Отсутствуют в достаточном количестве переплетные ткани сочных и ярких расцветок. Нет рулонной бумаги, окрашенной в нежные пастельные тона, для наклейки на переплет, форзац и для книг, выпускаемых в брошюрах.

Благодаря усилиям коллектива конструкторов Ленинградского завода полиграфических машин была создана отечественная фотонаборная машина «Каскад». Это позволило отказаться от строкоотливных машин, где строчки отливались из вредного для наборщика метал-

ла, главным компонентом которого был свинец.

Внедрение фотонабора — явление прогрессивное и многообещающее. Но фотонаборная форма рассчитана на офсетную печать. Практикующаяся печать с фотополимерных форм на ротации наносит ущерб внутренним элементам книги: печать текста и особенно рисунков серая и нечеткая, пропадают пунктуационные знаки.

Результат — на прилавках магазинов книги в блеклых серых переплетах, безликие, начисто лишенные индивидуальности. Хочу сразу предупредить оппонентов, что речь идет о многотиражной книге! Нам, издателям, это приносит огорчение, да, думаю, и читателям тоже. Но все это предмет особого, большого и обстоятельного разговора.

А сейчас в этих записках мне едва ли удастся перечислить некоторые книги, назвать некоторых авторов, писательская биография которых немыслима без Ленинградского отделения издательства «Советский писатель».

За годы войны оскудел редакционный портфель. Особенно остро мы ощущали недостаток прозаических книг. Приход в литературу новых имен был всегда важен, в первые послевоенные годы работа с молодыми была одной из главных задач издательства. Распознать в молодом, неопытном авторе литературный талант, помочь проявиться его творческой индивидуальности — одна из главных забот издательства.

Не раз с благодарностью многие теперь уже маститые писатели вспоминают своих первых редакторов: Г. Э. Сорокина, Е. И. Наумова,

С. Д. Спасского, В. П. Воеводина, Л. Н. Рахманова, А. А. Троицкого, М. С. Довлатову, М. М. Марьенкова.

Вспоминаю 40—50-е годы — очень сложные, неоднозначные были они.

Литература была буквально скована многими постановлениями и некомпетентным вмешательством. Это привело к тому, что появились «писатели», выполнявшие «социальный заказ»; в их произведениях, зачастую слабых и далеких от настоящей литературы, обязательно был «положительный герой». Были книги, которые славословили каждого очередного руководителя.

Опытные издатели постепенно были заменены работниками из партийного аппарата, не имеющими никакого отношения к литературе, не знающими издательскую работу.

Директором нашего отделения был тоже работник аппарата горкома Л. Досковский, человек честный, но литературу не знавший. На деле получалось так, что порой мнение инструктора обкома партии по спорной рукописи было важнее мнения опытного редактора, а надо сказать, что наши редакторы знали литературу и могли оценить рукопись профессионально.

А сколько запретов, сколько запретных тем! Боже упаси писать о нарушениях экологической среды обитания, о китобойном промысле, о районах добычи полезных ископаемых, о землетрясении, об авариях, гибели судов и самолетов, о пожарах, эпидемиях...— на все это требовалась виза компетентных органов, министерств. Упоминание в романе эпизодов из истории отношений с зарубежными странами

требовало визы МИД. А, скажем, надуманное в повести место дислокаций воинской части все равно требовало разрешения военного цензора.

Постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором по докладу А. Жданова М. Зощенко и А. Ахматова были ошельмованы и отлучены от литературы, только сорок с лишним лет спустя (2 октября 1988 года) было отменено решением Политбюро ЦК КПСС как ошибочное. А меж тем многие писатели в те годы, хотя и не были репрессированы, были изгоями среди своих собратьев по перу. За многими из них в разные периоды тянулся шлейф политической неблагонадежности, обвинения в аполитичности, формализме, абстракционизме, космополитизме и в других грехах...

Достаточно вспомнить, что тогда и несколько позже перестали печатать Е. Шварца, М. Комиссарову, А. Хазина, Вс. Рождественского, М. Слонимского, Ю. Германа и многих других.

Еще неизвестно, что страшнее было для таких писателей, как Михаил Зощенко и Анна Ахматова,— физическая или гражданская казнь, которой они и другие писатели тогда подвергались.

Вспоминаю, как упомянутое постановление сказалось на обстановке в издательстве. Она стала нервозной и напряженной, в поступающих рукописях редакторы и рецензенты пытались глазами цензуры и «критиков» прочесть написанное между строк...

Наши авторы были рады уйти от современной тематики, и, как сказал Алексей Ивано-

С. Д. Спасский (1898 — 1956)

вич Пантелеев, «многие писатели «ушли в историю» — это их и спасло»...

Помню, как в начале декабря сорок седьмого года на редакционном совете обсуждались первые книги: С. Антонова «По дорогам бегут машины», А. Коровина «Записки военного хирурга». На этом же редсовете поэт и прозаик С. Д. Спасский, работавший многие годы старшим редактором в издательстве, с присущей ему обстоятельностью рассказал о первом романе Сергея Воронина «На своей земле», который он тогда редактировал.

С Ворониным я уже был знаком. Но, слушая Спасского, я, конечно, не мог предположить, что мне и моим товарищам предстоит выпустить еще не одну книгу Воронина: «Ненужная слава», «Роман без любви», «Деревенские повести и рассказы».

И другие ленинградские писатели многим обязаны С. Д. Спасскому, этому скромному человеку, настоящему редактору, умевшему отличить талант начинающего автора, приободрить и помочь ему. Хороший наставник, он помог многим войти в литературу.

Сергей Дмитриевич стал сотрудничать в нашем издательстве в середине 30-х годов, когда был уже автором тринадцати книг. Свою первую прозаическую книгу у нас он назвал «Портреты и силуэты». За ней последовала книга воспоминаний «Маяковский и его спутники». Буквально в канун войны вышла первая книга романа «Перед порогом». Спасский был хорошо известен и как талантливый переводчик, только в «Библиотеке поэта» вышло шестнадцать книг с его переводами.

Сергей Дмитриевич — человек сложной и трудной судьбы. После постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» его перестали печатать. В 1949 году старший редактор Ленинградского отделения «Советский писатель» Спасский не вышел на работу, он был арестован.

Пройдя через тюрьмы и лагеря, в середине 1955 года вернулся на работу.

В начале 1956 года Спасский заканчивает свою главную книгу, прерванную войной и лагерями,— «Два романа» («Перед порогом» — «1916 год»). Объемная рукопись, более тысячи страниц машинописного текста, в середине года ушла в набор.

Помню, с каким удовлетворением от выполненной работы Сергей Дмитриевич собирался в туристскую поездку, из которой ему не суждено было вернуться. На речном причале Ярославля 24 августа 1956 года Спасский умер от сердечного приступа. Не пришлось ему увидеть отпечатанной свою книгу «Два романа» — главный труд его жизни.

Писатель умер, но если он по-настоящему талантлив, остаются его книги. В 1958 году у нас вышла книга неизданных стихов Спасского с предисловием Всеволода Рождественского. Тринадцать лет спустя, в 1971 году, увидела свет книга избранных стихов Спасского «Земное время».

Перед самой войной в Ленинградском отделении появилась маленькая книжка рассказов В. Кетлинской «Скорость». После войны мы издали «В осаде», «Мужество», «Дни нашей жизни», «Иначе жить не стоит», «День,

Слева направо: Д. А. Гранин, Е. Г. Эткинд, В. К. Кетлинская.

прожитый дважды». Нас связывали с Верой Казимировной годы дружбы. Она была удивительно добрым, но и очень требовательным человеком. Хорошо понимала всю сложность издательского дела, радовалась выходу талантливой книги. Отрываясь от писательского стола, не раз прибегала в издательство, в редакцию и в производственный отдел, чтобы лично проследить, как двигаются книги молодых, наставником которых она была.

Здесь впору рассказать об одном писателе, в судьбе которого она принимала деятельное участие. Осенью 1959 года в нашем Ленинградском отделении издательства вышла книга «Повесть и рассказы» Александра Рекемчука. Александр Евсеевич говорил, что с этой книги начался его путь в литературу. Впрочем, в те годы за издание этой книги ратовали такие известные писательницы, как Вера Панова и

Вера Кетлинская. Вера Казимировна была редактором этой книги, архив тех лет запечатлел ее высказывание:

«А. Рекемчук живет и работает на Печоре, в Коми АССР, в городе Ухта. Студентом Литературного института он поехал туда на полтора месяца, полюбил этот суровый край и остался там. Литинститут он закончил заочно. ...Для Рекемчука Север давно уже стал своим, и поэтому он не любуется экзотическими подробностями, а радостно, с любовью и добрым юмором вводит читателя в свой родной мир, показывает изнутри жизнь северян, их нелегкий труд, их требовательное отношение; читаешь и видишь, что на Крайнем Севере идет самая обычная советская жизнь, с теми же деловыми и моральными проблемами,— только край специфичен, только обстановка посуровее, и оттого проблемы острее, жизнь требовательнее. Повесть «Время летних отпусков» и рассказы создают как бы портрет края... Это свойство книги делает ее особенно привлекательной».

Зная по опыту, что Панова и Кетлинская были не так уж щедры на такие оценки, я решил теперь почитать эту книгу, изданную более четверти века назад. Читал с увлечением и был рад, что книга живет и сегодня, более того, нужна нашему читателю, хотя многое из написанного уже история, но история поучительная.

И еще был редсовет в 1959 году, на котором Вера Федоровна Панова настояла, чтобы редактором этой книги была Кетлинская. В читальном зале ЛГАЛИ листаю рукопись «Повесть и рассказы», на титульном листе знако-

мым мне почерком: «В набор. В. Кетлинская. 3/V 1959 года».

Вскоре книга вышла в свет, и добрые читательские отзывы показали, что мы не ошиблись.

Спустя почти тридцать лет мне захотелось узнать, как сложилась писательская судьба А. Рекемчука.

Вскоре я получил письмо от Александра Евсеевича, он любезно ответил на мои вопросы:

«...Осенью 1958 года состоялось первое совещание молодых прозаиков... Среди участников этого совещания были ныне очень известные прозаики — Виктор Конецкий, Анатолий Иванов, Вадим Инфантьев, Николай Воронов и др. По приезде в Ленинград я узнал, что буду работать в семинаре, которым руководили В. Кетлинская, Г. Троепольский, Вс. Рождественский. А мне хотелось попасть к Вере Пановой — творчески она казалась мне ближе Кетлинской. Я сделал такую попытку, но мне объяснили, что уже давно читаются рукописи и начинать все заново очень трудно. Момент этот очень важен. Вот уже десять лет я руковожу семинаром прозы в Литературном институте. И вероятно, когда раз в четыре года я набираю семинар, некоторые абитуриенты досадуют, что попадают не к тому писателю, какой им кажется более близким... А расстаемся мы, как правило, через пять лет друзьями; я рецензирую в издательствах их первые книги, пишу к ним предисловия, рекомендую своих бывших учеников в Союз писателей. Так произошло и здесь. Я не мог тогда предполагать, что с Верой Казимировной меня свяжет самая тесная дружба, которая продлится до конца ее

дней. Вечно буду благодарен судьбе за то, что в моей жизни была эта дружба!

Еще во время работы семинара (там обсуждалась моя повесть «Все впереди» и рассказы) Вера Казимировна сказала мне, что семинар будет рекомендовать меня в Союз писателей. Пришлось разочаровать ее: к этому времени я уже был членом Союза писателей — принят был в октябре 1957 года по двум книжкам («Стужа» и «Берега»), вышедшим в Коми АССР...

Тогда Кетлинская сказала, что нужно по итогам семинара выпустить первую книгу в центральном издательстве, и повезла меня на Невский, к главному редактору «Советского писателя» И. Авраменко. Тот принял нас очень радушно... пообещал включить книгу в план, но попросил дополнить ее новой вещью, с тем чтобы объем книги был достаточно солидным, листов на 15. Мне пришлось пообещать к весне закончить новую повесть «Время летних отпусков».

Однако эта повесть была у меня, как говорится, еще в чернильнице. К декабрю 1958 года была готова лишь первая глава... Зато к ранней весне 1959 года повесть была готова, и я повез ее в Москву и Ленинград. В Москве ее тотчас приняли в журнал «Знамя» и поставили в ближайший летний номер, а в Ленинграде Вера Казимировна прочла немедленно и сказала, что замечаний у нее как у редактора нет. Книга быстро пошла в производство и вышла в свет в том же году. Вот бы теперь такие сроки прохождения рукописи!

...Необыкновенно важной была для меня последняя встреча с Верой Казимировной в

Союзе писателей СССР незадолго до ее тяжелой болезни и безвременной кончины.

Я сказал ей, что роман, который тогда начал писать, будет называться «Тридцать шесть и шесть». Она так обрадовалась, что даже всплеснула руками. Дело в том, что на всем протяжении нашего знакомства она неизменно повторяла: «Рекемчук, даже тогда, когда я вами недовольна, у меня остается надежда, что вы исправитесь,— вы человек большого душевного здоровья, и это в конечном счете определяет все, что вы делаете и пишете!» То есть Вера Казимировна сразу поняла то, чего до сих пор не понимают некоторые критики: многозначность названия этого романа, как и его замысла, его лейтмотив, выраженный нормальной температурой человеческого тела в окружающей среде.

Не знаю, как отнеслась бы Вера Казимировна к самому роману, если бы ей суждено было его прочесть, но уж во всяком случае она бы поняла то, к чему я в нем стремился и стремлюсь...»

От себя мне остается добавить, что Вера Казимировна не по должности (она тогда была секретарем Ленинградского правления Союза писателей по работе с молодыми), а от большой и щедрой души растила талантливую писательскую смену.

Это был человек удивительной воли. Зная, что дни ее сочтены, я решил порадовать Веру Казимировну и послал в больницу корректуру переиздания ее книги «День, прожитый дважды». И как был опечален, увидя корректуру, где ослабевшая рука оставила следы стилистической правки. «По исправлении печатать.

В. Кетлинская» — это последняя строка писательницы, чья жизнь — пример беззаветного служения литературе.

В очерке о Пановой я расскажу, как в 1954 году она помогла молодой писательнице Наталье Давыдовой издать свою первую книгу «Будни и праздники». Что же заставило меня опять вернуться к этой первой книге писательницы?

Причина — это ее письмо, присланное мне. Не буду приводить его целиком, воспользуюсь выдержками из него.

«...Как бы то ни было, могу считать, что мне повезло, и я благодарна Вере Федоровне Пановой, и Вере Казимировне Кетлинской, и Всеволоду Воеводину, который и был моим первым редактором...»

На мой вопрос, кто еще из ленинградских писателей читал рукопись этой книги и как дальше сложилась ее писательская судьба, Наталья Максимовна из скромности ответила только на первую часть вопроса.

«...Главы из рукописи смотрели и читали Михаил Михайлович Зощенко и Юрий Павлович Герман. Оба были ко мне снисходительны и щедры. Михаил Михайлович тем, что, в отличие от редсовета, определил руку мою как твердую и не дамскую, а Юрий Павлович осветил мои первые наивные писания словами о таланте. «Это прежде всего талантливо»,— сказал он, и этого хватило надолго...»

От себя добавлю: вот какими писательскими именами было согрето вступление в литературу начинающегося автора Натальи Давыдовой.

Что же касается второй части моего во-

проса, то я вынужден сам на него ответить: писательская судьба Натальи Максимовны сложилась вполне удачно, она автор многих книг, известных читателю; среди них романы «Любовь инженера Изотова», «Вся жизнь плюс еще два часа», «Никто, никогда...», рассказы «Только одни удачи» и другие.

Как важно не ошибиться и разглядеть по первой книге талант писателя или отсутствие его.

Откройте тематические планы выпуска издательства «Советский писатель» за 1956 и последующие годы. Листая их, можно убедиться, сколько имен ленинградских писателей было реабилитировано, возвращено к жизни в так называемую хрущевскую «оттепель», хотя многих из них уже не было в живых.

Евгения Львовича Шварца, автора широко известных у нас и за рубежом пьес «Снежная королева», «Тень», «Голый король», «Дракон», перестали печатать с конца сорок девятого года.

Одно упоминание названий пьес «Голый король», «Дракон» — ассоциировалось в умах издателей и критиков с тогдашними руководителями, от одной этой мысли их бросало в дрожь.

После долгих лет умолчания имени Шварца, только в 1956 году в нашем издательстве была напечатана его книга «Тень и другие пьесы». Четыре года спустя (1960), уже, к сожалению, после смерти автора, мы издали уникальную книгу, в которую вошли пьесы: «Клад», «Снежная королева», «Голый король», «Тень», «Дракон», «Обыкновенное чудо», «Повесть о молодых супругах», «Золуш-

ка», «Дон-Кихот». Книга была оформлена Н. П. Акимовым.

Даже сведущий читатель не мог предположить, сколь велико творческое наследие драматурга. Интерес к этой книге был настолько велик, что она выходила еще трижды, но все равно стала библиографической редкостью.

В 1989 году «Советский писатель» выпустил в свет прозаическую книгу Е. Шварца «Живу беспокойно... Дневники». Тридцать восемь печатных листов — это малая толика из ста шестидесяти листов рукописи дневников, которые оставил автор...

Уйдут годы, сменятся поколения читателей, а умный, добрый сказочник будет жить в своих книгах...

Когда на исходе 1955 года Александр Лебеденко перешагнул впервые порог нашего издательства, ему пошел шестьдесят четвертый год, а за плечами было двадцать лет тюрем и лагерей.

Каким он мне запомнился? Выше среднего роста, кряжистый, крупное лицо постоянно тронуто улыбкой, при ходьбе хромал, опираясь на палочку. Человек необычайной доброты, располагающий к себе.

После выхода переиздания его большого романа «Тяжелый дивизион» мы познакомились и, смею сказать, подружились.

Как-то вечером он зашел в издательство, чтобы вручить мне свой роман с дарственной надписью. Он тогда многое поведал мне из своей жизни.

— Вернувшись из мест не столь отдаленных без гроша в кармане, в пустую квартиру, надо было все начинать сначала. На деньги, полученные от вашего издательства, приобрести необходимое, обставить жилье, приодеть жену, купить себе костюм, письменный стол и засесть за работу. Немногим более чем за год я написал новый роман «Лицом к лицу», более тысячи страниц машинописного текста.

Заметив мое недоумение,— как можно за год написать такое большое литературное произведение,— Лебеденко, усмехнувшись, сказал:

— Вы, вероятно, не поверите, что последние несколько лет в лагере, не имея бумаги и карандаша, я в уме «проигрывал» все основные главы романа, а память у меня хорошая.

Был у нас тогда разговор о жизненном пути писателя. И вот главное, что я запомнил.

Родился он еще в прошлом столетии (сейчас ему было бы без малого сто лет). В 1918 году вступил в партию. Участник двух войн, в гражданскую командовал батальоном. Вспоминал о встречах с В. И. Лениным в 1917, 1919 и 1920 годах, к сожалению, подробности этих встреч я не запомнил. А вот то, что в 1931 и в начале 1932 года заведовал «Издательством писателей в Ленинграде»,— помню хорошо. Первую свою книгу — «Перелет Москва — Монголия — Пекин» напечатал в 1925 году, двадцатая по счету «Книга о челюскинцах» была издана в 1934 году. Потом был арестован. Тут я рассказал ему, что в клубе типографии имени Володарского в 1927 году я и мои друзья, как завороженные, слушали его рассказ — рассказ участника первого

трансарктического перелета на дирижабле «Норвегия» по маршруту: Шпицберген — Северный полюс — Аляска. Мы, пацаны, тогда завидовали ему, для нас он был легендарной личностью,— еще бы, в составе экипажа таких известных исследователей Арктики, как Амундсен, Нобиле и Эльсворт, наш советский журналист совершил полет над Северным полюсом. И тогда Лебеденко в шутку сказал:

— Вы теперь мой самый старый знакомый из ныне живущих.

Историко-революционная тема была для Лебеденко главной, его роман «Лицом к лицу» пользовался большой популярностью у читателей и трижды был нами переиздан.

Последняя встреча с Александром Гервасьевичем произошла вскоре после выхода его повести «Зоя Сергеевна»; тогда он уже тяжело болел и плохо видел. Сигнал я отвез ему домой, встретила меня жена писателя Анна Ивановна, и в старости необычайно красивая. Лебеденко лежал на диване. По обилию вопросов мне было ясно, что из Союза писателей его давно никто не навещал. Интересовался он и издательскими делами.

Что крамольного нашли в биографии писателя Лебеденко сталинские подручные, продержав его двадцать лет в неволе?.. Умер Лебеденко в конце 1975 года.

Но не только произведения профессиональных литераторов выходили в свет в нашем издательстве.

Дважды в нашем отделении «Советского писателя» издавал свои книги известный совет-

ский актер Николай Черкасов. В 1952 году вышли в свет его путевые очерки «В Индии». Редактировал их его старый друг Всеволод Воеводин. Воеводин был автором сценариев двух фильмов — «Женитьба Яна Кукке» и «Горячие денечки», в которых снимался Черкасов.

Желая как-то отблагодарить нас за доброе отношение к его «скромному литературному дебюту», Черкасов, появляясь в издательстве, всегда устраивал для нас небольшие представления. Как сейчас помню излюбленную Черкасовым шутку: обхватив себя длинными руками, он обменивался сам с собой рукопожатием за своей же спиной. А потом с серьезным выражением лица пытался научить нас этому фокусу. Но, под общий смех, признавал себя неспособным педагогом.

В 1958 году вышла вторая книга Черкасова — «Четвертый Дон-Кихот». Ее, как и первую, редактировал Всеволод Воеводин. Художник книги Юрий Киселев создал оригинальное оформление, которое очень понравилось Черкасову.

На передней стороне суперобложки художник изобразил овальное световое пятно — съемочную площадку,— на которое спроецирована тень Дон-Кихота. На переплете бронзовой фольгой напечатан силуэт Рыцаря Печального образа. Внутри — дневниковые записи иллюстрируются фотоснимками эпизодов кинофильма...

Я попросил Черкасова встретиться с работниками типографии, где должна была печататься книга.

— Это ускорит ее выход в свет, да и ка-

чество полиграфического исполнения книги от этого выиграет,— аргументировал я свою просьбу.

— А мне самому интересно посмотреть, как будет печататься моя книжка,— сразу согласился Черкасов.

Спустя некоторое время, когда работа над книгой в типографии подходила к концу, усадив Николая Константиновича на заднее сиденье издательского «Москвича» (на месте переднего пассажирского кресла Черкасов с трудом разместил свои ноги), я повез его на Социалистическую улицу, где находилась типография. Здесь прямо у печатных машин, где печатались листы «Четвертого Дон-Кихота», и состоялась эта встреча, о которой типографские рабочие еще долго потом вспоминали.

Черкасова спросили, почему он назвал книгу «Четвертый Дон-Кихот». Вот что он рассказал:

Когда ему едва минуло пятнадцать лет, в опере Массне «Дон-Кихот» на сцене Мариинского театра статист Черкасов дублировал великого Шаляпина. В доспехах Дон-Кихота он вместо Шаляпина бросался на ветряную мельницу. Это был его первый Дон-Кихот. Второй Дон-Кихот Черкасова был на студии «Молодого балета» в Ленинграде в 1922 году, где он сам исполнял главную роль. Третьего Дон-Кихота Черкасов играл в Ленинградском театре юных зрителей. Здесь долго шел этот спектакль, поставленный по сценарию Булгакова. Четвертого Дон-Кихота он играл в фильме Г.Козинцева, поставленном на студии «Ленфильм» по сценарию Евгения Шварца...

...С присущим ему юмором Черкасов рас-

сказывал рабочим типографии, как он висел на шестнадцатиметровой высоте на крыле ветряной мельницы,— в отличие от Шаляпина, у него не было дублера; как с тяжелой дубиной вместе с укротителем Б. Эдером, дрожа от страха, заходил в вольер ко льву...

Он разворачивал подаренные ему печатные листы книги и на снимках показывал эпизоды картины...

Воспроизведя в памяти рассказ Николая Черкасова о фильме «Дон-Кихот», я вдруг подумал о том, как тесен мир: ведь сценарий фильма «Дон-Кихот» был написан нашим автором — известным драматургом Евгением Шварцем. Художником по костюмам в фильме был Натан Альтман, многие годы сотрудничавший в нашем издательстве.

Заканчивался год, а на балансе издательства оставались невостребованные долги. Сейчас уже не помню, какая сумма долга числилась за Ираклием Луарсабовичем Андрониковым. В 1954 году с ним был подписан договор на вступительную статью, составление и комментарий к двум томам М. Ю. Лермонтова в Малой серии «Библиотеки поэта». Несмотря на неоднократные отсрочки, Андроников рукопись не представил. Уже давно договор с ним был расторгнут, уже давно эта работа была перезаказана Дмитрию Евгеньевичу Максимову, уже давно этот двухтомник вышел в свет, а Ираклий Луарсабович долг все не возвращал.

И вот случайная в те годы встреча с Андрониковым у лифта в Доме книги. Я напом-

нил ему о долге и то ли в шутку, то ли всерьез пригрозил ему передать иск в суд. На что он ответил:

— Только попробуй. Вот сейчас управлюсь с делами в Гослите, приду в ваше издательство и развалю тебе всю работу, будешь знать, как приставать ко мне с деньгами,— и раскатисто рассмеялся.

И надо сказать, когда он приходил к нам, тут уж действительно было не до работы.

Уже в те годы Ираклий Лаурсабович был незаурядный мастер устных рассказов, причем, исполняя их, он играл роли реальных людей. Это были рассказы о видных деятелях искусства и литературы: Иване Ивановиче Соллертинском, Самуиле Яковлевиче Маршаке, Алексее Николаевиче Толстом, Александре Александровиче Фадееве, Борисе Михайловиче Эйхенбауме и других.

Позже, бывая в Ленинграде, он заходил в наше издательство, когда печатались его книги, присланные из Москвы, а то и просто навестить нас, и всегда охотно и очень талантливо рассказывал что-нибудь новое и интересное.

К ленинградскому празднику поэзии в 1961 году у нас было приурочено издание первого сборника «День поэзии». На его страницах наряду со стихами известных старейших поэтов А. Ахматовой, А. Прокофьева, О. Берггольц, Вс. Рождественского, В. Саянова — стихи М. Дудина, В. Шефнера, Г. Горбовского, А. Кушнера, С. Ботвинника, А. Чепурова, И. Авраменко, Н. Поляковой, Б. Кежуна, Г. Некрасова, В. Кузнецова и много других имен.

В 1962 году, когда второй по счету «День поэзии» Ленинграда набирался на строкоотливных машинах «линотип», из Москвы для набора и печати мы получили рукопись сборника «День поэзии. 1962 год. Москва». И вот в нашей типографии на Красной улице, в наборном цехе, как будто соревнуясь, кто быстрей, шел в одно время набор ленинградского и московского «Дня поэзии».

Вскоре от девушек-линотиписток все в типографии узнали, что готовятся к печати московский и ленинградский сборники «День поэзии». Рабочие попросили меня устроить встречу с поэтами.

Осенью для чтения корректуры в Ленинград приехали из Москвы главный редактор сборника, известный поэт Михаил Луконин, заместитель редактора Виктор Боков и составитель Владимир Туркин.

В обеденный перерыв в переплетном цехе типографии состоялся импровизированный праздник поэзии. Читали свои стихи московские гости М. Луконин, В. Боков, В. Туркин, ленинградцы М. Дудин, И. Авраменко, В. Торопыгин; давно прозвенел звонок — начало работы, но рабочие не расходились, обещали продлить часы работы, лишь бы еще послушать поэтов.

У приехавших москвичей установились добрые отношения с сотрудниками производственного отдела. Надо сказать, что девчата у нас там подобрались любящие книгу, гордые сопричастностью к издательскому процессу, и так уж сложилось, что все они были молодые и красивые.

Вскоре после завершения работы над мос-

ковским «Днем поэзии» я получил такую телеграмму:

«Наконец я разглядел производственный отдел, он трудолюбив, прилежен, а еще красив и нежен. Виктор Боков».

А у меня дома мы часто вспоминали тот вечер, когда Виктор Боков приехал к нам в гости со своей балалайкой. Допоздна мы были в мире песни и поэзии.

С той поры мы очень подружились с Виктором Боковым, встречались часто в Москве на заседании правления издательства. Он постоянно меня одаривал своими книгами стихов. На титуле вышедшей в нашем издательстве книги его рукой написано:

«Дорогой Арон Натаныч,
«Алевтину» получай!
Хочешь быть спокойным на ночь —
Эту книгу не читай!»

Каждый год осенью после выхода из печати очередного сборника «День поэзии» в книжных магазинах Ленинграда широко проводился праздник поэзии. За прилавками магазинов поэты читали стихи, давали автографы. Это было традицией.

Александр Андреевич Прокофьев как-то мне рассказал один любопытный эпизод. В 1962 году, когда в Ленинграде проводилась Неделя поэзии, к нему в Книжной лавке писателей подошла молодая женщина и попросила надписать книгу. Он, естественно, спросил, кому адресовать. «Он еще не родился, не знаю, как назову его»,— со смущением сказала она.

— Вот какое большое дело мы делаем, выпуская книги,— сказал Прокофьев,— человек еще не родился, а книга для него приготовлена.

Я далек от того, чтобы делить поэтов на хороших и средних, на знаменитых и начинающих, это дело литературной критики. За долгие годы работы в издательстве со многими поэтами у меня сложились добрые и теплые товарищеские отношения.

Более сорока лет я дружу с Анатолием Чепуровым. А. Чепуров принадлежит к поколению поэтов, чья юность прошла на войне. Первая моя встреча с Чепуровым произошла в 1941 году во время боев за станцию Погостье на Волховском фронте. Здесь он, корреспондент дивизионной газеты, готовил очередной материал...

В 1956 году он принес в издательство свою книгу «Молодость моя». Чепуров из тех поэтов, кто подолгу вынашивает замысел, не торопясь работает над каждым стихом, каждым сборником. За четверть века он издал у нас всего шесть стихотворных книг. «Еще биография пишется» — так назвал он книгу стихов и поэм, изданную в 1983 году.

А. Чепуров для нас не только поэт. В 1967 году он — старший редактор нашего Ленинградского отделения, год спустя — главный редактор, на этом посту он трудился до избрания его в 1975 году первым секретарем Ленинградской писательской организации. Он испытывал удовлетворение от конкретной причастности к процессу издания книги. Вместе с авторами разделял он радость выхода книги, огорчался из-за неудач, и в этом случае следо-

вал его товарищеский совет, в каком направлении должен идти творческий поиск. С редакторским коллективом он быстро установил рабочий контакт. Никогда не оказывая на редактора давления, он видел в каждом редакторе личность, принимал во внимание своеобразие его интересов и в соответствии с этим подбирал книги для редактирования.

Вспоминаю поездки в Москву, связанные с утверждением плана. Здесь А. Чепуров аргументированно отстаивал книги ленинградских писателей в общем плане издательства. Порой вступал в спор с директором издательства Н. В. Лесючевским. Спорить с Лесючевским было не просто. Человеком он был порой резким и не терпящим возражений. Соглашался со своим оппонентом только тогда, когда чувствовал достаточную аргументацию, компетентность, убежденность.

Подготовка проектов плана отделения для нас всегда была работой очень ответственной и напряженной. Порядок обсуждения проектов плана повторялся из года в год. Заседание нередко начиналось с задержкой. Лесючевский не был пунктуален. Во главе длинного стола в директорском кабинете — Лесючевский, по одну сторону от него ленинградцы, по другую сторону — москвичи. Кто-то из руководства Ленинградского отделения делает краткое сообщение об идейно-художественной направленности плана, о лучших книгах года, их тематике и содержании. Затем свои замечания по книгам ленинградского плана делает главная редакция.

Лесючевский листает авторские дела, читает рецензии, редакционные заключения, и

вдруг глаза его темнеют, лицо наливается гневом.

— Ну и хороши вы, братцы-ленинградцы! Как же можно включать в план книгу, которая, судя по рецензии, имеет такие изъяны? Тут же требуется длительная работа. Книгу надо почти заново писать.

Я всегда поражался его интуиции — умению отыскать в плане слабые места, указать на еще не совсем готовую к изданию рукопись. Здесь, по-видимому, ему помогало знание творческих возможностей ленинградских писателей, многолетний опыт издателя.

...Листаю свои старые записные книжки. В памяти оживают лица писателей, с которыми встречался в первые послевоенные годы. Многие из них ушли из жизни, оставив после себя книги, благодарные письма читателей, отзывы на страницах журналов и газет. О некоторых из них написаны монографии. Другие же незаслуженно забыты издателями и литературоведами. Мне хочется рассказать об одном забытом хорошем писателе.

Иван Федорович Кратт свою недолгую жизнь отдал написанию книг о Крайнем Севере, о русских поселениях на Аляске. В 1938—1941 годах в Ленинградском отделении вышли «Моя земля» — рассказы о Колыме, роман «Золото», повесть «Дом среди тундры». Сюжеты, судьбы героев его книг, описания красоты суровой природы Севера — результат наблюдений писателя во время почти двухлетнего путешествия по Северу, Дальнему Востоку и Сибири. Сотни и сотни километров на собачьих упряжках, а если позволяли дороги — на попутных машинах, в лодке по быстрым сибирским ре-

кам, на судах по Охотскому и Японскому морям — таков путь, проделанный писателем.

Тогда родилась у Ивана Федоровича идея написать исторический роман о древних русских поселениях на землях, омываемых водами Великого океана.

Мое знакомство с Краттом началось в 1946 году. Тогда я, еще начинающий издатель, получил от него первую книгу с дарственной надписью. Это был только что изданный нами роман «Остров Баранова». Оторванный войной от чтения книг, я с удовольствием прочел этот увлекательный роман и ждал повода, чтобы поделиться своими впечатлениями с автором, а главное (как всякий наивный читатель) — узнать, будет ли продолжение. Скоро такой случай представился. В начале 1947 года из типографии была получена корректура повести Кратта «Суровый берег» — о героях Ладожской трассы. Я сообщил Ивану Федоровичу, что корректура получена. Он попросил разрешения зайти к концу дня.

Вечером Кратт пришел за корректурой. Теперь, вспоминая нашу беседу, думаю, что я проявил по своей неопытности назойливость, забросав автора вопросами. В частности, высказал свое недоумение, почему он, писатель, и вдруг член Географического общества. В какой-то из ленинградских газет я прочитал об избрании И. Ф. Кратта действительным членом Географического общества.

Видя мое смущение, Кратт улыбаясь ответил на все мои вопросы.

Работать над своей главной книгой «Великий океан» он начал задолго до войны. Шли годы неустанных поисков, прочитаны горы

научных материалов, просмотрены архивные документы Всесоюзного географического общества Академии наук СССР (к сожалению, ряд материалов оказался в архивах США). По крупицам собиралась история первых русских поселений на Аляске и на южных берегах Калифорнии, первого правителя этих земель А. Баранова, русских экспедиций к берегам Великого океана.

Война прервала работу.

Несмотря на освобождение от военной службы по состоянию здоровья, Кратт в первые дни войны ушел рядовым в народное ополчение. Десять книг написаны за годы войны (две из них изданы у нас — «Суровый берег» и «Партизаны»). Урывками шла работа над первым романом дилогии «Остров Баранова». Вчерне книга была завершена в предместьях Берлина. Вот за эту книгу он и был избран действительным членом Географического общества. Вторая книга этого романа — «Колония Росс» — это страницы истории героического подвига русских при сооружении форта Росс на землях дружественных индейских племен.

Творческое наследие Ивана Кратта достойно того, чтобы издатели вновь вернулись к его рассмотрению.

В начале 1969 года в Ленинград приехала М. С. Шагинян. Я узнал об этом от Евгения Кутузова, в ту пору еще молодого ленинградского прозаика, которому Союз писателей поручил шефство в нашем городе над старейшей писательницей. Кутузов сообщил, что Шагинян хотела бы приехать ко мне домой — поговорить

о своей книге «Зарубежные письма» (как и многие другие рукописи московских писателей, она была включена в производственный план Ленинградского отделения). Я сразу же согласился.

Вечером в сопровождении корреспондента газеты «Известия» по Ленинграду Анатолия Ежелева и Е. Кутузова Мариэтта Сергеевна Шагинян впервые переступила порог моего дома. С этого момента началась наша дружба, которая продолжалась до последних дней жизни писательницы.

Мариэтте Сергеевне тогда уже пошел восемьдесят второй год. Небольшого роста, подвижная, энергичная, обаятельная, очень интересная собеседница — такой она мне запомнилась.

Шагинян изложила свою просьбу, суть которой заключалась в том, чтобы я ускорил выход ее книги «Зарубежные письма». На титульном листе этой книги стояло посвящение: «Аркадию Исааковичу Райкину с теплым чувством благодарности за его большое и доброе искусство». Шагинян просила меня приурочить выход книги ко дню рождения любимого актера, то есть к октябрю месяцу. На всю производственную работу оставалось без малого два квартала. «Не густо»,— прикинул я. Но Шагинян с таким темпераментом и убежденностью изложила свои пожелания, что пришлось обещать: книга в октябре будет на столе у актера.

Потом за чаем с гренками (которые здесь же по просьбе Мариэтты Сергеевны, соблюдавшей строгую диету, приготовила жена) Шагинян увлеченно рассказывала о только что законченной работе над книгой «Четыре урока у Лени-

на». Она поведала нам, что побудило ее написать эту книгу. О многих годах работы в архиве, о трудных и кропотливых поисках. «К глухоте я привыкла,— сказала Шагинян.— Печалит то, что быстро устают глаза, а работать за столом я привыкла подолгу».

В комнату вбежал мой двухлетний внук, она ласково потрепала его волосы. Начатая тема оборвалась, и Мариэтта Сергеевна заговорила о таланте Райкина, о годах дружбы с ним.

Через несколько дней мы с женой были приглашены М. С. Шагинян в гостиницу «Астория». Дежурная, провожая нас, заметила, что каждый раз, предупрежденные о приезде писательницы, они готовят для нее один и тот же номер. Тепло и уютно было в номере писательницы, а вид из окна на Исаакиевскую площадь в тот морозный день был сказочно красив.

Мариэтту Сергеевну мы застали за письменным столом.

Часто потом вспоминали мы эти часы, проведенные в гостях у Шагинян. Она увлеченно рассказывала о встречах с Дмитрием Шостаковичем, о его музыке, о годах дружбы с композитором, о переписке с ним, о том, какой это сложный, но обаятельный человек. Мы были заворожены широтой ее познаний, глубиной мышления. На прощание она вручила нам билеты на спектакль Аркадия Райкина.

Много раз и позднее она присылала нам билеты в театр Райкина. Обычно мы сидели в первом, а Шагинян — в десятом ряду. Ей, очевидно, было оттуда удобнее следить за игрой артиста.

В письмах из Москвы она еще не раз просила ускорить выход этой книги.

В октябре я получил ее письмо из Кисловодска:

«...послала Вам нынче телеграмму, а письмо шлю вдогонку. Вы, наверное, слышали о гнусных сплетнях, распространяемых провокаторами об А. И. Райкине. Тем более важно, чтоб книга моя с посвящением ему вышла поскорее, это все же некоторый удар по носу мерзавцам, рождающим клевету и сплетни. Вот и жду от Вас с великим нетерпением ответа, когда она (книга) выйдет и успеет ли дойти до него прежде, чем театр уедет в Польшу (я слышала, что они в середине месяца туда отправляются). Беспокоит и обложка... Обещанные Вам книги не забыла, вышлю тоже по приезде. Лечение мое здесь продлили, стараются, видимо, сделать годной для работы еще на зиму. И мне действительно надоело мое вынужденное безделье. Как в Питере? Небось мерзнете? А у нас выдаются деньки 20° температурой, и мы разгуливаем по горам в летних платьях. Передайте мой самый сердечный привет дружескому коллективу производственного отдела Вашего Ленинградского филиала, а Вам крепко жму руку и кланяюсь Вашей милой семье. Будьте здоровы и не серчайте, что доставляю Вам столько беспокойства!

Ваша Мариэтта Шагинян

12 октября
Кисловодск, Красные Камни»

В конце этого месяца я отправил на домашний адрес писательницы тридцать экземпляров вышедшей книги.

В ответ пришла телеграмма:

«Сердечно поздравляю с праздником. Книги сегодня выслала всем адресатам. Издание прекрасное. Мариэтта Шагинян».

Вскоре от нее пришли обещанные книги: «Семья Ульяновых», «Четыре урока у Ленина» — все с теплыми автографами. Пришла и изданная у нас книга «Зарубежные письма», на обратной стороне переплета круглым четким почерком была такая надпись:

«Вашим „добром“ бью Вам челом! А главное — спасибо за все — отличного, истинно ленинградского, качества! С праздником 52-го Октября Вас и Ваше семейство. Ваша Мариэтта Шагинян.

P. S. Тот, кому книга посвящена, застрял в Польше. Будет 12-го, по словам родственников, и прямо в Москве. А когда в Ленинграде — не знаю. Решила сама не посылать книги, чтобы первыми дали ее ему Вы и Голубев. М. Ш.» (Голубев — тогдашний директор типографии номер пять).

Вскоре по приезде Райкина в Ленинград я выполнил поручение Мариэтты Сергеевны.

Книга вышла, а дружба и встречи продолжались.

По работе мне часто приходилось бывать в Москве. Не знаю, как об этом узнавала Мариэтта Сергеевна. Но всякий раз у подъезда была ее машина, шофер получал строгий наказ привезти меня.

В маленькой двухкомнатной квартире, сплошь заставленной книгами, я всегда заставал писательницу за рабочим столом. Подолгу беседовали о Ленинграде, который она полюбила в годы своей юности, о делах издательских, она увлеченно рассказывала и о своей работе.

В январе 1976 года, когда писательнице пошел восемьдесят восьмой год, я в последний раз посетил Мариэтту Сергеевну. Встретила она меня, как встречают добрых знакомых. Но я решил не задерживаться, видя, что она занята какой-то срочной работой. Мариэтта Сергеевна вручила мне заранее подписанный 9-й том своего собрания сочинений — «Работы о музыке».

— Это, пожалуйста, передайте от меня своей жене,— сказала она.— Помнится, по нашему разговору в «Астории», она у вас любительница музыки...

Когда в 1946 году я встретился с Виссарионом Михайловичем Саяновым, ему шел сорок четвертый год. Он был уже широко известным в стране прозаиком, поэтом и журналистом. В. Саянов сотрудничал с Ленинградским отделением издательства «Советский писатель» с первых дней его организации.

Особо запомнилась мне работа над изданием его книги «Избранные стихи», которая вышла в 1948 году в «Библиотеке избранных произведений советской литературы 1917—1947 годов». Издаться в этой серии было очень «престижно».

Когда технический редактор уже подготовил книгу к набору, ко мне зашел Виссарион Михайлович и, извинившись, попросил разрешения произвести замену некоторых текстов. Отказать ему было неудобно. Примостившись на краю стола, он быстро, казалось на ощупь, находил страницы старых стихов и заменял новыми, видимо только что написанными.

В. М. Саянов (1903 — 1959)

В начале 1948 года была получена корректура книги В. Саянова. Он вновь зашел ко мне. Я заметил, что он чем-то очень расстроен. В руках у него была корректура,— я подумал, что типография что-то испортила. Перехватив мой взгляд, Виссарион Михайлович сказал:

— Я пришел вас огорчить. В некоторых местах я поправил строчки и очень хотел бы сделать некоторые замены.

Он положил на стол свой авторский экземпляр с поправками. Я бегло полистал корректуру. Требовалась повторная сверка. Саянов предложил съездить в типографию и лично договориться с наборщиками, оплатить их труд, чтобы они могли в неурочное время поправить корректуру.

У нас это не было принято, и я не мог согласиться. Но плату с него взыскал в виде авторского выступления в типографии.

Так же хлопотно было с изданием его романа «Небо и земля», удостоенного Государственной премии СССР за 1949 год. Виссарион Михайлович был очень требователен к своей работе. Готовую корректуру романа он так искорежил (убрал целые абзацы, дописал новые куски), что редактор отказался принять корректуру и отослал его ко мне.

Саянов, как и многие писатели, утверждал, что авторские «огрехи» более видны в типографском оттиске, чем в машинописном тексте. В памяти еще была свежа работа над прошлой книгой; естественно, я стал злиться и выговаривать ему. Но увидев, как этот добрый человек огорчился, я «капитулировал». К обоюдной радости мир был восстановлен.

Не могу не вспомнить о его бескорыстии, о

щедрости его души. Помнится случай в начале 1950 года. По каким-то соображениям, не зависящим от В. Саянова, мы вынуждены были отложить на неопределенное время издание его книги. Набор был разобран. Виссарион Михайлович возвратил весь полученный гонорар. Это была довольно большая сумма. Никакими уговорами, ссылками на авторское право, согласно которому эти деньги должны быть списаны в убыток за счет издательства, мы убедить его не могли. Пришлось вызвать кассира и оприходовать сумму. Аккуратно сложив приходный ордер и положив его в карман, он улыбнулся и на прощание сказал:

— Будем работать, будут и деньги...

И сейчас, когда я смотрю на книжную полку, где выставлены книги Виссариона Михайловича с его автографами, мне радостно, что я причастен к их изданию, и одновременно очень грустно, что этот добрый и большой души человек, оставивший значительный след в советской литературе, безвременно ушел из жизни...

Участие писателей в издательском процессе для нашего Ленинградского отделения — традиция, начало которой было положено пятьдесят лет тому назад.

В послевоенные годы в числе известных писателей, активно сотрудничавших в редсовете и рецензировавших рукописи будущих книг, был П. Л. Далецкий. Павла Леонидовича мы хорошо знали как автора книг «Катастрофа», «Концессия» и романа «Тахома».

Человек, как теперь сказали бы, контактный, окруженный всегда людьми, он был на-

делен необычайной добротой, отзывчивостью и тонким юмором. Постоянно улыбался, любил хорошую шутку. Порой вызывало удивление, как серьезное в нем сочеталось с чудачеством. Копна вьющихся волос, чуть тронутых сединой, даже в лютые ленинградские морозы была единственным головным убором. Бо́льшую часть года ходил в цветной рубашке с открытым воротом, в коротких шортах с карманчиками, набитыми маленькими листочками папиросной бумаги, заменявшими носовой платок. Ноги были обуты в сандалии с толстой деревянной подошвой, поддерживаемой двумя узкими ремешками.

О появлении Павла Леонидовича мы узнавали по стуку его обуви. А порой в коридоре раздавалось такое рычание тигра, что даже сотрудников с крепкими нервами бросало в дрожь. Старший редактор А. Троицкий, также любивший хорошую шутку, говорил:

— Братцы, наш уссурийский тигр пришел, сейчас нападать будет, спасайтесь!

Весной 1949 года в большом заплечном мешке П. Далецкий принес в издательство том исторического романа «Сорок лет спустя», впоследствии известный читателям под названием «На сопках Маньчжурии»,— о русско-японской войне 1904—1905 годов. Рукопись, насчитывающая полторы тысячи страниц машинописного текста, была прочитана редакторами А. Троицким, В. Воеводиным, главным редактором Е. Наумовым и писателем Л. Рахмановым. Все читавшие сошлись на том, что роман написан талантливо, но нуждается в доработке. Хорошо знали упрямый характер Далецкого, и было решено в редакционном за-

ключении четко обозначить ее рамки. В начале 1950 года при вторичном чтении доработанной автором рукописи стало ясно, что роман менее уязвим, однако требовал еще значительной авторской и редакторской работы. Вот что сказала по этому поводу В. Ф. Панова:

«Роман Павла Далецкого — это большое эпическое полотно, показывающее эпоху русско-японской войны и первой русской революции. Увлеченно, талантливо и убедительно рисует Далецкий позорную для самодержавия войну, в которой плохо вооруженная и обученная, руководимая бездарными и продажными генералами русская армия стала терпеть одно поражение за другим. С исключительной силой написаны военные эпизоды, показывающие, как смелость, героизм и благородство русских солдат и офицеров полностью парализовались всей системой самодержавия».

Далее Панова на примерах показала, что наряду с превосходно написанными главами о японской армии, батальными сценами наиболее слабыми оказались главы о революционном Петербурге, его рабочем классе и интеллигенции.

Летом 1950 года из огромного вещевого мешка Далецкий извлек уже более трех тысяч страниц рукописи. Начался обычный издательский процесс.

В первой половине 1951 года роман «На сопках Маньчжурии» вышел в свет. На страницах «Известий», «Литературной газеты», «Огонька» появились рецензии. Оценка была однозначной. Отмечая значительность произведения, рецензенты указывали на слабые места, ранее отмеченные в издательских документах.

В 1953 году роман «На сопках Маньчжурии» готовился к переизданию. Поздно вечером, устав от дневных издательских забот, любопытства ради я заглянул в редакционную комнату, где Троицкий и Далецкий трудились над рукописью. Троицкий, зачитывая эпизод, умел так расставить акценты, что Далецкий начинал удивляться — он этого не писал.

— Ты, батюшка, ты, батюшка, так плохо написал,— возражал Троицкий.

И шаг за шагом опытный редактор «дожимал» строптивого автора.

Троицкий очень уважал Далецкого, но и не прочь был над ним подшутить. Как-то в присутствии Павла Леонидовича Александр Александрович рассказал, что во время работы над романом на дому у автора был устроен обед в честь редактора:

— На первое была гречневая каша с молоком. На второе — гречневая каша с подсолнечным маслом. На третье — опять гречневая каша.

Далецкий, улыбаясь, ответил, что это сделано в отместку за большие сокращения романа Троицким. Но не таков был Троицкий, чтобы последнее слово осталось не за ним:

— Павел Леонидович, я знаю, вы очень уважаете Панову, считаетесь с ее мнением. Так вот, она подсчитала, что роман Толстого «Война и мир» имеет объем восемьдесят четыре листа, а ваш роман «На сопках Маньчжурии», по ее подсчетам, составляет девяносто шесть листов. Отдавая дань вашему таланту, она полагает, что роман можно сократить на тридцать листов и произведение от этого только

Н. П. Луговцов (1908—1979)

выиграет. А мы с вами сократили только семь листов.

Хочется вспомнить о директоре Ленинградского отделения издательства (1961—1964) Николае Петровиче Луговцове, человеке удивительно скромном, доброжелательном, отзывчивом и корректном. Он умел без шума и лишних слов решить самый трудный вопрос, уладить нередкие конфликты, которые свойственны лю-

бому сложному творческому и производственному процессу. Работая в издательстве — а эта работа отнимала и силы, и время,— он написал ряд критических статей и собрал материал для будущих книг. В нашем издательстве вышли его книги «Михаил Слонимский», «Георгий Холопов», «Ольга Форш» и «Сражающаяся муза» — о подвиге Ленинграда в творчестве советских поэтов.

Не только количеством лет определяется сотрудничество писателя с издательством, а количеством и значимостью изданных книг.

Разговор об известном ученом-литературоведе и критике Владимире Николаевиче Орлове мы начнем с того, что он был не только нашим постоянным автором, но многие годы и сам был издателем, возглавляя известную поэтическую серию «Библиотека поэта». Об этом я расскажу в главе, посвященной «Библиотеке поэта».

В этих же заметках я не ставил перед собой задачу дать законченные и связанные друг с другом воспоминания о Владимире Николаевиче Орлове. Расскажу лишь о некоторых чертах, присущих, пожалуй, только ему.

На протяжении многих лет не припомню еще писателя, который с такой тщательностью готовил бы рукопись для издательства. Порой со стороны казалось, что это какое-то священнодействие. Сама рукопись вызывала уважение к автору своим содержанием, формой изложения, внешним видом.

Когда в производство поступала рукопись Орлова, то корректоры и технические редакторы оспаривали друг у друга право работать над оригиналом, ибо участвовать в издании книги

такого автора всегда было интересно и поучительно, а общение с ним доставляло удовольствие. О высокой степени готовности рукописи можно было судить хотя бы по тому, что при ее вычитке едва набирались максимум две-три опечатки. Оригинал будущей книги всегда блистал каким-то особым изяществом и сопровождался каждый раз рабочим макетом. Заранее было продумано графическое построение издания, соподчиненность отдельных элементов. Особый интерес у всех нас вызывала подготовленная Орловым очередная рукопись для «Библиотеки поэта». Помимо своей основной функции оригинал этот, по существу, был готовым макетом будущей книги. Порой мы удивлялись, как смог автор, печатая на машинке, находить оптический центр размещения стихотворного массива, делать многоступенчатые втяжки. Вот уж кто архитектонику книги чувствовал великолепно.

Возьмите любую книгу Владимира Орлова,— переплет, титул, части и главы имеют строгое шрифтовое решение, приближены к описываемой эпохе, что всегда очень тщательно прорабатывалось вместе с художником.

Владимир Николаевич — автор более двадцати литературоведческих книг. Как у всякого большого писателя, у него есть своя главная книга — дело всей жизни. Но путь от первой публикации (1928 год) статьи о Блоке к этой книге был длиной в полвека. Вот об этом хочется рассказать подробнее.

Начну с подаренной мне Еленой Владимировной Юнгер тоненькой рукописи неопубликованных воспоминаний Владимира Орлова.

Среди отпечатанных на пишущей машинке

страниц на маленьком блокнотном листочке знакомым для меня почерком Владимира Николаевича даты и события его жизни — «1908—1929»; в первом случае дата рождения, во втором — дата окончания высшего учебного заведения. Так вот, в этом листочке есть любопытная строка: «VI.1924 — первый Блок. Мам. под. 16». Читатель, вероятно, догадался, что в июне 1924 года, когда Орлову исполнилось 16 лет, мать подарила ему книгу Блока. Вот что по поводу этого подарка он рассказывает в своих воспоминаниях об Андрее Белом:

«Мама, зная мою страсть к Блоку и сама не зная ни единой его строчки, где-то раздобыла и принесла мне, больному, чудесный подарок — три тома лирики Блока, изданные в 1922 году в Берлине (перепечатка 2-го издания «Мусагета» 1916); эти бесконечно дорогие мне книги сохранились и вместе со всей моей библиотекой будут переданы в Блоковский музей. Так я узнал лирику Блока».

В маленькой статье «Об Институте истории искусств», которая предваряет упомянутые воспоминания, Владимир Николаевич рассказывает: «...на втором-третьем курсе, в 1926—1927 годах, я слыл «блокистом» и «блоковедом». Самих этих понятий еще не было, но уже тогда, в институте, ходил стишок, сочиненный Ниной Шрайдер:

Милый мальчик краснощекий,
И внушительный басок.
Нету бога, кроме Блока,—
И Орлов — его пророк.

Как в воду глядела!..»

С этих пор Владимир Орлов всерьез и на-

долго занялся творческим наследием Александра Блока, и, как показало время, он был одним из самых значительных исследователей творчества Блока.

Помимо активного участия в издании сочинений самого поэта, Владимир Николаевич написал книги: «Александр Блок. Очерк творчества», «Поэма А. Блока «Двенадцать». Страницы из истории советской литературы» и другие.

Пятого июля 1977 года Орлов поставил последнюю точку в рукописи своего большого документального романа «Гамаюн», посвященного жизни и творчеству Александра Блока.

Орлов принес нам фотографию с офорта В. В. Матэ, на котором была воспроизведена картина В. М. Васнецова «Гамаюн — птица вещая», и попросил поместить этот офорт на форзаце книги.

В предисловии, названном «Несколько предварительных слов», Владимир Николаевич рассказывает, как появилось название книги. «...Александру Блоку шел девятнадцатый год, когда, под впечатлением этой картины, он написал стихотворение «Гамаюн, птица вещая»... Прошло несколько лет, и Блок сам стал Гамаюном России, ее вещим поэтом...»

Владимир Николаевич, обычно всегда уравновешенный, спокойно ожидавший корректуру своих книг, в этот раз почему-то очень нервничал и торопил меня.

Казалось, сдав рукопись, он получил возможность передохнуть, однако, видимо от перенапряжения, Орлов в тяжелейшем состоянии был доставлен в больницу. Надо сказать, что все в издательстве были обеспокоены состояни-

В. Н. Орлов (1908 — 1985)

ем здоровья нашего старого друга и давнишнего автора, мы тогда делали все, чтобы ускорить выход книги. Одиннадцатого декабря 1977 года я получил из больницы от него записочку:

«Мне повезло: я попал в те 15 %, которые выходят из реанимации, но все равно меня задержат здесь по меньшей мере до конца месяца. Как Вы понимаете, больше всего меня (и особенно — в нынешних моих обстоятельствах) тревожит «Гамаюн». Думаю, что М. И. Дикман, с которой я успел переговорить и написал ей, сумеет разрешить все вопросы вычитки на 95%, а остальные 5 % (если они будут) Вы разрешите мне решить в корректуре. Поэтому, пожалуйста, не задерживайте сдачу рукописи в набор ни на один день! В январе при всех обстоятель-

ствах я смогу читать корректуру. Очень надеюсь на Вас! Обнимаю Вас.

Вл. Орлов»

Тридцатого декабря 1977 года рукопись была сдана в набор, и спустя немногим больше двух недель мы получили корректуру, в которой насчитывалось 712 страниц. Такие сроки теперь полиграфистам могут лишь присниться.

О том, что корректура получена, мы известили Орлова.

19 января я вновь получил от него записку:

«Как я рад, что уже пришла вся корректура. Вы и сами не знаете, как много делаете для моего душевного покоя, а следовательно, и для здоровья. Спасибо Вам! Я понемногу оправляюсь и к 1 февраля возвращаюсь домой (ненадолго). Надеюсь, что и дальнейшее прохождение книги пойдет таким же хорошим темпом. Это для меня страшно важно.

Обнимаю Вас дружеский
Вл. Орлов»

В марте начались осложнения с подписанием в печать книги, и особенно тех мест в тексте, которые так или иначе были связаны с Николаем Гумилевым.

В присланном письме Владимира Николаевича было сказано:

«В моей книге «Перепутья» («Художественная литература», М., 1976) есть целая глава о Гумилеве (стр. 117—127).

Все, что говорится о Гумилеве в «Гамаюне», имеет источником данные, опубликованные в советской печати в недавнее время (воспомина-

ния Всеволода Иванова, Вс. Рождественского, Над. Павлович и др.)».

Спорить в то время было бесполезно, единственное, чего в лучшем случае можно было добиться, это, идя на компромисс, соглашаться на изъятие отдельных «крамольных» мест и на смягчение некоторых формулировок. Совершенно очевидно, что без согласия автора этого делать нельзя. После довольно долгого сопротивления Орлова было достигнуто приемлемое соглашение, книга была подписана в печать и вскоре вышла в свет.

Когда врачи разрешили Владимиру Николаевичу выходить на прогулку, первое, что он сделал, это навестил своих издателей и одарил их «Гамаюном». На моем экземпляре он написал:

«Совершенно дружеский и с большой
благодарностью

Вл. Орлов».

Летом восемьдесят четвертого года я был обрадован, встретив Орлова в Доме творчества писателей в Комарово.

В теплые и ясные дни я заставал Владимира Николаевича, уединенно сидящего в саду,— уже тогда он был тяжело болен. Особенно его угнетала неожиданно настигшая болезнь глаз, из-за которой он был лишен возможности заниматься писательским трудом. Мы подолгу беседовали, а точнее, Орлов рассказывал, а я слушал.

Для меня было новостью, что рукописи 13 и 14-го томов экспортного издания собрания

сочинений Александра Блока, в подготовке которых он принимал участие, остались под разрушенным в годы войны зданием издательства. Новостью для меня был и его рассказ о встрече с Анастасом Ивановичем Микояном, который расспрашивал о последних днях Александра Блока, о том, как издаются книги Блока. Интересовала Микояна и судьба вдовы поэта — Любови Дмитриевны Блок. Узнав о ее материальных затруднениях, он обещал похлопотать об установлении ей персональной пенсии.

С гордостью в голосе Орлов рассказал о своем первом научном издании Блока — двухтомном собрании стихотворений поэта в малой серии «Библиотеки поэта» в 1938 году.

Может быть, забывая о предыдущих разговорах, или как к очень наболевшему, Владимир Николаевич возвращался к так и не увидевшему свет подготовленному им двухтомнику «Поэты начала XX века» в малой серии «Библиотеки поэта». Разосланный членам редколлегии макет этого сборника в 1966 году получил высокую оценку А. Твардовского, Н. Тихонова, А. Суркова, В. Перцова. Я видел, как озарялось лицо Владимира Николаевича при упоминании имен этих литераторов, с которыми он в течение пятнадцати лет делил радости и горести «Библиотеки поэта».

Это была моя последняя встреча с Орловым, в марте 1985 года Владимир Николаевич ушел из жизни, оставив после себя умные и нужные читателю книги.

Похоронен он на Литераторских мостках Волкова кладбища, недалеко от могилы Александра Блока.

* * *

Листаю тематические планы издательства. Достойное место в этих планах наряду с романами, повестями и стихотворными сборниками занимают книги ленинградских литературоведов.

В большинстве своем — это наши рецензенты, авторы вступительных статей и составители книг «Библиотеки поэта». Люди, активно участвующие в издательском процессе. В книгах ленинградских литературоведов и критиков, наряду с разработкой ряда теоретических проблем, монографии, посвященные исследованию творчества классиков русской и советской литературы. Здесь и критико-биографические очерки о советских писателях, главным образом о писателях Ленинграда.

Каждый писатель приносит в издательство свою тему. Страницы романов и повестей — это мир современника, это рассказ о людях труда города и деревни, о школе, о буднях Советской Армии, об экологии, о семье и доме, о нравственном долге, о революционном прошлом. Нет проблем, нет уголков нашей родины, куда бы не был обращен взгляд советского литератора. Каждый писатель, активно издающийся у нас, заслуживает отдельного рассказа. Как он пришел с первой книгой, как был принят в издательстве, как шла его работа с редактором, художником, корректором, как дальше складывалась его литературная судьба. Но сейчас я хочу вспомнить сборник молодых авторов «Молодой Ленинград», история издания которого насчитывает уже более четверти века.

В начале февраля 1953 года в Ленинград

после заседания Секретариата Союза писателей СССР вернулись директор отделения Л. Л. Досковский и главный редактор Е. И. Наумов. Они рассказали о встрече с Фадеевым, Симоновым, Сурковым. Оценив положительные моменты в работе отделения по повышению идейно-художественного уровня выпускаемых книг, Секретариат указал на крупные просчеты в работе редакции, на отсутствие ее организующей роли в выпуске новых книг и особенно книг молодых авторов. Листаю план выпуска за 1952 год, здесь всего две новые прозаические книги. В плане 1953 года та же картина. Тогда и возникло решение о выпуске в январе 1955 года альманаха «Молодой Ленинград».

Началась сложная и кропотливая работа. Все чаще в отделении начали появляться молодые литераторы с рукописями своих первых рассказов и повестей. Редакторы и писатели старшего поколения внимательно читали эти первые пробы пера, подолгу беседовали с начинающими. Постепенно складывался первый сборник молодых. Стало совершенно очевидным, что молодым не хватает профессиональных навыков, что требуется серьезная литературная учеба. И тогда у Наумова возникла идея создания объединения молодых литераторов при Ленинградском отделении издательства «Советский писатель».

На январском заседании 1954 года редсовет обсуждает организационные вопросы, связанные с выпуском альманаха «Молодой Ленинград». На этом заседании присутствуют члены редколлегии альманаха: Л. Вайсенберг, Д. Гранин, Б. Костелянец, С. Орлов. Макогоненко считает необходимым посылать молодых лите-

раторов на целину вместе со студенческими отрядами. Панова предлагает работать с вузовской молодежью, которая привозит с целинных земель и со строек ГЭС хорошие песни. Наумов советует нашим художникам ознакомиться с работами студентов Института им. Репина, отобрать рисунки, гравюры о буднях Ленинграда. Вайсенберг думает, что основные кадры молодых литераторов надо искать в широких слоях молодежи — среди рабочих, военных, студентов и в литературных кружках.

Спустя два месяца редсовет опять возвращается к вопросу о «Молодом Ленинграде». Выносятся на обсуждение редсовета основные положения формирования альманаха. Е. Наумов считает: «Общий принцип должен быть такой, что в альманахе должны печататься те молодые или начинающие авторы, которые не имеют ни одной книги. Второй принцип — мы думаем, что альманах не должен состоять исключительно только из новых произведений молодых авторов, только что написанных, нигде не опубликованных. Это было бы неверно, потому что ряд молодых авторов публиковали свои произведения в газетах, журналах, например А. Володин — в «Смене». Было бы неверно отказываться от этого материала. Поэтому второй принцип — включать материал, печатавшийся в журналах и газетах. Если бы мы отказались от этого, то работали бы на отходах. А этот материал выпустили бы из рук».

Заседание это проходило в марте 1954 года, до выхода альманаха оставалось менее года. На чем же строилась уверенность в выходе этого издания? Издательство вступило в деловые отношения с молодыми литераторами: А. Во-

лодиным, Р. Достян, И. Коссаковским, Е. Васютиной, Л. Мочаловым. В Союзе писателей А. Чепуров собирал произведения начинающих литераторов, А. Черненко готовил сборник первых рассказов. Из всех этих материалов и должен был состоять первый номер альманаха.

Май 1954 года. Закончился рабочий день. Окна директорского кабинета выходят в типичный ленинградский двор-колодец, и, хотя в городе уже начались белые ночи, здесь полный день горят верхний свет и настольная лампа. Вплотную составлены стулья. Многолюдно и шумно. Здесь и молодежь, которой в годы войны минуло восемь—двенадцать лет, и люди, за плечами которых жизненный опыт и труд. У третьих тяжелая солдатская биография. Что же сюда привело этих людей разных возрастов, характеров и интересов? Желание научиться живому писательскому слову, умению изложить на бумаге виденное и пережитое, возможность убедиться, что помимо желания есть и способности писать. А может быть, и просто романтическое желание стать писателем!

За столом Вера Панова, Леонид Рахманов и Вера Кетлинская. Панова тактично, но вместе с тем требовательно ведет разбор рассказов первого сборника молодых прозаиков, готовящегося к изданию. Подробно говорит о своих первых шагах в литературе, о многотрудной работе над каждым словом, фразой, над каждым эпизодом.

«Профессия наша строгая, требовательная и даже беспощадная, беспощадная в том смысле, что она требует от человека полной отдачи. Дальше я хочу сказать несколько слов о той

профессии, к которой вы идете. Я буду говорить об этом честно и ничего не лакируя.

Пожалуйста, не думайте, друзья, что тут находится тот самый прекрасный луг, где растут лавры и гонорары, так в литературе не бывает. Тут растет и терн, тут бывают и колючки, и зацепки всякого рода.

Мне приходилось читать очень много рукописей молодых писателей в издательстве «Советский писатель», где уже двенадцать лет работаю в редсовете. Есть, бесспорно, очень талантливая молодежь. Но наблюдаешь и другую картину. Пришел молодой писатель, издал один рассказ, его напечатали охотно, потому что, что бы вы ни говорили, а молодых сейчас печатают охотно. Напечатал другой рассказ, и ему показалось, что он нужен и, что бы он ни написал и как бы он ни написал, все это будет публиковаться... И в один прекрасный день находится кто-то, кто говорит: а король-то гол, а король исписался...»

Почти четыре года наставником этого объединения был Л. Н. Рахманов — врожденный педагог, человек удивительного литературного вкуса и такта.

Каждое занятие начиналось с чтения рассказа или повести. Прочитанное обсуждалось. Порой спокойно, но чаще в запале и горячности молодые высказывали свое мнение, не заботясь о подборе слов и выражений. Леонид Николаевич, сидевший в сторонке, едва заметно улыбался. Казалось, его меньше всего заботило прочитанное (он успел это прочесть до занятий). Его больше интересовали суждения выступавших. Здесь он имел возможность оценить мысли, вкус своих воспитанников, постичь

Л. Н. Рахманов (1908 — 1988)

внутренний мир и интересы каждого из них. Потом Рахманов высказывал свою точку зрения. Это был подробный анализ композиции, глубины затронутой темы. Это была учеба. Будущие литераторы учились искать нужное, точное, емкое слово, избегать штампов и красивостей. И недаром объединение молодых литераторов окрещено было «Школой Рахманова». Работая над этими записками, я попросил Леонида Николаевича рассказать об уникальной «Рахмановской школе».

Леонид Николаевич со свойственной ему скромностью ответил на мое письмо следующее:

«Молодым объединением при издательстве я руководил (совместно с Маргаритой Степановной Довлатовой) с 1954 по 1958 год. Занятия проходили по вечерам с 19 до 23 часов раз в две недели, а то и еженедельно. Занимались около 30 начинающих писателей, в том числе Н. Банк, Вад. Беляев, А. Белинский, Е. Васютина, А. Володин, Н. Верховская, В. Голявкин, Г. Горышин, О. Грудинин, Р. Достян, Н. Дементьев, В. Инфантьев, В. Конецкий, И. Кузьмичев, В. Курочкин, В. Левидова, В. Ляленков, Э. Офин, Д. Полянский, Б. Сергуненков, С. Тхоржевский, Я. Пановко, А. Шейкин, Э. Шим. Все они вскоре стали членами Союза писателей, авторами известных книг. Позже вошли в объединение участники руководимых мной межобластных семинаров Андрей Битов, Инга Петкевич, Майя Данини. Как Вы, наверно, знаете, семи из упомянутых выше студийцев уже нет в живых... У меня сохранились (в объемистой папке) многие мои заметки по хо-

ду занятий, отзывы о тех или иных произведениях молодых авторов».

Аскольд Шейкин был председателем бюро объединения. Из его письма я приведу лишь один абзац: «Такт, ум, интеллигентность, выдержка Леонида Николаевича Рахманова естественно делали невозможными какие-либо уж особенно неоправданные высказывания, но поиск истины шел самый активный. Желающих обсудить свое произведение всегда было очень много...»

Глеб Горышин — автор многих книг, изданных в нашем издательстве; вместе с героями своих книг он побывал на целинных землях Алтая, на строительстве Братской ГЭС, в Восточных Саянах, плавал на сейнерах. Двадцать три года ему было, когда он впервые пришел в объединение молодых. Вот что он пишет:

«Занятия в литобъединении при «Советском писателе» в Ленинграде представляют собой, я думаю, единственную, уникальную литературную школу, своего рода литинститут с единственным руководителем семинара. Л. Рахманов и М. Слонимский преподавали нам не столько профессиональное ремесло, сколько щедро делились с нами особенной ленинградской культурой — оба они обладали ею в высшей степени; учили нас святости отношения к литературе; у них за плечами был опыт первостроительства советской литературы и высочайший авторитет, творчески нравственный, и еще педагогический талант».

Воспитанник молодого объединения Сергей Тхоржевский, теперь автор многих художественных книг о деятелях культуры XIX века, вспоминает, как «Рахманов, завершая наши об-

суждения, каждый раз демонстрировал в заключительном слове безукоризненный литературный вкус. Он учил нас требовательности к слогу, беспощадно высмеивал штампы и трафарет, учил ценить метафоры, небанальное сравнение — энергию фразы».

Далее Тхоржевский продолжает:

«Слонимский, как мне помнится, особенно остро видел достоинства и огрехи композиции, отмечал диспропорции в обрисовке главного и второстепенного, умел показать логический ход и подтолкнуть авторское воображение».

Один из участников объединения — Николай Дементьев — рассказал мне, как проходило обсуждение его первых, поначалу наивных рассказов «Тихая Нюся» и «Пелагея Васильевна». Разговор оказался настолько плодотворным, что ему удалось доработать эти рассказы и опубликовать их в «Молодом Ленинграде». Отдавая должное Л. Н. Рахманову, он отмечает и дружескую помощь кружковцев. Дементьев напомнил, что многие члены объединения стали делегатами Второй всесоюзной конференции молодых писателей. А в 1956 году он и его товарищи были приняты в члены Союза писателей.

Вот как запомнились занятия в литературном объединении одному из его активных участников — Владимиру Ляленкову, автору известной трилогии «Борис Картавин»:

«...Кто-то читал рассказ, кто-то вдруг язвительно расхохотался и закричал: — Чепуха! Ерунда! — Это кричал Курочкин, талантливый и честнейший из всех писателей. М. С. (Довлатова.— *А. У.*) его уняла с трудом, дали автору прочесть до конца, а потом разделали его. В атмосфере доброжелательности и

высокой требовательности проходили занятия молодых в „Советском писателе“».

А вот отрывок из письма ленинградского критика и литературоведа Натальи Банк:

«Своим первоначальным образованием критика современной литературы я обязана объединению писателей при Ленинградском отделении издательства «Советский писатель». В это объединение меня, как и моего товарища, однокурсника Игоря Кузьмичева, ввел Евгений Иванович Наумов, мой университетский научный руководитель, в пору его работы главным редактором Ленинградского отделения издательства «Советский писатель». Это было, как известно, объединение молодых прозаиков, и мы с Кузьмичевым воспитывались как будущие критики в живой, творческой среде литературы, были у истоков рождения новых рассказов и повестей В. Конецкого, В. Курочкина, А. Володина, С. Тхоржевского, Э. Шима и многих других писателей, тогда совсем молодых, начинающих... И моя первая печатная работа — рецензия на книгу погибшего поэта Георгия Суворова «Слово солдата» — тоже появилась в 1955 г. в «Молодом Ленинграде». Рабочий с гордостью вспоминает о первой получке, литератор о первом гонораре,— он был у меня за „Молодой Ленинград“».

Пятого ноября 1954 года, в канун праздника, редсовет собрался для обсуждения состава первого номера альманаха «Молодой Ленинград». Настроение радостное, собранного материала хватает даже на два номера. Материал прочитан редколлегией, членами редсовета. Особенно доволен Л. Рахманов — большая часть материала написана его питомцами. Чи-

таю его рецензию, она на шестнадцати страницах машинописного текста. Очень хорошо оцениваются рассказы В. Афонина «Ридочка» и «Подарок». С похвалой он отзывается о первой повести М. Шургина «Зима в Бежице», о рассказах А. Володина «Личная жизнь», Е. Васютиной «День рождения». В альманахе будут помещены три рассказа Э. Офина — «Профессиональная гордость», «Попутчик», «Мечтатели». Говоря об Офине, Л. Рахманов замечает: «Автор — бывший шофер, теперь инженер, преподаватель, не просто бывалый человек, но и хороший стилист». Принимаются талантливые рассказы В. Курочкина «Дарья» и «Скворцы прилетели». По поводу рукописи Н. Дементьева «Рассказ Пелагеи Васильевны» Рахманов говорит: «Рассказ увлек меня правдой и темпераментностью изложения». В альманах включены рассказы А. Шейкина «Навстречу счастью», о людях гидрометеостанции Даак «За Полярным кругом», «Полевая приемка», «Переселение» и три рассказа В. Беляева. Раздел поэзии включает первые стихи С. Давыдова, Л. Мочалова, И. Фонякова, В. Кузнецова, О. Шестинского. В разделе критики свои первые работы напечатали А. Нинов, Г. Цурикова, Н. Банк.

Надо сказать, что и во всех последующих стенограммах просматривается большая заинтересованность редсовета в издании альманаха «Молодой Ленинград». На заседаниях члены редсовета обсуждают впоследствии и первые книги молодых воспитанников литературного объединения. Следует отметить и товарищескую помощь, и требовательность членов редсовета к молодым авторам вторых книг. Многие

Е. И. Наумов (1909 — 1971)

часы были отведены разбору книг Э. Офина, А. Володина, Л. Хаустова, А. Рекемчука, Г. Ходжера. Особенно активно выступали Е. Катерли, В. Кетлинская, Л. Рахманов и В. Панова.

Передо мной на столе лежит первый альманах «Молодой Ленинград» — 1955 года. Вспоминаю, как буквально все готовились к выходу этой книги. В тесных комнатах издательства, за столом в коридоре молодые писатели и редакторы заканчивали последние исправления повестей, рассказов, очерков и стихов. Писатели старшего поколения: Л. Вайсенберг, Ю. Герман, Д. Гранин, П. Далецкий, А. Дымшиц, Е. Катерли, В. Кетлинская, Б. Костелянец, С. Орлов, Л. Рахманов, А. Розен, Г. Семенов, М. Слонимский, Н. Ходза — принимали самое живое участие в отборе материала, в редактуре, а порой своими профессиональными советами помогали улучшить эти произведения.

И вот 12 марта 1955 года главный редактор отделения Е. И. Наумов сделал на рукописи надпись «в набор». Помню, что и мы, производственники, и художники заинтересованно работали над этой книгой.

За четыре месяца была набрана и отпечатана первая в истории издательства «Советский писатель» тридцатилистная книга молодых прозаиков, поэтов, литературоведов. Многочисленные рецензии в периодической печати отметили появление новых имен в литературе. Это был настоящий праздник молодого объединения литераторов, которое получило свою, как это принято говорить, литературную площадку. Это был праздник издательства и ленинградской писательской организации.

Выпуск первого номера «Молодого Ленинграда» был замечен не только в ленинградской печати. На пленуме Правления Союза писателей СССР и на Всесоюзном совещании молодых писателей 12 января 1956 года главным докладчиком был В. Ажаев, он, в частности, сказал:

«Особенно урожайным на новых новеллистов оказался Ленинград. В этом нетрудно убедиться, познакомившись с альманахом «Молодой Ленинград». Я прочел все эти рассказы с интересом и отметил для себя их свежесть и достаточно высокий художественный уровень. Молодые прозаики пытаются поставить, главным образом, вопросы морали. В большинстве рассказов чувствуется серьезность поставленных задач.

Один из самых цельных рассказов в сборнике — «Бабушка» А. Володина. В нем пленяет тонкость отношений, существующих между людьми, изображенных автором с несомненной одаренностью. Запоминается яркостью красок и свежестью деталей рассказ В. Курочкина „Дарья“».

Мне доводилось присутствовать и в последние годы на обсуждениях проектов плана выпуска книг Ленинградского отделения. Когда разговор шел о книгах, представленных к изданию, то особое внимание обращалось на первые книги молодых литераторов. В 1982—1983 годах было принято решение издать две кассеты молодых ленинградских поэтов — «Молодые голоса» и «Перекличка». Одиннадцать молодых поэтических голосов звучат на страницах этих книжечек.

На заседаниях правления издательства я с

интересом слушал, как члены правления обстоятельно и заинтересованно говорили о творчестве молодых. И это понятно. Смена писательских поколений — явление закономерное. Будущее принадлежит молодым, делающим сегодня первые шаги в литературе.

Я преднамеренно свой рассказ об Андрее Битове связал с «Молодым Ленинградом», хотя среди студийцев литературного объединения он не числился. Но он из поколения той талантливой молодежи, которая пришла в литературу в середине 50-х и начале 60-х годов.

Родился Битов в Ленинграде в 1937 году, на годы его детства приходятся война и блокада; здесь, в Ленинграде, он оканчивает институт и получает диплом горного инженера. Но призванием его оказалось писательство.

Известно, что первая книга во многом определяет дальнейшую судьбу автора, быть или не быть ему писателем.

Рукопись своей первой книги «Большой шар», повесть и рассказы, Битов принес в издательство в 1962 году, во многом она мне кажется автобиографичной. Герой повести — студент ленинградского Горного института, в котором учился автор книги, а герои рассказов — вчерашние сверстники Андрея, ленинградские ребята, детство которых совпало с годами войны. Книга была напечатана в 1963 году.

Не припомню другого случая, чтобы первая книга молодого писателя вызвала такое обилие отзывов в печати. «Литературная газета» на своих страницах в 1964 и 1965 годах поместила четыре рецензии писателей старшего поколения, отзывы на эту книгу были в журнале

«Молодая гвардия» и газете «Московский комсомолец».

Несмотря на критические замечания, все рецензенты сошлись на том, что в литературу пришел талантливый писатель.

Но путь в литературу молодого писателя Битова не был усыпан только розами, были и колючки.

Вторая книга писателя — «Такое долгое детство» — вызвала у некоторых строптивых критиков тех лет негативное отношение. Андрея Битова обвиняли в затянувшемся «детстве» на пути к серьезной литературе, хотя читателям, судя по их письмам в издательство, книга понравилась.

Третья книга — «Аптекарский остров» — вышла в 1968 году и вызвала интерес критиков. В пяти рецензиях на эту книгу отмечалось мужание таланта писателя.

Вскоре Битов уехал в Москву, но часто приезжает в Ленинград, в город своего детства, в город, где началась его длинная и успешная дорога в литературу, а ленинградцы по-прежнему считают его своим писателем.

Теперь, когда к Андрею Георгиевичу пришла известность и он наставник следующего поколения молодых литераторов, ему есть что рассказать своим питомцам, оглядываясь на свой, порой сложный, путь в литературу.

Сфера моей деятельности — производство. Превращение рукописи писателя в готовую книгу.

Еще в пору моей юности, работая в типографии, я задумывался над тем, кто же эти лю-

ди, которые пишут книги. Ответ на этот вопрос, как мне думалось, пришел значительно позже, в издательстве. Но оказалось, что только сейчас, работая над этими записками, я по-настоящему начал понимать, как тяжел и ответствен труд литератора.

...Позади военные годы. Я осваиваю новую для меня работу издателя. Что касается полиграфии, то тут почти все знакомо. С любопытством я стал присматриваться к писателям, вникать в редакционную работу. Допоздна засиживался на заседаниях редсовета. С интересом слушал, как обсуждаются книги, которые должны поступить в производство. Порой удивляло, как одной и той же книге давались диаметрально противоположные оценки. Сидя в сторонке, интересно было наблюдать, как члены редсовета вели разговор с писателем по поводу его книги. Как откровенно радовались появлению хорошей книги одного, как терпеливо убеждали другого в том, что книга еще не состоялась, что еще требуется работа.

Горячие споры возникали и по поводу книг профессиональных писателей. Тут уж было не до писательских рангов и имен — в честном споре решалась судьба литературы.

Менялись составы редсоветов. Время выдвигало все новые и более сложные задачи перед литературой. Происходил закономерный процесс — смена писательских поколений. В литературе все больше и больше появлялось новых имен, менялась в какой-то мере и задача редсовета: повысилась ответственность за судьбу молодой литературы.

Особенно памятны мне заседания редсове-

тов первых двух послевоенных десятилетий, участниками которых были О. Берггольц, Ю. Герман, И. Груздев, П. Далецкий, А. Дементьев, П. Досковский, В. Друзин, П. Капица, Е. Катерли, В. Кетлинская, Г. Кондрашев, В. Панова, Б. Лихарев, Е. Наумов, В. Орлов, Л. Рахманов, В. Саянов, Г. Сорокин.

«С удовольствием вспоминаю тогдашние заседания редсовета с участием В. Ф. Пановой, М. Л. Слонимского, В. К. Кетлинской, П. Л. Далецкого,— пишет Л. Рахманов,— живые, подчас веселые, всегда боевитые, откровенные, дружеские беседы. Судьбы всех обсуждаемых книг неизменно решались в обстановке полного и глубокого доверия друг к другу и строгого доброжелательства к авторам...»

В Ленинградском государственном архиве литературы и искусства листаю стенограммы заседаний редсоветов тех лет, и перед глазами встают картины бескомпромиссных споров, очевидцем которых я был, литературных дискуссий между людьми, ясно понимающими всю меру профессиональной ответственности перед многочисленными читателями.

Девятнадцатое июня 1946 года. Первое заседание редсовета. Н. Брыкин информирует о первых месяцах работы отделения, о поступивших рукописях. Обсуждаются повести М. Слонимского «Друзья» и «Стрела». Автор — известный писатель, у него вышло более полутора десятков книг. Б. Эйхенбаум зачитывает свою рецензию, в которой делает вывод, что повесть «Стрела» может быть рекомендована к изданию с доработкой, а «Друзья» (о первых месяцах Советской власти) нуждается в пересмотре авторских позиций и в таком виде не может

быть издана. Рецензия, очевидно, оказалась полезной — восемь лет спустя в нашем отделении вышел роман М. Слонимского «Друзья». На этом же редсовете Берггольц и Прокофьев рекомендуют к изданию книгу военных стихов Б. Лихарева «Поход к фиордам».

Саянов знакомит присутствующих с первой книгой молодого писателя В. Василевского «Военная косточка». Он говорит, что «при той бедности, которая у нас есть, это произведение на тему Ленинградского фронта — лучшая вещь о военной профессии», и считает, что она незаслуженно разругана в рецензии И. Эвентова. Книга вышла в свет в 1947 году.

Спустя почти сорок лет после выхода «Военной косточки» я спросил у Виталия Сергеевича, что значило тогда для него издание этой книги. Вот что он ответил:

— Я ведь начал воевать в тридцать девятом году на Карельском перешейке рядовым солдатом, и в сорок шестом — сорок седьмом годах был еще в армии, правда уже капитаном. Книгу писал урывками. Конечно, первая книга для журналиста имела огромное и нравственное, и юридическое — вступление в члены Союза писателей! — значение. С Виссарионом Михайловичем Саяновым я подружился в 1942 году, когда был журналистом в Двадцать третьей армии в газете «Знамя Победы». Потом я был с ним на фронте при прорыве блокады, при снятии блокады: Ропша, Петергоф, под Нарвой и все остальные большие и малые битвы. Саянов был человеком переднего края, он был смелым солдатом. И он был добрым, отзывчивым и мне всегда помогал — читал рукописи, помогал в публикации...

Г. Э. Сорокин (1898—1954)

...Январь 1947 года. Главный редактор Сорокин рассказывает членам редсовета о состоявшемся заседании секретариата Союза писателей СССР, на котором рассмотрен план издательства на 1948 год. Ленинградское отделение в этом плане представлено 57 книгами (против 13 книг в 1947 году).

Редсовет утвердил к изданию: повесть Э. Грина «Ветер с юга», первую книгу А. Розена «Полк продолжает путь», повесть И. Кратта «Ладога», книгу Т. Кубанского «Мои товарищи» и роман Г. Холопова «Огни в бухте». По поводу этого романа Сорокин сказал: «Книга интересна тем, что С. М. Киров выступает не только как организатор, но и человек большого творческого начала в жизни».

Редакционная работа по этой книге шла главным образом за счет изъятия второстепенных сцен и эпизодов...

Март 1947 года. В числе других вопросов редсовет обсуждает переиздание романа Ю. Германа «Наши знакомые». И. Груздев высказал мнение, что роман, изданный в 1936 году, не будет воспринят читателем сегодня. А. Прокофьев (который был очень дружен с Германом) пишет в рецензии на эту книгу: «„Наши знакомые“ Ю. Германа это уже не наши знакомые... в таком виде книгу издавать нельзя, переработка ее, мне думается, невозможна». Прокофьев, в общем правильно оценив тогда роман, ошибся в одном — он не учел творческих возможностей писателя. Пятнадцать лет спустя, в 1961 году, переработанный и дополненный, роман вышел в свет в нашем издательстве. Насколько это было важно для Германа, следует из цитаты, которую я при-

вожу из книги Л. Левина «Дни нашей жизни»: «Теперь, когда путь Германа завершен, особенно ясно видно, что к своей трилогии он пришел не от «Вступления», каковы бы ни были его достоинства, а от «Наших знакомых», каковы бы ни были их недостатки».

Такова история одного литературного спора тех лет.

Ноябрь 1947 года. Литературовед Р. Мессер рассказывает, с каким удовольствием она читала повесть Елены Катерли «Завод, где директор Стожаров». Повесть о жизни людей одного ленинградского завода, который в условиях блокады ремонтирует танки,— это вместе с тем повесть о любви, о прекрасной дружной семье, о человеческом достоинстве, о вере в победу, несмотря на голод и страдания. Леонид Рахманов, который рецензировал эту повесть, взволнованно писал: «Написать о блокаде Ленинграда так, чтобы морозным февральским солнцем 1942 года осветить путь людей ленинградского рядового завода на пять лет вперед, говоря о страданиях, сказать полным голосом об их мужестве, показать, как работали они у ледяных станков при свете моргалок, с черными от голода и этих моргалок и жаровен лицами, и в то же время не закоптить их души, может только смелый и искренний художник».

Читая стенограмму, я вспомнил горячий спор, возникший на этом редсовете по поводу другой книги. Герман на редсовете отсутствовал. Сорокин зачитал его рецензию на роман В. Кетлинской «В осаде». Рецензия Германа была суровая, в ней больше говорилось о недостатках, чем о достоинствах романа. Выступавших было много. Л. Плоткин и И. Кратт отме-

чали достоинства этого произведения, хотя в частностях и были согласны с Германом. Редсоветом роман был принят с доработкой. Позже В. Кетлинская рассказала мне, что, прочтя рецензию, она долго злилась на Германа, хотя очень его уважала.

Роман «В осаде» вышел в 1948 году. В книге многие замечания Германа были учтены.

На майском заседании в 1948 году члены редсовета были заняты формированием плана будущего 1949 года. Сорокин отметил, что впервые за два года удалось составить реальный план. Потом выступил Прокофьев, он сказал: «Мы должны отнестись к плану 1949 года положительно. Здесь не только самотечные рукописи, но и организация, и нужная инициатива, проведенная издательством. Мы видим авторов, впервые переступающих порог издательства „Советский писатель“».

А вот как отнесся к плану Герман: «Меня также обрадовал план, мне кажется, что здесь настоящая удача, которая должна иметь большой успех... план актуален, и семь новых книг это нешуточное явление».

На многих заседаниях редсовета шли обсуждения произведений ленинградского писателя Г. Гора. Члены редсовета были обеспокоены творческими неудачами этого писателя. На одном из таких редсоветов по поводу повестей Г. Гора «Анна», «Последний экзамен» и «Остров будет открыт» Дементьев сказал: «Книгу Гора в таком виде издавать нельзя. Хотя эти повести представляют для Гора движение вперед из того условного мира, в котором он пребывал. Можно говорить о каких-то элементах, слоях реализма в этих произведениях, но вся вещь,

все содержимое далеко от действительности, от земного мира, мир очень условно показан, все недосказано, все недоговорено, все движение очень разбросано».

Редакция и редсовет прикрепили к нему редактора А. Островского. Товарищеская требовательность и помощь помогли. И начиная с книги «Ошибка профессора Орочева» до последних книг он радовал нас хорошими произведениями.

В 1953 году начал свою работу новый состав редсовета, и с этих пор ленинградское отделение обрело самостоятельность. Помимо Л. Досковского и Е. Наумова секретариат ССП утвердил членами редсовета В. Кетлинскую, Г. Макогоненко, Е. Катерли, В. Панову, А. Прокофьева, Л. Плоткина, Л. Рахманова, Б. Лихарева. Редсовет занялся неотложными делами, а их было много.

Известно, что Леонид Николаевич Рахманов всегда дорожил мнением Пановой, особенно когда речь шла о творчестве молодых писателей из объединения, которым он руководил. Однако это не означало, что он всегда и во всем соглашался с ней в оценке того или иного произведения. Но таким резким и взволнованным, как на февральском заседании редсовета в 1956 году, я его видел впервые.

Только что закончилось обсуждение книги рассказов Эмиля Офина, одного из участников объединения молодых литераторов. Елена Осиповна Катерли и Вера Казимировна Кетлинская, как считал тогда Рахманов, справедливо указали, что во второй книге этого писателя нет движения вперед, а наоборот, она повторяет

все слабости первой книги и рукопись следует вернуть автору на доработку.

И вот на очереди обсуждение второй книги его же питомца Александра Володина «Право на счастье». Главным докладчиком по этой книге была Вера Панова. В каких только грехах она не обвиняла Володина. Что его рассказы «Полинька из Леснова», «Урок», «Бабушка» и повесть «Валя» напомнили ей детское увлечение книгами Лидии Чарской, а рассказ «Бабушка» написан по Клавдии Лукашевич. И далее, обращаясь к сидящему на редсовете Володину, Панова сказала:

«У вас есть один общий недостаток: происходят события, но они не накладывают никакого отпечатка на героя, герои не меняются. Вы создали видимость производственного конфликта, там консерватор, там новатор, передовая девушка, нам это не интересно. Надо дать этой теме выход в жизнь».

Выступавший вслед за Пановой редактор Всеволод Воеводин сказал:

«Сегодня странное, необычное обсуждение — с одной стороны, плодотворное (на этом заседании редсовета была принята к изданию повесть Геннадия Гора «Однофамилец».— *А. У.*); с другой стороны, огорчительное, огорчительное потому, что два молодых, наиболее одаренных прозаика как-то запутались. Нет авторской точки зрения на героя. Все герои живут половинчатой жизнью, в ожидании их активности мы наблюдаем подобие активности...»

Сколько раз я слушал и наблюдал за выступлениями Рахманова на редсоветах, всегда это было интересно, обоснованно, с некоторой долей юмора. На этот раз лицо было нахмурено,

глаза смотрят с какой-то укоризной, чувствовалось, что он очень нервничает и волнуется.

«Мне было обидно слушать,— сказал Рахманов,— сегодня высказывание Веры Федоровны. Меня также не удовлетворяет приглушенная интонация Всеволода Петровича Воеводина, но интонация Веры Федоровны меня огорчила. Повесть была рассказана не так, как она написана, она рассказана была, как рассказывают критики, не объективно. Вы забыли, как писала Чарская, не стоит перечитывать Чарскую, у нее все на истерике».

(Вера Панова: «Чарскую беру обратно!»)

«Возьмите и Лукашевич,— продолжал Рахманов.— Бабушка мне очень нравится, там в рассказе нет и намека на потребительское отношение этого «ничейного внука». За этими материальными отношениями — душевные отношения. Бабушка очень простая, неграмотная, а мальчик совсем еще мальчонка, за этим стоит духовная теплота, и при чем тут Лукашевич? Многие из ваших замечаний я принимаю, хотя, повторяю, мне не нравится интонация. Третье замечание — о ремесленничестве — вот уж нет!»

Принимается решение дать почитать эту рукопись еще трем членам редсовета: Кетлинской, Катерли, Лихареву.

И теперь, спустя более тридцати лет, я попросил Александра Володина рассказать, как он оценивает все сказанное тогда в его адрес и как это повлияло на его литературную судьбу.

— Особенно обидно мне было слушать обвинение Пановой в подражании Чарской и Лукашевич, мне не по душе их творчество. Я всегда

боялся и избегал сентиментальности. Но после выступления Пановой на этом редсовете во мне что-то изменилось. Я понял, что мое призвание не проза. Мне мои герои виделись в движении на сцене. Кстати, в это время на сценах ленинградских и московских театров успешно дебютировала моя первая пьеса «Фабричная девчонка». Литературное объединение мне тогда дало многое. Леонид Николаевич учил нас так писать, чтобы каждый шаг героя был не просто шаг, а действие...

Читатель может спросить — а что же с книгой? Книга так и не состоялась, но позднее в нашем издательстве вышли две книги пьес Александра Володина — «Портрет с дождем» и «Осенний марафон». Теперь он известный не только у нас, но и за рубежом драматург.

В начале апреля 1954 года редсовет обсуждал поэму О. Берггольц «Город славы», изданную у нас в конце того же года под названием «Верность».

Я был очевидцем спора вокруг этой книги. Ни один из участников заседания, а их было четырнадцать, не остался в стороне. Были зачитаны рецензии Б. Костелянца, А. Прокофьева.

«...Я считаю, что это произведение очень большое, соответствующее таланту Берггольц,— сказал Прокофьев,— но я писал об этом с сокрушенным сердцем, как говорится, потому что талант Ольги Берггольц я уважаю и люблю, но в этой трагедии очень много такого, что меня смущает. Тема страдания там превалирует над другими чувствами и действиями героев...»

Панова возразила Прокофьеву:

«Что же плохого в самой теме страдания? Это авторская индивидуальность, человек не может иначе писать, как на трагедийном материале...»

Потом выступил В. Базанов:

«Можно согласиться с рядом замечаний Прокофьева, которые касаются отдельных лексических элементов поэмы, но возражать против пафоса ее творчества нет никаких оснований... Берггольц — одна из немногих поэтов, которые чрезвычайно близко подошли к такому народному пониманию Отечественной войны».

И вот слово Ольге Берггольц:

«Не могу же я вычеркнуть страдание! Что же мне вычеркивать, если идет война, люди страдают, кругом страшная действительность»,— сказала поэтесса.

На этом заседании выступили: Л. Рахманов, Е. Наумов, В. Воеводин, В. Кетлинская. Все они поддержали книгу.

«Я голосую за трагедию, но прошу прислушаться к моим словам»,— сказал в заключение Прокофьев.

Так закончился еще один литературный спор. И, читая изданную у нас в 1979 году книгу критика Д. М. Хренкова «От сердца к сердцу. О жизни и творчестве О. Берггольц», я не удивился той оценке, которую он дал этой поэме: «Берггольц предельно сжато и поэтически точно выразила мысли миллионов советских людей, оставшихся на временно оккупированной врагом территории».

Круг интересов писателей, входивших в состав редсовета, в послевоенные годы не ограничивался заботой о формировании плана выпус-

ка изданий, разбором достоинств той или иной рукописи. Я бы сказал, что это было такое содружество, которому было до всего дело — и помощь молодым писателям, и улучшение практики рецензирования и редактирования. Для них также представляла интерес производственная и финансовая деятельность отделения.

Рассказ о моем отчете об этой деятельности на заседании редсовета 22 ноября 1961 года выбран не случайно, поскольку этот год примечателен одним событием — встречей с английским издателем.

Свое сообщение я начал с того, что Ленинград, как и прежде, является основной полиграфической базой издательства и заканчивающийся год не является в этом смысле исключением. Из четырехсот книг плана выпуска двести пятьдесят будут напечатаны в Ленинграде. В это количество входят семьдесят три книги ленинградских писателей, шестьдесят три из них вышли в свет до первого ноября, десять книг будут, безусловно, напечатаны до конца года.

Члены редсовета были огорчены моим сообщением, что план по прибыли в этом году не будет выполнен.

И надо же было, продолжал я свой рассказ, чтобы в этот не очень удачный для нас год наше отделение посетил английский издатель; его сопровождала миловидная переводчица. Директор отделения Василий Грудинин тогда был в отпуске, а главный редактор Борис Лихарев хворал, и в качестве полпреда на переговорах пришлось выступать мне. Фамилию этого господина за давностью лет не помню, а фирма,

которую он представлял, называлась, кажется, «Мэтуэн энд компани»...

Девчата из производственного отдела принесли три чашечки крепкого кофе.

Свой рассказ о Ленинградском отделении я начал с того, что издательство «Советский писатель» не является собственностью государства, а принадлежит Союзу писателей СССР, отсюда и задача — издание книг советских писателей. Государство поощряет деятельность нашего издательства, мы освобождены от уплаты налога с оборота, нам выделяются фонды на бумагу и переплетные материалы, закреплены государственные типографии, которые обязаны печатать наши книги, оптовая книжная база принимает готовые тиражи для продажи.

Переводчица попросила меня говорить медленнее, чтобы она успевала переводить.

Я рассказал о процедуре приема рукописи к изданию, сказал, что в оценке произведения принимают участие наиболее опытные и авторитетные писатели. Дальше штатный редактор вместе с автором доводят рукопись до готовности к изданию; художник, технический редактор и корректор делают свою часть работы до отсылки в типографию. Но на этом издательский процесс не исчерпан, мы еще дважды до подписания в печать читаем корректуру.

Я обратил внимание, что у моего собеседника выражение лица человека, не понимающего, о чем идет разговор; особенно это стало заметно, когда я заговорил о том, что издательство завозит в типографию бумагу, картон, переплетную ткань.

Типографии требуется еще примерно месяц — полтора на печать и изготовление тира-

жа. Дальше оптовая книжная база забирает тираж и сразу платит нам деньги по номиналу за вычетом 25 % торговой скидки.

Не успел я закончить рассказ, как мой коллега покачал головой и сказал:

— Нас такой бизнес не устраивает, наше дело — отобрать хорошую рукопись, подготовить оформление и все это направить в типографию, указав, сколько книг в обложке или переплете должно быть готово к обозначенному в документе сроку. Затем типографская фирма готовит тираж, доставляет в наш фирменный магазин. Таким образом, кроме финансовых расчетов за издание мы этой фирме ничем не обязаны, разве только если появится необходимость в допечатке тиража по сохранившимся в типографии печатным формам.

Скажу правду, в душе я позавидовал английским издателям — и цикл издания сокращен, и нет мороки с бумагой и транспортом.

— А теперь расскажите о механизме ценообразования книги,— попросил меня английский коллега и добавил: — Если не секрет, какую сумму составляет годовая прибыль?

— Номинал, или цена на книгу, у нас устанавливается независимо от затрат на ее издание...

По мере моего рассказа лицо моего собеседника вытянулось от удивления, в голове бизнесмена не укладывалось, что цена книги не зависит от затрат. Что касается прибыли, то она составила за год полтора миллиона рублей, хотя среди реализованных книг было много убыточных, прибыль для нас не главное. Мы знаем, что поэтические книги убыточны, однако мы их издаем.

На это мой собеседник сказал, что он бы такого работника, который хочет разорить его фирму, уволил через два-три дня... В отместку ему я сказал, что, несмотря на его опытность, он бы нам как сотрудник вообще не подошел.

Оба мы и наша милая переводчица рассмеялись, когда она закончила перевод нашего обмена «любезностями».

Так вот, и не начавшись, закончилась моя карьера английского издателя.

И сейчас, когда я пишу эти строки, я невольно ловлю себя на мысли, что, пожалуй, нашим советским издателям не худо бы получить уроки бизнеса в теперешние времена перестройки...

И еще об одном заседании редсовета и о судьбе одной рукописи...

Один из старейших ленинградских писателей Илья Яковлевич Бражнин стал сотрудничать с нашим издательством задолго до войны. Его книги «Мое поколение» (1937) и «Друзья встречаются вновь» (1940), изданные у нас, пользовались в те годы успехом у молодежи. После войны мы издали еще четыре книги этого автора. Илья Яковлевич был одним из первых членов редсовета послевоенных лет. Бражнина по его книгам знали несколько поколений читателей. За свою долгую жизнь он написал более сорока книг.

Мое знакомство с Ильей Яковлевичем началось в 1927 году, когда он, двадцатидевятилетний корреспондент газеты «Смена», освещал на ее страницах спортивную жизнь города. Многим ленинградцам этот высокий худоща-

вый мужчина был знаком как участник традиционного пробега Пушкин — Ленинград.

После такого короткого рассказа давайте обратимся к материалам заседания редсовета, которое состоялось в феврале 1965 года.

Прежде всего следует сказать, что даже у опытных писателей бывает порой творческая неудача, и здесь совет товарищей по писательскому цеху дает порой добрые результаты.

На этом заседании, на которое собрались такие писатели, как Панова, Кетлинская, Гранин, Плоткин, Капица, Рахманов, Владимиров и другие, шел заинтересованный разговор о рукописи Бражнина «Южная тетрадь» — записки военного корреспондента. В отличие от установленного порядка, когда на новое произведение писателя заказываются две рецензии, рукопись Бражнина рецензировали пять писателей (Владимиров, Гранин, Капица, Плоткин, Розен). И все как один помимо частных замечаний сошлись на одном: рукопись написана двадцать лет спустя после окончания войны, а сегодняшнего взгляда на события тех лет нет!

Выступая, Сергей Владимиров к сказанному добавил, что автор не определил жанр книги,— с одной стороны, в рукописи корреспонденции из газет того времени, с другой — явная беллетризация.

Слушая же выступление Рахманова — его рассказ был очень интересен,— мне показалось, что ему хотелось снять горечь неудачи у Бражнина и подвигнуть всех присутствующих на более конструктивное отношение к рукописи.

«Я книгу не читал,— начал Рахманов,— но

хочу сказать о другом. Мне было очень огорчительно слушать многое, что написано в рецензиях. Дело было так. 24 июня мы с Бражниным были мобилизованы и поехали на север. Ехали на третьей багажной полке, привязались ремнями к отоплению. Было у нас полтора места, мы положили друг на друга ноги и так ехали три дня до Мурмана. Там я видел замечательную работу корреспондента Бражнина. Он не разгибаясь сидел за столом, если не бывал на аэродромах,— это был настоящий труженик.

Я не знаю, какой образ автора в этой книге; это очень трудно — писать самому свой образ. Но я его видел там. Мы были моложе, но Илья Яковлевич был настоящим тружеником войны. Может быть, ему даже неизвестно, что я называл его «часовщик Севера» (газета наша называлась «Часовой Севера»), потому что он все время писал и ничего, кроме труда, не было.

Потом мы расстались, меня повезли в Ленинград. Когда Бражнин переехал на юг, я не знаю.

Рецензии, если говорить по-честному, все кислые,— даже те, которые содержат оптимистические выводы. У меня после прослушивания всех рецензий складывается такое мнение, что автору нужно еще подумать над своей книгой. У всех бывают удачи и неудачи, и неудачу можно дотянуть до удачи...»

Затем слово взял Бражнин.

«Не знаю, выйдет ли у меня. Немного истории. Может быть, она здесь уместна. Вот с Рахмановым мы ездили на войну. Это было 24 июня. Тринадцать месяцев я был на Севере. Потом заболел. После госпиталя Южный фронт. Вернулся домой поздней осенью 1945 года. За эти

четыре с половиной года много повидал, много выстрадал, многому научился. Научился, в частности, ненавидеть, что было для меня очень трудно, у меня сердце неподходящее для этого чувства. Почему излишне часто упоминание о фашистах, об их зверствах? Когда я вошел в ворота Освенцима через день после того, как его заняли, я увидел у ворот костер, там обугленные трупы. Голова человеческая лежит. Лежит с развороченным чревом женщина, нагая, и ребенок вынут оттуда, лежит рядом! Вот это фашисты! Я и не могу писать о них спокойно и говорить хотя бы сейчас спокойно».

Далее Бражнин говорит, что во многом согласен с рецензиями и будет работать, но не видит заинтересованности издательства. Последние слова Бражнина были несправедливы по отношению к издательству, что заставило меня сказать:

— Вероятно, Илья Яковлевич забыл, с каким уважением редакторы работали над рукописями его книг, изданных у нас. Сейчас мы не в состоянии вступить с автором в договорные отношения. Но, судя по выступлению главного редактора, издательство ждет от Бражнина эту новую книгу.

Как бы я ни сердился за это выступление на Бражнина, не могу не рассказать вот что. Вы, видимо, обратили внимание на то, что сказал Илья Яковлевич: «Научился, в частности, ненавидеть, что было для меня очень трудно, у меня сердце неподходящее для этого чувства». И тут я вспомнил мои частые встречи с Ильей Яковлевичем в Доме творчества в Комарово. Из столовой он всегда выходил, запасшись кормом для птиц. Вот какую картину я наблюдал в

погожие летние дни: на ладони у этого высокого, убеленного сединой человека лежали кусочки еды, и на легкий посвист к нему слеталось столько синичек, что они едва умещались на ладони. Пока гости расправлялись с пищей, он радостно улыбался и мелодично им насвистывал. Позавтракав, «гости» улетали до обеда и ужина. Действительно, доброе сердце было у этого человека.

А что же с книгой? После двухлетней работы автора и серьезной работы с опытным редактором Александром Рубашкиным книга в июле шестьдесят седьмого года вышла в свет. А у нашего редактора в память о той нелегкой работе осталась на экземпляре книги «Южная тетрадь» дарственная надпись: «Александру Ильичу Рубашкину, приятному и полезному, приносится сие в дар не пользы, а приятства ради. Бражнин».

Этот краткий рассказ о работе редсовета закончу одним выступлением Веры Казимировны Кетлинской:

«...Я подумала, как работает редакционный совет, работать в котором я очень люблю и охотно иду сюда. Для меня совершенно бесспорно, несмотря на то что, конечно, в том или ином случае личные наши литературные вкусы известную роль играют, но все же наши обсуждения всегда бывают объективными, всесторонними, в интересах литературы, в интересах автора, и когда мы долго и упорно спорим с авторами в интересах автора и в интересах литературы, и когда в результате больших споров мы по-хорошему договариваемся и между собой, и с автором. Здесь всегда деловая, творческая обстановка».

В словаре русского языка вслед за словом «издательство» идет пояснение — «учреждение, издающее произведения печати...». Это сухое и казенное слово «учреждение» вряд ли отвечает существу издательского процесса. Думаю, что касается издательств, занятых выпуском художественной литературы, то это скорее творческая организация, наделенная производственной функцией.

Вот автор закончил свою работу над рукописью. Первый, кто знакомится с новым произведением писателя,— редактор. Бывает так, что уже после первого прочтения он определил свое отношение к рукописи; бывает и по-другому, когда у редактора появляются сомнения. В том и другом случае рукопись должна быть направлена на рецензирование.

Хочу рассказать о двух рецензиях. Одна из них написана Верой Федоровной Пановой на роман Виссариона Саянова «Лена», другая — Сергеем Спасским на роман в стихах «Колобовы» того же Саянова.

Когда я стал читать пространный отзыв Пановой, я подумал, как же должен был быть благодарен ей Саянов за очень дельные и конструктивные замечания. Это хорошо видно из пометок Виссариона Михайловича на полях рецензии; приведем некоторые из них:

	«...В романе много длиннот; убрать их значило бы сделать роман более занимательным. Например, рассказ
Саянов: нельзя	о том, как девятилетний мальчик Петя отправляется на поиски Золотого Лога, чтобы найти самородок и отдать его бедным рабочим (318—364 стр.).

Можно Рассказ Ваньки о том, как за ним бе-
убрать жал крест (389 стр.). Анекдот о Льве
можно Толстом. Длинная (две страницы)
убрать песня, пропетая Касьянычем.
можно ...Все представители полиции изобра-
убрать жены несколько однообразно, даже
наружность у всех одинаковая —
хрестоматийно уродливая. Я по-
лагаю, что такой талантливый и
опытный писатель, как Саянов, мог
бы дать более глубокие характери-
Верно! стики...
Многие из этих противоречий объяс-
няются просто рассеянностью, тем,
что рукопись плохо выправлена. Чем
же иным можно объяснить, что за
несколько лет до Октябрьской рево-
люции тайный советник Вонляран-
Верно! ский говорит купцу-золотопромыш-
леннику Басову: «Я ведь уже слы-
шал о вашем приезде в Ленинград».
Рекомендую изменить и отчество
Белозерова, нехорошо, в одном рома-
не существуют и Иннокентий Нико-
Верно!!! лаевич и Иннокентий Порфирьевич.
Вынести суждение о художественной
яркости основных сюжетных линий
по первой, вступительной книге боль-
шой эпопеи не представляется воз-
можным, т. к. судьбы всех героев
(кроме Груши) еще не развернуты и
характеры не успели проявиться в
больших событиях... Субъективно
автору кажется, что это более чем
возможно, но не автору об этом су-
дить, автору кажется, что и первый

(недостаточно отредактированный самим автором) том дает основания решить вопросы о значении и качестве произведения и об образах его героев.

С конкретными критическими замечаниями на 90 % согласен. 19 августа 1952 г. *Саянов*».

После некоторого размышления Саянов попросил отсрочку на год, и многое, что указывалось в большой рецензии Веры Пановой, он творчески осмыслил. В 1954 году роман вышел в свет.

Что касается рецензии Сергея Спасского на рукопись стихотворного романа «Колобовы», то здесь я ограничусь письмом Виссариона Михайловича:

«Уважаемый Сергей Дмитриевич!

Огромное большинство Ваших замечаний учтено и необходимые исправления в тексте моего стихотворного романа внесены. За советы большое спасибо. Книга от исправлений только выиграла. Но есть некоторые места, которые я оставил без изменения».

Далее Саянов перечисляет те места в поэме, которые он оставил без изменения.

«Итак, я отстаиваю немного мест. По-моему, это очень немного, если учесть, что в поэме больше четырех тысяч строк.

Я подсчитал, сколько изменений сделано мною на основе Ваших замечаний. Оказалось,

что в тексте сделано более двухсот исправлений».

И еще об одной рецензии.

В 1957 году в издательство пришел никому тогда не известный Анатолий Клещенко. Борода, усы с проседью и усталые глаза преждевременно старили этого подвижного и сравнительно еще молодого человека — ему шел тридцать шестой год. Принес он тогда свой первый сборник стихов «Гуси летят на север». Мы знали трагическую судьбу Анатолия Дмитриевича. В свои неполные двадцать лет он был облыжно обвинен, арестован и только после смерти Сталина был полностью оправдан. Этот человек сумел сохранить душу, талант и, более того, стать настоящим писателем.

Словно торопясь наверстать упущенное за шестнадцать лет неволи, автор антисталинских стихов «Пей кровь, как цинандали на пирах, режь нас, овчарок злобных уськай...» стал каждый год приносить нам свои произведения.

Рукопись стихов «Гуси летят на север» Клещенко сдал нам, когда план выпуска был уже утвержден. Старший редактор Александр Троицкий сумел тогда в первой книге разглядеть среди слабых стихов несомненный дар поэтического видения, талант автора. Чтобы убедить Москву и отыскать место в плане в том же году, он просит известного поэта Александра Гитовича прочесть книгу и написать о ней. Вот что написал Гитович:

«Я давно — еще задолго до войны — знал стихи Анатолия Клещенко. Уже тогда был уверен в том, что дарование его незаурядно, что, когда выйдет его первая книга,— люди, любящие стихи, уверятся в том, что еще один поисти-

не молодой и свежий голос зазвучал в нашей советской поэзии...»

Книга вышла в свет в том же году.

Ровно через год автор принес нам вторую книгу стихов — «Добрая зависть», в этот раз ее рецензировал литературовед и критик Зелик Штейман, которому места действия героев этой книги были хорошо знакомы, он сам был арестован в 1936 году, пробыл в лагерях и поселениях Крайнего Севера двадцать лет, более четверти века не печатался. Он высоко оценил талантливую книгу.

Третья книга — «Избушка под лиственницами» — была напечатана в 1959 и 1961 годах. Эта первая книга прозы поэта отличалась, как говорили наши редакторы, поэтическим настроем. Вот что тогда написала об этой книге Панова:

«Анатолий Клещенко не только талантливый поэт, но и талантливый прозаик.

Талант этот светлый и свежий. Я, например, не знаю в литературе таких диалогов, как разговоры Василия Захаровича с начальником милиции и с прокурором в рассказе «Царская шапка»...

Кроме несомненного и яркого дарования, в прозе Клещенко (как, впрочем, и в стихах его) очень привлекательно знание материала. Природа, охота, рыбная ловля, подробности таежного быта и труда, характеры и речь героев написаны с прекрасной достоверностью. Читатель входит в эту жизнь легко и доверчиво, как в родную стихию...»

Книгу мы предложили в план выпуска 1960 года.

Осенью 1959 года, когда на пленуме правле-

ния издательства в Москве утверждался план 1960 года, известный тогда писатель Ефим Николаевич Пермитин высказал желание познакомиться с корректурой книги Клещенко, опасаясь за точность знания автором той области человеческой деятельности, о которой повествуется в рассказах.

И вот что написал нам после прочтения Пермитин — автор многих романов, где события, как и у Клещенко, происходят на земле Сибирской:

«Рад отметить, что восторженная аннотация на сборник рассказов Анатолия Клещенко «Избушка под лиственницами» полностью совпала с моим впечатлением о книге, прочитанной по верстке.

В советскую литературу, осмелюсь утверждать, пришел молодой, талантливый писатель, со своим самобытным языком, с большими жизненными наблюдениями, с подлинно поэтическим ощущением родной природы...»

Обратите внимание, как почти дословно совпадают оценки творчества Клещенко у двух видных мастеров советской литературы — Веры Пановой и Ефима Пермитина.

Председатель правления издательства Лесючевский на рецензии Пермитина написал: «Приобщите к делу рассмотрения книги. Поздравляю Вас с таким результатом контрольного чтения...»

И хотя книга эта стояла в плане выпуска 1960 года, мы издали ее на исходе пятьдесят девятого года.

Талант Клещенко набирал силу. В 1967 году мы напечатали первую повесть — «Распутица кончается в апреле», и еще через два года

(1969) новую повесть — «Дело прекратить нельзя».

«Дело прекратить нельзя» была последней книгой автора. Во время поездки по Камчатке (1974) Анатолий Клещенко трагически погиб.

Отдавая дань памяти погибшему, издательство в 1979 году издает сборник его лучших стихов «Ожидание» и в 1984 году сборник повестей и рассказов «Долг». Прожил Клещенко пятьдесят три года, из них пятнадцать лет в тюрьмах, лагерях и поселениях, и все же за короткую жизнь написал двенадцать книг стихов, рассказов и повестей. И, словно предугадывая свою жизнь, написал в одном стихотворении:

Раз пройди по тайге, на
    валежниках мокрых скользя,
И заставит она тебя душу
    достать из-под спуда!
И поверишь тогда, что туда не
    вернуться нельзя,—
Пусть затем, чтоб уже не
    вернуться оттуда.

Особая ответственность ложится на рецензента, когда он читает рукопись первой книги молодого писателя. Здесь, как мне кажется, от правильной оценки зависит не только судьба писателя, но и судьба человека.

Что же мне представляется здесь главным?

В первом опыте начинающего писателя надо уметь разглядеть, талантлив ли человек, а талант — вещь не приобретенная, талант можно только развивать и совершенствовать.

Много можно было бы привести примеров, когда способность молодого поэта к версифика-

ции принимается за талант, когда удачно выбранная тема, лихо написанные образы тоже принимаются за талант. А расплата наступает вскоре, когда «поэт» и «прозаик» приходят в издательство со второй книгой. Тут и становится ясным, что вторая книга не состоялась, не хватило таланта, начинаются мытарства, хождения, жалобы.

Словом, рецензирование является одним из наиболее важных составных элементов редакционного процесса работы над рукописью.

И как часто ломаются писательские судьбы, когда на пути писателя вместо доброжелательного и добросовестного критика и советчика встречаются люди с безразличным отношением к написанному или, еще хуже, люди недобросовестные.

Мы начинаем свою встречу с книгой с ее внешнего оформления. Переплет, титульная страница, портрет дают первое представление об авторе и его книге.

Читателю невдомек, что напечатанные на последней странице мелким шрифтом фамилии редактора, технического редактора, корректора имеют прямое отношение к созданию книги. Это и есть те люди, труд которых венчает выход книги в свет.

Я внимательно следил за дискуссией на страницах «Литературной газеты» о делах издательских, о месте редактора в литературном процессе. Хочу привести цитату из статьи М. Столярова, на мой взгляд, очень умной и профессиональной. Вот как он кратко, но емко определил роль редактора: «Литературу соз-

дают таланты, но организуют литературный процесс (в том числе и открывают таланты) именно редакторы».

Кто же редактор и какими качествами он должен обладать? Этот человек должен быть высокообразованным, эрудированным, он должен обладать особым чувством языка, композиции. Равнодушному человеку редакторская карьера противопоказана. Здесь невозможны субъективные отношения, неприязнь, все эти чувства должны оставаться за стенами издательства.

Редактор — первый читатель книги и, по существу, первый судья. Он должен определить, удалось ли автору осуществить свой творческий замысел, какова художественная ценность произведения, насколько оно актуально. Разумеется, и композиция, и язык рукописи всегда в поле зрения редактора, словом, все, что отличает настоящее художественное произведение талантливого писателя от писания графомана или поделки ремесленника.

Но всего этого еще недостаточно, чтобы ответить на вопрос — кто же он, наш редактор, главная фигура издательского процесса?

Не всякий получивший высшее филологическое образование может стать редактором. Профессия редактора — это призвание, призвание любить и понимать литературу, любить и понимать писателя и читателя.

Особенно ответствен момент первой встречи редактора с автором, с его произведением. Автор должен быть убежден, что редактору небезразлична его писательская судьба, что он с интересом относится к его рукописи. С другой стороны, редактор, познакомившись с автором,

На одном из редакционных совещаний. Слева направо: А. А. Нинов, И. В. Исакович, М. М. Марьенков, А. Ф. Третьякова, К. М. Успенская, А. А. Троицкий, Е. М. Лахтина,

решает для себя вопрос, какой идейный и эстетический заряд несет его первая книга,— словом, здесь образуется тот контакт, который так необходим в работе над рукописью. А талантливый литератор, делающий свои первые шаги в литературе, более скромен, менее напорист и часто оказывается в худших условиях, чем посредственность, расталкивающая всех и вся.

Особо ответственна роль редактора в издании второй книги молодого писателя. Здесь не может быть компромисса, скидки на молодость; если вторая книга не является шагом вперед,—

М. Е. Новиков, В. К. Грудинин, Г. В. Пагирев, И. С. Кузьмичев, Г. М. Цурикова. На переднем плане: слева направо: А. Н. Узилевский, Вс. П. Воеводин, И. К. Авраменко

значит, редактор допустил ошибку в оценке первой книги, переоценил возможности начинающего автора.

В редактуре нет мелочей. Иной раз пустяковая на первый взгляд буквенная опечатка, пропущенная автором, редактором или корректором, настолько искажает смысл, что ни один уважающий себя издатель не рискнет упомянуть ее в списке опечаток, а скорее пойдет на дополнительные расходы и перепечатает страницу.

Каждый писатель, как бы ни был он впослед-

ствии знаменит, имел своего первого редактора.

Так было, так и всегда будет — у истоков каждой первой книги писателя стоял и будет стоять его первый редактор, которого, как и первого учителя, он будет всегда помнить. Вот о некоторых из этих редакторов мой рассказ.

Александр Александрович Троицкий в послевоенные годы долгое время был редактором издательства. Человек доброй души, с неиссякаемым запасом юмора,— вокруг него постоянно толпились люди, что-то горячо обсуждали, заразительно смеялись. Часами он мог рассказывать историю, в которой вымысел соседствовал с реальностью, а рассказчиком он был отменным. Человек он был прямой, и многие писатели, чьи книги он редактировал, выслушивали порой не очень-то приятные оценки, но в то же время и полезные советы, в каком направлении вести работу над рукописью.

Троицкий принадлежал к той плеяде редакторов, о которых говорят: он редактор от бога. Это врожденный дар — обозреть рукопись, увидеть детали, разобраться в композиции и оценить ее,— все это не высиживание над рукописью, это умение видеть ее после первого чтения.

Вот передо мной книжка неизвестного в литературных кругах автора Александра Киприановича Евсеева. Сейчас уже не помню, в каком месяце 1957 года к нам пришел еще сравнительно нестарый человек и принес пух-

лую папку с рукописью «Осажденный Севастополь». Этот очень больной человек, капитан первого ранга в отставке, обошел все ленинградские издательства, предлагая издать рукопись,— везде отказ.

Прочел эту рукопись Троицкий и, будучи человеком неравнодушным, увидел в ней рациональное зерно. Это были хорошо написанные от первого лица воспоминания бывалого моряка, участника обороны Севастополя. Стало ясно, что рукопись состоялась, хотя и требуется большая работа, главным образом надо убрать длинноты, аккумулировать главное.

Но случилась непоправимая беда: автор, узнав от Троицкого, что рукопись принята с доработкой,— то ли от радости, или это простое совпадение,— на другой день скончался от сердечного приступа.

Осталась рукопись. А автора нет. Человек равнодушный вернул бы ее семье. А как же быть с правдивым и интересным рассказом очевидца героической обороны осажденного города, как же быть с памятью о людях, которые обороняли город, насмерть стояли и полегли у стен Севастополя?

Троицкий решает этот вопрос по-своему — он садится за редактуру. Работа сложная, надо, не переписывая рукопись, сохраняя почерк автора, превратить ее в книгу. Шла большая и скрупулезная работа по сокращению рукописи, писать за автора у нас не принято.

Так, благодаря тому, что книга попала в руки неравнодушного человека и вскоре была издана, она осталась реликвией, напоминающей потомкам о героической эпопее обороны Севастополя.

Александр Александрович легко сходился с незнакомыми людьми и был скор на дружбу. И надо сказать, что один раз ему пришлось поплатиться за свое легковерие. Поначалу молодой писатель (назовем его С.) вызвал симпатию и подавал надежды, на самом же деле оказался вздорным и с отсутствием даже намека на талант. Саше пришлось заново переписать его книгу. И часто, посмеиваясь над собой, он рассказывал эту историю, которая от рассказа к рассказу обрастала подробностями. Но этот писатель забыл дорогу в наше издательство.

Саша был выдумщиком. Вот, скажем, один раз он рассказал то ли придуманный им случай, то ли где-то услышанный. Но случай этот напоминает анекдот. Суть дела в том, что уборщица, которая работала и убирала помещение двух контор, даже территориально расположенных в разных районах, была направлена на уборочную в один и тот же колхоз, и каждое учреждение отчитывалось за ее работу перед райкомом. Во время рассказа в комнате редакции находился писатель Михаил Жестев, автор многих книг о деревне. Он обратился к Троицкому с просьбой подарить ему этот сюжет.

Очень многим этот добрый человек помог войти в литературу. Молодых писателей любил подзадорить, повернуть их работу в нужное русло. Вспоминаю его скрупулезную работу над первой книгой Вадима Беляева «Рассказы».

Не могу утаить и то, что у Александра Александровича была заветная тетрадь, которую он окрестил «Перловкой», туда он действительно вписывал «перлы», встречающиеся в

произведениях писателей. Часто вокруг него собиралась молодежь, и он в назидание потомству читал из своей тетрадки, скажем, такие изречения:

«Коза закричала нечеловеческим голосом».

«В романе «Баязет» Валентин Пикуль написал: „Султан любил закладывать за галстук“».

«Я. Ильичев: „Старик спустился к морю в волнующих штанах...“»

«У писателя У. было написано в рукописи: „Нервы во всем теле куда-то упали...“»

Можно было бы привести множество других примеров из «Перловки», которую он вел долгие годы.

И теперь многие уже маститые писатели с добрым чувством вспоминают своего первого редактора, человека с большим вкусом и с врожденным талантом наставника.

Без этих качеств нет редактора, а есть чиновник от литературы.

Не случайно рассказ о редакторах и их важной роли в процессе создания книги вслед за А. А. Троицким я продолжу воспоминаниями о Минне Исаевне Дикман.

Красная гостиная Дома писателей. Сегодня литературная общественность Ленинграда прощается с редактором нашего издательства Минной Исаевной Дикман. Сегодня здесь такое многолюдье, какое я наблюдал лишь на похоронах очень известных деятелей литературы,— писатели, редактором книг которых она была долгие годы, родные, друзья, фронтовые товарищи.

В проникновенных прощальных словах было много сказано о большом, щедром редакторском таланте, о добром и тактичном друге, столь много сделавшем для ленинградской литературы, фронтовые друзья вспоминали о пережитых вместе трудных днях.

За годы работы в издательстве я близко соприкасался со многими редакторами, немало было среди них людей, честно и с любовью делавших свое дело. Но говоря о Дикман, о ее редакторской работе, свидетелем которой я был, могу сказать, что это — человек, для которого профессия была воистину призванием, делом всей жизни.

Как бережно, по-матерински относилась она к молодым начинающим писателям, если видела в них искру таланта, как боролась за то, чтобы помочь этой искре разгореться! И часто для этой борьбы требовались все ее навыки фронтовика-разведчика — упорство, настойчивость, терпение, а подчас и хитрость. Многие писатели своим вхождением в литературу обязаны ей.

Нечасто можно встретить человека, так доброжелательно относившегося к людям. А скольким редакторам она помогала, была их учителем и советчиком в нелегких порой решениях судьбы рукописи.

Бывало и так, что в безнадежной на первый взгляд рукописи она отыскивала искру таланта, и тогда начиналась долгая и кропотливая работа. Она никогда не написала ни единой строчки за автора, а своим советом помогала отыскивать самое главное, что делало рукопись литературой.

На ее долю приходилась и редактура самых сложных литературоведческих книг. Не случайно многие маститые писатели выбирали ее своим редактором.

Уже было написано то, о чем я расскажу дальше, когда я узнал о скоропостижной смерти М. И. Дикман. Нужно было бы переписать страницы, посвященные одному из лучших ленинградских редакторов. Но я не стал этого делать, потому что не мог писать в прошедшем времени о товарище, с которым проработал бок о бок более тридцати лет, потому что должно пройти время, прежде чем с этим свыкнешься.

В конце восемьдесят шестого года я попросил Дмитрия Терентьевича Хренкова рассказать, что он думает о роли редактора в издательском процессе, в его писательской жизни. Вот что он мне ответил:

— Автору, пишущему вещь документальную, автору документального очерка, книги о конкретном человеке, редактор может быть только другом, советчиком, соисследователем автора. Именно так я отношусь к Дикман. Она, как правило, стремится к тому, чтобы знать материал если не лучше, чем знаю его я, то, во всяком случае, иметь представление о человеке, о котором идет речь, ясно представлять канву будущего повествования, а может быть, и некоторые факты, которые остались вне внимания автора, но могут пригодиться будущей книге. Поэтому с ней диалог всегда или почти всегда во здравие будущей книги.

М. И. Дикман (1919 — 1989)

Не случайно, раз познакомившись с работой именно этого редактора, я уже не ищу встреч с другими. Минна Исаевна обладает суммой знаний, культурой, настойчивостью, тактом, чтобы быть не противником, а другом автора. Мне кажется, только такой редактор и может проводить свою принципиальную линию, ибо становится человеком заинтересованным в будущей книге, несет за нее если не равную, то достаточно серьезную ответственность...

— Что же, по-вашему, самое главное в отношениях редактора с автором? — спросил я своего собеседника.

— Что очень важно для автора? Чтобы он верил своему редактору, верил как единомышленнику. Только на этой основе могут строиться нормальные отношения. Конечно, редактор представляет интересы издательства, для него важно, чтобы и рукопись была сдана своевременно, и правка в верстке не выходила за границы дозволенного, но, став другом автора, он не может не брать его сторону в тех многосложных, а часто излишних нагромождениях всяких преград, которые продиктованы не интересами дела, а совершенно иными соображениями.

С Дикман мы выпустили уже немало книг о ленинградских поэтах. Это не литературоведческие исследования. Я писать их не умею, да и не хочу. Мне всегда интересен в поэте человек...

— Дмитрий Терентьевич, давайте вернемся к роли редактора в литературном процессе.

— Вот тут бы и вспомнить,— ответил Хренков,— о лозунге, который мы часто произносим: «Редактор — главная фигура в издатель-

стве». Если она главная, давайте дадим прежде всего ему определять достоинство каждой рукописи, пока она не обросла рекомендациями именитых благодетелей, советами разного рода секретариатов и письмами вышестоящих товарищей!..

Не счесть книг, которые Дикман отредактировала за три десятка лет, но есть книги, выход которых является литературным событием и событием в жизни редактора. Таким событием была изданная в 1965 году книга Анны Андреевны Ахматовой «Бег времени», редактором которой была Минна Исаевна.

Хочу еще рассказать о работе Дикман над изданием книг двух авторов.

Начну с того, что мне летом 1986 года поведал известный литературовед Владимир Днепров:

— Вы, видимо, знаете, что я не новичок в литературе. Много печатался до начала сотрудничества с вашим издательством и повидал на своем веку многих редакторов. В вашем издательстве я выпустил шесть книг. Все они, начиная от первой — «Проблемы реализма», изданной в 1960 году, как и последующие: «Черты романа XX века», «Литература и нравственный опыт человека», «Идеи, страсти, поступки», «Идеи времени и формы времени» и совсем последняя — «Искусство человековедения» — суть, если попросту сказать, не что иное, как теоретический анализ историко-литературного процесса.

В течение двадцати пяти лет, минувших от первой до последней моей книги, редактором их была Минна Исаевна. Дикман — человек высокой культуры и, я бы сказал, обладает особым

даром видения. По ее совету в моих книгах во время редактуры производилась композиционная перестройка, после которой книга приобретала наиболее точное звучание. Иногда, чувствуя, что простая перестановка делает всю внутреннюю организацию книги более прочной,— она принималась уговаривать автора, причем делала она это тактично и уважительно.

В процессе работы она проявляет — не боюсь сказать этого слова — материнскую заботливость — и тем самым влюбляет в себя автора. Иногда автор не ощущает нелогичности излагаемого материала, вот тогда это становится темой обсуждения редактора и писателя, в ходе которого намечаются пути устранения. Она старается не обращать внимания на некоторые шероховатости, заботится о сохранении индивидуальности языковой манеры автора...

Лидия Яковлевна Гинзбург — наш давнишний автор, ученица Юрия Николаевича Тынянова — стала сотрудничать в «Библиотеке поэта» в 1936 году. Первой книгой, которую она подготовила, был том стихотворений П. А. Вяземского, потом было еще много книг в Малой и Большой сериях этой всемирно известной библиотеки. На моем письменном столе два тематических плана выпуска литературы нашего издательства. В одном, датированном 1965 годом, аннотация на первую литературоведческую книгу в нашем издательстве Лидии Гинзбург — «О лирике». Второй тематический план напечатан почти четверть века спустя; в нем также аннотация на книгу этого автора — «Литература в поисках реальности: Статьи,

очерки». А между этими двумя книгами — еще три издания. Назову лишь одну, изданную в 1979 году,— «О литературном герое».

Все эти годы редактором книг Л. Я. Гинзбург была Минна Исаевна Дикман. Мы знаем, что Лидия Яковлевна скупа на похвалу, а вот что она мне сказала:

— От моей первой литературоведческой книги «О лирике» до книги «Литература в поисках реальности» пролегли почти двадцать пять лет,— сказала мне Лидия Яковлевна.— Все эти годы Минна Исаевна была моим главным советчиком, человеком, вкусу которого я очень доверяю, она великолепно чувствует композицию и язык книги,— словом, редактор от бога.

1988 год был отмечен особым событием в издательских буднях. Лидия Яковлевна Гинзбург была удостоена Государственной премии СССР за изданные у нас книги «О литературном герое» и «Литература в поисках реальности». Это был настоящий праздник, мы поздравляли нашу писательницу, мы поздравляли ее редактора М. И. Дикман.

У нас принято говорить о творческом наследии умершего автора.

За долгие годы работы в издательстве ушли в типографию почти пятьсот рукописей книг, на титульной странице которых была надпись: «В набор. М. Дикман». Как измерить, сколько творческого труда оставила в каждой из них талантливый, умный, знающий и любящий литературу редактор Минна Исаевна Дикман.

Прежде чем начать рассказ о нашем редакторе Кузьмичеве, хочу представить его читателю.

Игорь Сергеевич — кандидат филологических наук, автор книг: «Вадим Шефнер. Очерк творчества», «Очерки о герое современной документальной художественной прозы» — эта книга написана в соавторстве с Г. Цуриковой, «Писатель Арсеньев — личность и книга», «Юрий Казаков. Очерк жизни и творчества» и других. Тут налицо тот счастливый случай, когда в одном человеке сочетаются талант писателя-литературоведа и талант редактора.

Больше тридцати лет тому назад, в 1956 году, двадцатитрехлетний Игорь Кузьмичев после окончания филологического факультета университета был принят в наш издательский коллектив редактором. Надо сказать, что на первых порах у него были хорошие учителя — опытные редакторы Е. Наумов, С. Спасский, А. Троицкий, М. Дикман. Днем он осваивает трудную профессию, а по вечерам посещает литературное объединение, которым руководил Леонид Рахманов.

Вскоре в альманахе «Молодой Ленинград» была напечатана его первая статья — «Писательство — это призвание», о книге Константина Паустовского «Золотая роза». Название этой статьи оказалось предсказанием его дальнейшего пути, писательство стало призванием Игоря Кузьмичева, и смею утверждать, что не только писательство, но и редактура стала его вторым призванием...

У Игоря Сергеевича появились свои авторы, рукописи которых он из года в год редактирует,

многие из них — это его товарищи по литературному объединению.

Поначалу я, да и многие в нашем коллективе ворчали, почему он отбирал рукописи одних авторов, а от других отказывался. Видимо, с самого начала редакторской деятельности он осознал, насколько важна для автора и редактора та степень творческого взаимопонимания и доверия, которая появляется с первых шагов работы над рукописью. Он никогда не выбирал легких авторов и бесспорных рукописей. Достаточно вспомнить, что в их числе были Вадим Шефнер, Виктор Конецкий, Глеб Горбовский и Александр Кушнер, которых в те годы не миловала наша печать, обвиняя во всяческих грехах, и только в последние годы эти авторы перестали подвергаться остракизму. А ведь в то время поставить свою фамилию на книге этих авторов, если хотите, было актом гражданского мужества редактора.

Вот что рассказал мне Вадим Сергеевич Шефнер о своем редакторе:

— ...В пятьдесят восьмом году в «Советском писателе» вышла моя книга стихов «Нежданный день». Ее редактором был Игорь Сергеевич Кузьмичев. С тех пор он редактировал и редактирует все мои книги, издаваемые «Советским писателем»,— и поэтические и прозаические. Он превосходный редактор. Я очень многим обязан ему, очень благодарен. Он взыскателен, причем это умная, тактичная взыскательность. Он человек справедливой строгости, человек очень знающий, очень чуткий к поэтическому слову и прозаическому...

Каждый автор открывает в своем редакторе что-то новое, что-то самое главное для се-

бя. Известный ленинградский писатель Глеб Горышин так объясняет свой выбор редактора:

— ...В «Советском писателе» все мои книги, кроме первой, редактировал Кузьмичев. Он — нелегкий редактор. Мне приходилось иметь дело и с редакторами полегче, более сговорчивыми, рассеянными, полагающимися на автора. Что лучше? Если ты уверен в способности редактора к творческому соучастию в твоей работе, в его единомышлении с тобой, то пусть будет строг к тебе, даже агрессивен. Можно ему поддаться, если он в состоянии доказать свою правоту не по должности, а силою интеллекта. Так-то оно и лучше. Редактор — твой первочитатель. Прочесть собственное сочинение чужими глазами — это очень важный момент самопознания. Я за умного, строгого, взыскующего редактора по самой высшей мерке. Таковым был по отношению к моим книгам Игорь Сергеевич, работа с ним не заводила нас в тупик, была для меня полезной...

В третьем выпуске альманаха «Молодой Ленинград» за 1957 год Игорь Сергеевич напечатал статью о рассказе В. Тендрякова «Ухабы». На страницах этого же альманаха — первые стихи Глеба Горбовского, Александра Кушнера и рассказ Владимира Ляленкова. Вскоре они признают за своим товарищем по литобъединению Кузмичевым право на редактуру своих книг, причем авторитет его как редактора растет от книги к книге.

Глеб Горбовский на мой вопрос, чем помогло ему наше издательство, ответил так:

— Главным в писательской судьбе. В этом издательстве вышли мои книги, редактируе-

мые Кузьмичевым, не изувеченные, но бережно отвоеванные у времени и у недоброжелателей. Я очень доволен, и счастлив, и благодарен судьбе, что издавался в этом умном и чутком коллективе. Рецензировали мои книги разные люди: В. Шефнер, А. Прокофьев — парализованной рукой написал положительную рецензию (меня тогда долбали за «Тишину», вышедшую в Лениздате) — и вот «Новое лето» в «Советском писателе»! Поддержка очень нужная, весомая...

От себя добавлю, что очень тогда торопил нас, производственников, Игорь Кузьмичев с выходом в свет книги «Новое лето», в это время в печати появились несправедливые отзывы на книги Горбовского.

Больше четверти века творческому сотрудничеству редактора И. Кузьмичева и поэта А. Кушнера,— такому впору позавидовать.

Александр Кушнер начал писать стихи в 1957 году, но долгих пять лет потребовалось, чтобы издать в нашем издательстве книгу «Первое впечатление». В каких только грехах не обвиняли тогда Кушнера: что стихи его салонные, лирика интимная, гражданский мотив в его стихах отсутствует. В этих условиях И. Кузьмичев привлекает к рецензированию книг Кушнера Н. Брауна, В. Шефнера, В. Панову, дабы заручиться их поддержкой. Работа длилась два года, за это время Кушнер три четверти состава сборника пополнил новыми стихами.

Вот что рассказал мне Александр Семенович о работе над первой его книгой «Первое впечатление»:

— Игорь Кузьмичев — редактор доброже-

лательный, тактичный, не навязывает свое мнение, хорошо чувствует поэтическую строку, старается помочь автору. У меня же, автора первой книги, было недостаточно опыта,— вот тут-то и помог мне Кузьмичев выстроить композицию книги, вместе с ним и название придумали — «Первое впечатление». Много лет с тех пор прошло, сейчас со своим редактором готовим восьмую книгу, которую назвали «Живая изгородь».

И здесь можно поставить точку, тем более что в разговоре с Сашей Кушнером, как я привык его называть, я повинился, что как издатель иной раз был в плену той критики 60-х годов и, вероятно, не всегда был справедлив к нему.

Мой рассказ об Игоре Сергеевиче Кузьмичеве был бы неполным, если б я не сказал, что и писатели старшего поколения выбирали его своим редактором. Книги М. Слонимского, В. Пановой, Е. Добина, Д. Гранина на протяжении ряда лет подписывались им в печать.

Фрида Германовна Кацас — человек нелегкой судьбы. Ее отец, один из организаторов Литовской компартии, был приговорен судом буржуазной Литвы в 1926 году к смертной казни. По решению ЦК компартии Литвы он выехал в Германию, где работал с Тельманом. В 1933 году Гитлер стал рейхсканцлером Германии, отец Фриды Германовны был вынужден покинуть эту страну и выехал в Ленинград. Мать с полугодовалой дочерью приехала в Ле-

нинград полгода спустя. В 1938 году отец был арестован. Позже посмертно реабилитирован.

Четверть века Фрида Германовна работает в редакционном коллективе нашего издательства. За это время целая группа писателей признала за ней право редактировать свои книги. Назову хотя бы некоторые фамилии: М. Рольникайте, М. Борисова, Ю. Рытхэу, Ю. Слепухин, Г. Гампер, Н. Катерли.

Ф. Г. Кацас редактировала почти все книги А. Розена, друга моей далекой комсомольской юности. И сейчас она готовила к переизданию его роман «Последние две недели».

Изданный у нас в 1965 году роман правдиво рассказывает о положении дел в приграничном районе накануне войны. Роман подвергся в свое время незаслуженной критике, политуправление Министерства обороны препятствовало его переизданию. Одно из лучших произведений автора стало возможным переиздать только в пору гласности, в 1988 году. Не дожил Александр Германович до сегодняшнего дня, когда заново издали эту правдивую книгу о войне.

Александр Розен, бывало, мне говорил о своем редакторе:

— Ты не смотри, что вот она такая тихая, малоразговорчивая, а вот прочтет рукопись и, как бы стесняясь, начнет разговор — и начинаешь убеждаться, что она увидела в рукописи, пусть даже частные, недостатки, которых писатель не увидел. И тогда она мягко, но строго отстаивает свое убеждение...

В 1981 году со своей первой книгой рассказов удачно дебютировала у нас дочь Елены Ка-

терли — Нина Катерли. Фрида Германовна редактировала две ее книги — «Окно» и «Цветные открытки». Сейчас они работают над третьей книгой.

Вместе с Фридой Германовной выпустил четыре свои книги Виктор Соснора. Сейчас они готовят к изданию книгу прозы. А я вспоминаю, как в 1959 году двадцатитрехлетний паренек, слесарь-электромеханик Невского машиностроительного завода имени В. И. Ленина, Виктор Соснора принес нам свою первую рукопись стихов «Январский ливень». Книга состояла из двух разделов, в первом — стихи, проникнутые чувством времени, о молодых рабочих, об их вдохновенном труде, о любви. Второй раздел — «Голь перекатная» — составлен из стихов, написанных по мотивам «Слова о полку Игореве».

Когда я попросил Виктора вспомнить, как его встретили с рукописью первой книги в нашем издательстве, то я, на что уж бывалый человек, повидавший многое, был огорошен и очень огорчен и пожалел, что задал этот вопрос.

— Как встретили? Омерзительно,— ответил Соснора.— Когда по совету Асеева (который, кстати, позже напишет предисловие к этой книге.— *А. У.*) и с рекомендациями Лихачева и Молдавского сдал эту книгу главному редактору Авраменко, он сразу же доложил об этой книге по всем инстанциям как о какой-то бомбе с зажженным фитилем. Он стал всюду бегать и кричать, что это издевательство и над русской историей, и над языком...

— Хорошо помню эти события,— сказал я Сосноре.

Помню и то, что какое-то время Александр Прокофьев поддерживал Авраменко и высказывал свое отрицательное отношение к стихам Сосноры. На редсовете в изложении Авраменко все объяснялось тем, что стихи этого поэта идейно ущербные и не могут быть изданы. В эту историю под давлением Асеева ввязалось центральное издательство, и было решено издать книгу объемом в тысячу строк. Книгу начали готовить к печати, и в 1962 году «Январский ливень» вышел в свет.

Хотя мы с главным редактором Ильей Авраменко были в добрых отношениях, бывал я у него и дома, но только сейчас, изучив материалы архива тех лет, переосмысливая пережитое, я начинаю понимать, какую роковую роль сыграл он в судьбе некоторых молодых писателей.

Когда в конце 50-х годов Иосиф Бродский принес нам свою рукопись стихов, протяни тогда ему Авраменко руку, окажи содействие, и судьба Бродского, возможно, была бы иной, и занял бы он по праву принадлежавшее ему место среди ленинградских поэтов. Знали мы тогда и отношение Ахматовой к стихам Бродского. Но вместо помощи — суд и ссылка. Теперь русский поэт И. Бродский лауреат Нобелевской премии, но гражданство у него не наше.

Виктор Александрович сказал мне, что вся история вокруг издания «Январского ливня» хорошо прослеживается по переписке Николая Николаевича Асеева и Дмитрия Сергеевича Лихачева.

В библиотеке я взял сборник «Воспоминания о Николае Николаевиче Асееве». Это книга

о большом поэте и о большой, доброй человеческой душе. Здесь и воспоминания Дмитрия Сергеевича Лихачева о Николае Асееве, и его переписка с ним. О чем эта переписка? Конечно, о литературе и еще о Викторе Сосноре. Судьба талантливого молодого поэта долго беспокоила поэта Николая Асеева и академика Дмитрия Лихачева. Переписка эта занимает три десятка страниц, и почти на каждой из них — о стихах Сосноры и его неустроенности. Ограничусь несколькими цитатами.

25 ноября 1961 года. Из письма Н. Асеева Д. Лихачеву:

«...Я очень хочу, чтобы Вы взяли шефство над очень талантливым поэтом — ленинградцем, замечательно понимающим значение и роль летописного искусства, которое он бережно переносит в практику своих стихов. Переносит, не стилизуя, не подделывая под тогдашний строй речи, но проникая в нее со всей чуткостью поэта...

...Наконец я пробил стену и добился принятия его (Сосноры.— *А. У.*) тысячи строк в издательстве Совпис в Ленинграде. Но чего это мне стоило?..»

31 ноября 1961 года. Из письма Д. Лихачева Н. Асееву:

«...Стихи В. А. Сосноры мне понравились: в них что-то поет, и он чувствует эпоху не по-оперному. Непременно напишу ему, чтобы повидать, как только полегчает с казенной работой...»

23 декабря. Москва. Из письма Н. Асеева Д. Лихачеву:

«...А я ведь побаивался, что Вам не понравились стихи Сосноры и, значит, вслед за этим и

я сам потерял у вас кредитоспособность вкуса!.. Так Вы говорите, стихи Сосноры не оскорбили Вашего тончайшего слуха, в котором гулы тысячелетий могут быть нарушены дерзким голосом молодого современника, слесаря ленинградского завода, бросившегося в поток времен?!.»

Когда я кончил читать эту переписку, я подумал, а чему она учит? Прежде всего, добру и бережному отношению к таланту. Представьте на минуту, что произошло бы, если бы на своем пути в те времена Соснора не встретил Асеева и Лихачева!

И вот в 1962 году «Январский ливень» вышел в свет, и на первую книгу молодого поэта появилось семь рецензий в журналах, и даже Константин Симонов в ноябрьском номере «Правды» опубликовал свою положительную рецензию.

Долго после выхода «Январского ливня» не складывались отношения издательства с поэтом. Тут как раз тот случай, когда между автором и редактором (Марьенков) не было нужного понимания. А дальше вот что рассказал мне Виктор Соснора:

— Времена у меня были тяжелые и неясные. И тогда, человек безусловно широкий, Анатолий Николаевич Чепуров предложил мне сделать книгу, он же и выпустил мой сборник «Аист»... Остальные книги редактировала Фрида Кацас. Мне кажется, она любит мою работу.

А вот Юрий Сергеевич Рытхэу, лауреат Государственной премии СССР, автор одиннадцати книг, изданных у нас, так говорит о своем редакторе:

— Она один из идеальных редакторов. Если ей что-либо не понравилось в рукописи, она, может быть, сразу и не выскажет, но уже по выражению лица я это видел, и становилось неловко. Она бережно относится к тексту автора, даже знак препинания не добавит, не оговорив это с автором. Заметил я за этим добрым редактором и такое качество: допустим, у нее появилось конкретное предложение,— она поведет дело так, что это будет выглядеть как инициатива писателя, будто бы автор сам догадался!

Майя Ивановна Борисова, которая почти все книги у нас выпустила вместе с Кацас, сказала о ней:

— Удивительно милый человек и хороший редактор. Абсолютный слух на этические нюансы в рукописи. Мужественно отстаивает стихи в книге, даже из-за меня один раз лишилась прогрессивки. Обладает даром улавливать в рукописи то, что сам автор не может увидеть.

От себя добавлю: нелегко было редактору с книгами Майи Борисовой, уж больно часто в те годы контролирующие органы цеплялись к ее стихам.

На этом можно было бы и поставить точку, но хочу вернуться к тому, с чего начал рассказ о Фриде Германовне, сказав, что она человек нелегкой судьбы, видимо поэтому она так заботливо относится к своим авторам.

После окончания филфака университета и аспирантуры Пушкинского Дома Лилия Андреевна Николаева в 1963 году вошла в редакционный коллектив «Библиотеки поэта». Изда-

нием книг этой серии, не имеющей аналогов в мире, руководили известные в то время литературоведы В. Н. Орлов и И. Г. Ямпольский. Это были достойные учителя молодого редактора. Вскоре в практической работе научного редактирования этих книг Л. А. Николаева показала себя знающим и требовательным редактором. К ее мнению, к ее оценкам стали внимательно прислушиваться очень уважаемые, маститые ленинградские литературоведы.

Наконец, накопленный опыт, знания и способности к исследовательской работе позволяют ей выступить не только в качестве редактора, но и автора-составителя нескольких серьезных книг, вышедших в «Библиотеке поэта».

В конце 70-х годов Лилия Андреевна переходит на работу в редакцию современной литературы. Богатый редакторский опыт, приобретенный при издании книг «Библиотеки поэта», оказался особенно полезным. Она готовит к изданию исследовательские книги таких известных литературоведов, как Г. Макогоненко — «Пушкин и Гоголь», И. Ямпольский — «Поэты и прозаики», А. Павловский — «Поэзия и судьба», «Куст рябины» (о поэзии Марины Цветаевой), М. Пьяных — «Александр Межиров» и других.

В нынешнее время помимо возвращения доброго имени писателям, незаслуженно репрессированным, одновременно идет процесс возвращения их творческого наследия народу.

Сейчас только знатокам поэзии знакомо имя известного поэта и переводчика Бенедикта Константиновича Лившица, трагически погибшего

в конце 30-х годов. На долю Лилии Андреевны выпал нелегкий труд — редактирование книги этого писателя «Полутораглазый Стрелец».

Искусство настоящего редактора не сводится только к литературной правке. Задача редактора — верно оценить рукопись, предупредить ошибки, помочь автору сделать максимум того, на что он способен...

Многие годы творческого труда Л. А. Николаева отдает не только ветеранам ленинградской литературы, но и молодым, начинающим писателям, а как это ответственно, как важно не ошибиться в оценке произведения, я уже говорил в своих записках.

Всего двадцать книг было издано в «Советском писателе» в 1934 году, и почти пятьсот выпущено в юбилейном 1984 году. Пятьсот названий! Я хорошо представляю себе ту работу всего издательского коллектива, которая стоит за этой цифрой.

Когда я стал заканчивать эти записки, невольно возник вопрос: что же изменилось в работе издательства за последние годы? Вопрос простой и сложный. Бесспорно, повысилась коллективная ответственность всех звеньев издательского процесса за идейный и художественный уровень выпускаемых произведений. Увеличились масштабы выпуска книг, проявлена инициатива по расширению производственной базы. Появились новые приемы оформления книг и новая технология их выпуска. Но главное осталось непреложным. Это главное — любовь к книге, преданность сложной и кропотливой профессии издателя. Рав-

нодушный, аполитичный человек не может быть издателем. Не миллионами листов-оттисков, не тысячными тиражами оценивается труд издателя. Если в свет выходит серая, неинтересная книга, то огорченный читатель думает не о ее авторе, а об издательстве, которое выпустило книгу в свет.

Не скрою, мне грустно оттого, что многие книги уже будут изданы без моего участия. Этим книгам дадут жизнь мои давние товарищи и мои ученики.

ПИСАТЕЛЬ
В
ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

✻

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ

ОЛЬГА ФОРШ

Участие в издании книг известной писательницы Ольги Дмитриевны Форш, чьи произведения вошли в сокровищницу советской литературы, было всегда предметом гордости издательского коллектива, а общение с ней обогащало нас духовно и доставляло радость.

Ольга Форш — автор первого советского исторического романа «Одеты камнем» — была среди тех, кто с первых лет работы нашего Ленинградского отделения начал печатать у нас свои книги.

Вслед за романом «Одеты камнем» в 1936 году увидела свет первая книга трилогии о Радищеве — «Казанская помещица», в следующем году вторая книга «Якобинский заквас».

К тридцатилетию литературной деятельности писательницы (1939) вышел большой том «Избранное», в которые вошло лучшее из написанного Ольгой Дмитриевной.

В архиве издательства сохранились договоры, подписанные Ольгой Форш в те уже далекие годы. Казалось, что эти сугубо служебные бумаги, регулирующие взаимоотношения автора с издательством, не представляют интереса. Но это только на первый взгляд. На самом деле они рассказывают о творческих замыслах писательницы, о круге ее литературных инте-

ресов и поисков, неведомых подчас даже ее биографам.

В начале 1938 года писательница подписала договор на роман «Иван Третий». Несмотря на несколько отсрочек, задуманный роман не состоялся, и тогда она просит издательство расторгнуть договор, а выданный аванс засчитать за роман «Красная дева», над которым она работает. Героиня этого романа Луиза Мишель — французская писательница, активный участник Парижской коммуны. Но и этому замыслу не суждено было осуществиться. В конце 1940 года она пишет в издательство:

«Я должна была согласно договора представить к пятнадцатому декабря роман «Луиза Мишель». Найдя в Ленинграде очень мало материала для этой исторической работы, я откладываю ее до моей длительной поездки в Москву, где надеюсь найти больше источников для воплощения моей задачи. Одновременно я работаю над романом «Великий зодчий (Карло Росси)», который предполагаю закончить в сентябре 1941 года. Предлагаю издательству срок сдачи романа «Красная дева» перенести на сентябрь или отсрочить возвращение аванса до этого срока».

Издательство понимало, что даже у такого мастера слова, как Ольга Форш, могут быть творческие неудачи, и хотя фонд авторского гонорара был строго лимитирован и его вечно не хватало, директор отделения Брыкин отвечает на письмо писательницы:

«Согласно Вашего заявления от 14 декабря, считаем договор с Вами от 17 мая на рукопись «Красная дева» расторгнутым. Возвращение аванса, числящегося за Вами по этому дого-

вору в сумме 4878 рублей, мы согласны отсрочить до первого сентября сорок первого года, в надежде, что к указанному сроку мы получим от Вас долг не деньгами, а новым хорошим романом».

Началась Великая Отечественная война, писательнице шел шестьдесят девятый год, в августе она была эвакуирована из Ленинграда в Свердловск.

В семидесятом году, провожая Мариэтту Сергеевну Шагинян до гостиницы «Астория», в которой она остановилась, мы проходили мимо бывшего дома купца Елисеева (угол Мойки и Невского).

— Вот в этом здании я жила в начале двадцатых годов. Здесь в первые годы Советской власти Горький собрал писателей, он постоянно заботился о нашем быте. Здесь часто выступали Горький, Чуковский, Блок, Маяковский. Дом искусства вошел в историю советской литературы. Здесь я познакомилась и подружилась с вашей писательницей Ольгой Форш. Это она позже в качестве прототипов, в своем романе «Сумасшедший корабль», помимо Максима Горького и Блока, изберет писателей, населявших этот дом. В качестве «пассажира» этого корабля под вымышленным именем написано и обо мне.

— Ольга Дмитриевна хорошая писательница, умная и добрая, только в личных житейских делах какая-то неприспособленная,— продолжала Мариэтта Сергеевна.— Встретились мы с ней в годы войны в Свердловске. Поселилась она со своим большим семейством в деревянной развалюхе, ветры продували насквозь, натопить комнату было невозможно, а

морозы стояли лютые, почище ваших ленинградских. Обута она была в большие стоптанные мужские башмаки. Писательница с большим именем, а постоять за себя не могла. Пришлось мне за нее похлопотать. Переселили ее с семейством хотя и в небольшую, но теплую комнату, и башмаки по ноге достали. Помнится мне, что тогда она работала над своим романом «Михайловский замок»...

Мариэтта Сергеевна была младше Форш на целых пятнадцать лет, но как старшая журила ее за житейскую непрактичность.

Начатая в предвоенные годы работа над романом «Михайловский замок» была продолжена в суровое время эвакуации в Свердловске, а затем в Москве.

Шли последние месяцы войны. Ольга Дмитриевна возвращается в Ленинград. Полуослепшая писательница спешит завершить работу над романом «Михайловский замок» до операции по поводу катаракты глаза. В марте следующего года мы получили обещанную еще до войны рукопись. Специалисты по эпохе Павла I подтвердили историческую достоверность событий, изложенных в романе, а его художественные достоинства не вызывали сомнения.

Помню, как радовался Брыкин тому, что писательница предпочла издать это произведение у нас.

«Ведь я поверил тогда,— говорил Брыкин,— что вместо возврата аванса мы получим хороший роман».

Главный редактор Григорий Сорокин с особой бережностью относился к старейшей писательнице и за редактуру романа принялся сам.

В июле «Михайловский замок» вышел в свет. На переплете гравюра известного книжного графика Геннадия Епифанова — конная статуя Петра I работы Б. Растрелли, установленная перед дворцом, а на титульном листе рисунок фасада Михайловского замка. Уже вскоре книга стала библиографической редкостью, и настойчивые читательские письма заставили нас вернуться к ее переизданию.

В год тридцатилетия Советской власти в «Библиотеке избранных произведений советской литературы» было решено переиздать один из самых значительных романов Ольги Форш — «Одеты камнем. Таинственный узник Алексеевского равелина».

По поводу этого романа А. М. Горький писал Ольге Дмитриевне:

«А «Одеты камнем» — уже большая вещь. Высоко ценю ее, как одну из книг, которые начинают на Руси подлинно исторический роман, какого до сих пор не было...»

О том, что романы «Одеты камнем» и «Михайловский замок» включены в план выпуска 1947 года, Ольгу Дмитриевну известил по телефону Сорокин. Когда рукописи этих произведений были автором подготовлены, Григорий Эммануилович попросил меня сходить за ними, чтобы на месте решить вопрос их технической пригодности для набора.

На четвертый этаж писательской надстройки (канал Грибоедова, дом 9), в шутку названной «недоскребом», я взобрался по крутой лестнице. Не скрою, я тогда очень волновался, мне, начинающему издателю, предстояла встреча с известной писательницей, автором более трех десятков книг.

На пороге своей квартиры меня встретила пожилая, невысокого роста, грузная женщина с лицом южанки и удивительно добрым взглядом черных глаз. Замешательство мое было столь явным, что Ольга Дмитриевна ободряюще улыбнулась и первая начала разговор:

— «Михайловский замок» вы издавали?

Я сказал, что это была моя первая книга как заведующего производством.

— Спасибо, по сегодняшнему послевоенному времени книга хорошо издана, оформление Епифанова мне нравится, да и бумагу на книгу вы раздобыли белую.— Видимо, желая совсем меня успокоить, она спросила: — Что из моих книг вы читали?

Этот вопрос застал меня врасплох, я вынужден был признаться, что кроме романа, только что изданного у нас, я ничего не читал, добавив, что в детстве видел ее фильм «Дворец и крепость», до сих пор его помню, хотя это было время немого кино и фильм шел под аккомпанемент тапера на пианино. Это ее очень рассмешило, и напряжение мое понемногу улеглось. Ольга Дмитриевна предложила мне чашку чая. От чая я отказался, стал листать рукопись «Михайловского замка» и был удивлен, что вместо расклейки только что изданного романа писательница подготовила для нас вновь отпечатанный на машинке оригинал.

Заметив мое недоумение, она сказала:

— В романе для нового издания я кое-что поправила, да и книг у меня осталось мало, помогите моему горю, ссудите меня хотя бы пятью книгами.

Я пообещал.

Листая страницы расклейки второго рома-

на, «Одеты камнем», я обратил внимание на бесконечное множество поправок, выполненных рукой автора. Количество этих исправлений превышало допустимую норму для оригиналов, направляемых в типографию. Я уже собрался сказать об этом Ольге Дмитриевне, которая тут же сидела за столом и следила, как я перелистываю рукопись. Думаю, что опытная писательница понимала, что этот оригинал не из лучших.

Взглянув на ее усталое лицо, на котором уже и годы наложили свой отпечаток (писательнице тогда шел семьдесят четвертый год), я промолчал, решив, что страницы с большим количеством исправлений мы перепечатаем у себя в издательстве. Мне очень хотелось порадовать Ольгу Дмитриевну, и я сообщил ей:

— Как только будут готовы матрицы с набора «Одеты камнем», тотчас мы их направим в СВАГ (Советская военная администрация Германии), там и печать получше, да и бумага побелее.— Я знал, что для многих писателей напечататься там было очень престижно.

Ответ Ольги Форш меня озадачил:

— Все мои книги связаны с историей нашего государства, с Петербургом, печатались в Ленинграде, так что прошу вас, и эту книгу напечатайте в нашем городе.

— Хорошо,— ответил я,— мы напечатаем вашу книгу в бывшей сенатской типографии.

— Вот и хорошо. Помню,— стала рассказывать Ольга Дмитриевна,— как в помещении сената в то время открылся Исторический архив. В начале двадцатых годов я работала там над документами будущего романа. В архиве я познакомилась с судьбой «таинственного уз-

ника Алексеевского равелина» — Михаила Бейдемана, который по произволу Александра Второго был без суда заточен в одиночный каземат, где и провел двадцать лет, и спустя еще шесть лет скончался в больнице для сумасшедших,— вот он и есть главный герой романа. Более полным оказался архив другого действующего лица моей книги — Дмитрия Каракозова, судимого Верховным уголовным судом за покушение на жизнь императора Александра Второго и приговоренного к смертной казни через повешение. В книге я рассказываю о его казни на Смоленском поле,— как называется теперь это место, не знаю.

Выслушав этот рассказ, мне захотелось как можно лучше издать эту книгу, но издательские возможности были ограниченными.

Наскоро завязав тесемки папок рукописей, я заторопился покинуть квартиру, но Ольга Дмитриевна жестом остановила меня, взяла с полки книгу «Михайловский замок» и стала писать на титульной странице. Я тем временем стал рассматривать этюды, развешанные на стенках кабинета, все они были нарисованы самой писательницей цветными карандашами. «Вот ими бы проиллюстрировать книгу»,— подумал я, тем более что в них угадывались исторические места нашего города.

Поблагодарив за подаренную мне книгу, захватив папки с рукописями, я распрощался. На лестнице с нетерпением раскрыл книгу и прочел:

«Моему издателю первой послевоенной книги, а также зрителю фильма «Дворец и крепость», с благодарностью.

Ольга Форш».

Это был первый дарственный экземпляр начинающего издателя.

Вскоре вышло в свет повторное издание «Михайловского замка», а в юбилейной серии — роман «Одеты камнем».

И позже издательство возвращалось к книгам Ольги Дмитриевны Форш. Помня, как я оконфузился во время первого знакомства, я не искал встреч с писательницей, хотя поводов для них было предостаточно, можно было занести на квартиру корректуру, а то и сигнальный экземпляр ее книги.

Ольгу Дмитриевну я увидел спустя шесть лет, в Доме писателей, когда отмечали ее 80-летие и 45 лет литературной деятельности. Вступительное слово сказал Владимир Николаевич Орлов. Тепло выступил К. Федин, А. Дементьев, В. Кетлинская, Л. Раковский. Все они говорили об Ольге Дмитриевне как о непревзойденном мастере исторического романа, о том, что внимание писательницы привлекает не вообще прошлое России, а героические события из истории русского освободительного движения.

Было зачитано много телеграмм, адресов. Сцена буквально утопала в цветах.

Затаив дыхание, переполненный зал слушал ответную речь Ольги Дмитриевны. Она говорила о долге писателя перед своим народом, о том, что в своих произведениях стремилась показать самоотверженность русских людей во имя будущего, что творить и писать для своих читателей составляет радость и смысл ее жизни.

Я любовался Ольгой Дмитриевной — одухотворенное лицо, живые движения. И в этой

старости мне виделась молодость ее души. Не верилось, что писательнице пошел 81-й год.

Но вернемся к издательским делам. На исходе 1954 год. На моем рабочем столе лежат два объемных тома сигнала романа Германа «Россия молодая», здесь же по соседству сигнальный экземпляр трилогии «Радищев», подготовленный для отправки в типографию. Я поджидаю Юрия Павловича, он обещал взглянуть на сигнал своего романа. Заметив на столе в коричневом переплете книгу Ольги Форш «Радищев», он стал ее внимательно листать и удивленно заметил:

— В ноябре прошлого года я выступал на редсовете по поводу рукописи этой книги, а у вас уже сигнал готов.

Юрий Павлович стал рассказывать, как буквально через несколько дней ему позвонила Форш и поблагодарила за обнаруженные описки и неточности.

И теперь, много лет спустя, мне захотелось посмотреть в архиве, что тогда сказал Герман по поводу романа Ольги Форш.

Листаю стенограмму, а вот и выступление Германа:

«Я не буду говорить о том, что книга очень интересная. В свое время Ольгу Дмитриевну упрекали, что в своем романе она показала жизнь Радищева не целиком, не от рождения до смерти. Но писательница и не ставила перед собой задачу написания хроники о Радищеве. Она написала роман об авторе «Путешествия из Петербурга в Москву» и об эпохе, когда «Путешествие» создавалось. Написала роман о главном в жизни Радищева. Разумеется, никто не станет отрицать, что именно «Путе-

шествие из Петербурга в Москву» и есть кульминация всей жизни Радищева, всей его деятельности общественно-политической и просветительской... Я не вижу причин для каких-либо переделок. Мне кажется, что с этой книгой не надо ничего делать, за исключением некоторых вещей, связанных с редактурой».

Далее Герман указал на некоторые смысловые неточности, встречающиеся в рукописи:

«Шагая стремительно к общежитию, словно за ним гналась погоня». Слово «общежитие» — не могло иметь место, тем более, что в «житие Федора Васильевича Ушакова» слова «общежитие» не существовало. Нельзя ли написать так: «дом, в котором жительствовали». «Как зверь изругался Архаров» — звери не ругаются, и не нужна здесь эта фраза. «Во всей армии стреляли викторию» — виктория это победа. Стрелять победу нельзя».

Таких неудачных мест Ю. Герман перечислил изрядно, и это несмотря на то, что две книги этого романа издавались у нас раньше.

Роман вышел в свет в 1954 году. В издательстве в это время работала редактором М. С. Довлатова — человек доброй души, с хорошим литературным вкусом, с долей юмора, всегда в окружении молодых литераторов. В то время она была литературным секретарем Форш. Я упросил Маргариту Степановну свезти меня на дачу к Ольге Дмитриевне, тем более что для этого подоспел повод — выход книги «Радищев».

В жаркий июльский день мы сели в поезд и вскоре вышли на маленькой станции поселка Тярлево. Маргарита Степановна была легка на ногу, я же с увесистой пачкой книг еле

поспевал за ней. Шел и оглядывался, ища глазами большую красивую дачу. Открыв неказистую калитку, мы попали в мир цветов. На пороге маленького дома мы застали Ольгу Дмитриевну с этюдником, на который был наколот чистый лист бумаги, видимо она собиралась заняться своим любимым рисованием. Я развернул пакет и передал ей книги романа «Радищев»,— к тому времени она была автором сорока книг, а радовалась этой книге как начинающий писатель радуется выходу из печати своего первого произведения.

Она заинтересованно расспрашивала об издательских делах, о новых книгах. Я сетовал на то, что мы постоянно испытываем нехватку хороших прозаических рукописей, рассказал, что в этом году мы издали первую книгу А. Володина, вышел роман Веры Пановой «Времена года». Когда я назвал Панову, Ольга Дмитриевна прервала меня: «Панова очень хорошая писательница». Назвал я и роман М. Слонимского «Друзья»,— видно было, что успех старого друга доставил ей радость. Назвал я еще книгу И. Меттера «Учитель»,— вот, пожалуй, и весь актив издательства за тот год.

Лукаво улыбнувшись, вроде бы шутя, Ольга Дмитриевна сказала:

— Вот погодите, напишу для вас книгу о себе, ведь за такую большую жизнь я много повидала, встречалась с Горьким, Блоком, Стасовым, Репиным, Ярошенко, долго дружила с моим учителем рисования, известным в то время художником Чистяковым, да всех и не перечесть.

Я ответил, что, когда приеду в издатель-

ство, обрадую этой вестью своих товарищей по работе.

Ольга Дмитриевна покачала головой:

— Замыслы большие, а хворь меня частенько одолевает, да и глаза подводят. Подолгу работать не могу.

Видя, что Ольга Дмитриевна устала, я поспешил попрощаться. Это была последняя моя встреча с писательницей. На восемьдесят девятом году она ушла из жизни, оставив после себя богатое творческое наследие.

*

ПО МОРЯМ И ЛЕСАМ
ИВАН СЕРГЕЕВИЧ СОКОЛОВ-МИКИТОВ

Среди авторов, которых мы издавали и издаем, есть писатели, многие годы верные Дальневосточному региону, его истории, его людям. Есть и мореплаватели, чья жизнь трудно отделима от их произведений. Но вряд ли мы найдем еще такого писателя, который исходил бы нашу родину с севера на юг, с востока на запад. Участник многих арктических походов, в молодости матрос торгового флота, посетивший многие порты и города мира. В годы первой мировой войны на самолете «Илья Муромец» летал на бомбежку боевых порядков противника. От шестнадцати тысяч солдат был избран делегатом в Совет рабочих и солдатских депутатов, неоднократно слушал выступления Владимира Ильича Ленина. Таким человеком был И. С. Соколов-Микитов.

Широка география его книг. Пожалуй, не сыскать такого места, где бы, влюбленный своим щедрым сердцем в нашу русскую землю и природу, он не встречал утренние зори в лесу, на глухарином току. Нет речек и озер, на берегу и перекатах которых он не закидывал бы свою рыболовную снасть, коротая ночи у костров за душистой ухой и рассказами бывалых людей.

В личном деле писателя хранятся копии

И. С. Соколов-Микитов (1892—1975) и
К. А. Федин (1892—1977)

многочисленных командировочных удостоверений предвоенных лет, на которых стоят подписи членов президиума Союза писателей В. Каверина и М. Зощенко...

Долго я искал в библиотеках города первую изданную в нашем издательстве книгу Ивана Сергеевича «На пробужденной земле» — книга вышла в свет в первый год Отечественной войны, не весь тираж тогда дошел до читателя.

Для издателя и полиграфиста эта книга и сейчас представляет несомненный интерес. Напечатана она на очень тонкой бумаге и, несмотря на свои четыреста восемьдесят стра-

ниц, выглядит довольно тонкой и изящной. Техническую редактуру издания осуществила одна из самых опытных техредов Анна Кирнарская, а ее брат, известный книжный график М. Кирнарский, вместе с художником Б. Юдовиным подготовили художественное оформление. Оттиски с семи двухцветных гравюр наклеены вручную на специально оставленных пустыми страницах и тематически предваряют каждую главу.

Сейчас, сорок пять лет спустя, листаю эту незнакомую мне книгу. В названии разделов слышится нечто поэтическое: «Птичий берег», «На птичьих зимовках», «У синего моря» и далее «Охотничья экспедиция», «На границе» — эти последние два заголовка показались мне чем-то очень знакомыми. Я вспомнил, что, работая в архиве, я читал письмо Ивана Сергеевича другу, Николаю Семеновичу Тихонову. Листаю свои записи, а вот и письмо:

«Дорогой Николай Семенович!

Недавно мы беседовали о намерении моем совершить путешествие в Азербайджан. На сей раз я уезжаю раньше намечавшегося срока — на свой страх и удачу. Хотелось бы побродить там подольше. Буду очень благодарен Вам, ежели поможете осуществить это доброе намерение. Быть может, в январе в Союзе будут деньги для осуществления поездок писателей. Не откажите похлопотать для меня некоторую сумму. Надеюсь мне удастся ее отработать.

Крепко жму руку — *И. Соколов-Микитов.*

20 декабря 1939 г.

P. S. Еду с военными охотниками на границу Персии добывать кабанов. О планах моих Вам расскажет жена».

Вернувшись из охотничьей экспедиции, писатель на страницах рукописи будущей книги ведет неторопливый рассказ о виденном в Азербайджане. Край этот богат не только дичью и зверьем, но населен свободолюбивым и мужественным народом, богатейшая история которого уходит в глубь веков. Край нефтяных вышек, рыболовных промыслов, умелых хлопкоробов и ковроделов — все это не ускользает от зоркого глаза Соколова-Микитова. Здесь же и главки о кабаньей охоте на границе с Ираном. Эти рассказы и составили большую часть книги «На пробужденной земле», историю издания которой мне хотелось здесь рассказать...

В один из зимних вечеров 1946 года к моему рабочему столу Сорокин подвел широкого кряжистого человека с обветренным лицом, добрыми, чуть грустными глазами, с хорошо ухоженными усами и короткой с проседью бородкой.

— Знакомьтесь, это писатель Иван Сергеевич Соколов-Микитов, он принес нам рукопись «Рассказы о родине». Правда,— улыбнувшись, добавил Сорокин,— Иван Сергеевич малость запоздал: рассказы эти он должен был нам сдать по договору еще до войны...

Иван Сергеевич протянул мне большую сильную руку и, улыбнувшись, поздоровался, в другой руке была маленькая трубочка, из которой вился сизый дымок.

Представив нас, Сорокин сказал:

— Иван Сергеевич очень торопит нас с корректурой этой книги, но это он вам пусть лучше сам расскажет.

Присев к столу, Соколов-Микитов стал объяснять мне причину такой спешки.

— Летом ухожу с экспедицией на полуостров Таймыр, хочу поспеть прочитать корректуру до отъезда. Вы уж не обижайтесь на меня, в типографской корректуре нам, писателям, лучше видны огрехи...

Сколько раз я выслушивал это от наших писателей и недоумевал, а сейчас, попробовав печататься, сам убедился в их правоте. Наскоро прикинув наши возможности, я пообещал к концу февраля подготовить прочитанные оттиски с набора. Иван Сергеевич поблагодарил меня и неторопливой грузной походкой покинул издательство.

К концу февраля, как и было обещано, на моем столе лежала прочитанная в корректорской верстка с вопросами на полях ее страниц к автору. Редакторы и корректоры тогда из-за отсутствия помещения работали на дому, поэтому все прочитанное складывалось на мой стол.

Помню, как тогда обрадовался Иван Сергеевич, держа в руках и как бы взвешивая пятьсот двадцать четыре страницы объемистой верстки. Понравилось ему и оформление художника П. Басманова.

Пообещав скоро прочесть корректуру, Иван Сергеевич не спешил уходить. Мне казалось, что у него есть еще какая-то просьба по этой книге, но он стесняется ее высказать. Но я ошибся. Может быть, чтобы скрыть свое смущение, он раскурил свою потухшую трубочку,

выпустив большой клубок дыма, и обратился ко мне:

— У вас в этом году должна быть издана книга моего покойного друга Николая Васильевича Пинегина об экспедиции Георгия Седова на корабле «Святой Фока» к Северному полюсу. Книга умная и добрая. Ему и его книгам я многим обязан, это его рассказы о Севере побудили меня участвовать в арктических походах. Вместе с ним я делил радости и трудности похода на Землю Франца-Иосифа. Это был человек добрейшей души, талантливый исследователь, художник, писатель. Смерть настигла его в сороковом году в расцвете творческих сил. Прошу вас получше издать его книгу, обрадуйте читателей, да и вдову с дочерью.

Видя, что воспоминания о друге взволновали Ивана Сергеевича, я поспешил его успокоить, рассказал о всем услышанном недавно на редсовете по поводу этой книги.

После смерти Пинегина рукопись его книги «Георгий Седов» осталась не вполне подготовленной к печати. Издательство обратилось к другу Пинегина, писателю, участнику экспедиции Седова к полюсу, профессору Владимиру Юльевичу Визе с просьбой завершить работу над рукописью. Редактор этой книги писатель Иван Федорович Кратт буквально на днях сказал мне, что работа над рукописью подходит к концу и в ближайшие месяцы будет сдана в набор. Книгу «Георгий Седов» мы обязательно издадим в этом году...

Поговорили мы с Иваном Сергеевичем о предположительных сроках печати его книги. Захватив с собой корректуру, он стал прощать-

ся, протянул мне руку, я с опаской подал свою, рукопожатие было теплое и дружеское.

Когда писались эти строки, я вспомнил, что редактором книги «Рассказы о родине» был мой сослуживец Арсений Островский, его я и попросил рассказать, как шла редактура.

— Уже в ту пору,— вспоминал Арсений Георгиевич,— Соколов-Микитов, автор многих книг, был известен как хороший стилист и чудесный художник слова. Так что моя редактура свелась к нескольким замечаниям. С одним Иван Сергеевич согласился и сразу же внес исправления, другие он вежливо отклонил...

Книга вышла в свет в конце мая, мы торопились издать ее ко дню рождения писателя. Была и другая причина: уж очень мне хотелось еще раз пообщаться с ним и уже на правах издателя выведать секреты ужения рыбы, которым я тогда увлекался.

Писателя в городе не было, он с экспедицией Академии наук находился на далеком Таймыре, и только по телеграммам в «Вечернем Ленинграде» мы узнавали о его работе.

Соколов-Микитов был не только автором книг, изданных у нас, но в трудную минуту выручал нас советом, рецензией, а однажды даже был редактором одной из книг.

В январе 1956 года члены редсовета разошлись во мнении по поводу рукописи рассказов об охоте и природе неизвестного для нас автора Андрияна Шевченко. Вера Панова тогда сказала:

— Хотя Шевченко — писатель-натуралист и продолжает традиции Пришвина и Бианки, но то, что я читала, не оригинально...

Юрий Герман, Леонид Рахманов возразили Пановой и считали, что книгу следует издать. Тогда порешили просить Соколова-Микитова прочесть рукопись, и если он решит, что книгу надо печатать, тогда так тому и быть.

Иван Сергеевич не только прочел рукопись, а вскоре сам приехал в издательство. Он настаивал на издании этой книги, хотя, по его мнению, это произведение нуждается в серьезной редактуре.

Не знаю, как тогда Евгению Наумову удалось уговорить его взяться за эту работу. Видимо, Иван Сергеевич был убежден, что получится хорошая книга, да и желание помочь своему брату охотнику тоже сыграло свою роль.

В 1957 году книга А. Шевченко «Песня-загадка», рассказы об охоте и природе под редакцией Соколова-Микитова, вышла в свет. Добрые слова читателей и отзывы в прессе показали, что он не ошибся в оценке этого произведения.

В пятьдесят восьмом году мы издали книгу рассказов Ивана Сергеевича «Пути кораблей». Она, пожалуй, охватывает все морские походы, в которых Соколов-Микитов участвовал. Вот что написал нам в своей рецензии наш автор, писатель-маринист Александр Зонин:

«...География значительной части морских очерков Соколова-Микитова совпадает с морской прозой Ивана Бунина. У обоих писателей мы встречаем одни пути кораблей: из черноморских портов, через Босфор — Стамбул в Грецию, арабский Левант и Суэц — Порт-Саид, Александрия. Но Бунин при огромном изобразительном таланте остается эсте-

том — наблюдателем с парадного спардека.

А наш автор показывает с потрясающим реализмом рядовых матросов, их трудные и часто трагические характеры людей, исковерканных капитализмом, но сохранивших прекрасные души, способных к участию и дружбе...»

История издания другой его книги, «По морям и лесам», связана с письмом Ивана Сергеевича:

«В конце прошлого года я обращался в ваше издательство с письмом на имя покойного Б. М. Лихарева (главный редактор отделения с 1961 года, скончался 2 марта 1962 года.— *А. У.*). В письме я просил о включении в издательский план моей книги в связи с семидесятилетием моей жизни и пятидесятилетием литературной работы. В эту «юбилейную» книгу я предполагал отобрать некоторые основные произведения, отражающие мой писательский путь, а также новые рассказы, небольшие очерки и сказки, которые в прежние сборники не включались. Отбор печатавшихся произведений хотелось бы провести совместно с редакцией издательства. Кроме небольших статей и рассказов, предполагаю включить в книгу краткие литературные воспоминания о И. А. Бунине, А. И. Куприне, А. С. Грине и о некоторых других замечательных людях, с которыми сводила меня судьба.

Полагаю, что объем книги, которую мне хотелось бы видеть хорошо изданной, не превысит 20—22 печатных листов.

С дружеским чувством

И. Соколов-Микитов».

Письмо это прислано нам 27 марта 1962 года. До юбилея оставалось немногим более двух месяцев. Выпустить книгу к этому сроку, да еще «хорошо изданную», было нереально.

Не скрою, всех нас порадовало доверие Ивана Сергеевича к нашему издательству, именно у нас он пожелал издать итоговую книгу за пятьдесят лет литературной деятельности. Редактуру этой книги поручили Кире Михайловне Успенской. Задача была не из легких. Здесь нужна была не столько редактура, сколько помощь писателю в отборе и составлении сборника. Иван Сергеевич в это время уже плохо видел и читать подолгу не мог.

Допоздна Кира Михайловна работала с писателем на его квартире. Следовало прочесть написанное им за полвека и отобрать все лучшее, а это у такого писателя, как Соколов-Микитов, было не просто, здесь все казалось лучшим, и издательство сознательно пошло на увеличение объема почти вдвое против того, что испрашивал автор в своей заявке.

Прошло время, книга постепенно стала выстраиваться. Обрели названия разделы: «На теплой земле», «Морские рассказы», «Чижикова лавра», «На речке Невестнице», «По лесным тропам», «Записи давних лет», в разделе «Воспоминания» — встречи с Буниным, Куприным, Пришвиным, А. Толстым, Фединым. Иван Сергеевич назвал эту книгу «По морям и лесам».

Главный редактор отделения М. Смирнов предложил предварить книгу вступительной статьей. Выбор пал на опубликованное в 1959 году эссе А. Твардовского «О родине большой и малой». Снеслись с Александром Трифоно-

вичем и получили согласие на сокращенный вариант этого эссе. Вслед за ним поместили подготовленную автором «Мою биографию» — бесхитростный рассказ старого человека с удивительной биографией путешественника, охотника, чудесного мастера слова, влюбленного в простых людей, в нашу русскую природу.

Теперь, когда рукопись будущей книги была подготовлена, пора было подумать о художественном оформлении. Нам очень хотелось, чтобы текст писателя сопровождался иллюстрациями, перед разделами поместить многоцветные рисунки, а переплет книг завернуть в суперобложку, но последнее слово оставалось за художником.

Иван Сергеевич просил поручить оформление книги своему давнему другу, известному художнику В. И. Курдову.

Спустя какое-то время мы посетили Валентина Ивановича. Художника мы застали в своей мастерской, на столах лежали отдельные стопочки рукописи рассказов, а их в книге пятьдесят.

Иллюстрировать такую многоплановую книгу — дело не простое, художник здесь становится соавтором. Сохраняя свою индивидуальность видения в изображении героев, места и время действия, окружающей природы, художник своими иллюстрациями дополняет автора.

С интересом мы смотрели, как под кистью художника менялись времена года — весна переходила в лето, лето в осень и зиму; как к разделу «Морские рассказы» появлялись заморские города с экзотической природой; как

терпели бедствия и гибли в морской пучине корабли.

Рисунок к повести «Детство» рассказывает о поездках с отцом. Лошадь, запряженная в дрожки, скачет по проселочным дорогам, а будущий писатель, маленький мальчик, сидит за спиной отца. Кругом леса, поля, перелески Смоленского края — родины Соколова-Микитова. К циклу «По лесным тропам» — рисунки глухариного тока, смешного ворона — воришки и проказника из рассказа «Петька». Все восемьдесят рисунков, которыми предстояло населить книгу, были вчерне готовы. Мы напомнили Курдову о сроках, ведь предстояло все оформление показать автору, а он, как только пригреет солнышко, торопился в свой карачаровский домик на берегу Волги.

И вот наступил день, так хорошо запомнившийся всем нам. На столах и стульях разложены рисунки. Мы поджидали Ивана Сергеевича. А вот и он сам. Такой же подтянутый, красивый в своей старости, только годы высеребрили бородку и усы, в руках та же дымящаяся трубка.

Мы заранее условились с Валентином Ивановичем, что каждый рисунок он будет сопровождать своим объяснением, тем самым вызывая автора на разговор, а мы знали, что рассказчик он интересный. Позже по лукавому взгляду Ивана Сергеевича мы убедились, что наше коварство он разгадал. Поднося каждый рисунок близко к плохо видящим глазам, он безошибочно определял, какой рисунок к какому рассказу, как-то особенно крякал от удовольствия, если рисунок ему очень нравился, и вежливо молча откладывал менее удав-

шиеся. Из его трубочки, которую он не вынимал изо рта, вился сизый дымок, наполнивший комнату медовым ароматом хорошего табака. Мы как зачарованные слушали рассказы из его длинной писательской жизни, надолго запомнились они нам.

Позже я со своим другом Михаилом Новиковым рыбачил на заливе, вспомнили рассказ Соколова-Микитова о том, что водка, настоянная на мелких голышках, подобранных на морском берегу, пахнет особым запахом моря, и решили обязательно испробовать этот рецепт.

В тяжелой будничной работе издателя бывают и праздничные дни. Праздник наступает в день появления сигнала особо сложной книги, над которой трудились издатели и полиграфисты. Таким праздником для нас был выход книги Ивана Сергеевича Соколова-Микитова «По морям и лесам» в самом конце 1964 года.

Вскоре контрольные экземпляры этой книги мы отвезли на Московский проспект на квартиру писателя, и высшей наградой для нас было то, что книга очень понравилась Ивану Сергеевичу.

В 1975 году вышла в свет последняя книга Соколова-Микитова «Давние встречи». О чем эта книга? Это воспоминания о встречах с писателями, путешественниками, учеными и с простыми людьми. В книгу вошли воспоминания о М. Горьком, И. Бунине, А. Куприне, А. Толстом, К. Федине, В. Шишкове, А. Грине, О. Форш, М. Пришвине, А. Твардовском и многих других. Давайте раскроем книгу и про-

чтем на первой странице, что пишет писатель о своей работе:

«Сейчас я хочу описать то, что было в действительной моей жизни: знакомую с детства природу, людей, которых я видел, любил, которых запомнил на всю мою жизнь. Не всегда это были знаменитые, прославленные люди, с которыми мне приходилось встречаться. Мне хочется рассказать и о совсем простых людях...»

Писал Соколов-Микитов эту книгу до последних дней своей жизни, писал — это, наверное, не то слово, потому что писатель к этому времени ослеп,— диктовал своему другу, жене, Лидии Ивановне. Лидия Ивановна из нашей издательской братии, в начале 20-х годов она работала управделами издательства «Круг», оттуда Иван Сергеевич «умыкнул» ее в глухую смоленскую деревню.

— Работать с Иваном Сергеевичем,— рассказала мне редактор его книг Кира Успенская,— было всегда радостно и интересно. Память великолепная, а в памяти целое богатство, которого с лихвой хватило бы еще не на одну книгу.

— Ну, а какие были сложности с редактурой? — спросил я.

— Сложностей не было, поскольку Иван Сергеевич опытный литератор. Задача была убедить этого строгого к себе художника, что читатель ждет его новых рассказов. Читателю нет дела до того, что писатель стар и слеп, ему нужен вечно молодой Соколов-Микитов и его книги.

Удалось после нескольких поездок в карачаровский домик расширить рассказ писателя

об Алексее Николаевиче Толстом. Вместе с Лидией Ивановной разобрали переписку Соколова-Микитова с Александром Трифоновичем Твардовским, перечитывали ее Ивану Сергеевичу, и из огромного количества писем отобрали самое главное. Иван Сергеевич очень дорожил дружбой с этим большим русским поэтом.

Эта последняя книга вышла в свет, когда писателя уже не было в живых.

Книгам этого по-настоящему народного писателя суждено долголетие. Их читает и будет читать еще не одно поколение, они учат добру, любви к нашей русской земле, к ее людям, природе и богатству.

*

СЕРДЦЕ, ОТКРЫТОЕ ВСЕМ

ВЕРА ПАНОВА

Эти воспоминания о Вере Федоровне Пановой я начинал много раз. Бросал и начинал снова. Словно мне чего-то не хватало. Решил подержать в руках, полистать ее книги, к изданию которых имел отношение. Их более двух десятков, на всех теплые, дружеские автографы. Вот первая повесть Пановой — «Спутники». На последней странице читаю: «Редактор Н. Брыкин, подписано в печать 27 июля 1946 года» — ровно через три месяца после сдачи автором рукописи в издательство. Переплет этой книги сейчас вызвал бы недоумение. Он изготовлен без переплетной ткани, которой тогда почти не было. Но как они мне дороги, эти неказистые книжки тех лет! Издание каждой из них — событие.

...Весенним днем первого послевоенного года к нам на Малую Садовую, где тогда размещалось Ленинградское отделение издательства «Советский писатель», пришла симпатичная женщина средних лет. Светло-каштановые волосы собраны в узел, черное строгое платье оттеняло доброе лицо. Вот, пожалуй, и все, чем запомнилась Панова мне тогда. Она принесла рукопись повести «Спутники». Никто из нас не мог тогда предположить, что эта миловидная женщина вскоре станет известной писательницей. За долгую издательскую дея-

тельность не припомню еще такого случая, чтобы в течение четырех лет три произведения одного автора были удостоены Государственных премий. Так дебютировала у нас Панова со своими книгами «Спутники», «Кружилиха» и «Ясный берег».

За двадцать семь лет сотрудничества Вера Федоровна издала у нас все свои книги, общий тираж которых значительно превысил два миллиона экземпляров. Сотни читательских писем со словами благодарности шли тогда в адрес издательства и писательницы.

Вот одно письмо, о котором не знала Панова, так как оно случайно затерялось в архиве издательства. Прислал нам его 14 марта 1951 года ученик десятого класса 35-й школы г. Воронежа Юрий Булыгин, после того как прочел повесть «Ясный берег»:

«Я еще молод, мне скоро исполнится 17 лет, но уже в свою короткую жизнь я видел ужасы войны, слезы мамы, и слезы народа, и плакал сам. И никто теперь не помешает ни мне, ни моим товарищам идти вперед, к коммунизму.

Великая стройка, о которой я читал в этой книге,— это моя жизнь. Я мечтаю быть архитектором и не хочу, чтобы мой труд и труд миллионов других советских людей пропал даром, чтобы фашистские стервятники вновь кружились над моей родиной. Дом для того, чтобы жить. И мы будем жить и трудиться. Спасибо за хорошую книгу».

Я не знаю, как сложилась судьба Булыгина, с тех пор минуло тридцать пять лет, но одно бесспорно: повесть Пановой побудила юношу искать свое место в жизни...

С первых же дней Панова полюбилась всем сотрудникам издательства, ее сердечность и доброту мы ощущали постоянно. Она могла вспылить, но быстро отходила и никогда ни на кого не таила зла. Помню, как однажды, взволнованная, с красными пятнами на лице, с трудом сдерживая свой гнев, она обратилась ко мне:

— Посмотрите, что сделали ваши корректоры с рукописью. Я прошу вас дать указание не трогать знаки препинания. Они мне нужны там, где я их поставила.

Но уже через несколько минут она спокойно беседовала с заведующей корректорской, объясняла логику расстановки знаков. Бывало, хотя и очень редко, когда Панова, прекрасный стилист, соглашалась с правкой корректоров. Для корректоров это было событием.

Просматривая книги с автографами, подаренные мне автором — а их более двух десятков с переизданиями,— я не удивлялся, что на переплетах отсутствуют рисунки, все книги имеют лаконичное шрифтовое оформление. Панова не была новичком в типографских делах, первой книге предшествовали годы работы в газетах. Она предпочитала скромное и строгое графическое решение в оформлении своих книг.

Вера Федоровна внимательно относилась к замечаниям товарищей по перу, никогда не считала себя безгрешной.

В 1955 году писательница одновременно с журнальной публикацией сдала нам рукопись своей новой повести — «Сережа. Несколько историй из жизни очень маленького мальчика». Книга спешно готовилась к печати.

Несмотря на недостаток времени, на авторитет автора, правило тех лет не было нарушено: рукопись вынесли на обсуждение редсовета. Вот что сказал на редсовете по поводу книги обычно скупой на похвалу Александр Андреевич Прокофьев:

— Я высоко оцениваю новое произведение Веры Пановой. Считаю, что она в своей повести избрала трудный художественный путь. Повествование идет от лица маленького мальчика, и здесь есть большие удачи. Книга состоит из коротких главок, сценок, и есть очень удавшиеся подробности жизни Сережи.

Говоря о недостатках, Прокофьев отметил несколько излишне натуралистических штрихов.

— Вот сценка с пауком,— сказал он.— «За комодом было порядочно пыли, и мамина шпилька, и паук, похожий на желтую бусинку, у которой выросли во все стороны длинные тонкие ноги. Паук побежал по стенке. Мама взяла туфлю и раздавила его. Сереже стало неприятно, вместо желтой бусинки на стене темнело мокрое пятнышко; паучьи ноги прилипли к нему, и одна шевелилась...» Мне было неприятно читать,— продолжал Прокофьев.— Или история с рогаткой, ее поэтизировать уж никак не стоит...

В нашем издании писательница сценку с пауком сняла, а история с рогаткой заканчивается мирно.

Годом раньше мы выпустили роман Пановой «Времена года. Из летописей города Энска». Появились критические статьи в печати, в том числе и крайне несправедливые.

В 1954 году, на Втором съезде писателей в

содокладе К. Симонова по прозе были высказаны, как потом признала сама Панова, справедливые суждения о романе. А два года спустя, в 1956 году, эта книга была переиздана массовым тиражом. На ее титульном листе указано: «Издание доработанное». Вот что по этому поводу говорила Вера Кетлинская, член нашего редсовета, когда рукопись с поправками только поступила в издательство:

— В новой редакции романа, сообразуясь с критическими замечаниями, которые автор считал полезными, Вера Федоровна творчески переработала часть текста, по-новому расставила некоторые акценты. К изданию романа Панова отнеслась как требовательный к себе художник... Роман после переработки стал более острым, более значительным, полезным и для молодежи, и для тех, кто ее воспитывает. Главный недостаток первой редакции романа состоял в том, что основная героиня — Дорофея Куприянова — была ярче и полнокровней в начале книги, а затем образ ее сникал, мельчал... Вернувшись к тексту, Панова поработала над этим образом. Работа была филигранная...

Далеко не всякую критику Панова соглашалась принять, и самым строгим судьей своих произведений была она сама.

В конце года мы послали Пановой корректуру романа. Спустя некоторое время Вера Федоровна позвонила мне:

— Я слегка прихворнула, не смогли бы вечерком заглянуть ко мне?

Жила Панова в ту пору на Марсовом поле, в доме номер семь, в этом же доме жили другие наши авторы: Ю. Герман, Л. Рахманов, Б. Чир-

сков. Я иногда бывал у нее, то по делам, связанным с выпуском книг, а то просто в гостях.

Вера Федоровна встретила меня закутанная в теплый платок. В гостиной на столе — два чайных прибора, корректура романа и странички машинописного текста. Панова пригласила меня к столу:

— Думаю, что вы уже догадались, зачем я вас позвала. Прочитала я внимательно корректуру, и меня кое-что не устраивает. Я понимаю, что причиню вам неприятные хлопоты, но книгу нужно переверстать, включить кое-что новое, часть строк пустить в разбор.— И, виновато улыбнувшись, подвинула мне чашку, наполненную крепким, ароматным чаем.— Пейте, а то остынет.

После чая стали листать корректуру и обдумывать, как выправить верстку с наименьшим ущербом для готового набора. И тут я обратил внимание на карандашные пометки в местах, где должен быть подверстан новый набор. Корректорские знаки, расставленные на полях страницы, обозначали: вогнать в строку несколько букв переноса, или, наоборот, выгнать строку, убрать висячую строку внизу полосы и многое другое. Все это делалось, чтобы максимально сохранить массив набора.

— Откуда у вас профессиональное знание техники набора? — спросил я Панову.

Вера Федоровна обрадовалась возможности на время прервать неприятный для меня разговор и сказала:

— Родилась я в Ростове-на-Дону, там прошло мое детство и юность. Мне было неполных пятнадцать лет, когда я вынуждена была прервать учебу в гимназии и зарабатывать на хлеб.

Поначалу это были частные уроки. Потом меня устроили в газету «Трудовой Дон». А в редакции «Ленинских внучат» я была ответственным секретарем. Сначала в газетах я выполняла техническую работу, а потом стала заправской журналистской, часто бывала в типографии, в наборном цехе, где освоила технику набора и верстки, там познала радость рождения из букв моих статей и фельетонов. Журналистикой я занималась долго, вплоть до повести «Спутники», в издании которой вы принимали участие...

Допоздна мы тогда засиделись за корректурой. За окнами светились огни Марсова поля.

Не скрою, я горжусь тем, что участвовал в издании книг Веры Федоровны и много общался с ней по делам издательства.

Панова была одним из самых деятельных членов редсовета Ленинградского отделения «Советского писателя». К замечаниям Веры Федоровны прислушивались не только молодые, но и такие мастера, как М. Слонимский, Ю. Герман, А. Пантелеев, В. Саянов, В. Кетлинская... Успехами своих товарищей она гордилась как своими, стремилась помочь им советом, делая это всегда тактично и доброжелательно.

Хорошо помню заседание редакционного совета, на котором обсуждался роман Ю. П. Германа «Один год». Помню и выступление Пановой, ее добрую улыбку. Но чтобы быть точным, приведу ее отзыв по стенограмме, сохранившейся в архиве издательства:

«Роман Юрия Германа мне достался после того, как я одолела несколько унылых книг,

я их читала и думала — судьба моя горемычная... И таким счастьем было взять и прочитать роман, только еще перепечатанный на машинке, не в книге, и мне не требовалось ставить птички, нужно было просто сидеть и читать. Сперва у меня было такое представление, что, вероятно, взял Герман свои ранние повести «Лапшин» и «Жмакин» и соединил. Теперь я вижу, что он написал новое произведение. В этом романе другой сюжет и много отличных персонажей, которых не было в прежних двух повестях... Но главное — роман создает ощущение настоящего потока жизни!.. С одной стороны — следователи, а с другой — преступник (дело происходит в тридцатые годы), и несмотря на все темное, что там изображено (там и грабят, и убивают, и клевещут), во всем сквозит бодрая струя нашего советского отношения к людям и событиям, и чувствуется активность авторской руки...»

Далее Вера Федоровна сказала, что за два вечера она прочла пятьсот страниц рукописи.

«Это очень хорошее произведение,— добавила она,— ему суждено завоевать читательские сердца...»

После выступления Пановой Всеволод Воеводин огласил рецензию начальника Управления милиции города Ленинграда Ивана Соловьева, который также высоко оценил роман.

Вера Федоровна торжествовала!

— Вот вам! Надо поздравить Юрия Павловича.

И тут же горячо заговорила, что для книги нужно заказать хорошее художественное оформление, а рукопись поскорее отправить в набор, да и тираж дать побольше.

В 1960 году у нас вышло в свет исправленное и дополненное А. Пантелеевым издание повести Г. Белых и А. Пантелеева «Республика Шкид». Читать рукопись было поручено В. Пановой. На редсовете она сказала:

— На мой взгляд, эта книга, воскресшая через много лет, может стать ценным приобретением для нашего издательства... Алексей Иванович Пантелеев проделал большую работу. В этом легко убедиться, если взять прежний текст тридцатых годов и сравнить с тем, что сделано сейчас...

Но есть досадные мелочи, на которые хочется также обратить внимание. Эти мелочи при редактировании книги желательно было бы убрать...

Вера Федоровна принимала деятельное участие в подготовке к изданию объемистого романа ленинградского писателя Павла Далецкого «На сопках Маньчжурии». Выступая на редсовете, она подтвердила, что этот роман — большое эпическое полотно о русско-японской войне — написан талантливо и убедительно. Однако от опытного глаза литератора не ускользнула шаткость позиций Далецкого при описании революционного Петербурга.

Роман был издан в 1951 году. После выхода книги в свет разгневанная Панова выступает на одном из редсоветов:

— Павел Далецкий — крупный писатель со своим лицом и характером. Но мы все несем вину за то, что не побудили Далецкого исправить явные и крупные недостатки его безмерно длинной книги. Далецкий дописал пятнадцать листов серого материала...

Помню, как, анализируя причины неудач

Далецкого, Панова объясняла их тем, что автор непрерывно дописывает и расширяет роман, вместо того, чтобы сокращать слабые места. Она обратила внимание на то, что роман насчитывает девяносто четыре печатных листа, в то время как в «Войне и мире» Л. Толстого — восемьдесят четыре.

— Я понимаю, что автор с таким жизненным опытом может написать много, но я решительно выбросила бы все, что слабо, все, что мешает главному,— сказала в заключение Панова.

Мне известны многочисленные примеры бескомпромиссного отношения Пановой к литературным произведениям, оно никогда не зависело от звучности имени писателя и личного отношения к нему.

Вера Федоровна помогла вступить в литературу многим ленинградским авторам.

Как-то, задержавшись в издательстве, я невольно стал свидетелем беседы Пановой с участниками первого сборника молодых прозаиков, готовившегося к изданию. Она подробно рассказывала о своих первых шагах в литературе, о многотрудной работе над каждым словом, фразой, над каждым эпизодом.

— Главное — проникнуть во внутренний мир героя, через него показать столкновение характеров, события, эпоху. Кто ищет в писательской профессии легкий кусок хлеба, глубоко ошибается,— говорила Панова...

В середине 1953 года в наше отделение принесла свою первую повесть Наталья Давыдова. Рукопись прочла Панова и доложила на редсовете, что в повести описана жизнь провинциального городка, больницы, коллектива врачей.

В этой книге молодой литератор подражает трем авторам:

— ...Операцию делают как у Коптяевой, заседают на партийном собрании как у Кетлинской, описание городка — из «Ясного берега»...

Однако за частоколом подражаний Панова увидела живое дарование, и это позволило ей сделать вывод, что если освободить рукопись от наносного и заемного, то получится маленькая искренняя повесть...

Повесть Давыдовой «Будни и праздники» вышла в свет. Писательница вскоре уехала в Москву, я потерял ее из виду. И вот в 1980 году, листая тематический план издательства, обнаружил аннотацию, где сказано: «...В книгу известной писательницы Натальи Давыдовой «Вся жизнь плюс еще два часа» вошли ее лучшие произведения». И подумал: этой аннотации могло и не быть, если бы на литературном пути Давыдовой не встретилась Вера Федоровна Панова.

Многим, очень многим молодым помогла в разные годы Вера Панова. Назову лишь некоторых из них: В. Конецкий, Ю. Рытхэу, Г. Горышин, Э. Шим, Г. Горбовский, А. Рекемчук...

Не припомню, при каких обстоятельствах в 1957 году к нам попала рукопись А. Рекемчука «Повести и рассказы». В ту пору молодой писатель жил на Печоре и работал журналистом в Ухте.

С рукописью мы попросили ознакомиться Веру Федоровну Панову. Вскоре она принесла свой отзыв и торопила нас с изданием этой книги. Скупая на похвалу, Панова пишет:

«Рекемчук — талант живой, наблюдательный, с душевным юмором. Рекемчук много

повидал, знает трудовую жизнь советских людей и рассказывает о виденном увлеченно, энергично, с хорошими подробностями,— иногда, правда, чересчур наспех, не раздумывая и не давая раздумывать своим героям... А в основе своей рукопись, повторяю еще раз, талантливая, надо поскорей ее довести до читателя...»

Издание книги тогда несколько задержалось, мы ждали от автора повесть «Время летних отпусков».

Панова не была в то время лично знакома с Рекемчуком, и вот что он пишет мне почти тридцать лет спустя:

«С Верой Федоровной мне, в сущности, довелось встретиться лишь один раз, в 1958 году, на 1-м съезде писателей РСФСР. Она расспрашивала меня о новой повести, которую я как раз начал писать, и я доверительно пожаловался ей на то, что меня мучило в ту пору и, признаться, гложет до сих пор: что те юмористические интонации, которые с такой благожелательностью отмечает критика в моих вещах, на самом деле снижают болевой накал прозы, а мне хотелось бы приблизиться к трагедийному звучанию своих тем. И вот, спросил я, как избавиться от этих юмористических интонаций? Вера Федоровна страшно рассердилась: „Послушайте, Рекемчук,— сказала она,— если у вас есть чувство юмора, то благодарите за это бога, а не пытайтесь избавляться!“»

Помню и другое, как в те далекие времена, когда горькая правда жизни была не в чести, у нас, издателей, готовилась к печати книга начинающего писателя Э. Шима «Ночь в конце месяца» (1958). В каких только тяжких грехах не обвиняли тогда этого молодого талант-

ливого писателя: в ущербности героев его рассказов, в очернительстве действительности, в безысходности.

На редсовете в июне 1957 года в защиту этого писателя выступила Панова. Всегда внешне спокойная, на этот раз она сердито и горячо говорила:

— Я думаю, что издание книги рассказов Э. Шима станет радостным событием в литературной жизни Ленинграда. Каждый, кто любит литературу, с удовольствием отметит появление нового талантливого писателя. Не все рассказы Шима мне нравятся одинаково, но о даровании писателя следует судить не по худшим, а по лучшим его произведениям. Рассказ «Ночь в конце месяца» ярко свидетельствует о том, что молодой писатель обладает незаурядным дарованием... Прелесть этого великолепного рассказа прежде всего заключается в его правдивости. В отличие от многих других авторов, пишущих о нашей армии, Шим изображает армейскую жизнь, не приукрашивая ее. Жизнь эта — суровая, трудная, и люди, с которыми встречается рассказчик, далеко не ангелы. Но в том-то и сила подлинного искусства, что настоящая правда всегда звучит как открытие, и мы как бы впервые узнаем солдатскую жизнь и обнаруживаем в ней и поэзию и мужество...

И далее Панова, говоря о менее удачных рассказах, предостерегала автора от поверхностного изображения сложных жизненных явлений.

Выступить в ту пору в защиту творчества Э. Шима мог только человек, обладающий высоким гражданским мужеством.

Я бы мог назвать многих писателей, которым своими советами помогла Панова. В Ленинградском архиве литературы и искусства хранятся многие десятки рецензий Пановой, которые свидетельствуют о роли этой незаурядной писательницы в литературной жизни послевоенного Ленинграда. Эти отзывы во многом помогали и нашим редакторам в работе над рукописями книг, готовящихся к изданию.

Как торопила нас, издателей, Вера Федоровна с выпуском первой книги Глеба Горбовского «Поиски тепла»! Путь этого поэта в литературу был нелегким. Панова доказывала, что поэтический язык Горбовского чистый и самобытный, лишенный штампов и шаблона. Она сама помогала молодому поэту отобрать стихи для этого сборника.

«Знакомясь с его рукописью,— писала В. Панова в рецензии, предназначенной для издательства,— прежде всего отмечаешь явную бесспорную талантливость... Чувствуется, что поэтический язык автора — это его родной язык, на котором ему легче выражать свои чувства и мысли... Наиболее характерной особенностью поэзии Горбовского я считаю ее конкретность, предметность... И даже не характер лирического героя привлекает меня в стихах Горбовского, а та откровенность, полнота описания и неприкрашенность, с которыми этот лирический герой изображен...

Все эти особенности творчества Горбовского,— заключает Панова,— позволяют говорить о нем как о ярком и своеобразном явлении в советской поэзии, и будет совершенно правильным, если издательство выпустит в свет сборник стихотворений Горбовского...»

Как бы радовалась вместе с нами Панова успехам Глеба Горбовского, который за свою поэтическую книгу «Черты лица» (1984) удостоен Государственной премии имени Максима Горького.

Щедрое сердце Веры Федоровны Пановой всегда было открыто для тех, кому требовалась ее помощь и поддержка. Она стремилась поддержать начинающего литератора, если видела искреннее стремление сказать людям правду. Показательно ее высказывание о рукописи книги Е. Васютиной:

«Каждый человек, любящий литературу, испытывает радость встречи с новым писателем. Евгения Васютина входит в нашу советскую литературу не робкой поступью неуверенного в себе «начинающего автора», а твердым мужественным шагом писателя, знающего свои возможности, смело глядящего в глаза своему читателю».

Осенью 1969 года я получил от Веры Федоровны следующее письмо:

«Попала на мель — прожилась до копейки — и взываю к Вам, испытанному другу, нельзя ли чего-нибудь придумать, чтобы сойти с этой проклятой мели...

Ваше изд-во меня издавало много и щедро, но, напр., если бы я предложила (конечно, через какой-то приемлемый срок, учитывая мою окаянную болезнь) новый роман?

Очень жду Вашего ответа, либо письмом, либо через Аркадия Иосифовича (А. И. Аптекман, секретарь Веры Федоровны.— *А. У.*)».

Вскоре от Веры Федоровны поступила заявка на новый роман. В заявке Панова писала:

«Тема моя обычная — тема нравственного

воспитания, история развития и формирования юного существа. На этот раз это совсем молоденькая девушка, ленинградская школьница, в суровых условиях войны и блокады вырастающая в мужественную патриотку, подлинную героиню, самоотверженно служащую своей стране, своему городу, окружающим людям.

Работу над романом предполагаю закончить в начале 1971 года. Возможное название — „Всему городу краса“».

В октябре 1969 года директор отделения издательства подписал с Пановой договор. Но тяжелая болезнь прогрессировала. Спустя два года Вера Федоровна прислала в издательство письмо:

«Первого марта я должна представить рукопись под условным названием «Всему городу краса». Двадцатого октября я представила в издательство рукопись под названием «Заметки литератора». Прошу представленную рукопись зачесть как выполнение обязательств по договору».

Издательство охотно пошло навстречу Пановой.

На моем экземпляре этой книги неуверенным почерком больного человека последний автограф писательницы, адресованный мне.

Летом 1972 года главный редактор издательства Анатолий Чепуров и я навестили Веру Федоровну, которая тогда уже жила на Суворовском проспекте.

Панову мы застали за столом, где с большим трудом она заканчивала свою автобиографическую книгу «О моей жизни, книгах и читателях».

Поговорив об издательских делах, мы по-

просили Веру Федоровну дать согласие на переиздание романа «Кружилиха».

Домой возвращались молча. Трудно было мириться с тем, что Панова, человек неиссякаемой энергии, огромного обаяния, больше никогда не откроет дверь нашего издательства и, улыбнувшись с порога, не станет торопить нас с изданием чьей-либо книги...

Не хотелось верить, что это наша последняя встреча.

Спускаясь по лестнице, Чепуров мне сказал:

— Откуда у этой женщины такое мужество?!

Жизненный и творческий путь Пановой, отмеченный признанием народа, благодарностью читателей, сердечностью друзей, был трудным, временами невероятно трудным. Но Вера Федоровна, человек огромного жизнелюбия, прямо скажем, не женского самообладания и твердости духа, преодолевала эти трудности, преодолевала сама и так, что о ее невзгодах мало кто и догадывался.

В личном деле Веры Федоровны я обнаружил маленький листок с эпитафией, написанный столь хорошо мне знакомым почерком писательницы. Непонятно, каким образом он там затерялся. Я позволю себе привести его целиком:

Вы не искали славы —
    И слава Ваша не умрет.
Вы не искали бессмертия —
    И стали бессмертны.
Вы вечно живы —
    Жизнью спасенных Вами людей,
    Жизнью спасенных Вами детей,
    Жизнью Ленинграда.
Величие времени — в величии
    Ваших сердец...

*

ДЕЛО, КОТОРОМУ ТЫ СЛУЖИШЬ

ЮРИЙ ГЕРМАН

Весна 1946-го... Год со дня окончания войны и всего несколько месяцев моей гражданской жизни... В издательский коллектив, в то время едва насчитывающий двадцать человек, я вошел быстро, с новой профессией издателя освоился буквально за несколько недель. Помогли старые профессиональные знания полиграфии, приобретенное за годы войны умение быстро ориентироваться в обстановке, вникать в ситуацию, в дело, которым необходимо заниматься, оперативно, не осматриваясь, не привыкая, а порой и почти не раздумывая, принимать решение. Помогли мне и мои новые сослуживцы, которые, как и я, истосковались по мирной работе. В общем, эта первая послевоенная весна и последующие послевоенные годы в моей памяти остались как время какого-то особенного отношения людей к делу и друг к другу...

В ту послевоенную весну я познакомился и с Юрием Павловичем Германом, писателем, который, как мне кажется, занимает в нашей литературе особое место. Не буду привлекать для доказательства этого ни литературоведческие работы, посвященные творчеству Германа, ни многочисленные критические статьи о его книгах, изданных у нас. Поделюсь лишь своими

впечатлениями о Юрии Германе, с которым двадцать лет меня связывала дружба и совместная работа, приведу некоторые читательские письма.

Забегая вперед, скажу о том главном, что, по-моему, определяло, как это принято у литературоведов говорить, жизнь и творчество Юрия Германа. Определяющим для личности Германа были бескомпромиссность, доброта и честность. Вера в победу правого дела, как бы ни был сложен и долог путь к этой победе. Именно такой сложный и трудный путь прошел сам Юрий Герман. И ни разу не остановился для отдыха, ни разу не повернул назад и не пошел в сторону.

У каждого поколения своя судьба. Нашему поколению, поколению Юрия Германа, выпали на долю трудные предвоенные пятилетки, самая страшная война, годы напряженного послевоенного строительства.

В тот день с утра я зашел в кабинет к главному редактору Сорокину, чтобы обсудить с ним план издания книг на май. Не успели мы углубиться в работу, как в дверь постучали, и уже через несколько секунд Сорокин оказался в объятиях высокого, хорошо сложенного мужчины, одетого в морской китель, но без погон. А через некоторое время Юрий Герман пожимал мою руку, глядя на меня своими черными, чуть выпуклыми улыбающимися глазами. Эту германовскую улыбку я хорошо помню. Мне кажется, что он всегда улыбался,— всегда, но поразному: иногда грустно, с оттенком печали, а иногда озорно, весело, озаряя улыбкой все лицо. Было Герману в год нашего знакомства тридцать шесть лет. Он только что демобилизовал-

ся с Северного флота, где служил военным корреспондентом в звании майора.

Юрий Герман, к тому времени уже известный писатель, автор многих книг, принес написанную на Севере повесть «У студеного моря». Мы сразу же приступили к работе над книгой, в конце года она вышла в свет. «В свет» — как часто мне за долгую издательскую работу приходилось писать эти слова на обложках и титулах, сигнальных экземплярах, сколько раз я произносил эти слова и вспоминал их... Но в скоротечных издательских буднях никогда не задумывался над этим странным словосочетанием, формально разрешающим выпуск тиража книги на книжные прилавки.

И только сейчас я задумался, сам не знаю почему, над смыслом этих слов, над тем, как они точны и емки. Они знаменуют рождение книги, появление ее на свет, начало ее жизни.

У книг Юрия Германа удивительная судьба. Написанные более полувека тому назад, они и сейчас в числе любимых.

Вспоминаю наши первые встречи по работе: сначала я очень робел, смущала его знаменитость. При близком знакомстве оказалось, что человек он простой, удивительно добрый, со щедрой душой и большим, щедрым талантом. Он постоянно спешил кому-нибудь на помощь, за кого-то постоять.

В Ленинграде в ту пору начинал свою литературную деятельность Сергей Антонов. В судьбе этого молодого писателя Юрий Павлович принимает самое живое участие. Он пишет ему рекомендацию в Союз писателей: «Рекомендую очень талантливого писателя Сергея Петрови-

ча Антонова к принятию в члены Союза писателей. 10 октября 1947 г. Ю. Герман». Потом, видимо решив, что рекомендация слишком коротка и неубедительна, он пишет вдогонку письмо:

«В президиум Ленинградского отделения
Союза советских писателей
от Германа Юрия Павловича

Заявление

Убедительно прошу президиум и, в частности, т. Прокофьева ознакомиться с творчеством молодого литератора Сергея Антонова. Этот человек наделен, по-моему, удивительным талантом, образы его произведений глубоки, сильны, чисты, характер советского человека с его мужественностью, стойкостью, простотой, силой и мягкостью показан молодым писателем по-настоящему, до того хорошо, что просто делается завидно.

Один рассказ Сергея Антонова «Знакомый» стоит целого тома нудного и серого скольжения по жизни, наблюденной писателем, даже профессионалом, из окна своего кабинета.

По-моему, очень стоит обратить внимание на талантливого человека, провоевавшего всю войну, преданно и самозабвенно любящего литературу и скромно считающего себя начинающим писателем. Всеволод Рождественский, воспитавший тов. Антонова, вероятно, с удовольствием доложит президиуму об этом даровитом писателе.

Ю. Герман».

Это письмо мне кажется примечательным не только тем, что по двум первым рассказам молодого автора Юрий Герман разглядел писателя, ставшего одним из крупнейших советских прозаиков, но и тем, как точно, лаконично изложил в нем свое писательское кредо Юрий Герман.

Помню, как в марте пятьдесят первого года Герман не вошел, а буквально вбежал в мою комнату и положил на стол газету, где было опубликовано постановление, в котором Сергею Антонову за изданную в нашем издательстве книгу «По дорогам идут машины» была присуждена Государственная премия.

Сергей Антонов был не единственным, кому помог Юрий Герман.

Вступился он и за Вадима Шефнера, безуспешно пытавшегося еще в сорок седьмом году издать свою первую прозаическую книгу «Неведомый друг». С книгой тогда познакомился Герман. В присутствии автора на редсовете он сказал:

«Первая книга прозы Шефнера производит хорошее впечатление, это прежде всего талантливо, самостоятельно и написано потому, что автор не мог этого не написать. Надо поздравить Шефнера с настоящим прозаическим дебютом, а издательство с будущей очень талантливой, тонкой, хорошей книгой...»

Другие члены редсовета не разделили мнение Юрия Павловича.

Вадим Сергеевич позже мне рассказывал, что поддержка такого известного мастера прозы, каким был тогда Юрий Герман, вселила надежду на успех. Но только через десять лет после первой неудачной попытки Вадим

Шефнер стал издавать у нас наряду со стихотворными сборниками талантливые книги прозы.

В один из майских дней пятьдесят шестого года мы получили письмо Германа, оно касалось судьбы романа Леонида Борисова «Ход конем», впервые изданного в 1927 году.

В каких только грехах не обвиняли тогда «мастера» проработочных статей писателя Леонида Ильича Борисова, автора известных в ту пору книг «Ход конем», «Волшебник из Гель-Гью», «Дунайские волны». Восемь лет произведения Борисова были под запретом.

Приведу выдержку из письма:

«...Отвратительно лишь одно: Горький написал предисловие (ко второму изданию в 1928 году.— *А. У.*) для того, чтобы книга была издана, но книгу так и не издали, впрочем, как и само предисловие Горького. Кто эти умники, позволяющие себе столь кощунственно относиться к воле М. Горького? Их не отыскать. Они не написали своих мнений, они просто где-то шепотком «отложили», «не учли в плане», перенесли на следующий год. Вопреки мнению Горького, вопреки мнению прессы, вопреки мнению Ромена Роллана, напечатавшего «Ход конем» в своем журнале «Европа»... Пишу это и с грустью думаю о том, как бы эту хорошую книгу опять не отложили печатанием на десяток лет. Нет, не может этого быть. Издательство обязано доказать литературным руководителям, что «Ход конем» хорошая, настоящая вещь. Мы давно толкуем о том, что книги должны быть интересными, но интересных книг боимся, как огня. А ведь настоящие книги на-

писаны интересно, все они сюжетны, действенны.

Дорогое издательство «Советский писатель»! Пожалуйста, издайте книгу Л. Борисова «Ход конем». Сделайте такое одолжение нашему выросшему читателю...»

Вскоре собрался редсовет с участием Леонида Борисова. Главным докладчиком по этой книге был Леонид Николаевич Рахманов, к помощи которого издательство прибегало во всех случаях, когда требовался компетентный совет. Вот что он тогда сказал:

«...В идее романа заложена гуманность, справедливость, внимание к людям, видно желание разобраться в поступках и чувствах, помочь отделить добро от зла... теперь, когда мы спокойно и бережно разбираем к сорокалетию Советской власти наши литературные запасы, было бы жаль пройти мимо талантливой, интересной и своеобразной книги Борисова... Что же мешает изданию романа? Роман испещрен «родимыми пятнами» литературы своего времени. Натурализм, физиологизм, патология порой так густо насыщают страницы, что становится не по себе... Автор должен убрать все искусственные, местами аляповатые, иногда крикливые места. Меру ему подскажет выросший писательский опыт, вкус и чутье. Если автор со мной согласен, желаю ему удачи в работе. Тогда я за роман...»

Зная строптивый характер Борисова, мы ожидали, что же он скажет. Мы порадовались, когда Леонид Ильич согласился поработать над романом, признав замечания Рахманова резонными.

Так, благодаря Герману и Рахманову, к шестидесятилетию Л. Борисова в 1957 году роман «Ход конем» обрел новую жизнь. Он был издан в книге Борисова «Избранное».

Спустя годы, от самого Германа я узнал о его литературной молодости, о товарищеской доброжелательной атмосфере, окружавшей его, когда он делал первые шаги в литературе, я понял, что желание помочь товарищам по перу не только суть душевной доброты Германа. Этому его научили Максим Горький и Самуил Маршак. Научили собственным примером.

Как-то после встречи с Маршаком Герман сказал мне следующее:

— Маршак никогда не отгораживался от писателей, и особенно от молодежи, своей работой. И неизвестно, на что он больше тратит времени — на собственные книги или на литературную молодежь. Не только Белых и Пантелеев были открыты Маршаком. Он помог стать писателями Борису Житкову, мне и многим другим.

Многие годы Юрий Павлович — активный участник издательского процесса. Его рецензии отличались прямотой и конструктивными предложениями. Было всегда интересно слушать его умные, порой запальчивые, но всегда объективные выступления на редсоветах.

Перечитывая германовские рецензии, я обратил внимание на то, что он не ограничивался только критикой или констатацией факта, а предлагал свой вариант решения.

Не берусь судить, прав ли был Герман, отстаивая издание книги Всеволода Воеводина «Повесть о Пушкине», но уверен в одном: он-то

был убежден в своей правоте, ему искренне нравилось это произведение, и он за него боролся.

— Эта книжка имеет большой читательский интерес,— сказал он при обсуждении книги Воеводина,— я не из литературных кругов знаю, с каким интересом ее читают, это первая книга, написанная о Пушкине, которая у меня ни разу не вызвала раздражения...

Так же честно и убежденно он высказывался о книгах, которые ему не нравились, кто бы ни был их автором.

Осенью пятьдесят третьего года Герман принес нам после доработки рукопись романа «Россия молодая». К этому времени у меня с Юрием Павловичем установились добрые отношения. Бывая в издательстве, он заходил ко мне в производственный отдел. Так было и в этот раз, зашел и сказал:

— Вот принес вам «Россию молодую». Наумов сказал, что роман в ноябре будет обсуждаться на редсовете.

Почувствовав, что Герман волнуется, я, словно не сомневаясь в благополучном исходе редсовета, сказал:

— В начале будущего года будем печатать, и, наверно, придется выпускать в двух книгах, иначе книга получится очень толстой и непрочной.

Герман протестующе поднял руку:

— Не говорите, так я боюсь сглазу.

Почему-то врезалось в память это слово «сглазу».

Работая в архиве, я наткнулся на записи Юрия Германа, из которых узнал, что над романом «Россия молодая» он работал восемь

лет. Еще во время войны на Севере он собирал материал о поморах, о главном герое романа кормчем Иване Рябове, о первых строителях русского флота, о преобразовательной деятельности Петра Первого, о периоде истории русской, когда, по словам Пушкина:

Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.

Я разыскал материалы редсовета, на котором обсуждался роман «Россия молодая». Перелистывая стенограмму, вспоминал, как проходило это обсуждение. Первым выступил Всеволод Петрович Воеводин. Он сказал, что роман является большим событием в литературе.

— Однако,— заметил Воеводин,— когда автор описывает иноземцев, то порой его покидает чувство меры, и создается впечатление, что «прохвост на прохвосте».

Воеводина поддержал Павел Далецкий:

— В романе иноземцы изображены стяжателями, а главный герой Рябов наделен классовым мышлением.

Вера Кетлинская похвалила новую работу Германа, но сожалела, что конец романа сжат. Выступившие писатели М. Слонимский и Г. Мирошниченко также считали, что «Россия молодая» — несомненный успех Германа, и рекомендовали его побыстрей издать.

Я сидел и, глядя на Германа, думал о том, как он воспримет критические выступления. Герман то хмурился, то улыбался и быстро-быстро что-то писал в свою записную книжку.

И вот Евгений Иванович Наумов предоставил слово Герману. Все видели, как он волновался.

— Я отношусь к своей книге гораздо суровее,— сказал Герман,— но по одному пункту хочу возразить. Далецкий обвинил меня в том, что я сделал Рябова большевиком. Пусть это останется на его совести. Что же касается иностранцев, то здесь есть один факт, который я не отразил в романе, но хочу здесь о нем рассказать.

В Россию в то время наряду с хорошими людьми ехало много отребья такого низкого качества, что Петру в семьсот десятом году пришлось при таможне организовать экзаменаторский пункт для проверки знаний приезжающих в Россию лекарей. Работниками этих экзаменаторских пунктов были тоже иностранцы. Существовала в то время такса, которую брали иностранцы, экзаменующие жуликов, чтобы им дать диплом практикующего врача в России. Ни один иностранный лекарь не был задержан, знали, сколько нужно заплатить, и проезжали дальше. Расплачивалась Россия за это чрезвычайно тяжело.

А вот другой факт. В восьмидесятых годах прошлого столетия купцы попросили одного норвежского мореплавателя составить морские карты. Купцы пригласили его на грандиозный банкет, преподнесли золотой самовар. А один отставной русский генерал преподнес норвежцу альбом карт, составленных русскими мореплавателями. На основании этих русских карт норвежский мореплаватель впоследствии выпустил свои карты. Это история. Но ее не следует забывать и приукрашивать. Как и не сле-

дует хаять все зарубежное, в чем я согласен и с Далецким, и с Воеводиным.

Незадолго до появления сигнального экземпляра «Россия молодая» Юрий Павлович зашел в издательство.

— Задал я вам хлопот своим романом,— пожимая мне руку, сказал Герман,— на печать потребуется, вероятно, тонн шестьдесят бумаги?

— Ровно сто тонн! — уточнил я.— Но хлопот, к удивлению, нам эта бумага не доставила. Вы и не подозреваете, что бумагу на двухтомник вы достали нам сами.

Герман удивленно посмотрел на меня.

— Как это я достал? Не надо меня разыгрывать, никакой бумаги я не доставал и не содействовал этому. Бумажной фабрикой, как вы знаете, не владею. Я только извожу бумагу, сидя за письменным столом.

— Насчет бумажной фабрики надо уточнить! — возразил я.— Разве вы не имеете никакого отношения к фабрике имени Горького на Васильевском острове, построенной до революции, правда не вашими предками, а русским купцом Печаткиным? На машине, купленной в Германии, он тогда вырабатывал много сотен пудов бумаги...

Тут Юрий Павлович меня прервал:

— На этой фабрике в тридцатом году я работал в многотиражке «Голос бумажника», писал очерки о рабочем классе и там же написал роман «Вступление». Роман был издан вашими предшественниками в «Издательстве писателей в Ленинграде». Тогда, в трудную для меня пору, когда я ходил в «попутчиках», меня за эту книгу похвалил Максим Горький,

ну а позже мне за этот же роман от него крепко досталось.

— Все так,— перебил я Германа,— так вот, когда я поехал на фабрику, шансов на получение бумаги у меня почти не было. К концу квартала по фондам нам оставалось получить сорок тонн. Я запасся письмом от Прокофьева, в котором вы были представлены как «классик», и там, кстати, перечислены все ваши книги, и в числе их роман «Вступление». В отделе сбыта работает старичок, который вас хорошо помнит, хотя и прошло почти четверть века. Он мне рассказал, что ваша книга в фабричной библиотеке зачитана до дыр. Он хвалил роман, но сетовал, что вы перепутали фамилии мастеров, рабочих и немецкого инженера, который налаживал тогда бумагоделательную машину. Я не стал ему объяснять, что это литературные герои, что книга — роман, а не очерк. Мне пришлось поддакивать ему и хвалить роман, который я не читал. Бумагу дали сполна...

Герман долго тогда смеялся, и я видел, что эта история доставила ему радость!..

Юрий Герман за свою короткую жизнь написал много книг. Работал непрерывно, писал быстро и легко. Возвращался к ранее изданным книгам, переписывал, давая им новую жизнь.

Работая в Ленинградском государственном архиве литературы и искусства, в личном деле Германа я прочел следующее:

«...После войны мною была опубликована часть ошибочной повести «Подполковник медицинской службы», «Ленинградская правда» напечатала мою порочную статью о М. М. Зощенко...»

Этот документ напомнил мне события, о которых мало кто знает...

В начале сорок девятого года в журнале «Звезда» было опубликовано начало повести Германа «Подполковник медицинской службы». Мы заключили договор с автором на издание этой повести и ожидали публикации ее окончания. И вдруг, словно гром среди ясного неба... На страницах газет появились статьи, в которых повесть объявлялась порочной, ее главный герой доктор Левин ущербным, а автор политически незрелым. Дословно не помню всех «эпитетов», я бы сказал, к счастью не помню, хотя в то время некоторые, с позволенья сказать, критики пользовались набором штампов, которым либо клеймили, либо, наоборот, захваливали книги и писателей...

В мартовском номере «Звезды» вместо окончания повести о докторе Левине было опубликовано письмо Юрия Германа, в котором он отказался от дальнейшей публикации своего произведения...

Спустя некоторое время Герман зашел ко мне на работу. Плотно закрыл за собой дверь моей комнатушки, которая никогда не закрывалась: в комнате не было окна. Закурили... Между нами давно уже установились дружеские отношения, полные доверия. Люди одного поколения, похожие биографии, в которых один из главных этапов — война, профессионалы каждый в своем деле, мы часто и подолгу откровенно беседовали.

Словно отвечая на мой вопрос, Герман заговорил:

— Удивляешься моему письму? Думаешь:

как он мог отказаться от своей книги, предать доктора Левина, изменить самому себе...

Я молчал. Больно было смотреть на этого побледневшего, осунувшегося, сникшего человека.

— Я долго думал, как поступить,— продолжал Герман.— Я мог бы промолчать и тем самым выразить свое несогласие с официальной точкой зрения и о моей книге и о Зощенко, но тогда бы я поставил под удар работников журнала, опубликовавших повесть, сотрудников газеты, поместивших мою рецензию на Зощенко. А моя семья? О ней я был обязан позаботиться. По этой части у меня уже богатый опыт...

Он затянулся и грустно, едва заметно улыбнувшись, продолжал:

— В тридцать втором году после выхода в свет моего первого романа «Вступление» нашлись литераторы, которые объявили меня «попутчиком», а издание книги «вылазкой классового врага». И кто знает, чем бы это закончилось, если бы не выступление Горького. В конце тридцать второго года «Правда» напечатала отчет о встрече Горького с турецкими писателями. Во время беседы Горький похвалил мой роман, но сделал это весьма своеобразно. Он сказал: «...если малый не свихнется, из него может выйти толк...»

Вот такую исповедь Германа мне довелось выслушать. И сейчас, перебирая в памяти те сложные для писателя, для всех нас годы, я могу твердо сказать — Юрий Герман оправдал надежды Горького, он не «свихнулся», ни в одной своей книге не изменил себе до последней написанной им строчки.

Чтобы обрести душевное равновесие и подумать о харчах для семьи, Герман приступил к переработке изданного ранее в «Молодой гвардии» романа «Россия молодая». Да и это издание стоило много крови писателю. Вслед за его выходом появился пасквиль ленинградского журналиста Колоколова «Издательство во хмелю», в котором утверждалось, что Герман спаивает сотрудников издательства, которые за это печатают его книги.

Работа над романом «Россия молодая» увлекла Германа, его переработка заняла почти два года. Роман был переписан заново.

Много времени прошло с той поры, более трех десятилетий. Какова «журналистская» и «литературная» судьба этих критиков? Думаю, бесславная...

Время все исцеляет, все ставит на свое место, время и память. Книги Германа прочно занимают свое место в нашей жизни...

Читатель вправе спросить, чем же закончилась история с повестью «Подполковник медицинской службы»?

Шесть лет спустя, поработав над повестью, отметая в сторону облыжную критику, Герман принес нам рукопись повести. Трижды большими тиражами вышел в свет «Подполковник медицинской службы» — лучшее произведение Германа.

В Ленинградском отделении «Советского писателя» вышли почти все книги, написанные Германом в послевоенные годы. Он часто бывал в издательстве и знал каждого сотрудника.

Юрий Герман чрезвычайно уважительно относился к труду издательских работников. Не на ходу, а обстоятельно обсуждал с корректором или редактором каждое замечание. Он горячо спорил, отстаивая свою точку зрения, если аргументы редактора или корректора казались неубедительными.

Всегда внимательный, отзывчивый и чуткий, с постоянным юмором и подкупающей германовской простотой, он находил для каждого из нас слова, подчеркивающие важность и значимость нашей работы.

По мере того как приближался срок выхода очередной книги, я замечал, как возрастает волнение Германа. Глядя на него и слушая его, можно было подумать, что перед тобой молодой, начинающий автор, ожидающий выхода в свет своей первой, самой первой книжки.

На его книгах воспитывалось и воспитывается не одно поколение читателей. Я тоже перечитываю все его книги. Они стоят на моих книжных полках с автографами, написанными размашистой рукой Германа. Я знаю, в чем непреходящий успех книг Германа. Он в той страстности, с которой написана каждая страница, в тех острых нравственных проблемах, которые Герман никогда не сглаживал. И, как это ни избито звучит, я позволю себе повторить много раз слышанное: читатель находил и находит в книгах Германа ответы на вопросы, которые его волнуют, встречает на страницах его книг людей, достойных подражания. В этом секрет долголетия книг Юрия Германа. Об этом говорят читатели в многочисленных письмах в издательство и автору.

В пятьдесят восьмом году в нашем изда-

тельстве был издан роман «Дело, которому ты служишь». Это была первая книга из задуманной Германом трилогии. Спустя четыре года вышла в свет вторая книга — роман «Дорогой мой человек».

После выхода первых двух книг издательскую почту буквально захлестнул поток читательских писем, здесь кроме отзывов о содержании романов были настойчивые требования ответить на вопрос — когда будет издана последняя книга? Мы торопили автора.

Помню, как летом шестьдесят четвертого года директор нашего Ленинградского отделения издательства Николай Петрович Луговцов пригласил Германа, и мы совещались по поводу издания трилогии. Юрий Павлович сетовал, что неожиданно для него третья книга разрослась и вместо пятнадцати листов будет около пятидесяти. Он клятвенно обещал сдать роман к концу года. Было решено планировать выпуск трилогии на будущий год. Завершающий трилогию роман «Я отвечаю за все» был написан Германом, когда он уже был смертельно болен.

Юрий Павлович торопил нас с выпуском этой своей «Главной книги», чего не делал никогда раньше. Видимо, он догадывался, а может быть, и знал, что жизнь его на исходе.

Выпустить в короткий срок трилогию объемом в сто двадцать три печатных листа — задача не из легких. При этом третья книга еще находилась на письменном столе писателя...

Видя, как Герман нервничает, я предложил сдать в набор первые две книги трилогии. Для этого необходимо было поторопиться с

художественным оформлением книг. Оформление мы поручили талантливым ленинградским художникам супругам Валентине и Леониду Петровым. Петровы задумали и довольно быстро подготовили весьма сложное для полиграфического воплощения художественное оформление трилогии. Переплет каждой книги имел свое, оригинальное тематическое решение, а каждая глава предварялась полустраничным рисунком, иллюстрирующим основной смысл текста...

Необходимо было где-то накопить более четырехсот тонн бумаги, картон и переплетную ткань. Всего потребовалось более пятисот тонн материалов. Надо было решить, как оперативно перебросить такой груз в типографию. В то время все это были не простые вопросы, тем более что на их решение не было времени. Мне было ясно, что такой заказ, когда надо напечатать и «одеть» в переплет двести тысяч книг каждого из трех томов, под силу только одному полиграфическому предприятию в Ленинграде — типографии «Печатный Двор» имени А. М. Горького... Полиграфисты пошли нам навстречу...

И тут встал еще один сложный, на первый взгляд неразрешимый вопрос: где хранить тома до полного завершения печати всех трех книг? По правилам торговли многотомные издания должны поступать в продажу в комплекте. Ленинградскую оптовую книжную базу «Союзкниги» многие годы возглавлял хороший друг ленинградских писателей и издательства Виталий Никифорович Рогушин, он-то и помог нам тогда решить эту нелегкую и для него задачу.

В конце шестьдесят четвертого года первые два тома были запущены в производство, а уже в начале следующего года были подготовлены к печати. Третья книга все еще не была закончена.

Работал Герман, не щадя сил, которых с каждым днем становилось все меньше и меньше. Когда после очередного курса лечения болезнь на короткое время отступала, он заходил в издательство, чтобы снять вопросы, возникшие у корректоров и редактора, обсудить оформление.

Третий роман по объему равнялся первым двум вместе взятым. Совершенно измученный болезнью, в мае шестьдесят пятого года Герман сдал нам рукопись. Она насчитывала тысячу четыреста страниц. Теперь все зависело от оперативности издателей. Редактировать роман «Я отвечаю за все» мы пригласили писателя Александра Смоляна, который обычно редактировал произведения Германа, печатавшиеся в журнале «Звезда». Срок мы ему установили всего один месяц. Смолян вместе с Германом вскоре отредактировали книгу. Корректоры быстро вычитали первый экземпляр рукописи, они работали параллельно с редактором, а не после него, как обычно. И вот редакторский и корректорский экземпляры рукописи сведены воедино, и подготовленная рукопись направлена в типографию.

Немногим больше месяца потребовалось полиграфистам, чтобы набрать эту объемную книгу и довести ее до печати.

В октябре шестьдесят пятого я вручил Юрию Герману все три тома трилогии. И сейчас, много лет спустя, не могу без боли

вспомнить, как такие грустные за годы болезни глаза засветились огоньком, улыбка озарила лицо, и от этого казалось, что Юрий Павлович словно помолодел, а болезнь на время отступила.

Итак, трилогия Германа вышла в свет. Та часть тиража, которая была предназначена для Ленинграда, была распродана в течение одного дня. Книга сразу же стала библиографической редкостью. Книжные «жучки», как мы называли спекулянтов, толпившихся на лестницах «Дома книги», из-под полы по баснословным ценам предлагали, как они говорили, «роман Германа о медиках».

Здесь мне хотелось бы привести размышления Юрия Павловича о сути трилогии, которые он изложил в заявке и в письме в издательство.

«„Я отвечаю за все“ — так называется заключительная книга моей трилогии. Первые две — «Дело, которому ты служишь» и «Дорогой мой человек» — уже известны читателю.

В заключительном томе основным героем остается, разумеется, Владимир Афанасьевич Устименко, но круг действующих лиц значительно расширяется. Книга совершенно выходит за пределы медицинской темы, персонажи ее хоть и медики в основном по специальности, но медицина, как таковая, в узком понимании этого термина, больше не является тем стержнем, вокруг которого развертываются события...

«Дело, которому ты служишь» не нужно рассматривать как произведение о врачах или о медицине. Это неверно, неточно и не дает никакого представления о книге. Роман мой,

если позволено будет так высказаться, это роман о смысле жизни советского человека, в противовес тем нормам, тому смыслу, вернее, бессмыслице, которые существуют сейчас на Западе и выдаются нам как образ жизни».

В 1961 году директором Ленинградского отделения стал опытный журналист Василий Константинович Грудинин, благодаря его настойчивости и инициативе выпуск книг ленинградских писателей значительно увеличился. Им была задумана серия документальных книг о ленинградцах. Юрий Герман написал для этой серии маленькую книжку «Здравствуйте, доктор!» — о замечательном враче Сестрорецкой городской больницы Николае Евгеньевиче Слупском, хирурге, сделавшем многие сотни операций и спасшем многие жизни.

Нас всегда удивляла способность Германа безошибочно проникать в своих произведениях в мир своих героев, не допуская никаких погрешностей в узкоспецифических, профессиональных вопросах. Крупный ученый, руководитель ожоговой клиники Военно-Медицинской академии профессор Арьев в письме нашему старшему редактору Воеводину писал:

«Уважаемый Всеволод Петрович!

Выполняю Вашу просьбу, излагаю ниже мое суждение о романе Германа «Дело, которому ты служишь». Я пытаюсь оценить произведение Ю. П. Германа с профессиональной — медицинской точки зрения. При этом я буду исходить из того, что в романе широко использованы материалы из жизни врачей, профес-

соров, студентов-медиков и медицинских сестер. В этих условиях приобретает большое значение точность фактов, правильная их интерпретация, необходимость избежать дилетантского и обывательского представления о медицине и хирургии. Особенно важно было не допускать ошибок в многочисленных монологах профессоров-медиков, и следует признать, что это вполне удалось Ю. П. Герману.

Доктор медицинских наук,
профессор *Арьев*».

6/III-1958 г.

Вскоре после выхода в свет трилогии Герман собрал всех, кто имел отношение к изданию его книг. Сейчас мне думается, что тогда он прощался с нами, со всеми, кто был ему близок. Среди собравшихся были люди, ставшие прототипами героев его книг, редакторы, издатели и полиграфисты. Ужин превратился в литературный вечер, некоторые работники типографий впервые встретились с автором давно полюбившихся им книг...

Тогда в кругу друзей Юрий Павлович увлеченно рассказывал о том, как писалась трилогия. Он неоднократно повторял, что в жизни ему очень везло на встречи с хорошими людьми. Многие из них стали прототипами героев его книг. Рассказал и о встрече на войне с хирургом Б. Г. Стучинским, который несмотря на ранение в руку нашел в себе мужество вернуться к хирургическому столу. Главный герой трилогии Владимир Устименко унаследовал некоторые черты сложного характера профессора Арьева. А вот с хирурга Сестрорецкой городской больницы, заслужен-

ного врача республики Н. Слупского Герман писал образ доктора Богословского.

Герман рассказал нам и о судьбе оперативного работника милиции И. В. Бодунова, дружба с которым длилась многие годы. Героическая биография Бодунова легла в основу другого романа Германа «Один год»,— это биография Лапшина, главного героя романа...

Работа милиции, уголовного розыска давно интересовала писателя, еще в тридцать пятом году Ленинградское отделение «Советского писателя» подписало с ним договор на двадцатилистную книгу «Записки инспектора уголовного розыска».

— Но с романом я тогда не справился,— признался Герман,— и только много лет спустя, когда я подружился с Бодуновым, Бергом и другими работниками милиции, появились повести «Лапшин» и «Жмакин». А уже двадцать лет спустя вышел роман «Один год», вобравший в себя эти повести...

Юрий Павлович в тот вечер поведал еще о многих встречах, называл людей, говорил о них с теплотой и юмором. Сейчас уже трудно восстановить все в памяти.

Мы сидели как завороженные, казалось, что со страниц его книг сошли живые люди, а труд автора, его творческая лаборатория стали нам более близки.

Кто-то из нас попросил Германа рассказать о встречах с Горьким. Он умолчал о том факте, что в трудное для него время в газете «Правда» Алексей Максимович Горький похвалил его роман «Вступление». А начал с того, как однажды при встрече Горький сказал ему: «...роман «Вступление» я перехвалил»,—

и принялся его всячески ругать... Потом вспомнил, что, когда работал над романом «Наши знакомые», он рассказал Горькому о своей задумке — одного из героев этого романа сделать шеф-поваром. Горький одобрил эту идею и настоятельно посоветовал прочитать книгу Брилья-Саварена «Физиология вкуса».

— Книгу я эту не нашел,— рассказывал Герман,— и сообщил об этом Горькому. Горький меня отчитал, но вскоре его секретарь пригласил меня сделать выписки из этой книги. Читая ее, я исходил желудочным соком, и с тех пор я полюбил вкусно покушать. И стол наш сегодня сервирован по «науке», за этим я проследил.— И раскатисто рассмеялся, рассмешив нас. Потом сразу стал серьезным и сказал: — Не будь встреч с Горьким, не было бы, пожалуй, и сегодняшнего Германа...

Теплые слова произнес Герман о редакторах, корректорах, техредах и полиграфистах. Он встал из-за стола и всем нам низко поклонился.

Я уже упоминал о романе «Один год», изданном нашим издательством в шестьдесят первом году. Изданию любой книги тогда предшествовало ее рецензирование и обсуждение на редсовете. Хочу привести две рецензии на рукопись этого романа, поскольку они, как мне кажется, в какой-то степени отвечают на вопрос многих читателей, заданных в письмах издательству: как был написан «Один год»?

Вот рецензия Веры Федоровны Пановой, написанная ею в июле 1959 года:

«Лет двадцать назад вышли две превосходные повести Ю. П. Германа «Лапшин» и «Жмакин». Писатель вернулся к ним, и вот

вырос роман, высокочеловечный, чистый, светлый, которому бесспорно суждено завоевать горячие читательские симпатии. Он во многом отличается от тех двух повестей, и, как ни были они хороши, отличается к лучшему, расширенный сюжет вовлек в свою орбиту много действующих лиц, значительных и интересных характеров, живыми лицами заселен роман.

Главная, решающая удача романа — Лапшин, умный, все понимающий, бесконечно чистый, цельный в работе и в личных чувствах, сполна себя отдающий и ничего для себя не требующий, ученик и соратник Дзержинского, коммунист и боец».

С нетерпением мы ожидали тогда рецензии начальника Управления милиции города Ленинграда, комиссара милиции 2-го ранга Героя Советского Союза Ивана Владимировича Соловьева. Интересная подробность из биографии Соловьева, которую знают лишь некоторые писатели,— он командовал во время войны полком, в котором командиром разведроты был писатель Э. Казакевич. Соловьев — автор ряда художественных книг о работниках милиции. Вот что он написал в своей рецензии на роман «Один год»:

«Главная идея работы Ю. П. Германа — борьба за человека, борьба за правду — разрешена принципиально правильно, с большой жизненной достоверностью.

Автору удалось с большой силой показать две стороны постоянной борьбы советского общества за человека, это поддержка и помощь тем, которые поняли или приходят к пониманию невозможности и недопустимости «блат-

ной» жизни в условиях Советского государства, и суровой, беспощадной борьбы с теми, кто идет наперекор с жизнью и хочет отстоять чуждую советскому обществу мораль.

Эта единственно правильная, партийная трактовка нашей гуманности пронизывает всю книгу и художественно решается правильно.

Так, Жмакин, Хмелянский и другие герои романа, ищущие выхода, понимающие обреченность преступного мира, выписаны в романе так, что их становление и возврат в общество закономерны и не вызывают у читателя сомнения... Очень удались автору наиболее трудные для писателя герои книги, работники Ленинградской милиции... Для каждого из них автор нашел точные и убедительные характеристики, отчего работники милиции выглядят «весомо и зримо»... Надо полагать, что даже у читателей-юристов и оперативных работников сложится впечатление, что автор сам работник уголовного розыска и имеет причастность к событиям.

Товарищу Герману удалось это, видимо, вследствие того, что он давно поддерживает тесную связь с работниками милиции и отлично знает их жизнь и работу... «Один год» — это добротно сделанная, яркая, убедительная и талантливая книга — несомненная удача автора. В дело борьбы за утверждение коммунистической морали, борьбы за человека новая работа Ю. Германа внесет хороший вклад.

И. Соловьев.
27/I-1960»

Получив рецензию В. Пановой о художественной ценности романа и заключение И. Со-

ловьева о профессиональной компетентности автора, редсовет принимает решение срочно издать роман.

Как-то в разговоре с Леонидом Николаевичем Рахмановым я сказал ему, что в издательском архиве познакомился с отзывами на книгу Ю. Германа «Дело, которому ты служишь» и роман «Один год», изданные у нас с промежутком в два года. В рецензии доктора медицинских наук профессора Арьева и комиссара милиции Соловьева меня поразила схожесть оценок. Смысл их сводится к профессиональному знанию среды, о которой повествует писатель.

Получалось так, что автором первого романа мог быть только медик, а второго — работник уголовного розыска.

— Но мы с вами знаем,— обратился я к Рахманову,— что Юрий Павлович не был ни тем и ни другим.

И вот тогда Леонид Николаевич сказал мне:

— Переход писателя от одной темы к другой, от одной профессиональной среды к другой — это тяжелый труд, требующий от писателя еще до начала работы над произведением переворошить гору материала, специальной литературы. Надо настроить себя на переход мышления в другое качество. Писатель должен быть внушаемым, как бы загипнотизированным той средой, о которой он собирается писать.

Я часто был первым читателем книг Германа,— продолжал Рахманов,— и был свидетелем, каким упорным трудом он достигал полной достоверности среды и времени, о котором он писал. Я уже не говорю о художествен-

ном качестве его книг, здесь все было на высоком профессиональном уровне...

Однажды дома у меня случилась маленькая неприятность: кто-то бросил в окно моей квартиры камень. По счастливой случайности никто не пострадал. Не помню точно, кому на работе я рассказал об этом. Как-то вечером, возвращаясь домой с работы, я застал у себя на квартире подполковника милиции. Он попросил подробно рассказать о случившемся.

— Ну какие уж тут подробности, бросили камень, разбили стекло, видно, какой-то проходивший мимо пьяный хулиган. Не стоит этим заниматься, тратить время,— ответил я.

Подполковник извинился за случившееся и заверил, что это больше не повторится.

Когда вышел в свет сигнал книги «Один год», Юрий Павлович зашел ко мне, чтобы вручить мне экземпляр с дарственной надписью. Глядя на меня, он иронически улыбнулся и, не выдержав, заговорщицки сказал:

— Ну вот, не только я общаюсь с милицией, и вы принимаете у себя на дому ее сотрудников, и не ниже чем подполковника.

Увидя на моем лице удивление, Герман расхохотался. Стало ясно, что вмешательство милиции — дело рук Германа. Я не придал этому мелкому факту большого значения, а Герман, узнавший о нем от кого-то из наших сотрудников, не мог пройти мимо нарушения порядка, даже порой незначительного.

Незадолго до кончины писателя я пришел его навестить. Герман лежал на тахте в окружении книг и рукописей. Он с любопытством просматривал принесенные мною из издательства письма его читателей. Откладывал в

сторону письма с просьбой прислать его книги.

Одно письмо он дольше других задержал в руках. Это было письмо матери, сын которой попал в беду и был осужден. Мать молила Германа о помощи. Она верила, что герои книги «Один год» живые, действительные люди, что они могут спасти ее сына, помочь ее горю.

Это письмо разволновало Германа. Он стал думать и обсуждать со мной, как помочь матери и ее сыну... Слушая Германа, я невольно вспомнил его Левина из «Подполковника медицинской службы», который, будучи смертельно больным, оперирует больного. Такая же невероятная воля, такое же самообладание... Для него существует только дело, которому он служит, и есть люди, которым он должен помочь!..

В тот день он ни разу не напомнил мне о своей болезни, не подал виду, как страдает.

Бывая у Германа, я давно заинтересовался небольшим окантованным под стеклом портретом старика. Одежда и головной убор свидетельствовали о принадлежности его к высокому духовному сану. Чтобы отвлечь Юрия Павловича от этого грустного письма, пропитанного материнскими слезами, я попросил его рассказать об этом висевшем на стене портрете.

Увлеченно, как это мог делать такой рассказчик, как Юрий Павлович, он кратко поведал мне историю жизни этого человека.

Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий родился в семье русского аптекаря в тысяча восемьсот семьдесят седьмом году. В девятьсот

третьем году закончил Киевский университет, получил диплом с отличием и звание лекаря. Специализировался на глазных болезнях. Началась русско-японская война. Войно-Ясенецкий выезжает с лазаретом Красного Креста в Читу. Заведует первым хирургическим бараком. Долгая настойчивая работа в анатомичке во время учебы помогла ему справиться со сложными операциями на черепе и на конечностях. После войны он многие годы работает земским врачом, заведует земскими больницами. Появляются мысли о более безопасной анестезии. Этому вопросу посвящены многие его научные труды. Во время первой мировой войны Войно-Ясенецкий заведует лазаретом для раненых. В шестнадцатом году он блестяще защищает докторскую диссертацию, а в семнадцатом избирается главным врачом и хирургом больницы в Ташкенте. Великая Отечественная война застала Валентина Феликсовича в Красноярске, где его назначают главным хирургом эвакогоспиталя.

В сорок четвертом году за научные труды Войно-Ясенецкий удостоен Государственной премии СССР 1-й степени.

В последние годы войны он работает врачом в госпиталях и обучает врачей. Когда ему исполнилось восемьдесят лет, ослепший, он продолжает работать и диктует свои научные труды.

О сложной жизни этого человека, ученого, врача и в то же время архиепископа Симферопольского и Крымского, известного в духовном мире под именем Лука, Герман хотел написать повесть.

Когда мы прощались, он вновь заговорил о

письмах. В большинстве из них содержались просьбы о книгах. Герман попросил меня сделать все возможное.

А возможности отсутствовали. Заявки на книги Ю. П. Германа превышали миллионы экземпляров.

Вскоре после кончины Юрия Германа я стал разбирать письма читателей. И опять просьбы прислать полюбившиеся книги. Учительнице нужна германовская трилогия для того, чтобы наставить на путь истинный своего ученика. Выпускники средней школы хотят подарить трилогию своему любимому учителю литературы. Дочь хочет порадовать свою мать, уходящую на пенсию...

Когда читаешь эти письма, понимаешь, что герои книг Германа стали для многих людей спутниками жизни, необходимыми советчиками.

«Я все еще под впечатлением прочитанных книг,— пишет Л. В-ва из города Углича,— и у меня такое состояние, будто от меня уехали хорошие соседи, мне грустно без них, но я радуюсь, что они есть, живы...»

Книги Юрия Павловича заставляют упорно размышлять над смыслом жизни, над значением творческого, вдохновенного труда. Студентка-медик Валентина С-ова из города Бор Горьковской области обращается к писателю: «Вы как нельзя лучше ответили на злободневный вопрос современности: в чем смысл жизни? Читая Вашу книгу, испытываешь огромное чувство жизни, потребность своим трудом приносить людям счастье».

Врач из города Сочи Н. И. До-лова благодарит писателя: «Огромное, сердечное спасибо

Вам за Вашего Владимира Устименко. Он живет, Ваш коллега, и заставляет думать о деле, которому ты служишь».

Рабочие литейного цеха завода «Большевик» (Ленинград) пишут: «Книги Германа заставляют задуматься о том, что можешь сделать ты, чтобы служить лучше, честней, быть полезным обществу...»

Учащиеся 10-го класса Павловской средней школы (Алтай) сокрушаются, что не успели при жизни писателя выразить ему свою благодарность: «У героев Юрия Германа мы учимся познавать мир — любя, страдая, достигая своей цели, служа своему народу, мы учимся жить красиво, трудно и гордо».

«Автор почувствовал все мои мысли»,— утверждает десятиклассница Б-ва (село Заозерье Угличского р-на). «Сообщите, пожалуйста, жив ли сейчас профессор Устименко?» — просит ученик 11-го класса Александр М-нев (Ейск).

Двенадцать учеников школы города Куйбышева просят издательство прислать трилогию Ю. П. Германа для их товарища, которому исполнилось 18 лет и который избрал себе профессию врача: «Нам хочется, чтобы эта книга была бы его настольной книгой».

Александр А-ов (г. Орел), заканчивавший школу, задумался над выбором профессии: «И вот появился Ваш Устименко,— пишет он Герману,— многое из того, что у меня в голове было так неопределенно и туманно, до чего я, как крот, добирался, в Вашей книге приобрело четкую форму».

«Мои читатели буквально заболели этими

книгами,— пишет библиотекарь передвижной библиотеки И. М-ва (Орехово-Зуево).— Мне они говорят так: «Какой же ты библиотекарь, если не можешь обеспечить нас новыми книгами?» Что мне делать... Помогите моему горю».

А вот письмо Р. П. Б-вой из города Чапаевска Куйбышевской области: «Ваши образы и персонажи в этом произведении так жизненны, что невольно вызывают ассоциации. Меня, например, поразило Ваше описание внешности и судьбы Гнетова из третьей части трилогии. Ну точь-в-точь как мой пропавший в первый год войны сын — летчик, Григорьев Сергей Николаевич. Несмотря на то, что мне выслано извещение о его гибели на фронте, я не верю этому. Может быть, сын изуродован и потому хочет, чтоб близкие считали его погибшим. Не теряя надежды разыскать сына, я очень прошу Вас, сообщите, пожалуйста, кто послужил Вам прообразом Гнетова. Может быть, это мой сын. Возможно, что у него другое имя и фамилия. Сообщите адрес. Я напишу, и не может быть, чтобы сын не отозвался на зов матери».

Я намеренно привел выдержки из очень несхожих писем. Герману писали читатели, имевшие разный жизненный опыт и разный уровень развития. Одни письма серьезные, другие наивные, одни посвящены вопросам развития литературы, другие носят личный характер. Обширна и география этих писем: их присылали не только из крупных городов, из сел, но и населенных пунктов, не обозначенных на карте.

Но как ни различны, как ни пестры чита-

тельские письма, в них есть нечто общее — их объединяет интерес к прочитанной книге, способность видеть в герое живого человека, желание самому внести свою долю в защиту дела, «которому служишь». Произведения Германа находили отклик в душах и умах читателей. Романы и повести писателя заставляли людей размышлять не только о прочитанном, но и о жизни. Герои книг становились настолько близкими миллионам читателей, что их воспринимали не как литературных персонажей — на них пытались равняться, с ними соглашались или спорили, их любили или ненавидели. Кровная, нерасторжимая связь соединяла Германа с его читателями. Эта живая связь писателя с огромной многомиллионной аудиторией все ярче проявлялась в письмах, которые самые разные люди адресовали автору и издателям его книг.

* * *

Когда я закончил этот очерк, то поймал себя на мысли, что за много лет в суете дел не смог выбрать время, чтобы навестить семью Германа. С Татьяной Александровной, женой писателя, мы еще встречались на работе по поводу переиздания книг Германа. А вот сына, Алексея Юрьевича, я не видел со дня похорон Германа...

Марсово поле, дом 7. На правом крыле фасада мемориальная доска:

«В ЭТОМ ДОМЕ С 1948 ПО 1967 ГОД
ЖИЛ ВЫДАЮЩИЙСЯ СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ
ЮРИЙ ПАВЛОВИЧ ГЕРМАН»

Знакомая лестница. Дверь открыл мне Алеша. Я привык его так называть, ведь знал с восьмилетнего возраста. Сейчас Алексей Герман — известный кинорежиссер. К искусству и литературе он приобщился еще при жизни отца. Татьяна Александровна куталась в теплый платок, видимо, ей нездоровилось. Алексей познакомил меня со своей женой Светланой Кармалитой — она по профессии сценарист. «С ней,— заметил он,— мы делим горе и радость пополам».

Прохожу в кабинет Юрия Германа. Здесь все как было при нем, широкая тахта, на которой он лежал в ту нашу последнюю встречу. Письменный стол, изготовленный по его чертежу. Удобное кресло, купленное «по дешевке» в комиссионном магазине, которое оказалось антикварным. Во всю стену большие шкафы, заполненные книгами, несколько полок с книгами самого Германа, большинство из них издано в нашем издательстве.

Все здесь так, как было при нем, только на стене кабинета появился портрет самого Германа, написанный маслом.

Настроение у Алексея в тот день было приподнятое. На экранах ленинградских кинотеатров хотя и робко, но стал демонстрироваться его фильм «Мой друг Иван Лапшин», многие годы пролежавший на полках. Сценарий фильма написан по мотивам повести Ю. Германа «Лапшин». Алексей рассказал мне и о другом фильме — «Проверка на дорогах», который уже пятнадцать лет отлеживался на полках киностудий, сценарий которого тоже написан по повести отца «Операция „С Новым годом“». После Двадцать седьмого съезда партии этот

талантливый фильм вышел на экраны страны. Огромный успех этих фильмов известен.

За чашкой чая я рассказал об очерке, написанном мной о Юрии Германе. Вспомнил о тех далеких годах, когда приходил в этот дом снять вопросы в корректуре и под словами «по исправлении печатать» на титуле получить подпись писателя.

Затем подарил хозяевам дома экземпляр октябрьского номера журнала «Нева» за 1984 год, где напечатаны мои записки... Во время нашей беседы к нам то и дело подбегал маленький внук Германа, который знает о своем знаменитом деде только по рассказам взрослых.

В 1980 году к семидесятилетию Германа Алексей подготовил и опубликовал в журнале «Звезда» повесть отца «Здравствуйте, Мария Николаевна». Номер этого журнала с теплой надписью я получил в подарок...

Дома я поставил журнал рядом с книгами Германа, подаренными мне самим писателем. Каждая из этих книг — часть его замечательной жизни. Каждая из этих книг, выпущенная мной и моими товарищами,— частица нашей жизни...

ПИСАТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬСТВО

ФЕДОР АБРАМОВ

Весной 1961 года впервые переступил порог нашего издательства Федор Абрамов. Было ему тогда чуть за сорок, он еще не стал знаменитым. Известность, слава, а с ними и возможность писать без вмешательства пришли позже. А тогда за его плечами была одна книга — первая часть будущей тетралогии «Братья и сестры». Нам же он предложил сборник «На северной земле»: повесть и три рассказа.

Поначалу все с книгой складывалось вроде благополучно. Петр Капица в рецензии на сборник писал: «...Это сгусток подлинной и своеобразной жизни крестьян наших северных областей. В Ленинграде появился очень интересный, хорошо знающий северную деревню писатель, имеющий острый глаз и твердую руку художника. Сборник «На северной земле» бесспорно надо принять и после незначительной работы автора выпустить книгой».

В конце года Абрамов дополнил рукопись только что написанной повестью «Жила-была Семужка» и рассказами «Последняя охота» и «Сосновые дети», назвав книгу «Безотцовщина», по заглавию одноименной повести.

Редактирование книги поручили нашему штатному сотруднику, писателю Михаилу Макаровичу Марьенкову. Повесть «Жила-была Семужка» Марьенкову не понравилась, и он

Слева направо: М. Л. Слонимский, К. И. Коничев, Ф. А. Абрамов, Л. И. Борисов

предложил Абрамову снять ее из сборника. Абрамов заупрямился. И тогда решили послать эту повесть на рецензию.

Выбор рецензента — дело сложное и деликатное. Но подобрать рецензента для Абрамова было особенно трудно. Мы уже в какой-то мере знали строптивый характер Федора Александровича и то, что не всякий писатель соглашался рецензировать его книги. Да и для Абрамова не любой из собратьев по перу был авторитетен. После долгих раздумий было решено отправить повесть на рецензию одному из старейших и авторитетных ленинградских

писателей Михаилу Леонидовичу Слонимскому.

Вот что написал в своей рецензии М. Слонимский:

«Рассказ написан ярко, увлекательно. Но вот что, по-моему, случилось с ним. Вне зависимости от намерений автора, рассказ этот приобретает иногда характер иносказания. Это не просто «естественно-научный очерк» о семге, имеющий только познавательное значение (хотя и эта черта является достоинством рассказа), нет, здесь за сюжетом маячат темы большого звучания. И автор словно не замечает этого. Каковы эти темы? Романтическая смелость одиночки? Печальный конец мечты? Конечно, можно посмеяться надо мной, поиздеваться, что в рассказе о семге я невесть что хочу видеть. Но достаточно вспомнить Салтыкова-Щедрина, Гаршина, чтобы найти все же некоторое оправдание моим неожиданным претензиям... Если же автор имеет в виду хотя бы легкое иносказание, то тема должна быть выражена совершенно четко, во всех деталях произведения... Пока что рассказ на полпути от красочного очерка к иносказанию.

Мне жаль было бы отбрасывать этот рассказ, уж очень в нем много свежего, яркого. Хочется сохранить его в книге. Но автор сам для себя должен решить — какова основная мысль этого рассказа? По какому руслу пустить его? Решив, талантливый и опытный автор быстро доведет рассказ до необходимой ясности и точности. И тогда его «Семужка» займет свое достойное место в книге».

Эта рецензия была написана для нас 1 февраля 1962 года, а неделю спустя из дома твор-

чества «Комарово» на имя Марьенкова от Слонимского пришло следующее письмо:

«Дорогой Михаил Макарович!

Провели мы тут с Федором Александровичем Абрамовым беседы о рассказе «Жила-была Семужка». Я уже говорил Вам, что меня смутило,— в конце тема иносказания мутнеет, затуманивается. Автор выправил рассказ, снял лишний привесок в конце, и теперь рассказ, по-моему, выровнялся, приобрел окончательную форму.

Сохранена вся его большая познавательная ценность, в то же время прояснилась тема иносказания, и нет уже никакого «противопоставления». По-моему, в таком виде рассказ должен войти в книгу. Я Вам говорил уже (и в рецензии писал), что в рассказе много свежего, яркого, написан он талантливо, а то, что сейчас доделал автор, снимает неясность в нем.

Таким образом, теперь я — за включение рассказа в книгу (в доработанном виде).

7 февраля 1962 г. Привет. *М. Слонимский*».

Так успешно завершилась работа над книгой. В июне «Безотцовщина» была издана. Положительные отзывы в печати и многочисленные письма читателей увенчали труд писателя и издателей. Выход книги явился воистину литературным событием. А Федор Абрамов с тех пор стал постоянно печататься у нас.

Бывая в издательстве, Абрамов всегда находил время, чтобы зайти ко мне, даже если его книга еще не находилась в производстве.

Он расспрашивал об издательских делах, о переменах в полиграфии. Меня же, городского жителя, больше интересовали деревенские темы. Когда Федор Александрович рассказывал о добрых переменах на селе, лицо его озарялось радостью, и, наоборот, всякий просчет и бесхозяйственность вызывали гнев.

В августовский день шестьдесят девятого года он принес в издательство заявку на новую книгу — «Деревянные кони». В предисловии к книге Соколова-Микитова «По морям и лесам» Александр Трифонович Твардовский писал, что в творениях больших писателей постоянно видны приметы «малой родины», и это не только географическая точка, где родился писатель, а, скорее, край и люди, о которых он пишет. Для Абрамова география всех его произведений, изданных у нас, это Пинега, его родная деревня Веркола. «Деревянные кони» тоже «паслись» на пинежском берегу.

И на этот раз рецензентом книги был Слонимский. Вот что он писал:

«...Глубина, масштабность в раскрытии чувств и мыслей придают героям повестей и рассказов Абрамова значение общее... Все семь произведений, включенных в эту книгу, написаны превосходно. По богатству, красочности, меткости, выразительности языка мало кто может соревноваться с Федором Абрамовым».

Слонимский предложил в рассказе «Могила на крутояре» исправить последнюю фразу, Федор Александрович прислушался к этому совету.

Занятый творческой работой, Абрамов отказывался рецензировать для нас рукописи. Но бывали случаи особые, когда требовалась

именно его помощь. В январе шестьдесят седьмого года в издательство принес рукопись своей первой книги «Яблоки падают» Алексей Леонов, человек с солидным стажем работы в колхозе и на заводе. Это были рассказы о людях послевоенной деревни на Орловщине. К кому же как не к Абрамову нам обратиться? Федор Александрович неохотно, но все же согласился почитать рукопись. Вот что он написал в своем отзыве:

«С рассказами А. Леонова я знакомлюсь впервые, и общее впечатление от них у меня самое благоприятное. В нашу литературу пришел способный, многообещающий человек».

«Чем хороши рассказы А. Леонова? — спрашивает Ф. Абрамов и сам же отвечает: — Прежде всего своей достоверностью и человечностью. Мир Леонова — это мир среднерусской деревни, и уж ее-то он знает досконально. Он знает деревенскую избу, знает домашнюю скотину, он прекрасно видит и чувствует лес и поле. И знания обо всем этом у него почерпнуты не из книг, не из вторых рук. Нет, все это пережито, перечувствовано им самим с детства, всосано, как говорится, с молоком матери. И отсюда, мне кажется, та предельная насыщенность живыми подробностями и деталями, которая свойственна рассказам Леонова...

И все же характер человеческий покамест еще не самая сильная сторона произведений А. Леонова. Его героям, на мой взгляд, иногда не хватает объемности и масштабности, так мне представляется, что именно в этом направлении следовало бы дорабатывать повесть «Без брода»...

Другой недостаток, свойственный манере письма Леонова, это растянутость, которая нередко возникает из-за чрезмерного увлечения автора подробностями.

У А. Леонова хороший и сочный язык. Заключение: книга есть, книга добрая, поэтичная. Ее надо издать, разумеется, после некоторой доработки».

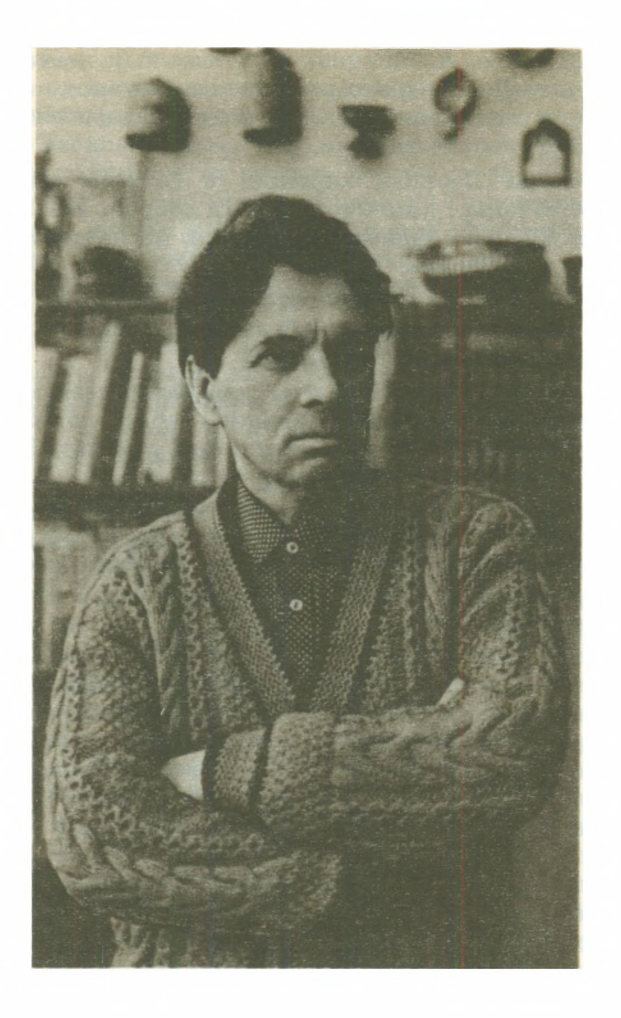
— Как же шла работа над рукописью? — с таким вопросом я обратился к редактору рассказов «Яблоки падают».

— Рецензия Абрамова как бы высветлила основные недостатки рукописи, но, мало того, наметила пути их преодоления,— ответила Кира Михайловна Успенская.

Федор Абрамов всегда был человеком страстным, одержимым во всем, чем бы ни занимался. Это проявлялось не только в работе над книгами, но и в выступлениях, и даже в личных беседах.

Он самозабвенно любил свою родную Пинегу, своих земляков. Хранил в памяти детство. А из детства сохранил любовь к природе, к рыбалке. Я знал, каким заядлым рыбаком был Федор Абрамов. Подготовка к выходу в залив превращалась в какой-то ритуал. Заранее готовились снасти, привáда, червяки и опарыш для наживы. Сядет на весла, гребет, не оглядываясь, поставит лодку на якорь в уловистом месте. Вываживает крупного окуня и приговаривает: попался, краснoперый разбойник. Поругивался, когда упускали рыбу. По дороге с рыбалки мечтал об ухе с дымком от костра.

Отдыхая в доме писателей в Комарове, я на

вечерней зорьке поймал приличного леща. Не знаю, кто об этом рассказал Федору Абрамову. Осенью того же года он зашел ко мне на работу и плотно уселся в кресло. Я полагал, что пойдет разговор о книге «Дом», которая находилась в производстве. Без тени улыбки Федор Александрович спросил:

— Леща поймал или это рыбацкий треп?

— Поймал,— скромно ответил я.

— Большого?

— Да, большого.

И видно было, как в глазах у Феди запрыгали озорные зайчики.

— Давай выкладывай — да подробно!

— Ты что, Федор Александрович, никак рассказ задумал писать? Тогда, чур, гонорар пополам! — пошутил я.

— Давай не трепись! — (Он так и сказал — не трепись!) — На что клюнуло?

— На выползка.

— Поплавок положил?

— Положил.

— Ну а потом?

— А потом я его вытащил.

Федор Александрович не на шутку стал сердиться.

— Слышь, рыбак, а рассказывать не умеешь. Клюнул?

— Клюнул,— соглашался я.

— Потом потянул леску? — стал за меня рассказывать Абрамов.

— Потянул.

— Поплавок ушел в глубину? — нетерпеливо допытывался он.

— Ушел.

— Потом подсечка?

— Подсечка.

— Потом ты стал вываживать, чуть приподнял над водой голову леща, чтобы он глотнул воздуха, рыба от этого дуреет, тогда знай тащи, только осторожно, чтобы губу не оборвать. Ну а потом подсачил?

— Нет, подсачил Юра Помпеев, он со мной в лодке был.

Так вдвоем за письменным столом в моем кабинете я и Федор Абрамов тащили из Финского залива одного и того же леща, пойманного несколько месяцев назад. Долго потом мы подтрунивали друг над другом, вспоминая эту рыбалку.

За два десятилетия Абрамов издал у нас почти все свои книги: «Безотцовщину», «Две зимы и три лета», «Братья и сестры», «Деревянные кони», «Бабилей».

Трилогию «Пряслины» мы издали в «Библиотеке книг, удостоенных Государственной премии СССР». Тогда же Абрамов обещал нам сдать и четвертую книгу романа — «Дом».

Весной семьдесят девятого Федор Александрович принес обещанную рукопись. В это время в Ленинграде находился председатель правления издательств Владимир Еременко, он и распорядился срочно сдать в производство роман «Дом», не обозначенный в тематическом плане выпуска.

Вскоре Федор Александрович вместе с женой Людмилой Владимировной пришли смотреть оформление книги. Абрамову эскизы художника понравились, а Людмиле Владимировне шрифты на переплете показались крупно написанными. Федор Александрович вспылил.

Неделю спустя в моем кабинете он снимал корректорские вопросы после вычитки рукописи. Не глядя на меня, сказал:

— Нехорошо я в прошлый раз обошелся с Люсей, да еще и на людях, знаю, порой бываю вспыльчив, резок. Обидел я тогда ее. Не думай плохо обо мне. Я люблю ее, она добрая, заботливая жена, да и не только жена, она мой первый читатель, первый критик. Бывает, напишу страничку и читаю ей...

И тут я прервал его покаянную речь:

— Ну а если эта страничка ей не понравится?

— Тогда,— ответил Абрамов,— я начинаю злиться, а то, бывает, накричу, а потом гляжу, а она была права, плохо написано. Да знаешь, она ведь у меня кандидат филологических наук, доцент, ей впору самой писать, да заботы обо мне мешают.

Тетралогия «Братья и сестры» вышла в свет незадолго до смерти писателя. Когда книга готовилась к печати, Федор Александрович часто заходил в издательство. Он очень был обеспокоен тем, как в один том, в один переплет войдут тысяча двести страниц его романа, ранее изданные порознь в четырех книгах, уговаривал нас выпустить книгу в двух томах. Мы успокаивали автора, что в выбранном формате книга будет насчитывать не более восьмисот страниц. Издание же в двух томах удлинит срок выхода в свет, по меньшей мере, на полгода. И так от читателей отбоя нет. Сошлись на том, что на это издание дадим тонкую беленую бумагу и красивую ткань на переплет.

Работать над книгами Абрамова было интересно и трудно. Мы порой бывали озадачены

тем, как он, по натуре человек душевный и добрый, не прощал нам малейшего сбоя в работе, мог резко выговорить за типографские или издательские ошибки в корректуре. И тут же, остыв, поднимался на шестой этаж к корректорам, чтобы поблагодарить за обнаруженное в рукописи разночтение в написании отчества героя его книги, а заодно и извиниться за допущенную промашку.

Требовательный к себе, он был требователен и к работникам издательства. Вот строки из его письма ко мне:

«Мой сборник «Бабилей» набран безобразно плохо. Не сомневаюсь, у издательства возникнет желание исправить типографские промахи за счет автора. Так вот: никаких усекновений текста! Никакой перестыковки абзацев.

С писателями 19 в., я уверен, Вы не своевольничаете. Распространите, пожалуйста, это правило и на меня.

В общем, я надеюсь на Ваше самое доброе отношение.

26.VIII.1981 г. *Ф. Абрамов*».

Позже, извиняясь за чересчур резкое письмо, Федор Александрович сказал:

— Пойми, друг, что трогать абзацы в книге нельзя. Тут, как в хорошей деревенской избе, венец к венцу пригнан...

Когда вышел в свет роман «Братья и сестры» — главная книга его жизни,— издание мне очень понравилось. Постарались и полиграфисты Печатного Двора. А вот как воспримет автор? — он тогда сомневался и переживал.

Временное недомогание не позволило ему приехать за авторскими экземплярами.

Захватив три увесистые пачки книг, в издательском пикапчике я отправился на Мичуринскую улицу, по новому адресу писателя. Мне и раньше приходилось бывать у него на старой квартире. Всегда он был радушным хозяином, несмотря на занятость, любил поговорить о жизни, рассказать, что в данный момент его волнует, пошутить...

Дверь открыла Людмила Владимировна. Часто она приходила с Ф. А. Абрамовым в издательство. Порой мне казалось, что она была не только женой, но и добрым гением этого большого писателя, совершенно беспомощного в житейских делах. И когда я осмотрел новое жилье, такое обжитое, уютное, особенно рабочий кабинет Федора Александровича, я убедился, что здесь поработали руки любящего человека.

Я положил книгу на письменный стол писателя, рядом со стопкой страниц (видимо, новой рукописи).

— Люся, посмотри, а ведь книга и впрямь хороша. Красиво получилось, а я сомневался.

Лицо светилось радостной улыбкой. Федор Александрович и Людмила Владимировна разглядывали переплет, портрет, бережно листали страницы книги, скромно, но с большим вкусом оформленной Михаилом Новиковым.

Я стоял у окна, откуда хорошо была видна заснеженная улица, спешащие куда-то пешеходы, домик Петра и скованная льдом Нева. Видя, что я не принимаю участия в их разговоре, а пристально слежу за происходящим внизу, Абрамов сказал:

— А ведь здорово, что земля, вода и люди совсем рядом. И я ведь человек приземленный, люблю землю, воду, людей, и здесь за столом мне хорошо работается. А Домик Петра — это чудо, сработанное русскими людьми.

Пока Федор Александрович сочинял дарственную надпись на предназначенном мне экземпляре, я стал внимательно осматривать кабинет Абрамова. И вдруг мне показалось, что со страниц так хорошо знакомого романа как бы сошли вещи, украшавшие скромный дом Пряслиных. На стеллажах бережно уставлены начищенные братины (ковши для браги и вина), ковши для воды, умывальник, берестяные туески. Почерневшие от времени старинные иконы. Большого размера медные и железные кресты, котелок, с которым Федя ходил в «ночное» и варил свою нехитрую мальчишескую еду. Картины быстро текущей Пинеги. Макеты церкви и избушки. С фотографии на меня смотрело лицо матери Абрамова, русской женщины с усталыми и добрыми глазами, познавшей тяжелую жизнь и чем-то очень напоминавшей мать большой семьи Пряслиных — Анну.

Федор Александрович подарил мне на прощание книгу, мы обнялись и расцеловались. Не думал и не гадал я тогда, что это последняя встреча...

Превыше всего в жизни и литературе Федор Абрамов ценил правду. После смерти писателя я попал на спектакль «Братья и сестры», поставленный талантливым ленинградским режиссером Львом Додиным по произведениям Федора Абрамова. По реакции зрительного зала я особенно почувствовал, как нужна

людям эта правда жизни, какой бы горькой и страшной она ни была.

— За правду пострадать обидно, но если требуется, то на это стоит решиться,— сказал мне как-то Абрамов, вспоминая начало своей писательской биографии.

Я, как и многие мои друзья по издательству, был свидетелем, как досталось в шестьдесят третьем автору «Вокруг да около»; видел и другие наскоки на Абрамова. Правду жизни в этой повести и некоторых других произведениях незадачливые критики сочли за очернительство.

Суть абрамовского характера очень точно подчеркнул в прощальном слове на траурной панихиде Даниил Гранин:

— Абрамов был не только воин в прямом смысле, но у него хватало воинской храбрости отстоять свои взгляды в литературе. Повесть «Вокруг да около» да и другие его вещи не сразу были признаны...

Обо всем этом я вспоминаю и сейчас, когда бываю на Мичуринской, прихожу, чтобы помочь Людмиле Владимировне в делах, связанных с изданием абрамовских книг. Бережно, по крупицам она собирает большой архив, занята публикацией и подготовкой книг.

В мартовском и апрельском номерах журнала «Наш современник» за 1986 год я познакомился с документальным повествованием «Дом в Верколе», написанным Л. В. Крутиковой-Абрамовой.

Многие часы я провел за чтением «Дома в Верколе». Я познакомился с неизвестным для меня Абрамовым, с его родным северным краем, с его земляками. Видел, как писатель

работал, как заполнялись его записные книжки. Видел, как он бродил по земле своей юности, по неухоженным полям и лугам, с какой болью говорил об этом с односельчанами, с партийными работниками, писал в газете. Здесь он начал писать свой последний роман «Дом», находил своих героев, приглядывался и беседовал с ними. В обыденном, казалось, деле строительства своего дома находил художественные образы.

Недавно я застал Людмилу Владимировну за новой большой работой. На столах разложены страницы из архива Абрамова, посвященные Твардовскому. Многое предстоит выверить, прочесть заново.

Я часто сам себя спрашивал — в чем счастье трудной работы издателя? Вероятно,— быть причастным к изданию многих книг большого писателя, каким был и остается Федор Александрович Абрамов!

*

БЕГ ВРЕМЕНИ

АННА АХМАТОВА

В первый год моей работы в «Советском писателе» главный редактор Сорокин, знакомя меня с деятельностью издательства в предвоенные годы, в частности рассказал, с какой радостью в коллективе была встречена весть о том, что рукопись своей последней стихотворной книги Ахматова решила сдать в наше издательство. Хотя было уже начало сорокового года и план издания был утвержден, но для книги Ахматовой это не явилось помехой.

Первым прочел этот сборник, а затем был его редактором известный ученый и писатель Ю. Н. Тынянов. Началась обычная издательская работа над рукописью: вычитка в корректорской и техническое редактирование. На фронтиспис был подготовлен портрет Анны Андреевны работы художника Н. Тырсы, разработано художественное оформление книги.

Летом этого же года том стихотворений «Из шести книг» увидел свет. Со времени выхода последней ахматовской книги минуло к тому времени девятнадцать лет, и каких трудных лет,— арест и расстрел в 1921 году бывшего мужа, поэта Николая Гумилева, арест в 1938 году сына Льва. Возможно, именно

этими обстоятельствами объясняется и то, что заявление о приеме в члены Союза писателей Ахматова подала только в сентябре 1939 года.

Взяв в руки книгу «Из шести книг», я, издатель-полиграфист, прежде всего был поражен сроком ее издания: сдано в набор 4 апреля 1940 года, подписано в печать 8 мая 1940 года. Чуть больше месяца ушло на то, чтобы вручную набрать более трех тысяч строк, прочесть корректуры, выправить, получить разрешение цензуры и подписать в печать. Такому вполне может позавидовать современная полиграфия, располагающая фотонаборной техникой и быстроходными печатными машинами.

Выход этой книги несомненно был большой и моральной и материальной поддержкой для поэтессы.

Сохранившийся документ тех лет запечатлел неустроенность и тяжкое материальное положение Анны Андреевны, уже к тому времени больной, хотя ей минуло только пятьдесят лет. И должен сказать, что здесь, как и потом, позже, помочь Ахматовой старался А. А. Фадеев.

«Выписка из протокола заседания
Президиума Союза советских писателей
от 11 ноября 1939 года

С Л У Ш А Л И: О помощи А. Ахматовой (докладчик А. Фадеев).

Принимая во внимание большие заслуги Ахматовой перед советской поэзией:

1. Просить Ленинградский горсовет пре-

доставить в срочном порядке А. Ахматовой самостоятельную жилую площадь.

2. Предложить Ленинградскому правлению Литфонда после предоставления квартиры А. Ахматовой приобрести необходимую обстановку.

3. Ходатайствовать перед Совнаркомом СССР об установлении персональной пенсии.

4. Предложить Литфонду СССР, впредь до постановления правительства, выплачивать Ахматовой пенсию в размере 750 рублей в месяц.

5. Предложить Литфонду выдать Ахматовой безвозвратную ссуду в размере трех тысяч рублей».

Единственно, что Фадееву тогда не удалось осуществить,— это вопрос о пенсионном обеспечении писательницы. В персональной пенсии Совнарком СССР Ахматовой отказал.

Известная общественная деятельница и дипломат Александра Михайловна Коллонтай, которая очень любила поэзию Анны Андреевны, в 1923 году в журнале «Молодая гвардия» писала:

«Во всех произведениях Ахматовой бьется живая, близкая, знакомая нам душа женщины современной переходной эпохи, эпохи ломки человеческой психологии, эпохи схватки двух культур, двух идеологий — буржуазной и пролетарской. Анна Андреевна — на стороне не отживающей, а созидательной идеологии».

Читатель! Запомним эту оценку творчества Ахматовой, тем более что на страницах этого

очерка у нас будет возможность сравнить ее с более поздней «официальной».

Вернувшись из эвакуации, Анна Андреевна печатает свои стихи в журналах «Звезда» и «Ленинград». Наш главный редактор говорил тогда, что Ахматова собирает для нас книгу новых стихов. Ничто не предвещало бурю, которая вскоре разразилась.

Четырнадцатого августа 1946 года было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». По существу это было постановление о Михаиле Зощенко и Анне Ахматовой.

В каких только тяжких грехах не были они обвинены в докладе Жданова! Анна Андреевна была названа представителем реакционной, аристократической, салонной поэзии. Не поскупился он и на другие эпитеты, назвав ее «полумонахиней, полублудницей». Вот теперь читающий эти записки может сравнить «официальную» оценку творчества Ахматовой с оценкой Коллонтай.

Критики, восторженно встретившие сборник «Из шести книг», предлагавшийся на соискание Сталинской премии, в сорок шестом быстренько оценили творчество Ахматовой как «явление декаданса, пример глубокого упадка, реакционной буржуазной идеологии в творчестве поэтессы». Ахматова была исключена из членов Союза писателей.

После совещания в Смольном директор Ленинградского отделения издательства Николай Брыкин собрал сотрудников и рассказал о содержании доклада Жданова, о принятом постановлении Центрального Комитета партии, призвал, как это тогда было принято,

к повышению бдительности и идейного уровня издаваемых книг.

Потекли годы, когда Анна Андреевна могла печатать только свои переводы, и все это время она интенсивно занимается переводческой деятельностью. Часть ее переводов из поэзии народов СССР собрана в томах «Библиотеки поэта», я насчитал восемнадцать таких томов.

И опять в судьбе Ахматовой принимает участие А. А. Фадеев. По его предложению президиум Союза писателей 19 января 1951 года принимает решение о восстановлении ее в правах члена Союза.

До какого предела отчаяния должна была быть доведена эта гордая, свободолюбивая женщина, непримиримая ко лжи и насилию, чтобы написать в своей автобиографии (15 июня 1952 года):

«Историческое постановление ЦК ВКП(б) о литературе и искусстве дало мне возможность критически пересмотреть мою литературную позицию и открыло мне путь к патриотической лирике. В настоящее время мною закончена книга стихов „Слава миру (1949—1951)“».

Несмотря на то, что Анна Ахматова была восстановлена в Союзе писателей, серьезную попытку издать наиболее полный том ее стихов мы сделали только в шестьдесят третьем году. Время это было непростое, существовали запретные темы, и издатели порой терялись в догадках, что пройдет через контроль, а что придется выбрасывать. Да и чего греха таить — существовала тогда и самоцензура, к которой мы привыкли годами. Пройдут долгие годы,

пока в нашем издательстве выйдет в свет книга «Бег времени», издание которой имеет свою историю.

В июле шестьдесят третьего года я получил письмо от главного редактора издательства Валентины Михайловны Карповой (директор тогда был болен, и я его замещал):

«Анна Ахматова предложила редакции русской поэзии (в Москве) ознакомиться с ее рукописью. Товарищи из редакции почему-то не напомнили автору о том, что ей надлежит обратиться в Ленинградское отделение. Мы попросили Е. Ф. Книпович прочитать эту рукопись, что она и сделала. В июле А. Ахматова взяла свою рукопись, для пересоставления. Вероятно, в дальнейшем она обратится в Ленинградское отделение. Поэтому я посылаю Вам для ознакомления рецензию Е. Ф. Книпович. Думаю, что она будет полезна Вам при рассмотрении рукописи А. Ахматовой».

Прошло больше года, прежде чем Анна Андреевна сдала нам тогда рукопись. Не без гордости вспоминаю теперь, что договор на издание пяти тысяч строк этой книги был в сентябре шестьдесят четвертого года подписан мною.

Но для М. И. Дикман, которая стала редактором книги, оставалась самая сложная часть работы — определить ее состав. Имелась уже упомянутая рецензия известного критика Евгении Федоровны Книпович, в которой она писала:

«...Все, что вошло в книгу (точнее, почти все), свидетельствует о высоком мастерстве большого русского поэта А. Ахматовой. Целые

разделы книги («Тайны ремесла», «Сожженная тетрадь», «Стихи разных лет», «Стихи последних лет») целиком или почти целиком вызывают самое горячее восхищение читателя, так как в них содержатся образцы поэзии подлинной, глубокой и объективно значительной...»

Оптимистическое начало, казалось, давало надежду на скорую сдачу рукописи в набор, но послушайте, что дальше пишет рецензент:

«Однако я думаю, что построен сборник нехорошо, что в других его разделах слишком много смерти, так сказать, без воскресения, а также предсмертной истомы, надписей на могильных камнях, ужаса перед «бегом времени», который только гонит к могиле... И последнее — когда читала «Триптих», у меня было ощущение, что это писал совсем другой поэт, а не тот, чью книгу я только что с волнением перелистывала...»

И далее автор с той же настойчивостью советует поэтессе:

«Я бы очень советовала автору пересоставить сборник...»

Несколькими месяцами раньше датирована рецензия на эту книгу тоже известного критика И. Гринберга. Не буду ее цитировать, так как она не содержит критических замечаний и рекомендует представленную рукопись без изменения. В подтверждение своего предложения Гринберг пишет:

«Перед нами седьмая книга стихов поэта, начавшего свой путь более полувека назад и работающего ныне во всю силу своего сильного и строгого таланта. Должно быть, не случайно выбрала Ахматова для своего нового сборника

такое название — «Бег времени». В стихотворениях, здесь собранных, представляющих два с лишним десятилетия творческого труда, движение времени отразилось и в смене событий, и в заметных сдвигах нравственного и творческого порядка...»

В конце рецензии Гринберг вспоминает:

«Сурков рассказывал однажды о том, как первой военной зимой он прочитал в Колонном зале Дома Союзов стихотворение Ахматовой «Мужество» и как «строгая», на две трети солдатская аудитория оценила его дружными, долго не смолкавшими аплодисментами».

Для того чтобы издать книгу, следовало заручиться еще и рецензией человека, очень авторитетного не только в писательских, но и в партийных кругах.

Издательство обратилось к известному поэту Алексею Суркову, одному из руководителей Союза писателей, депутату Верховного Совета, кандидату в члены ЦК КПСС. Сурков дал согласие написать отзыв. 12 февраля 1965 года была получена его рецензия. Одобрив в основном состав книги, Сурков, однако, настаивал на снятии «Поэмы без героя», ссылаясь при этом на то, «что не на пользу Ахматовой пойдет завершение книги, и так довольно сильно окрашенной закатными тонами...»

С рецензией Суркова Дикман ознакомила Ахматову, она обещала лично снестись с Алексеем Александровичем.

И после этого состав книги уточнялся, в подтверждение приведу письмо Анны Андреевны, хранящееся в ЛГАЛИ, к редактору Дикман:

«Дорогая Минна Исаевна!

Сейчас собрала в четырех местах фрагменты первой части моей поэмы, которая называется «Девятьсот тринадцатый год». По окончательной договоренности с А. Сурковым решено напечатать целиком первую часть моей поэмы, которая раньше была напечатана в фрагментах. (От печатания 2-ой части «Решка» и 3-ей «Эпилог» я отказываюсь.)

При этом прилагаю список.

19 апреля 1965 г.

Комарово *Анна Ахматова*».

Ознакомившись с рукописью, Минна Исаевна (как мне рассказал известный литературовед Ю. Д. Левин) обратила внимание на то, что в некоторые стихи Ахматова внесла правку. Тактично, не без труда Дикман убедила автора, что этого делать нельзя, так как эти стихи давно стали классикой.

Работа редактора и автора над рукописью продолжалась вплоть до отъезда Ахматовой осенью этого года в Италию, где на сессии Европейского сообщества писателей ей была вручена премия «Этна-Таормина». Затем предстояла поездка из Рима в Лондон, где в торжественной обстановке ей вручили диплом доктора Оксфордского университета.

Любопытен и тот факт, что, несмотря на то, что Анне Андреевне пошел 76-й год и она перенесла три инфаркта, в свободное время в Риме она продолжала работу над рукописью. Там была написана тринадцатая главка к циклу «Шиповник цветет»:

«И это станет для людей
Как времена Веспасиана,
А было это — только рана
И муки облачко над ней.

Рим.
Ночь. 19 декабря 1964 г.»

Вскоре после возвращения из поездки Ахматова прислала Дикман страничку с этими стихами, на ней и другое четверостишие, озаглавленное «Вместо послесловия», написанное в начале 1965 года к циклу «Полуночные стихи». Эту страничку мне показал совсем недавно Ю. Д. Левин. Внизу под стихами собственноручная подпись Анны Ахматовой.

Насколько груз тех лет висел над издателями, можно судить по пометкам главного редактора на полях аннотации книги Ахматовой в проекте плана: «Уточните аннотацию, лучше не упоминать «Р.»».

Дело в том, что М. И. Дикман в числе поэм, включенных в это издание, назвала «Реквием».

Работа над выпуском в свет книги большого писателя была всегда предметом особой заботы издателей. Издание же сборника стихов Анны Андреевны Ахматовой «Бег времени», помимо большого литературного события, означало конец опалы поэтессы и ее возвращение в литературу.

Нетрудно себе представить, с какой бережностью каждый сотрудник, имевший отношение к выходу в свет книги, старался внести свою лепту. Лучшая бумага, лучшая ткань для этого издания. Лучшая типография города

«Печатный Двор» оспаривала право на его изготовление.

В начале мая 1965 года книга была сдана в набор, а в начале августа подписана в печать. Не могу не сказать добрых слов о главном художнике издательства Владимире Медведеве.

Владимир Медведев — художник этой книги — сделал все, чтобы как нельзя лучше ее оформить. На суперобложке напечатан перьевой портрет Анны Ахматовой работы художника Амедео Модильяни. По черному фону форзаца размещены знаки зодиака. В тридцати пронумерованных экземплярах, предназначенных для Ахматовой, были воспроизведены обложки первых книг поэтессы.

В начале 1966 года книга вышла в свет. О радости, какую она принесла в дом поэтессы, сужу по теплым автографам на книгах, подаренных автором своим издателям 25 января 1966 года. Это был последний автограф. Пятого марта этого года Анна Андреевна умерла.

Так закончилась история издания книги Анны Андреевны Ахматовой «Бег времени».

Десятого марта Ленинград прощался со своей поэтессой. Дом писателей, где проходила траурная церемония, был заполнен до отказа. Не все почитатели ее таланта смогли пройти внутрь помещения и дожидались выноса гроба, чтобы проститься с Анной Андреевной Ахматовой. Много речей было сказано в тот день.

Не было только телеграммы соболезнования от официальных органов, еще по-прежнему было в силе негативное отношение к ее

поэзии. Не могли простить и того, что хоронили Анну Ахматову по православному обряду и отпевали в соборе Николы Морского.

Особенно потрясли меня тогда проникновенные слова Ольги Берггольц на панихиде. Совершенно случайно я обнаружил потом текст в архиве:

«Она учила меня любить поэзию. Поправляла меня. Она была моей любимейшей дорогой учительницей.

Анне Андреевне пришлось пережить на своем веку много горького и несправедливого. Я была рядом с нею и видела то безграничное мужество, с которым она все переносила. В ней не было озлобленности и уныния. В ней жила вера в поэзию, в величие человеческой души. Ее поразительный талант расцветал вплоть до самого последнего времени. Последняя ее книга «Бег времени» поражает мужественностью и самым драгоценным в поэзии — человечностью.

Мы прощаемся с Вами как с человеком, который смертен и который умер. Но мы никогда не простимся с Вами как с поэтом, с вашей трагически победоносной судьбой...»

Для нас, издателей, стало главным — донести ее поэзию до широкого круга читателей.

В 1976 году издательство выпустило в свет в большой серии «Библиотеки поэта» ее книгу «Стихотворения и поэмы». Здесь следует заметить, что подготовка рукописи к изданию была осуществлена академиком Виктором Максимовичем Жирмунским, незадолго до его смерти. Его вступительная статья к этой книге

не могла быть издана даже в то время и была заменена статьей А. А. Суркова. Шесть лет ушло тогда на издание поэтического наследия Ахматовой — это ли не пример застойных лет.

В 1977 году у нас была напечатана ее книга «О Пушкине», сюда вошли статьи и фрагменты незавершенной книги «Гибель Пушкина».

Такова вкратце история издания книг Анны Андреевны Ахматовой в нашем издательстве.

*

ВЕРНОСТЬ

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

1941 год... Ораниенбаумский пятачок. Темная октябрьская ночь. Нарастающий гул немецких самолетов, летящих на бомбардировку Ленинграда. Там наш осажденный город, там наши семьи и родные. Как тогда хотелось получить весточку от них. Забегаем в фургон штабной рации — может, удастся прослушать очередную сводку новостей... Тогда впервые из осажденного города сквозь шум и треск помех мы услышали голос Ольги Берггольц...

Мы знаем — нам горькие выпали дни,
Грозят небывалые беды.
Но Родина с нами, и мы не одни,
И нашею будет победа...

Среди людей моего поколения, и особенно ленинградцев, стихи Ольги Берггольц обрели известность в годы войны. Голос поэтессы из блокадного города звучал на всю страну, на весь мир, возвещая, что город Ленина жив, что город борется, что выстоит и победит.

И не случайно многие критики считают, что вершиной поэтического таланта Ольги Берггольц были стихи военного времени.

Теперь, спустя более сорока лет, когда я сел за эти записки, я решил разыскать ранние книги ее стихов.

Печататься в «Советском писателе» Берггольц начала в годы войны. Две ее книги, написанные в блокадном городе, были напечатаны в нашем издательстве в Москве.

Уж очень мне хотелось полистать и посмотреть, какие они, эти книги военной поры. Мне повезло. В библиотеке Дома писателя нашлись эти чудом уцелевшие книжечки, думается, что подарила их библиотеке сама поэтесса.

Дома я стал их внимательно рассматривать. Вот маленькая книжица «Ленинградская тетрадь», изданная весной сорок второго года, в ней всего шестьдесят четыре странички со стихами о Ленинграде и ленинградцах.

А вот другая книга, свободно умещающаяся в кармане, издана в сорок четвертом. На обложке приметы Ленинграда — Ростральная колонна и фасад Фондовой биржи. Листаю пожелтевшие от времени страницы книги, отпечатанной на оберточной бумаге. Здесь хорошо известная всем поэма «Февральский дневник», написанная в январе — феврале сорок второго года, здесь и «Ленинградская поэма». На этих страницах все, чем жил тогда блокадный Ленинград. Только единичные экземпляры этих книг уцелели с той поры, а жаль, ведь это священные реликвии нашего города.

...Уже страданьям нашим не найти
Ни меры, ни названья, ни сравненья.
Но мы в конце тернистого пути
И знаем — близок день освобожденья...

...В сорок шестом году в Москве был утвержден состав «Библиотеки избранных произведений советской литературы», выпускаемой издательством «Советский писатель» к тридца-

тилетию Советской власти. В числе писателей Ленинграда, представленных в этой серии, была Ольга Берггольц.

Через год Ольга Федоровна принесла в издательство свою рукопись «Избранное».

Григорий Сорокин пригласил меня зайти в свой кабинет главного редактора, чтобы оценить пригодность рукописи для набора. Тогда я впервые увидел и познакомился с Ольгой Берггольц. Напротив Сорокина сидела молодая, обаятельная, я бы сказал, красивая женщина. Знакомясь, она смущенно улыбнулась. И эта улыбка, слегка грассирующая речь показались мне тогда знакомыми, подумалось, что очень давно, еще до войны, я где-то встречал ее. Но вспомнить где — я так и не смог.

Только спустя много лет, уже после смерти Берггольц, прочитав книгу Дмитрия Хренкова «От сердца к сердцу», я отчетливо вспомнил годы моей юности в типографии имени Володарского. Именно здесь я часто встречал Оленьку, как мы тогда называли девочку с тугими золотистыми косами, бегущую по длинному типографскому коридору из редакции «Красной газеты» мимо комитета комсомола с кипой гранок в линотипный цех. Это входило в круг ее курьерских обязанностей. Встречались мы и на комсомольских собраниях...

Я стал листать папку со страницами стихов. Это была расклейка различных печатных изданий объемом примерно пять тысяч стихотворных строк. Даже по меркам тех лет, оригинал был подготовлен плохо, не по стандарту, но сказать об этом Берггольц, тем самым огорчить ее, я не решился. Я согласился принять рукопись в производство. А когда начал-

ся конфликт с типографией, то мне пришлось самому переклеивать и приводить в порядок оригинал...

Берггольц поинтересовалась, как будет оформлена книга. Я ответил, что книга издается в серии «Библиотека избранных произведений», поэтому оформление будет серийное, такое же, как у Прокофьева и Саянова.

Я предупредил, что набор и выпуск книг этой серии идет по особому, весьма напряженному графику, и просил Ольгу Федоровну в ближайшее время не отлучаться из города и не задерживать читку корректуры.

Дальше с этой книгой шло все гладко. В апреле сорок восьмого года редактор сборника Анатолий Тарасенков подписал книгу в печать, а в мае уже был готов весь тираж...

В 1948 году Ольга Берггольц завершила задуманную еще во время войны трагедию «Верность». Но прошло еще шесть лет, прежде чем поэтесса смогла предложить издательству рукопись.

Весной пятьдесят четвертого года состоялся памятный мне редсовет, на котором обсуждалась рукопись «Верность». Обсуждение было бурным и продолжалось почти весь рабочий день. Более других запомнилось выступление Александра Прокофьева...

Многочисленные документы, хранящиеся в архиве издательства, подтверждают, что Прокофьев ценил талант Ольги Берггольц. Однако это не мешало ему устно и в печати упрекать поэтессу в слабом показе роли партии и гипертрофии страдания. Так было и в этот раз. Мне казалось, что эта во многом субъективная критика вызовет бурный протест у Берггольц,

приведет к разрыву в отношениях. Однако Берггольц возражала спокойно, аргументированно. Она оставалась верна своим убеждениям, а с Прокофьевым сохранила дружеские отношения. Она, со своей стороны, ценила талант Прокофьева и особенно любила его ранние стихи.

На Втором всесоюзном съезде писателей в 1954 году Ольга Берггольц сказала:

«В Ленинграде у нас существует светлое, радостное творчество Александра Прокофьева; он может писать лишь в том ключе, в той тональности, которая ему свойственна. А ему несколько лет подряд навязывают другие, несвойственные темы и интонации. Зачем? А ведь когда поэту навязывают нечто несвойственное его творческому лицу, то он начинает петь не своим голосом, пускать петухов...»

В августе пятьдесят четвертого эта книга, вызвавшая столь жаркие споры, вышла в свет. Редактором ее был Евгений Иванович Наумов.

Прошло пятнадцать лет, и мы вновь вернулись к книге «Верность», дополненной стихами военных лет. Берггольц надолго задержала сдачу рукописи в редакцию. В эти годы она уже работала неровно, часто болела, лежала в больнице. Я набрался смелости и упрекнул поэтессу за задержку рукописи, сказал, что она создает нам сложности с выполнением плана. Сказал и пожалел об этом. Опустив голову, как провинившаяся школьница, Берггольц стала оправдываться, говорить, что ей всякий раз трудно расставаться с рукописью, хочется еще раз полистать, оглядеть ее, поправить. Когда книга попадет в издательство, то поздно будет вносить исправления. Она даже

не напомнила мне, что в мае ей исполнится шестьдесят лет. Не припомню в своей практике кого-нибудь из писателей, устоявших от намерения издать к шестидесятилетию свою книгу...

Обычно Ольга Берггольц не занималась оформлением своих книг, она целиком в этом вопросе полагалась на нас, издателей. Но как будет оформлено это издание «Верности», ее беспокоило.

Помню, как в моей комнате собрались Ольга Федоровна, редактор Кира Успенская и художник Михаил Новиков.

Волнуясь и стесняясь, боясь, что ее неправильно истолкуют, Берггольц объясняла нам, что эта книга для нее во многом итоговая, помимо трагедии «Верность» здесь поэмы «Февральский дневник», «Ленинградская поэма», «Памяти защитников», написанные в блокадном городе, стихи военных лет.

Хитро поглядывая из-под густых нависающих бровей то на меня — противника всяческих излишеств в оформлении, то на Берггольц, Новиков предложил выпустить книгу в квадратном формате, что исключало использование быстроходных печатных машин, закрасить форзац книги, вклеить фотопортрет, обернуть переплет в суперобложку... И все это при тираже пятьдесят тысяч экземпляров и за четыре месяца до юбилея Берггольц. Слушая «программу» оформления, предложенную Новиковым, Берггольц, виновато и смущенно улыбаясь, выжидающе смотрела на меня. А взгляд Новикова как бы вопрошал: «Ну и как, дружок, ты откажешь Берггольц?..» «Не сговорились ли они за моей спиной?» — подумал я.

Но сразу же отогнал эту мысль, такое было не в характере Берггольц. Огорчить Ольгу Федоровну я не смог и скрепя сердце согласился с предложениями Новикова.

Я рассчитывал на то, что в типографии на Красной улице рабочие любили стихи Ольги Берггольц. И раньше, когда в типографии печатался ее сборник, наборщики и печатники оставались в ночную смену, работали в воскресенье, чтобы вовремя выпустить книгу.

Не буду рассказывать, как было трудно и с бумагой, и с переплетными тканями, и со временем. Но несмотря на все буквально накануне юбилея мы вручили Ольге Берггольц пахнущий клеем и краской сигнал книги «Верность» в суперобложке с портретом поэтессы, выполненным известным художником Натаном Альтманом. Берггольц была бесконечно счастлива, растроганная, она принялась нас целовать... В память об этом я бережно храню книгу с автографом: «Другу, Издателю, Человеку, с нежностью. Ленинград, 1970 г. Ольга Берггольц».

Не берусь судить, хорошо или плохо, что многие книги, изданные в нашем издательстве, не вызывали споров на редсоветах и в редакции. Но мы не выпустили ни одной книги Ольги Берггольц, которая бы не вызвала горячих споров и всякого рода сложностей.

Так было и с прозаической рукописью Берггольц «Очерки и рассказы».

До обсуждения на редсовете рукопись отправили на рецензию Леониду Рахманову и Вере Кетлинской.

Вот что написал по поводу этой книги Леонид Рахманов:

«Когда я прочел книгу Берггольц до конца, мне захотелось, чтобы автор дал ей другое, не столь сухое, «номенклатурное» заглавие. «Рассказы и очерки» — для такой цельной, единого лирического напора книги — это и мало и невыразительно. По существу, эта книга о родном городе, о его судьбе, связанной кровно, накрепко, неразрывно с судьбой самого автора, и где-то в окрестностях этой темы лежит единственно верное заглавие. Значит, его надо найти».

А вот что по поводу этой книги говорила Вера Кетлинская:

«Ольга Берггольц широко известна как поэт, своими темами, своим видением мира. В своей прозе и публицистике (которой она отдала особенно много сил в годы Великой Отечественной войны) Ольга Берггольц остается поэтом... Для лирики Ольги Берггольц очень характерно ощущение биографии своего поколения — первые годы революции, Волховстрой, Днепрогэс, первые пятилетки.

Рекомендую книгу принять и не медлить с ее изданием. Она украсит список изданий «Советского писателя» текущего года, который бедноват хорошей прозой».

Вера Казимировна и Леонид Николаевич сетовали на отсутствие Берггольц (она болела). Они подробно изложили свои замечания по рукописи. В основном эти недостатки сводились к композиции и постраничным замечаниям редакционного характера.

Год потребовался Ольге Федоровне на доработку книги, она со вниманием отнеслась к замечаниям своих товарищей, хотя и не во всем с ними согласилась. Тогда же и было

найдено единственно верное название этой книги — «Дневные звезды».

К изданию главной книги Ольги Федоровны «Дневные звезды» издательство неоднократно возвращалось.

Но мы всегда с особым нетерпением ожидали новую книгу от поэтессы.

И вот передо мною написанное рукой Ольги Федоровны письмо на имя директора:

«Предлагаю издательству новую книгу стихов. Ее тематический облик будет, как мне рисуется по уже написанным, но еще не печатавшимся стихам и по тем стихам, над которыми работаю,— лирическое раскрытие облика нашего поколения, его труд, любовь, невзгоды и радости, странствия и раздумья.

Размер книги — две тысячи строк. Сдать я ее смогу в начале августа 1960 года».

Над рукописью этой книги Берггольц работала с тридцать пятого по шестьдесят четвертый год. Четырежды мы давали ей отсрочки. Прошло четверть века, а события тех дней отчетливо сохранились в памяти.

Долго думали, кому направить на рецензию эту во многих отношениях сложную, выстраданную Ольгой Берггольц книгу. Она назвала ее «Узел». Для издания книги требовалась компетентная, объективная и авторитетная рецензия. Попросили прочесть рукопись главного редактора «Библиотеки поэта» Владимира Николаевича Орлова... Приведу почти полный текст рецензии В. Н. Орлова:

«...В целом книга «Узел» воспринимается как некая определенная художественная структура, а именно — как лирический дневник, в котором запечатлено, однако, не просто

повседневное течение «жизни поэта», но ее действительно «узловое» (в этом внутренний смысл заглавия книги), переломные и решающие моменты. Человек и родина, свое и общенародное — вот тот «узел», в который стянуты думы и чувства поэта.

Не утаю от тебя печали,
Так же, как радости не утаю,
Сердце свое раскрываю в начале,
Как достоверную повесть твою.

Эти стихи, обращенные к родине, открывают новую книгу Ольги Берггольц и придают всей книге сильное и широкое звучание.

Сила обобщения, свойственная настоящей поэзии, превращает лирический дневник в своего рода «биографию» поколения — того поколения, которое вступило в жизнь где-то на рубеже двадцатых — тридцатых годов и многое приняло на свои плечи в строительстве нашей жизни и в борьбе за нее...

Из стихов Берггольц вырастает представление о характере советского человека, о его духовном мире, о его душевной щедрости и непримиримости. Но, имея в виду как раз структуру книги как единого целого и ту внутреннюю логику мысли и чувства, которая в книге просматривается, считаю необходимым высказать некоторые пожелания. Если автор прислушается к ним, книга, как мне кажется, станет более отчетливой и стройной...

Главное мое замечание сводится к следующему.

В общей структуре книги тема испытаний, душевных страданий и утрат слишком выдвинута на первый план и как бы подавляет все

остальное. Отмечая это обстоятельство, я вовсе не хочу сказать, что не следует писать об испытаниях и утратах. Напротив, писать о них необходимо, ибо жизнь непрерывна, и, не помня о прошлом, нельзя думать о будущем. Но столько же бесспорно, что художник не может и не должен жить только памятью о прошлом, как бы она ни бередила его сердце и душу, об этом, кстати, хорошо говорится в стихах самой Ольги Берггольц.

Именно поэтому книгу «Узел» следует несколько перестроить,— чтобы она, вопреки замыслу автора и объективному смыслу его поэзии, не производила впечатления книги, обращенной в прошедший день...»

Летом восемьдесят четвертого года в Доме творчества в поселке Комарово я встретил Владимира Николаевича Орлова. Сорок лет продолжалась наша дружба, он был моим сослуживцем и автором книг, которые я издавал. Как-то, подсев на скамейку к Орлову, я прочел ему рецензию, написанную двадцать лет назад. Владимир Николаевич последние годы сильно хворал, очень плохо видел и был рад беседам, любил, когда ему читали.

Прослушав свою же рецензию, Орлов сказал:

— Слов нет, Берггольц была большим и ярким поэтом, но если бы мне вновь поручили писать рецензию на «Узел», я бы все повторил. Когда Берггольц познакомили с моей рецензией, она позвонила мне и поблагодарила, хотя вначале мы поспорили.

Редактор книги Игорь Кузьмичев, которого я попросил поделиться воспоминаниями о работе над сборником «Узел», сказал:

— Берггольц всегда считалась с аргументированными замечаниями. Но и свои убеждения отстаивала до конца. Не все советы Орлова и мои она приняла. Впрочем, мы понимали, что Берггольц, каждая строчка стихов которой выстрадана, пережита, имела на это право.

В конце шестьдесят пятого года книга вышла в свет.

Помню, как радовалась поэтесса и мы, издатели, когда хлопоты с изданием книги были позади, а газеты «Известия», «Литературная газета», «Литературная Россия», журналы «Новый мир», «Юность» и «Звезда» почти одновременно поместили положительные рецензии на сборник «Узел». Много читательских писем шло тогда в адрес автора и издательства.

В Ленинградском государственном архиве литературы и искусства, где я закончил ознакомление с документами, связанными с изданием книг Ольги Берггольц, в тоненькой папке я обнаружил материалы редакционной работы над рукописью Бориса Корнилова «Стихотворения и поэмы». Прочтение их помогло мне восстановить в памяти события, связанные с этим именем и с изданием этой книги.

В годы моей юности ленинградская комсомолия гордилась тем, что у нас есть свой поэт — Борис Корнилов...

Погиб Корнилов в 1938 году, прожив немногим более тридцати одного года и оставив после себя богатое поэтическое наследие.

Долгие годы по стране кочевала песня «Нас утро встречает прохладой...». Все знали, что музыка Д. Шостаковича, но автор текста оста-

вался известен только писателям старшего поколения, имя Бориса Корнилова было под запретом.

Много сил приложила Ольга Федоровна Берггольц, чтобы восстановить доброе имя Б. П. Корнилова. Она послала документы о посмертной реабилитации Бориса Петровича его матери, Таисии Михайловне Корниловой, которая проживала в городе Семенове, где юношеские годы провел поэт. Вскоре Таисия Михайловна получила и решение о посмертном восстановлении Корнилова в правах члена Союза писателей, принятое 27 июня 1957 года правлением Ленинградской писательской организации.

В начале шестидесятого года Берггольц, заручившись поддержкой Александра Прокофьева, предложила нам переиздать сборник избранных стихотворений и поэм Бориса Корнилова. Многим молодым работникам издательства имя поэта тогда не было знакомо. Последняя его книга «Моя Африка» была издана в 1935 году. Директор отделения, человек крайне осторожный, запросил центральное издательство, откуда получил «добро». Москвичи предложили предварить книгу вступительной статьей. Статью «Продолжение жизни» Ольга Берггольц вскоре написала. Это не было литературоведческой работой, скорее это было размышление о поэзии, о поэте и поэтах ее молодости.

«...Вероятно, не только стихи, но и само имя русского советского поэта Бориса Корнилова,— пишет Берггольц,— будет ново для большинства читателей, особенно юных: Корнилов ушел из литературы двадцать лет назад,

забылись его стихи, поэмы и песни. Впрочем, нет! Одна его песня все эти годы бродила по свету,— она жила, звенела прозрачной, как лесной ручей, мелодией, радовала людей — старых и молодых. Звала их упрямо и весело, строго и легко:

Вставай, не спи, кудрявая,—
В цехах звеня,
Страна встает со славою
Навстречу дня...»

В лирическом вступлении Берггольц рассказывает о первой встрече с поэтом, о его стихах, о комсомольской юности, о влиянии на его творчество Есенина, Маяковского, Багрицкого, Светлова. С грустью говорит о его характере — азартном, озорном, и сумбурном и тут же восхищается его стихами, особым видением жизни.

Перед читателем проходит вся короткая жизнь этого одаренного поэта, так хорошо знакомая Ольге Берггольц. Почти в одно и то же время эти два поэта публиковали свои стихи в газетах, издали свои первые поэтические книжки. Их роднила комсомольская юность и влюбленность в поэзию.

Здесь нет возможности пересказать все, что я прочел в первом наброске этой статьи, но вот что меня поразило там, где рассказ о Корнилове невольно переходит в исповедь самой поэтессы:

«...Да, было много у нас тогда лишнего — был и догматизм, и чрезмерная прямолинейность, и ошибочные увлечения — я не хочу идеализировать даже любимую молодость нашу, но не было одного — равнодушия. И к

стихам своих сверстников и однокашников не были мы равнодушны. Я помню, каким праздником был для нас выход книжки Прокофьева «Улица Красных зорь», «Фартовые года» Саянова...»

Прошло тридцать лет с тех пор, когда эта статья была написана. Рассказ о Корнилове — это по существу и рассказ об Ольге Берггольц, о поэтах того поколения; под этим рассказом могут подписаться и ныне творящие поэты, потому что честное, правдивое кредо поэтов тех лет близко и созвучно поэзии наших дней.

В конце 1960 года книга Корнилова с вступительной статьей Берггольц обрела свое рождение.

...Весной семьдесят четвертого года главный редактор отделения поэт Анатолий Чепуров и я навестили Ольгу Федоровну. Жила она тогда на набережной Черной речки — невдалеке от места дуэли Пушкина.

Встретила она нас полулежа на диване. Чтобы отвлечь ее от разговоров про здоровье, мы сразу завели речь о нашем предложении: издать подарочное иллюстрированное издание стихотворений и поэм. Берггольц обрадовалась нашему предложению и обещала подумать о составе книги. Чепуров поинтересовался, как идет работа над второй книгой «Дневных звезд»... Это была наша последняя встреча с Берггольц... Иллюстрированное издание «Стихи и поэмы» вышло в свет, когда Берггольц уже не было в живых.

В 1983 году том поэм и стихов Ольги Федоровны Берггольц был издан и в Большой серии «Библиотеки поэта».

---- * ----

ГОЛУБАЯ КНИГА

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО

Годы моей учебы в фабзавуче при типографии имени Володарского и были годами, когда я пристрастился к чтению книг. Объяснить это просто: тогда типография входила в книжно-издательское объединение «Лениздат». Помимо газет и журналов там печатались книги русских классиков, детективные романы, рассказы и, хорошо помню, много книг Михаила Зощенко в мягкой обложке.

Особенно мне и моим приятелям полюбились книги этого писателя. Читая их, можно было вдоволь посмеяться. В газетном киоске за гривенник, а то и за пятак можно было приобрести эти книжки.

А еще лучше не тратить из скудной ученической стипендии гривенник, а читать рассказы Зощенко по только что отпечатанным листам тут же в типографии или сложенные листы из брака вынести, спрятав их за пазухой.

Что его книги, написанные языком большого мастера сатиры, имели социальное значение, нам всем было тогда невдомек. Главное, чтобы было смешно.

Смеялись не только мы, зеленая молодежь, но и убеленные сединой наборщики, печатники, переплетчики — словом, все причастные

к изданию книг Зощенко. Смеялись и радовались тому, как перо этого мастера слова зло разило нэпманов, мещан, бюрократов, все отбросы общества.

Издательство «Советский писатель» вправе назвать Михаила Михайловича Зощенко своим автором.

В те годы любое издательство почло бы за честь печатать книги этого писателя. За шесть предвоенных лет в Ленинградском отделении издательства вышли в свет четыре сборника Зощенко.

Самым большим событием было, когда весной тридцать пятого года Михаил Михайлович принес в наше издательство только что законченную им большую рукопись «Голубой книги». В том же году она была издана тиражом двадцать тысяч пятьсот экземпляров, что для того времени было редкостью, тогда тиражи книг составляли пять, максимум десять тысяч экземпляров. Из шестидесяти восьми книг-новинок прозы плана этого года, среди таких известных писателей, как М. Пришвин, С. Сергеев-Ценский, И. Эренбург, только «Голубая книга» Михаила Зощенко была удостоена такого тиража. Не следует забывать, что в те годы издатели испытывали большую нужду в бумаге.

История написания этой книги хорошо прослеживается по переписке между Горьким и Зощенко. В конце тридцатого года Горький посоветовал Михаилу Михайловичу написать «смешную сатирическую книгу — историю человеческой жизни...». Вначале, как признает-

ся Зощенко в письме к Горькому, он с недоверием отнесся к этой теме. «Однако, работая нынче над книгой рассказов (речь идет о «Голубой книге», над которой автор начал работу в 1933 году.— *А. У.*) и желая соединить эти рассказы в одно целое (что мне удалось сделать при помощи истории), я неожиданно наткнулся на ту самую тему, что Вы мне предложили. И тогда, вспомнив Ваши слова, я с уверенностью принялся за работу...»

И далее Зощенко просит у Горького разрешения посвятить ему эту книгу.

В феврале 1936 года Зощенко отправил Алексею Максимовичу экземпляр только что напечатанной «Голубой книги» с дарственной надписью: «...посылаю книгу, которую Вы позволили посвятить Вам...»

Вскоре Горький пишет: «Вчера прочитал я «Голубую книгу»... в этой работе своеобразный талант Ваш обнаружен еще более уверенно, светло, чем в прежних...»

Автор рецензии в «Вечерней Красной газете» на «Голубую книгу» литературовед И. Эвентов рассказал мне, как в марте тридцать шестого года в Доме писателей проходило обсуждение этого нового произведения М. Зощенко. Выступавшие К. Федин, Н. Чуковский, О. Берггольц, В. Каверин и другие говорили о «Голубой книге» как о несомненном успехе писателя. Но самым интересным на этом диспуте был, пожалуй, рассказ Михаила Зощенко о том, как писалась эта книга:

«„Голубая книга" — это поиски жанра... Материал, составляющий книгу, был очень сложный: история и беллетристика. «Голубую книгу» я делал как дом: сперва подвозил ма-

териал, а потом строил. Понадобилось очень много материала. Я завел картотеку с десятью отделами. Читая и обдумывая материал, я заносил его в блокнот, на отдельные листки, а потом распределял их по отделам моей картотеки. Это позволило мне создать стройную книгу...»

Теперь впору рассказать, как протекал издательский процесс выпуска в свет этой книги.

Историю редактуры «Голубой книги» я неожиданно узнал от нашего автора — литературоведа и критика Ефима Добина. В начале декабря 1956 года, когда готовилась к печати его книга «Жизненный материал и художественный сюжет», он зашел в издательство взглянуть на подписную корректуру перед отсылкой ее в типографию. На моем рабочем столе лежал экземпляр только что изданной книги Зощенко «Избранные рассказы и повести», о которой будет рассказано на последующих страницах этого очерка. Ефим Семенович попросил разрешения полистать ее. Мне тогда показалось, что он пытался что-то отыскать на страницах этой книги. И тут, обращаясь ко мне, он стал рассказывать, как в конце весны 1935 года директор Ленинградского отделения «Советского писателя» Зоя Никитина попросила его быть редактором «Голубой книги». Это предложение озадачило его, ведь Зощенко широко известный писатель, автор (к тому времени) сорока пяти книг. Литературный багаж Добина состоял из двух изданных литературоведческих книг. Но из скромности он утаил, что в то время широко печатались его статьи и рецензии, помимо этого он был

членом редколлегии журналов «Резец», «Ленинград», «Литературная учеба». Продолжая свой рассказ, он напомнил, что с Михаилом Михайловичем он тогда уже был знаком. Но от одной мысли, что ему придется высказывать свои замечания по рукописи самому Зощенко, его одолевала робость. Долго он колебался, стоит ли ему браться за эту работу. Видя его сомнения, Зоя Никитина его успокоила, сказав, что Михаил Михайлович согласился поработать с ним над редактурой книги. Унеся из издательства рукопись, которая насчитывала девятьсот страниц машинописного текста, он принялся за чтение. Авторитет Зощенко как великолепного стилиста был настолько бесспорным, что он отказался от редакторской практики делать пометки на полях рукописи, а заносил свои замечания в тетрадочку. На первых порах он так увлекся чтением, что порой забывал свои редакторские обязанности.

На дому у Зощенко состоялась первая встреча редактора и автора.

За давностью лет память утратила подробности этой беседы, из рассказа Добина помню лишь, что, глядя в свою тетрадочку, он сказал тогда Михаилу Михайловичу, что ряд рассказов, ранее напечатанных и переработанных для «Голубой книги», по его мнению, не всегда вписываются в ткань книги и где-то нарушают ритм повествования.

Зощенко внимательно слушал его и, видя, что он волнуется, подбадривал его улыбкой. Он обещал обдумать замечания, попросил оставить рукопись и тетрадку.

Спустя какое-то время Зощенко попросил Добина заглянуть к нему в условленное время.

Несколько небольших рассказов из рукописи он исключил, что-то поправил, с чем-то не согласился. Расстались они дружески.

Третьего декабря корректура «Голубой книги» была подписана в печать, и в канун нового года книга вышла в свет. На последней странице значилась фамилия редактора — Е. С. Добин. Свой рассказ Ефим Семенович завершил тем, что получил от Зощенко экземпляр книги с надписью: «Моему редактору с благодарностью».

Когда я писал этот очерк, мне с трудом удалось отыскать экземпляр «Голубой книги», и вот что меня удивило: оказывается, Михаил Михайлович был хорошим рисовальщиком,— рисунки к пяти шмуцтитулам, концовки к разделам и рисунок на форзаце исполнены самим автором книги, они тематически связаны с содержанием и сделали бы честь любому книжному графику.

Старейший сотрудник нашего Ленинградского отделения издательства, писатель Арсений Островский, к которому я часто обращался, когда писал эту книгу, сказал мне, что выход в свет «Голубой книги» был праздником не только для автора, но и для всего маленького издательского коллектива.

В 1936 году по разделу переизданий была еще раз издана повесть Зощенко «Возвращенная молодость», два года спустя вышла в свет его книга «Избранные повести», а в 1940 году с рисунками известного графика Е. Кибрика вышла книга рассказов «Уважаемые граждане», редактором которой был М. Слонимский.

Вряд ли кому известно, что в начале 1940 года в Ленинградском отделении «Советского

писателя» было задумано издать полное собрание сочинений Михаила Зощенко. Вступительную статью и редактуру первого тома осуществил Михаил Слонимский. Издание первой книги было запланировано на 1941 год. Осуществить это издание помешала война. Судьба рукописи неизвестна. Можно предположить, что она осталась под развалинами разбомбленного в 1941 году здания издательства.

Для Михаила Зощенко Ленинградское отделение издательства было не только местом, где он мог печатать свои книги. Он активно принимал участие в деятельности отделения как член президиума писательской организации Ленинграда.

По просьбе руководства издательства он изыскивал деньги и направлял писателей в творческие командировки. В архиве ЛГАЛИ я знакомился с копиями многих командировочных удостоверений, подписанных М. Зощенко. На два из них я обратил внимание, поскольку имена этих писателей мне хорошо были известны.

Иван Федорович Кратт из дальней поездки привозит материал своих наблюдений, положенных в основу большого романа «Золото», изданного у нас в 1940 году.

Известный писатель Иван Сергеевич Соколов-Микитов из поездки по Азербайджану привозит материал для своей книги «На пробужденной земле».

В те годы на заседаниях редсовета Зощенко принимает участие в рассмотрении рукописей. На обсуждении одной из них — четвертой книги романа М. Козакова «Девять точек» —

он был главным докладчиком. Здесь уместно указать, что Козаков был его близким другом, но для Зощенко литература была святым делом. Обсуждение состоялось в начале 1938 года. Вот что он тогда сказал:

«Четвертая книга романа «Девять точек» для печати пригодна.

Основные недочеты романа:

1) Многословно.

2) По форме хаотично, не стройно, не монолитно. Несомненно, эти дефекты вызваны обширной и трудной темой. Автор не в достаточной мере «оседлал» материал. Материал подан в том беспорядке, который хотя и допустим в литературе, но который не позволяет назвать работу произведением искусства... Но было бы полезно для дела, если б автор произвел некоторые сокращения, следовало бы убрать некоторые длинноты и второстепенные детали...»

В этом кратком выступлении дана объективная оценка романа, и Михаил Эммануилович Козаков, для которого мнение Зощенко было авторитетно, взял рукопись из издательства и больше года работал над ней. Четвертый том романа вышел в 1939 году.

Особо Зощенко тогда беспокоило здоровье Ю. Н. Тынянова. В марте 1940 года Михаил Михайлович обращается во Всесоюзный институт эпидемиологии и микробиологии к профессору Зильберу по поводу лечения рассеянного склероза, которым в ту пору болел Юрий Тынянов.

Всю эту большую общественную работу писатель совмещает с написанием своих книг.

На годы войны сотрудничество Зощенко

с издательством прервалось, Михаил Михайлович отказывался покинуть Ленинград и только после неоднократного настояния Союза писателей был эвакуирован.

Июнь 1946 года. Еще не все писатели были демобилизованы из армии, а в доме номер один по улице Пролеткульта (теперь Малая Садовая) идет первое послевоенное заседание редсовета. Соскучившись по общению, сюда пришли Ольга Берггольц, Александр Прокофьев, Михаил Зощенко, Виссарион Саянов, Николай Никитин, Борис Эйхенбаум, Юрий Герман, Илья Бражнин, Всеволод Воеводин, Сергей Спасский и многие другие.

Члены редсовета знакомятся с проектом плана 1947 года.

Николай Брыкин рассказывает, что отношения с руководством Центрального издательства не сложились, мелочная опека лишает ленинградцев возможности самостоятельно решать судьбу книг, все рукописи запрашиваются Москвой для рецензирования. Зощенко, всегда спокойный, здесь взволнованно говорит, что литературные силы Ленинграда способны сами оценить достоинство рукописей своих товарищей.

На повестке дня этого редсовета обсуждение и новых произведений Михаила Михайловича Зощенко: «Рассказы, фельетоны, театр». Сергей Спасский считает, что ряд рассказов вряд ли следует включать в новую книгу, Виссарион Саянов сомневается в целесообразности включения сценария «Опавшие листья». Зощенко выслушал замечания и тихим голосом настойчиво возражает против какого-либо изъятия. Ольга Берггольц заметила, что не стоит вмеши-

ваться в состав книги такого писателя, как Зощенко.

И показалось мне тогда, что решения на этом редсовете принимались с оглядкой: а что скажут наверху? А «вéрхом» для нас тогда был инструктор обкома партии и цензор, читающий рукописи.

А для меня тогда самым главным был не ход обсуждения книги Зощенко, а то, что рушился образ писателя, возникший у меня в юношеские годы: человека, брызжущего юмором, этакого богатыря, который взял за шиворот мещан, нэпманов, пьяниц, взяточников и трясет их.

А вот что я увидел на самом деле двадцать лет спустя. Передо мной был человек невысокого роста, сухощавый, уже в летах, черные с проседью волосы, гладко зачесанные на пробор, смуглое лицо и удивительно грустные глаза с лучиками морщин. Облик писателя никак не совмещался у меня с его сатирическими книгами.

Но вернемся к редсовету. Книга Зощенко тогда была принята к изданию. Директор, обращаясь ко мне, сказал: «Книгу надо издать еще до конца года».

Не знали и не ведали мы тогда, какая участь ждет Михаила Зощенко. Чуть меньше двух месяцев спустя вышло постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», которое зачеркнуло все сделанное Михаилом Михайловичем в советской литературе. Он был ошельмован и исключен из членов Союза писателей. Так расправились в то время с автором пятидесяти книг, известных не только у нас, но и за рубежом. Никто тогда не принял в расчет,

что в 1939 году за литературную деятельность он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, получив его из рук М. И. Калинина.

Михаил Леонидович Слонимский рассказывал мне позже, что Зощенко еще больше замкнулся, избегал встреч с писателями, даже с близкими друзьями,— увидя их идущих навстречу, переходил на другую сторону улицы.

— Зощенко,— сказал Слонимский,— не таил зла против писателей, которые голосовали за исключение его из Союза, понимая, что́ грозило им в случае, если бы они не подали свой голос.

Просматривая в архиве личное дело Зощенко, я обратил внимание на некоторые строчки из его автобиографии: «В 1915 году закончил ускоренные военные курсы, ушел на фронт в чине прапорщика. На фронте был дважды ранен и отравлен газами...» И далее — в революцию был начальником пулеметной команды Первого образцового полка «Деревенской бедноты», участвовал в боях под Ямбургом и Нарвой... Приметил я и такую запись: «... За годы 1946—1952 занимался переводами, были изданы четыре книги в моих переводах: «За спичками», «Воскресший из мертвых» финского писателя М. Лассилы...» И тут, по-моему, вкралась ошибка, ведь только в нашем издательстве в эти годы в переводах Михаила Михайловича были напечатаны: А. Гаврилюк «Избранное» (1950), Антти Тимонен «От Карелии до Карпат» (1950), М. Цагараев «Повесть о колхозном плотнике Саго» (1952).

Если обратить внимание на годы издания этих книг, становится ясно, что переводы дава-

ли минимальные средства для существования опального писателя. Однако, как это следует из дальнейшего рассказа, переводы были для Зощенко творческой работой, в них он вкладывал весь свой талант. Не все писатели, не говоря уж о читателях, знают, что Зощенко был великолепным мастером перевода. Но чтобы работать даже и над переводами, требовалось разрешение «сверху».

В январе 1956 года редсовет принимает решение об издании рукописи украинского писателя Алексея Полторацкого «Детство Гоголя» в переводе М. Зощенко. Вот что тогда рассказал на редсовете издательства редактор книги Александр Троицкий:

— После того как Михаил Михайлович перевел на русский язык рукопись, она читается с большим интересом. Михаил Михайлович прошел по рукописи золотыми руками, сделал все умно и значительно. После всей работы рукопись представляется большим литературным событием.

Зощенко:

— Я не совсем согласен с Александром Александровичем. Это очень талантливая книга. Я с недоверием взял в руки рукопись. Когда прочитал украинский текст, понял, что это очень значительная книга по материалу и таланту этого человека... Моя роль свелась к ремесленному порядку... Поскольку я украинец, я бережно отнесся к книге, талантливой книге. У автора золотые руки, он великолепно написал.

У кого золотые руки, рассудил Полторацкий в письме, адресованном издательству после выхода книги в свет:

«Меня поражает талант Зощенко как переводчика. Спасибо!..»

В июле 1953 года,— как пишет Зощенко в своей автобиографии,— он вновь принят в Союз писателей. Но на этом беды писателя не закончились, по-прежнему к его произведениям отношение было настороженное. Это хорошо прослеживается по материалам редсовета издательства, который состоялся 15 июля 1952 года.

Запомнилось выступление Даниила Гранина. Это уже был не тот смущающийся молодой человек, который пришел к нам восемь лет назад. На редсовете он был главным докладчиком, помимо нескольких частных замечаний, он весьма нелестно высказался тогда о руководителях издательства, задержавших выпуск книги. Он сказал:

— Мне очень трудно и совестно было писать рецензию и не менее трудно и совестно говорить,— во-первых, потому, что Зощенко слишком большой мастер, и, во-вторых, потому, что можно было в полный голос защищать и говорить об этой книге еще два года тому назад. Жаль, что тогда это не получилось... Я не знаю, когда и кем составлялся и подбирался этот сборник. Думаю, что подбирался он давно, потому что среди произведений Зощенко можно было выбрать вещи более острые, смелые и нужные. Там все подобрано мелковато... Не буду говорить о всем составе, скажу о самом крупном цикле — о Ленине. Очень хорошие рассказы, просто и хорошо написаны. То же самое о цикле «Леля и Минька» — художественно и поэтично сделано для детей... Повести о Керенском и о «Черном принце» — очень интерес-

ные по фактам. Повесть «Возмездие» мне очень понравилась, хорошая вещь. Из всего сборника самое лучшее «Возмездие» и «Двадцать лет спустя» — большой рассказ, великолепный рассказ, напомнил мне каким-то боком «Даму с собачкой»... Многое будет зависеть от составителя, можно и нужно было бы помочь Михаилу Михайловичу в смысле составления сборника, несколько его обострить, *охрабрить*...

Наш старший редактор Александр Троицкий, который занимался этой рукописью, сидел потупив голову, ему стыдно было признаться в возне вокруг этого издания. Не мог же он тогда сказать, что директор отделения Л. Досковский несколько раз возил этот сборник в Смольный и после каждой поездки рукопись усыхала.

И все же он вынужден был признать, что вопрос об издании книги Зощенко стал обсуждаться в издательстве чуть ли не два года назад. Мы вышли с этим вопросом в Союз писателей. В Красной гостиной Дома писателей мы обсуждали и «приговорили» книгу Зощенко издать, но каждый раз находились причины не торопить это издание.

Вера Федоровна Панова с укоризной смотрела на происходящее на этом заседании редсовета. Я заметил, что она сильно нервничает, лицо покрылось красными пятнами. Глаза, обычно добрые, стали злыми. Все почувствовали, что сейчас она воздаст должное каждому, кто причастен к этому постыдному делу.

Обращаясь к Досковскому, она сказала:

— Вы добились, что Гослитиздату приказано издать книгу Зощенко. Сейчас вашему «подвигу» грош цена, хоть сто листов издайте,

хоть плакаты с изображением Зощенко носите по городу — поздно, а вы могли это сделать, могли заработать среди писателей доброе имя, я не говорю о Троицком, над Троицким тоже сидят. Человек принес шестьдесят произведений, выбросили сорок. Из-за того, что отбросили, нет зощенковской классики. Нет «Аристократки» (известный рассказ Зощенко), что бы про нее ни говорили, это литературный фонд, оставляете рассказы, написанные человеком после девяти лет «турканья». Кто-то отобрал более вялые, бледные вещи. Разве это не продолжение того же самого отношения, той же линии? Как можно из шестидесяти выбросить сорок? Это же Зощенко написал, не начинающий мальчик или начинающая девочка!

Ставьте даты, 23-й, 25-й, но покажите читателю Зощенко, объясните, из-за чего загорелся весь сыр-бор, иначе он не поймет и спросит: за что ЦК выносил постановление?

Лихарев (поэт, член редсовета):

— Я был у Корнева (в те годы директор Центрального издательства — *А. У.*), он сказал: «Я Зощенко издам, я был в ЦК партии и получил разрешение...»

Панова:

— Возникло предложение редактором этой книги назначить Макогоненко (известный литературовед, критик — *А. У.*).

За месяц после бурного редсовета Г. Макогоненко и М. Зощенко подготовили рукопись к печати, в нее вошло восемьдесят девять рассказов и повестей писателя.

Двадцать четвертого августа сборник ушел в набор, и доблесть не издателей, а типографских мастеров (которые хорошо знали и люби-

ли сочинения этого писателя), что книга «Избранные рассказы и повести 1923—1956», насчитывающая почти шестьсот страниц, меньше чем через три месяца появилась на прилавках книжных магазинов. Появилась и тут же исчезла.

И даже в последние минуты перед началом печати руководство издательства не решилось печатать эту книгу тиражом более тридцати тысяч экземпляров, хотя в том же году малозначительные произведения печатались семидесятитысячными тиражами и более.

И сейчас, спустя более четверти века, вспоминаю, как в мою комнату входит Зощенко. Он пришел за контрольными экземплярами. Хорошо помню, с каким нетерпением Зощенко вскрыл пачку и стал листать экземпляры книги, как лицо его озарилось улыбкой и радостью. Потом он вытащил из кармана маленький залоснившийся от времени кожаный футляр. «Спасибо»,— сказал Зощенко и протянул футляр мне. Я убрал руки за спину и сказал Михаилу Михайловичу, что у нас не принято принимать подарки от писателей, а самый большой для меня подарок — то, что книга, которую он столь долго ожидал, ему понравилась. Зощенко тихим, глуховатым голосом с усмешкой возразил мне:

— Молодой человек, вы, видимо, еще не знаете традиций. Когда литератор дарит перо, которым он написал многие свои книги, то это не просто подарок — это признательность за доставленную огромную радость.

И еще одна встреча с Михаилом Михайловичем в издательстве весной 1957 года. В комнате директора шло заседание секции прозы

Союза писателей и издательских работников, обсуждался план выпуска книг ленинградских писателей. Здесь Зощенко напомнил:

— Был разговор о моих пьесах,— это не переиздание, так как они не печатались. У меня шесть пьес, из них три успешно шли в театрах, я хотел бы их опубликовать, после некоторой работы, к ним можно добавить десять одноактных пьес. Либо можно было издать другую мою книгу, над которой я давно работаю, сто новелл носят название «Воспоминания». Эти новеллы поделены на разделы, это чисто современные новеллы, книга будет закончена летом...

До «известного» постановления ЦК любой издатель тут же, на месте подписал бы договор с Зощенко на обе книги. Но тогда издатели промолчали...

В конце июля 1958 года Ленинград прощался со своим писателем. Официального соболезнования по поводу смерти Зощенко не последовало. Хоронили его на Сестрорецком кладбище (пригород Ленинграда). Скромный памятник на его могиле всегда в живых цветах — дань почитателей таланта большого писателя.

И как бы чувствуя свою вину, издатели «Советского писателя» торопились воздать должное своему автору, сделать то, в чем так нуждался этот скромный человек в последние годы своей жизни.

В 1959 и 1960 годах издаются у нас его «Избранные рассказы и повести» тиражом триста тысяч экземпляров.

В 1961 году Комиссия по литературному наследию Зощенко, в которую вошли писатели Михаил Слонимский и Николай Никитин, а от издательства Александр Троицкий, в при-

сутствии жены покойного писателя Веры Владимировны Зощенко, просматривая архив, посчитала необходимым издать в ближайшее время не опубликованные в книгах произведения писателя.

Напомним читателю этого очерка, что речь идет о той самой рукописи, которая была принята к печати на заседании редсовета в июне 1946 года, но так и не издана в связи с последовавшим вскоре постановлением.

Все пятьдесят четыре произведения «несостоявшейся» книги лежали в отдельной папке в архиве писателя. Шестнадцать лет потребовалось, чтобы издать рукопись, подготовленную еще при жизни Зощенко.

В 1962 году неизданные «Рассказы, фельетоны, комедии» вышли в свет в нашем издательстве. Книга эта открывается теперь широко известным циклом партизанских рассказов, составляющих более половины страниц этого издания.

И каждый раз, раскрывая кожаный футляр и глядя на ручку синего цвета, со списанным набок пером, я вспоминал ту его единственную книгу, изданную еще при жизни писателя, думал о том, как он ее ждал, как был рад выходу сборника в свет.

Такова печальная история издания книг этого талантливого писателя, незаслуженно попранного в годы Сталина да и в годы застоя.

ЗВЕНЯЩЕЕ СЛОВО

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

Весна сорок шестого года. Вступая в должность начальника производственного отдела, знакомлюсь с делами. На стульях и на моем столе объемистые стопки рукописей московских и ленинградских писателей. Освобождаю уголок стола для работы. Листаю производственный портфель рукописей, принятых к напечатанию. В графе «Состояние» лишь против двух десятков рукописей карандашные пометки «в наборе», «в печати», остальные ждут очереди. Два дня потратил на поездки в типографии, знакомлюсь с людьми, с которыми предстоят долгие годы совместной работы. Никто из них не может сказать, когда будут изданы наши книги, все упирается в отсутствие людей и машин. Договорился о сдаче в набор еще пяти книг, и то без гарантии выпуска в этом году. Весь запас бумаги на наших складах еле достигает сорока тонн, а переплетная ткань вовсе отсутствует.

Удрученный такой нерадостной перспективой, начинаю подумывать, а справлюсь ли я с этой работой? Своими сомнениями поделился с Николаем Александровичем Брыкиным.

— Да, положение тяжкое,— сказал он.— Эти вопросы нам с тобой без помощи Александра Прокофьева не решить.

И тут же по телефону связался с Прокофьевым и договорился о встрече.

Я был наслышан, что первый секретарь Ленинградской писательской организации поэт Александр Прокофьев пользуется большой поддержкой в партийных органах города.

На следующий день мы поехали в Союз писателей. В кабинете Прокофьева людно. Кивнув нам головой, он продолжал что-то горячо обсуждать со своими собеседниками.

Я стал присматриваться, с первого взгляда он мне не приглянулся, только глаза добрые, располагающие, чуть лукавые.

Освободившись, Прокофьев вышел из-за стола, лицо тронула улыбка. Брыкин стал нас знакомить. Теплое крепкое пожатие руки.

«А рука землепашца»,— подумал я.

— Вижу, воевал, в каком звании закончил войну?

— Подполковником.

— Ну вот, видишь, и я подполковник, значит на равных.

— Нет, должность ваша генеральская.

Александр Андреевич усмехнулся, уселся за стол и нас пригласил сесть поближе.

— Давай рассказывай, с чем пожаловал?

Я подробно рассказал о своей поездке по типографиям, о состоянии рукописей в производстве, особо остановился на положении дел в типографии на Красной улице, закрепленной за нами как основная база. Рассказал, что бумаги едва хватит на один-два месяца, переплетной ткани вообще нет, нет белил и марли для шитья книг. Выслушал он внимательно (а слушать он умел, в этом я много раз и позже

убеждался), что-то по ходу рассказа пометил у себя в блокноте.

— Готовьте бумаги для обкома: отдельно о полиграфии, отдельно о бумаге, тканях, марле и белилах. Да в письмах укажите побольше фамилий ленинградских писателей, чьи произведения находятся в производстве.

Поговорили они с Брыкиным о подготовке к редсовету. Закурив очередную папиросу, чуть улыбаясь, Александр Андреевич сказал:

— Отчаиваться не надо, на войне было трудней, да и сейчас у нас с вами другая война, война за книги, за литературу, по которой изголодался наш народ, и эту войну мы с вами должны выиграть. Если у вас вопросы все, то у меня к вам просьба — обратите особое внимание на книги Пановой, Германа и Шефнера, для нас это сейчас важно.

Мы напомнили Прокофьеву, что за ним должок — его рукопись «Избранных стихов». Прощаясь, он вдогонку бросил свое знаменитое: «Будь».

Уходили от него, будто тяжесть свалилась с плеч,— хотя еще ничего не было решено, но появилась убежденность, что Прокофьев обязательно добьется изменения дел к лучшему.

Вскоре заметно увеличился корректурный обмен с типографиями, возросло количество книг в печати. Стало больше и типографской бумаги. На наш текущий счет стали поступать деньги за проданные книги, и авторский гонорар писателям мы стали выплачивать более аккуратно. Но и проблем, ожидавших решения, было предостаточно, и каждый раз мы вновь прибегали к помощи Александра Андреевича.

Но и мы старались порадовать поэта, хотя

возможности наши были невелики, разве побелей дать бумагу, понарядней оформить переплет его книги.

В эту пору мы все поздно задерживались в издательстве, подоспела большая работа по выпуску книг «Библиотеки избранных произведений советской литературы 1917—1947 годов».

Как-то в один из вечеров позвонил Прокофьев.

— Как идут дела, воюем? — услышал я голос Прокофьева.

— Воюем, Александр Андреевич, и на фронте у нас наметились перемены к лучшему. Начали на нас работать «Печатный двор», типография имени Володарского, да и наша основная типография на Красной улице пополнилась машинами, увеличивает выпуск книг.

— Это хорошие новости, выходит, что типографскую проблему мы решили, так ведь?

— Ну, до этого еще далеко,— ответил я.

— На днях занесу рукопись моих избранных стихов, тогда подробно поговорим,— услышал я в ответ...

Александр Прокофьев был для нашего издательства не просто уважаемым автором, известным поэтом. Бессменный член редсовета, член редколлегии «Библиотеки поэта», рецензент, переводчик, составитель. А как часто он помогал нам решать производственные и хозяйственные вопросы.

Пятнадцать лет, как нет Прокофьева, но книги его имеют удивительное долголетие. За двадцать пять лет в нашем отделении вышли пятнадцать поэтических сборников А. Про-

кофьева. Среди них книга «Приглашение к путешествию», удостоенная Ленинской премии.

Том избранных стихов в «Библиотеке поэта», изданный после смерти Прокофьева,— памятник его большому поэтическому таланту.

На одном из заседаний редсовета издательства именно Александр Прокофьев сказал:

— Мы в долгу у писателей, которые безвинно пострадали в годы культа личности. Наш гражданский долг издать книги наших товарищей по перу, которых уже не в живых, но их доброе имя литературе мы обязаны вернуть. Следует также позаботиться и о семьях погибших.

Далее Прокофьев продолжал:

— Для тех писателей, которые вернулись из этого ада, нужно организовать печатание их книг, разумеется, тех, что выдержали проверку временем. Многие из вернувшихся, в силу целого ряда причин, не могут сразу включиться в активный писательский труд, им следует дать деньги под заявки на будущие книги...

Судьбу литературного наследия, личных архивов многих писателей, репрессированных в те годы, установить было трудно, так как родные и близкие разделили их судьбу в лагерях и ссылках. Эту работу взяло тогда на себя издательство. Во многих случаях нам помогали Н. С. Тихонов, В. Н. Орлов и А. А. Прокофьев.

Особую радость доставляло нам, сотрудникам издательства, общение с поэтом, работа над рукописью и корректурой его книг. В каждом издательском работнике, независимо от служебного ранга, он видел равноправного участника литературного процесса.

Всегда чуткий и внимательный, многим из нас в ту пору помог он решить квартирный вопрос, устроить ребенка в ясли или детский садик, установить телефон, и всегда радовался, если его хлопоты увенчались успехом.

После первой встречи были многие годы, месяцы и дни длиной в четверть века, заполненные событиями и суетой издательских дел, многочасовые заседания редсовета в спорах о формировании плана выпуска, о судьбе книг, особенно молодых писателей. Непременным участником этих событий был Александр Прокофьев.

Вот таким запомнился нам этот большой поэт России, человек доброй души и щедрого сердца.

Писательское собрание в ноябре сорок пятого года обсуждает кандидатуру в состав избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР.

Михаил Зощенко: Мы знаем Александра Прокофьева как отличного поэта и отличного гражданина нашей страны, но наша любовь и почитание складываются не за талант, а за ум, характер, волю и доброе сердце... Всеми этими качествами он обладает, и мы можем от доброго сердца назвать это имя...

Старейший советский писатель Николай Никитин: За время Отечественной войны Александр Прокофьев сражался с врагом своими стихами и песнями, как воин с оружием и рабочий у станка. Я не мыслю себе ленинградскую литературу без Прокофьева.

Писатель Николай Григорьев: От руководства партийной организации Союза писателей с удовольствием присоединяюсь к мнению вы-

ступавших товарищей. Николай Николаевич Никитин сказал, что без Прокофьева нельзя представить ленинградскую литературу. Я бы сказал шире: Ленинград нельзя представить без Прокофьева.

Завершить рассказ об отношении писателей к личности Александра Прокофьева позволю себе несколькими строками из книги Федора Абрамова «Чем живем-кормимся».

«...Помню первое собрание без Александра Андреевича. Тот же зал. Те же в основном люди в президиуме. А пусто. Сиротливо. Словно душу вынули из Дома. Александр Андреевич был — личность. Личность крупная, самобытная, неповторимая, самородок, человек, который на все откладывал свой отпечаток...»

Порой мы диву давались, как он мог при такой загруженности делами Союза писателей находить время заниматься издательскими делами, участвовать в заседаниях редсовета,— все это требовало большого физического и нервного напряжения. Для творческой деятельности отводились утренние часы и воскресные дни.

Хорошо запомнился первый послевоенный редсовет — первый редсовет в моей жизни. Вот когда мне удалось увидеть цвет ленинградской литературы тех лет: А. Прокофьев, М. Зощенко, В. Саянов, Н. Никитин, Б. Эйхенбаум, О. Берггольц, Ю. Герман, И. Кратт, М. Слонимский, В. Панова, В. Кетлинская.

На этом редсовете был утвержден план выпуска издания 1946 года — всего двенадцать книг. Сопоставив эту цифру с сорока шестью книгами, изданными в 1941 году, Прокофьев стал говорить о необходимости укрепить пре-

стиж Ленинградского отделения издательства, авторитет редакционного совета.

— Надо быть постоянно в курсе дел — над чем работают писатели, нуждающимся надо оказывать материальную помощь под будущую книгу. Следует вдумчиво подбирать рецензентов. Всю эту работу необходимо сочетать со статусом самостоятельности Лениградского отделения в оценках рукописей, намечаемых к выпуску. Факты, имевшие место в последнее время, когда руководство центрального издательства из семнадцати книг, утвержденных нами к изданию, одиннадцать запросило в Москву для повторного рецензирования, стали известны ленинградским писателям. Надо убедить Ярцева (тогда директор центрального издательства) уважать ленинградский редсовет, надо доказать, что наши литературные силы не слабее московских...

Затем редсовет приступил к обсуждению книг плана 1946 года: Ю. Герман — «У студеного моря», Е. Катерли — «Некрасов», И. Кратт — «Остров Баранова», В. Панова — «Спутники», Е. Федоров — «Демидовы», О. Форш — «Михайловский замок», Е. Шереметьева — «Вступление в жизнь». Обсуждена была также первая в нашем издательстве книга поэта В. Шефнера «Пригород». Все эти книги были прочитаны членами редсовета еще раньше и споров не вызвали.

Прокофьев тогда подчеркнул, что от слаженности работы издательства и редсовета во многом зависит идейная и художественная направленность ленинградской литературы.

— Мы отлично понимаем,— продолжал Прокофьев,— что за время Отечественной вой-

ны и блокады города Ленинградская писательская организация понесла большой урон. Мы обязаны бережно и внимательно относиться к творчеству писателей старшего поколения. Предметом нашей особой заботы должны быть начинающие писатели, разумеется талантливые, мы обязаны помогать им, делиться опытом, проявлять разумную требовательность к их творчеству.

На этом и закончился этот первый послевоенный редсовет.

В июне 1947 года книга Прокофьева «Избранное» была закончена печатью. Выход этой первой книги («Золотой серии», как окрестили ее тогда читатели) мы решили обставить празднично. На одном из июльских заседаний редсовета директор торжественно вручил ее Александру Прокофьеву.

Через год мы так же поздравили и Веру Панову с выходом ее двух книг: «Кружилиха» и «Спутники», изданных в этой серии.

В сорок восьмом году мы издали новую книгу стихов Прокофьева «В краю моем». В течение последующих пяти долгих лет поэт не издает в нашем издательстве своих стихов,— на это были причины, и о них следует рассказать.

В эти годы Александра Андреевича стали прорабатывать в печати за перевод якобы националистического стихотворения «Люби Украину» известного украинского поэта Владимира Сосюры, и, как у нас тогда было принято, вскоре стали порочить и лирические стихи Прокофьева...

В заметке об Ольге Федоровне Берггольц я рассказал, какой горячий и аргументированный отпор дала поэтесса в своем выступлении

на съезде писателей некоторым критикам творчества А. Прокофьева. В той же стенограмме в выступлении писателя Сергея Антонова читаем:

«Такая критика привела к тому, что Прокофьев на некоторое время замолчал...»

А вот что думал по этому поводу сам поэт:

— Бывало, примутся за меня кабинетные критики: это у тебя слишком ярко, это слишком громко. А что я могу поделать, если вся наша советская жизнь видится мне такой праздничной и красочной?...

Упрекают критики всерьез
В том, что много мной посажено берез,
И не только по цветным моим лугам,
А по песням, по частушкам, по стихам...

В начале пятьдесят пятого года Александр Прокофьев принес нам рукопись книги стихов «Заречье». На редсовете редактор этой книги Всеволод Воеводин сказал:

— Замечательная книга, очень яркая и лучший ответ незадачливым критикам, которые упрекали Александра Андреевича, что признаки времени ослабли в его лирике. Вся книжка по тону, по звучанию, по силе ощущения чрезвычайно современна, это действительно голос поэта-патриота.

В разговор вступил Евгений Наумов:

— От издательства мы можем добавить, что мы присоединяемся к тому, о чем говорила Ольга Берггольц на съезде писателей, что Прокофьев — поэт со своим голосом, и было бы неправильно пытаться придать ему не то звучание. И нас радует, что в этом сборнике слышится очень громкий свой голос. Своеобразие поэта

Прокофьева отражено на всем протяжении сборника...

Мы, производственники, как и все, радуясь успеху поэта, в то же время понимали, как важен для автора и издательства скорый выход этого сборника стихов.

Книга была подготовлена к печати немногим более чем за месяц. Этому способствовало то, что наборщики, которые обычно бывают первыми читателями писательских рукописей, любили стихи Прокофьева.

Как сейчас помню мартовский день пятьдесят пятого года, поднимаюсь на третий этаж бывшей Синодальной типографии. Наборный цех меня встречает стрекотом линотипов.

За клавиатурой машин сидят мои старые знакомые девчата, которые пришли сюда, на работу, в первые послевоенные годы, они на рукописях нашего издательства и освоили специальность линотиписта, теперь это опытные мастера. На каждой машине стопка страниц рукописи, идет набор наших книг. Любил я бывать в этом цехе. Здесь на глазах рождалась книга. Слова из рукописи превращались в свинцовые строки, из строк верстальщик складывал страничные полосы, с которых печатались книги.

Обратил я внимание, что в крайнем ряду линотип не работает, а линотипистка (теперь за давностью лет не припомню точно имя, кажется, Галя) держит в руках страницу и читает, лицо озарено, как бывает при большой радости, черные большие глаза, толстая черная коса кокетливо укрыта цветной косынкой, красивое чуть смуглое лицо. Ну прямо красавица.

Я подошел поближе, девушка подняла зардевшееся лицо, а в глазах озорные зайчики:

— Вот сейчас я вам прочту стихи, а вы мне скажете, кто автор.

И она стала мне читать тихим грудным голосом:

Здравствуй, здравствуй, любушка,
Любушка-голубушка!
Здравствуй, зоренька-заря,
Свет, блеснувший за моря,
Здравствуй, небывалая,
Здравствуй, губы алые!
Ой, как ветер ходит, воя,
Позаречной стороной,
Против ветра выйдем двое,
Тяжело идти одной!

Я хотел сказать, что это, вероятно, стихи Прокофьева, но она укоризненно посмотрела на меня и продолжала читать:

И услышал я в ответ:
«Никакого ветра нет,
Нет ни в поле, ни в бору,
Обними, а то умру!
Обними меня до боли,
Так, чтоб смеркнул свет дневной!...»
Вот теперь по нам обоим
Ходит ветер озорной.

Она порывалась еще что-то почитать, а я, подтрунивая, сказал:

— Небось влюблена, поэтому и тянет на такие стихи.

Скрывая свое смущение, моя собеседница, опустив голову, попросила рассказать, каков из себя Прокофьев. Мне ничего не оставалось, как сказать, что он намного старше ее годами,

да и ростом пониже, да и лицом не так красив. Видно, что она была разочарована, полагая, что такие стихи мог написать молодой, статный и красивый поэт.

Видя, что мы так долго беседуем, вокруг нас стали собираться наборщицы, и тут все в один голос сказали:

— Хотите, чтобы мы «молнией» набрали эту книгу? Пусть Прокофьев почитает нам свои стихи.

Вскоре этот разговор я передал Александру Андреевичу и не удержался, сказал, что там у него «дроля» завелась. Несмотря на занятость, Прокофьев приехал в типографию. Медленно мы подымались по крутой лестнице в наборный цех, нас то и дело обгоняли работницы из других цехов, спешившие на встречу с поэтом. Все проходы между наборными кассами были заполнены. Представив Прокофьева, я не преминул сообщить, что сейчас у них готовится к изданию книга его стихов «Заречье». Примостившись в уголочке, я принялся наблюдать, как его слушают.

Читал он тогда особенно душевно, доверительно, и все это скорее походило на беседу добрых друзей. И подумалось мне: вот собрать бы сюда критиков и попросить их рассказать о претензиях к стихам поэта,— уверен, сочувствующих они бы здесь не отыскали.

Долго участники встречи не отпускали Александра Прокофьева, приглашали еще приехать и почитать стихи, я и позже наблюдал, с каким интересом читались стихи этого поэта, так читаемого нашим народом.

Александр Андреевич попросил меня показать типографский процесс выхода книги. Про-

шли мы и мимо линотипа, на котором работала почитательница Прокофьева, но она так глаза и не подняла...

Закончив осмотр типографии, поэт тепло попрощался со своими новыми друзьями.

По дороге в издательство Прокофьев, поворачиваясь ко мне, сказал:

— А ведь они хорошо слушали стихи, надо почаще нашим писателям выезжать в типографии, ведь здесь работают их первые читатели.

Долго потом мы вспоминали эту встречу, а Прокофьев, смеясь, спрашивал, как поживает его «дроля» — давай посватай, а я в ответ грозился Настеньке рассказать (жена поэта), и оба смеялись.

В начале шестидесятого года Александр Андреевич принес нам рукопись сборника «Приглашение к путешествию».

На клапане суперобложки издательство поместило обращение к читателю:

«Приглашение к путешествию» — это не только книги новых стихов талантливого советского поэта Александра Прокофьева. Вчитайтесь в страницы книги — и вы услышите взволнованный голос: поэт настойчиво зовет своего читателя в дорогу, в новые неизведанные края, приглашает разделить радости и тревоги дальнего пути...

Древний Новгород, Финляндия, Урал, Сибирь — вот те места на планете, через которые последние два года пролегли пути Александра Прокофьева. Многое из того, что он увидел и перечувствовал в этих поездках, вошло в стихи...»

Сдавая нам рукопись, Прокофьев не обмол-

вился ни единым словом, что в начале декабря ему исполнится шестьдесят лет. А ведь праздник поэта, напечатавшего у нас много своих книг, это и праздник его издателей.

Надумали мы тогда, что нашим подарком к юбилею поэта будет хорошо изданная книга. Загодя заготовили бумагу для печати, ткань на переплет.

По своему обыкновению, художник Михаил Новиков предложил более десятка эскизов оформления будущей книги, все они были по-своему хороши, а его, как всегда, одолевали сомнения. Вместе с Прокофьевым остановились на одном эскизе — где надписи на переплете, титуле, названия разделов и заглавные буквы к стихам написаны курсивом. Нам казалось, что такое оформление подчеркивает доверительное отношение поэта к своему читателю.

Единственная просьба Прокофьева сводилась к тому, чтобы посвящение книги Николаю Тихонову было помещено на отдельной странице.

Очень сложно выстраивать книгу, которая имеет разделы и шмуцтитулы,— в этом случае они всегда должны начинаться с нечетной полосы, и, если это не получилось, приходилось прибегать к помощи автора. Так, в частности, было и с книгой Прокофьева.

В книге восемь разделов, сколько мы ни «колдовали», не укладывались они на нечетной странице.

Приятно было видеть, как поэт сел рядом с нашим опытным техредом Верой Комм и увлеченно принялся за незнакомую ему работу — техническую редакцию своей собственной книги. Где разбивая стихотворения на строфы,

а где, наоборот, убирая междустрофные пробелы, поработали они несколько часов, пока книга выстроилась, и Александр Андреевич сказал:

— Вот, на старости лет обрел новую профессию техреда. А ведь сколько у вас забот, пока издаете книгу.

В апреле рукопись была готова для набора. Старые типографские знакомые Прокофьева не остались в долгу. За два месяца книга, насчитывающая триста страниц, была готова к печати.

В теплый августовский день мы повезли в Комарово, на дачу поэта еще пахнущий краской и клеем сигнальный экземпляр «Приглашения к путешествию». Книга, одетая в суперобложку, напечатанная на белой плотной бумаге, с шелковой ленточкой-закладкой, имела нарядный вид.

Радость Александра Андреевича и его домочадцев была беспредельна. Они долго листали страницу за страницей, перекладывали ленточку-закладку, разглядывали переплет, супер, портрет автора.

Никто тогда не предполагал, что эта книга будет еще причиной больших радостных событий для автора и для нас, его издателей.

Второго декабря шестидесятого года в редакционной статье газеты «Правда» «Певец родной земли» к шестидесятилетию А. А. Прокофьева было сказано:

«Эта книга о наших днях, о Родине, партии, о думах и чувствах строителей коммунизма».

Венцом большого события в жизни поэта было присуждение двадцать второго апреля шестьдесят первого года Ленинской премии

за книгу «Приглашение к путешествию». Мы, издатели, гордились своим поэтом и чувствовали свою причастность к этому событию.

Почти три года понадобилось поэту для написания близкой по содержанию книги «Стихи с дороги». Как родилась эта книга?

Осенью шестидесятого года, дождавшись выхода в свет книги «Приглашение к путешествию», поэт собирается в длительную поездку по стране. В попутчики он пригласил писателя Владимира Бахтина. Выбор далеко не случаен. Что же их объединяет? Любовь к фольклору во многом способствовала их сближению и дружбе, несмотря на большую разницу в годах.

Бахтин давно начал собирать фольклор. Несколько десятков магнитофонных лент с записями частушек — итог его многолетних поездок по старинным городам и весям нашей страны и за рубеж.

В «Библиотеке поэта» он издал объемистый том «Частушки», куда вошли частушки Приладожья, напетые Прокофьевым. Володя обладал великолепной памятью, мог часами читать частушки, а в Прокофьеве он всегда находил благодарного слушателя. Дважды в нашем издательстве (1959 и 1963) была напечатана книга Бахтина «Александр Прокофьев. Критико-биографический очерк».

Двадцать тысяч километров поездом, пароходом, автомобилем, по дорогам и рекам Урала и Сибири преодолели они.

Почти два месяца в постоянном движении нелегко и для молодого, а Александру Андреевичу тогда было без малого шестьдесят. Меня все время поражала его работоспособность.

— Он был бодр, подвижен и деятелен,— рассказывал мне после поездки В. Бахтин.— Эти дни были до отказа насыщены работой. Как только поезд или пароход приходил в город — Свердловск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск,— время было расписано по часам, только поздние вечерние часы поэт выкраивал, чтобы разобрать наспех сделанные записи, строчки будущих стихов, записанные под свежим впечатлением виденного...

Посещение Уралмаша, строительства Братской ГЭС, Черемховского угольного бассейна, промышленных предприятий, строек, совхозов, Академгородка. Встречи с интересными людьми: учеными, писателями, горновыми, которые плавили металл, шахтерами, добывающими уголь, рыбаками, строителями, сельскими тружениками. По вечерам встречи поэта со своими читателями.

А потом опять в путь, тысяча километров на барке по Ангаре, через знаменитый порог Падун. На пароходе по Байкалу и Енисею, от Минусинска до Дудинки. Знакомство с музеем Ленина в Шушенском, посещение Александровского централа входили в программу поездки. В Туве еще одна, пожалуй, самая интересная встреча поэта с героями его поэмы «Россия» — братьями Шумовыми.

Почти три года потребовалось поэту, чтобы все виденное во время путешествий, в том числе и сказочная природа этих мест, легло яркими строчками в сборник «Стихи с дороги».

Читатель, который сегодня откроет эту книгу, по стихам может определить географию поездки и приметы того времени.

Поляну эту чем украсили?
Не видно флагов и огней!
Высокий столб
«Европа — Азия»
Стоит на ней,
Стоит на ней.

У Бахтина в обширном альбоме с фотографиями Прокофьева я видел снимок, где поэт одной ногой стоит в Европе, другой — в Азии.

«Флаги машут Уралмашу!» — так начинает Александр Андреевич другое стихотворение; или, скажем: «Равниной богатырскою иди, моя страда! В стихи уже сибирские ворвались города».

Михаил Новиков вслед за Прокофьевым на спусковых полосах стихотворений посадил деревья, построил дома и заводы, запустил ввысь ракету, по речной глади пустил буксир с лесом и всю книгу, как и поэт, наполнил синевой. На переплете книги светофор синим огоньком открывает дорогу нашим путешественникам по Сибири и Уралу.

Вот что пишет Александр Андреевич об этой книге в своей автобиографии «О себе»:

«Сборник «Приглашение к путешествию», изданный «Советским писателем», получил высшую награду страны — Ленинскую премию. Вслед за «Приглашением к путешествию» были написаны книги «Стихи с дороги», «Под солнцем и под ливнями». Они объединены одним моим стремлением: прийти к читателю как к своему другу и рассказать ему, что у меня на душе...»

У меня же в память о годах работы над изданием этих книг — теплые автографы поэта.

На одной: «Моему издателю, другу, сердечно», на другой: «Песню сердца... А. Прокофьев».

В этом человеке подкупала особая сердечная, отеческая забота, он был горазд на хорошую шутку, умел гневаться и обижаться. Но и в дружбе был требователен, особенно хорошо я это наблюдал по отношению к двум ему близким поэтам — Николаю Брауну и Анатолию Чепурову. Часто я бывал у него дома или на даче по делам издательства или с корректурой его книги. Всегда меня встречал гостеприимный дом, иной раз не успеешь переступить порог, а уже слышна команда Александра Андреевича:

— Настенька (жена) или Липа (падчерица), надо покормить моего издателя, а то он человек сердитый, задержит мою книгу и вся недолга.

Всегда расспросит о здоровье, о домашних делах. Если дело было летом, обязательно возьмет припасенную палку, проведет мимо посаженных им дубков, не преминет каждый раз о них рассказать и дальше через канаву шагнет в лес. Ловко примнет палкой траву под кустом — а там гриб, и не какой-либо, а боровик. Прогулка в лес затевалась, чтобы гость не уехал в город с пустыми руками.

Не следует думать, что отношения Прокофьева со своими издателями были всегда безоблачными. Спокойный и выдержанный, он мог быть и взрывоопасным, не дай бог попасться в это время под его горячую руку. Справедливости ради следует сказать, что для такой бури должна была быть веская причина.

Сейчас точно не упомню, с какой его книжкой это случилось, кажется, со сборником стихов «Яблоня над морем».

Александр Андреевич пришел в издательство за контрольными экземплярами сборника. Вынул из пачки несколько книг, чтобы со своим автографом подарить сотрудникам, и тут ему попался экземпляр с грубым браком. Для каждого писателя получение первого экземпляра его книги из только что отпечатанного тиража — это праздник, а праздник был испорчен.

Налитый злостью, поэт перешагнул порог моей комнаты, лицо побагровело, нижняя губа отвисла:

— Вот полюбуйся, что сделали с моей книгой твои хваленые полиграфисты.

Я взял из трясущихся рук книгу и понял возмущение автора — блок книги по отношению к переплету был перевернут.

— Я вот позвоню Николаю Ивановичу (тогда председатель Ленсовета Н. Смирнов.— *А. У.*), он там наведет порядок, если вы это сделать не в состоянии.

Издатели давно заметили такую закономерность, что если в тираже имеется бракованный экземпляр, то он по «закону подлости» обязательно попадает автору.

Большого труда мне стоило успокоить поэта. Я объяснил, что переплет книги такого маленького формата осуществляется вручную. Видимо, напарница, которая кистью промазывала форзац, перевернула блок, а переплетчик так и вставил его в крышку «вверх ногами» — это, пожалуй, единственный испорченный экземпляр. Прокофьев поостыл, но злиться явно

продолжал, потому что, уходя, не стал дарить авторский экземпляр.

Только через две недели вручил мне экземпляр этой «злополучной» книги с дружеской надписью. Это означало, что мир был восстановлен. Пожалуй, за четверть века совместной работы и дружбы это был единственный облачный день.

Здесь, пожалуй, будет кстати рассказать, как шла работа над другой книгой Александра Андреевича — «Чудесная тревога».

В стихах этой книги поэт, как всегда, пристально вглядывается в окружающий его мир, полный солнца, красок и песен.

Поэт находит новые точные и емкие слова для изображения не раз им воспетой Ладоги, наших северных лесов, быстрых рек и голубых озер Карелии; с большим чувством, взволнованно и проникновенно, говорит он о городе, носящем имя Ленина, об Октябрьских зорях, о своей сыновьей любви к России.

Когда рукопись была подготовлена для набора, я получил письмо от Прокофьева:

«Дорогой Арон Натанович!

1). Вот сборник. (Имеется в виду рукопись «Чудесная тревога».— *А. У.*). Пожалуйста, выполни мою просьбу в отношении перепечатки некоторых стихов и напечатания оглавления.

2). Добавил еще новый раздел, он не был поэтому учтен художником, это раздел «Память», его надо оформить.

3). Будь здоров и думай о поэзии и обо мне.

16.V.65 г. *А. Прокофьев*»

Поэт в это время был нездоров. Письмо и рукопись принесла его падчерица Олимпиада Васильевна Нестерова, или попросту Липа. Я попросил ее передать Александру Андреевичу, что мы все сделаем в лучшем виде, пусть не волнуется и скорей поправляется.

И все-таки я недоумевал, что заставило его задержать рукопись, вносить исправление в стихи, которые были напечатаны в периодической печати, и к шести разделам книги добавить седьмой — «Память». Письмо и рукопись я показал редактору книги поэту Глебу Пагиреву. Глеб Валентинович внимательно прочел и сказал:

— Надо уважить просьбу Александра Андреевича. Хотя это нарушает план производственного отдела, думаешь, случайно он тебе написал «думай о поэзии и обо мне»? — Взглянув на меня, он добавил: — В новый раздел «Память» вошли лирические стихи поэта о годах дружбы с близкими его сердцу людьми. Ты только взгляни на имена, кому он их посвятил: Максиму Рыльскому, Павлу Васильеву, Борису Корнилову, Александру Фадееву,— это очень известные писатели, все они вошли в историю советской литературы.

Завершает раздел «Память» стихотворение «Сыну». В январе 1960 года Александра Андреевича постигло большое горе — скоропостижно скончался сын Александр. Боль утраты слышна в строках стихотворения:

Как лег зимой, не встал зимой,
Ты не проснулся, мальчик мой!
Земля глуха, земля темна.
В ней наших предков имена,
На них нет плит и нет венков,

Над ними молнии с подков
В пути бросают ближний гром
Над каждым выцветшим бугром,
И стрелы молний в землю бьют,
Салют династиям,
Салют!
Салют династиям России.
Их только смерть могла осилить!

Саня, как называл его отец, был личностью незаурядной,— поэт, переводчик, литературовед, человек по натуре очень скромный, он публиковал свои стихотворения в журналах под псевдонимом Андреев и не решался предложить нашему издательству свою книгу. Сборник стихов «Солнце Ленинграда», изданный у нас в 1961 году, подготовили его друзья Николай Браун и Петр Кобраков.

Помню, словно это было вчера, как за моим столом в издательстве размашистым и не очень разборчивым почерком Александр Прокофьев правит подписную корректуру своей книги «Чудесная тревога». Глядя на обилие правки, я, естественно, стал нервничать. Сильная его рука легла на мое плечо, и с характерным для него придыханием он прочел из этой книги:

У меня работа — трудный труд,
Я беру слова из груды груд,
А потом бросаю их в зенит,
Слышу я — одно из них звенит,
Я его, звенящее, люблю,
Я его на вылете ловлю...

Такое откровение поэта обезоружило меня, и я молча сидел, пока он правил корректуру.

— Не серчай, брат, такая у нас с тобой деликатная профессия.

О сроках выхода книги он, видимо, постеснялся спросить. Протянул руку на прощание и с виноватой улыбкой вышел из комнаты.

Если бы в этих записках я ограничился только рассказом об издании книг, написанных Александром Андреевичем, то рассказ этот был бы неполным.

Особого разговора заслуживает деятельность Александра Андреевича в «Библиотеке поэта», членом редакционной коллегии которой он состоял почти четверть века.

По стенограммам заседаний хорошо прослеживается его активное участие в формировании плана этого уникального издания, и особенно той части, которая касается лучших образцов поэзии народов СССР.

В частности, на одном из заседаний редколлегии в пятьдесят четвертом году он добивается включения в план издания по Большой серии книги стихов и поэм выдающегося украинского писателя XIX века Ивана Франко и по Малой серии — народного поэта Белоруссии Янки Купалы.

В разные годы он осуществляет редактуру поэтических переводов в книгах Т. Шевченко, И. Франко, Я. Купалы, Я. Коласа, «Белорусские поэты (XIX — начало XX в.)». В этих книгах мы встречаемся и с его переводами. Большой вклад Прокофьева в приобщение русского читателя к классическому наследию братских республик неоспорим.

Двадцать одна книга Прокофьева издана в «Советском писателе» за четверть века, о многих из них я рассказал в этих заметках.

За годы работы в издательстве мне и моим товарищам приходилось выпускать прозаические дилогии, трилогии и даже тетралогии, а вот в поэзии такого не упомню.

Впервые в шестьдесят седьмом году вышло в свет иллюстрированное издание поэтической трилогии Прокофьева «Гроздья». Под одним переплетом напечатаны «написанные на едином дыхании, объединенные внутренним сюжетом» циклы стихов из трех ранее изданных у нас книг: «Приглашение к путешествию», «Стихи с дороги» и «Под солнцем и под ливнями». Как и в прежних книгах, поэт ведет доверительный разговор со своими читателями: о революции, о партии, о России, о виденном во время поездок по родной стране и в зарубежные страны; рядом с этими стихами — стихи о любви и радостях жизни.

Эту трилогию, как и другие книги поэта, оформил художник Михаил Новиков. Оформление любой книги дело далеко не простое, а тем более, если это издание иллюстрированное. В тех случаях, когда оформление не вписывается в художественную ткань произведения, оно отторгается, как чужеродное. Новикову была близка лирическая поэзия Прокофьева. Оформляя иллюстрированное издание трилогии «Гроздья», ему удалось этого избежать. Поэт был очень доволен работой художника и назвал его своим соавтором.

Два года спустя Александр Андреевич закончил работу над новой книжкой стихов «Прощание с приморьем». Главный редактор Ленинградского отделения поэт Анатолий Чепуров, близкий друг Прокофьева, вскоре завершил вместе с автором редактуру книги. Над руко-

писью работали художник и наш техред Зоя Игнатова. И тут, как это бывает в нашем издательском деле, не повезло с художественным оформлением, да и у техреда дело не ладилось. А времени осталось в обрез. В январском плане рукопись обозначена для отсылки в типографию. Дождавшись конца новогодних праздников, я позвонил Александру Андреевичу домой с просьбой добавить два стихотворения в разделы книги «Малышам по душам» и «Почти портреты». В ответ услышал:

— После работы над рукописью «Приглашение к путешествию» считаю себя опытным техредом и понимаю вашу просьбу, стихи подберу, а гонорар за них будет компенсация за мою техредовскую работу,— пошутил он и рассмеялся.

Через день с запиской: «Посылаю просимое, прочти» — я получил конверт, в нем были два небольших стихотворения: для малышей была считалка «Дударики — Сударики», а для раздела «Почти портреты» — сатирическое стихотворение «Подхалим», которое он попросил в рукописи поставить по соседству со стихотворением «Тип» — о болтуне. Этих двух «представителей» рода человеческого поэт не жаловал.

Подхалим,
Как налим,
Крутится, вьется,
Крутится, вьется,
В руки не дается!..

В этой книге поэт остается верен своей главной теме.

Семь журналов и газет в своих рецензиях

отметили ее поэтические достоинства. Мне она дорога тем, что на ней последний автограф поэта: «...в знак всего доброго, существующего между нами. 8/IX—69 г. *А. Прокофьев*».

«Бессмертие» — последняя книга гражданской лирики Александра Прокофьева, изданная еще при жизни поэта. В декабре семидесятого года редактор «Бессмертия» Анатолий Чепуров подписал рукопись в набор. Спустя некоторое время нам позвонил Александр Андреевич:

— ...Я до сих пор не видел корректуру «Бессмертия», в разделе «Свет над миром», которым я открываю книгу, лучшие стихи, написанные мною о Ленине. Важно для меня и для вас выпустить этот сборник стихов в начале апреля, к столетию со дня рождения Владимира Ильича.

Автор поздней сдачей этой рукописи поставил нас в довольно трудное положение. Мы предприняли все зависящее от нас, чтобы выпустить книгу в срок. Да была и другая причина, обязывающая нас особо беречь нашего автора в эти дни.

В марте 1970 года Александра Андреевича постигло большое горе — умерла его жена Анастасия Васильевна, Настенька, как обычно ласково звал он ее. Умерла та, чей образ воспет в стихах поэта, не стало первого читателя и критика только что написанных строк.

На Серафимовском кладбище, где хоронили Анастасию Васильевну, я застал Александра Андреевича поникшим и растерянным, стоял он в стороне, отрешенный от всего. Вместе с Настей ушли лучшие годы жизни, годы беззавет-

ной любви и творческого расцвета таланта поэта.

В начале апреля вышла книга «Бессмертие», на обороте обложки фотография: Александр Андреевич за рабочим столом, склонившись над своими записями. Сейчас письменный стол, архив, библиотека — в Пушкинском Доме.

Смерть Настеньки ухудшила и так уже пошатнувшееся здоровье поэта. Несмотря на запрет врачей, он продолжал работу над сборником стихов «Звенья». В августе Александр Прокофьев прислал в издательство заявку, в которой пишет: «...Книга состоит из четырех разделов: «Величальная песня России», «О, Ладога-малина — малинова вода», «Красный платочек», «Голоса друзей». В композиционном отношении книга цельная, все ее звенья спаяны крепко и находятся в прочном взаимодействии друг с другом...»

Вьюжный декабрь семидесятого года. На квартире Прокофьева собрались его друзья — писатели Москвы, Ленинграда, братских республик, пришли представители обкома партии, горисполкома. Все присутствующие горячо поздравили поэта с присвоением звания Героя Социалистического Труда. Много доброго было сказано в адрес Героя. А он разволновался, в глазах слезы. С трудом он стал говорить о годах прожитой жизни, о сыновьей любви к России, которой он посвятил все свои стихи, и как завещание прозвучали слова о долге писателя посвятить свои силы и талант служению Родине. Это была моя последняя встреча с Александром Андреевичем Прокофьевым.

Здоровье с каждым днем ухудшалось, поэт

подолгу не мог работать. Работу над композицией и составом пришлось завершить редактору сборника Анатолию Чепурову. «Звенья» вышли в свет вскоре после смерти Александра Андреевича.

Восемнадцатого сентября семьдесят первого года умер Александр Прокофьев. Умолкло соловьиное горло России. Ушел из жизни поэт, в литературе его стихам обеспечено долголетие.

*

ВЫБОР ЦЕЛИ

ДАНИИЛ ГРАНИН

Работа над «Записками издателя» подходила к концу, а очерк о Данииле Гранине, много раз написанный, меня все не устраивал. Почему? — задавал я себе вопрос. Да, Гранин большой писатель, человек незаурядный, очень талантлив, в своем творчестве во многом неожидан. Он немногословен, не склонен откровенничать, а тем более рассказывать о себе. С ним не сядешь так запросто, не поговоришь по душам о жизни, не поделишься своей болью за отставание полиграфии: у него, как у героя его повести «Странная жизнь», всегда не хватает времени, он все время спешит. Видимо, в этом и причина того, что воспоминания о Гранине мне долго не давались. А ведь встреч с ним за годы издания его книг было немало... Заканчивалась его работа с редактором над рукописью, остальное уже касалось нас, производственников. И тогда Даниил Александрович заходил ко мне. Всегда расстегнутый воротник рубашки, никогда даже в торжественной обстановке не видел на нем галстука. Сядет на краешек кресла, как будто торопится уходить. Склонит набок голову, а из-под нависших густых бровей глаза то строгие, а то и веселые, с особой хитринкой. Участником наших бесед неизменно

был художник Михаил Новиков, который раскладывал на моем большом столе по меньшей мере десяток эскизов оформления будущей книги. В обсуждении переплета книги, формата издания, макета принимал участие и неизменный редактор гранинских книг Игорь Кузьмичев. Сообща отбирали наиболее подходящий эскиз. Гранин больше слушал, а слушать, надо сказать, он умел. Иногда что-то уточнял, с чем-то не соглашался. Его всегда интересовали сроки подачи корректур. Что-то мысленно прикинув, он прощался. Вот так или почти так заканчивались наши встречи. И все же по автографам, которые он оставлял на своих книгах, чувствовалось душевное и доброе расположение писателя к своим издателям.

Но все это было значительно позднее. А в далекие 50-е годы все началось с его рассказа «Вариант второй», объемом чуть больше авторского листа, опубликованного в журнале «Звезда».

Старшим редактором у нас тогда работал писатель Всеволод Петрович Воеводин. Меня с ним, помимо совместной работы, связывало увлечение рыбной ловлей.

Май сорок девятого года был на редкость теплый. Мы уговорились в воскресный день на его даче в Комарово заняться лодкой, проконопатить и покрасить ее.

Всеволода Петровича в этот раз я застал не в саду, где он любил копаться на грядках, а за письменным столом, на котором лежали аккуратно разложенные журнальные и машинописные страницы. Я подумал, что он занят редактурой рукописи. В это время он совмещал работу у нас и в журнале «Звезда».

— Рукопись, которую ты видишь на моем столе,— начал свой рассказ Воеводин,— должна вскоре обсуждаться на нашем редсовете. В этой рукописи две вещи — рассказ «Вариант второй» и повесть «Изгнание мистера Харкера». Рассказ я хорошо знаю, поскольку редактировал его для «Звезды», наверняка могу сказать, что хотя в нем было много наивного, но написан он талантливо, несомненно мы имеем дело с писателем, причем незаурядным. Повесть я еще не закончил читать, но уже ясно, что это интересная вещь. При теперешнем голоде на хорошую прозу книга Гранина очень кстати. Мы с Наумовым беседовали на днях с Граниным и договорились, что он будет сотрудничать с нашим издательством.

После рассказа Всеволода Петровича я отложил свои производственные дела и решил посидеть на редсовете, послушать, что скажут другие его члены. Наступил день 18 мая сорок девятого года. В кабинете у директора А. Дементьев, В. Друзин, В. Кетлинская, Е. Катерли, В. Лифшиц, Е. Наумов, А. Островский, Л. Плоткин (который позже напишет книгу «Даниил Гранин. Очерк творчества»), Л. Рахманов, В. Саянов, В. Воеводин, А. Троицкий и А. Чивилихин. Все собрались, чтобы обсудить первую книгу молодого писателя.

Первой на редсовете выступила Вера Казимировна Кетлинская.

«Мне доставляет удовольствие,— начала Кетлинская,— поделиться впечатлением от только что прочитанной повести Даниила Гранина «Изгнание мистера Харкера». Уже от первого знакомства с его рассказом «Вариант второй», написанным свежо и талантливо, созда-

лось впечатление, что в литературу пришел многообещающий писатель...»

«Изгнание мистера Харкера» — это новаторская вещь, во-первых, потому, что Гранин принес в литературу свою тему, новую, почти никем не затронутую,— тему научного творчества, борьбы с низкопоклонством перед заграницей. Во-вторых, Гранин сам — человек, взращенный социализмом, мыслящий и чувствующий по-новому, людей он видит и раскрывает их суть в работе, в научном поиске, оценивая их моральные качества. В-третьих, в споре со своими заокеанскими коллегами главный герой повести инженер Корсаков одерживает победу, и это убедительно показано автором на страницах рукописи. Рассказав далее о содержании повести, отметив недостатки, Кетлинская категорически возражает против названия «Изгнание мистера Харкера», оно не в традициях советской литературы, а заимствовано на Западе.

Главный редактор «Звезды» В. Друзин поддержал Кетлинскую и, в частности, сказал, что Гранин интересный человек и из него получится значительный писатель, потому что в основе его творчества лежит незаурядный житейский опыт... Далее Валерий Павлович рассказал, что после публикации «Варианта второго» Гранин сдал в журнал обсуждаемую сегодня повесть. После прочтения редакция вернула ему ее на доработку. Вскоре Гранин принес заново переписанную рукопись повести, она свидетельствует о возросшем умении автора работать самостоятельно. Все участвовавшие в этом заседании ратовали за скорейшее издание книги.

Если допустить, что на этом редсовете были бы не писатели, озабоченные судьбой литературы, судьбой молодого автора, а конъюнктурщики и перестраховщики, которых в ту пору было полно,— рукопись была бы отвергнута, тем более что «поводом» для этого мог послужить остросюжетный конфликт повести и совсем не простые нравственные проблемы, поднятые в ней, что, заметим, и произошло после журнальной публикации, когда автора обвинили в преклонении перед Западом,— кто знает, не оборвалась ли бы после этого писательская карьера Гранина. Тем более что в это время он был полон сомнений, не зная, что предпочесть — науку или писательство.

По-разному ведут себя авторы первых книг: одному подавай бумагу как у классиков, другому обязательно тканевый переплет, третьему — рисунки в книге.

Из тех далеких лет память удержала приход зимой сорок девятого года скромно одетого молодого человека, смущенного первым писательским успехом (да не в каком-либо, а во всесоюзном издательстве писателей),— это был автор повести «Победа инженера Корсакова» Даниил Гранин. Что же привело его ко мне? — желание узнать, что дальше требуется от него по этой книге и как скоро можно ожидать ее выхода в свет. И никакой просьбы о бумаге, о переплете. Желая помочь ему преодолеть смущение, я показал оформление книги, сказал, что ему надо вскоре наведаться и прочитать корректуру, а месяца через два-три прийти за получением авторских экземпляров. А главное, продолжать писать для нас.

После выхода из печати этой книги изда-

тельство получило много читательских отзывов. Вот что писал капитан Екимов из города С., где он служил заместителем командира по политчасти: «...Прочитал книгу Д. Гранина «Победа инженера Корсакова» и рассказ «Вариант второй». Книга мне очень понравилась, она знакомит нас с научной лабораторией, с людьми, занятыми разработкой прибора, а главное, учит высокой нравственности советского человека. Я рекомендовал своим бойцам прочитать ее. Жалко, что редактор В. Воеводин и художник И. Серов не позаботились заказать рисунки к этой книге...»

В другом письме студент Московского нефтяного техникума В. Назаров пишет:

«...Мне кажется, что Гранин написал очень хорошую и нужную книгу, не знаю, как автор, но я с искренним волнением читал ее...»

В ЛГАЛИ я обнаружил материалы, касающиеся истории другой изданной у нас повести Гранина — «Ярослав Домбровский». Рукопись этой повести была сдана автором еще в сорок восьмом году. Рецензии на рукопись, за исключением одной (которую я воспроизвожу здесь полностью), были неоднозначны. Вот что писал тогда Михаил Слонимский:

«...Впечатление такое, что автор представил нам не готовую вещь, а первые черновые наброски к будущему произведению. Получится она или нет — зависит от автора...»

Известный тогда писатель Михаил Козаков отмечал:

«...Языковых пороков в рукописи немало. Однако все дефекты повести не могут пересилить ее достоинств».

Всеволод Воеводин высказал свое мнение

по рукописи, в чем-то схожее с мнением Слонимского:

«Мне думается, что книга Д. Гранина — книга интересная, во многом удачная, но далеко не завершенная. Гранин не профессиональный писатель, и ему особенно нужен хороший рабочий совет, опытная редакторская рука и помощь».

А вот письмо профессора, доктора исторических наук Александра Ивановича Молока. Письмо адресовано не издательству, а Вениамину Александровичу Каверину, который тогда, по-видимому, принимал участие в судьбе начинающего писателя:

«Многоуважаемый Вениамин Александрович!

По Вашей просьбе, переданной мне Д. А. Граниным, я прочел его повесть «Ярослав Домбровский». Она доставила мне большое удовольствие; думаю, что ее с большим интересом прочтут читатели «Звезды» или отдельного издания,— а она, по-моему, безусловно заслуживает отдельного издания. Мне кажется, что автору вполне удалось совместить художественное изложение с исторической правдивостью. Повесть написана на основе подлинных документов эпохи (некоторые из них цитируются в тексте). Центральная фигура обрисована очень ярко, с большим тактом и историческим чутьем. Волнующий образ Домбровского, как живой, встает со страниц этой повести. Его жизненный путь поучителен и для нашей, советской молодежи, близок и понятен и нам, современникам гораздо более грандиозной исторической эпохи.

Я дал Д. А. Гранину ряд советов как исто-

рик, сделал ряд критических замечаний. Думаю, что он их учтет. Но они касаются лишь отдельных, частных вопросов.

Повторяю, мне эта повесть очень понравилась. Хочу надеяться, что она понравилась и Вам. Автор счастливо избежал средней модернизации, в которую так часто впадают пишущие о Коммуне, а вместе с тем не принизил ее исторического значения.

6/VI-48 г. С приветом. *А. Молок*»

После такой компетентной рецензии и работы автора над рукописью Григорий Сорокин пишет в редакционном заключении, что повесть о Ярославе Домбровском состоялась и можно приступить к редактуре, с автором следует заключить соглашение...

Вскоре по ложному навету Сорокин был арестован, и исполнявший тогда обязанности главного редактора А. Троицкий посоветовал молодому автору забрать рукопись и переждать некоторое время. Вот почему повесть, над которой столь долго работало наше издательство, впервые вышла в свет в 1951 году в издательстве «Молодая гвардия» и только позднее была выпущена у нас, но об этом разговор впереди.

Я преднамеренно столь подробно остановился на истории издания этих двух различных по тематике книг потому, что это дает возможность проследить за первыми шагами Гранина в литературе.

Они, эти шаги, поучительны еще и вот чем. ...Будучи поддержан честной взыскательностью старших писателей — Веры Казими-

ровны Кетлинской, Михаила Леонидовича Слонимского, Леонида Николаевича Рахманова и Юрия Павловича Германа, который, работая в «Звезде», опубликовал его рассказ «Вариант второй», а также доброжелательством и радушием работников издательства, Гранин, несмотря на все это, не спешил расставаться со своей научной работой.

Для литературных занятий отводились часы, свободные от работы, а времени было мало, потому что в ту пору он писал диссертацию.

Свои повести и рассказы «писал потому, что не мог не писать» — эти слова принадлежат Юрию Герману и всегда служили в его выступлениях на редсовете высшей оценкой таланта писателя.

Есть у Гранина изданная у нас книга «Выбор цели», это название как нельзя лучше определяет период времени, когда он делил свою привязанность между наукой и литературой, не зная, на чем остановить свой выбор. Но лучше всего об этом времени пишет сам Даниил Гранин в этюде «Александр Фадеев. Жить и исполнять свои обязанности».

В этом этюде Гранин рассказывает о своей первой встрече с Александром Фадеевым сразу после закрытия Второго съезда Союза писателей в декабре 1954 года. К этому времени в журнале «Звезда» была закончена публикация первого гранинского романа «Искатели». В течение трех часов разговор с Фадеевым шел главным образом об этом романе.

«...Фадеев спросил, собираюсь ли я перейти на профессиональное положение писателя, то есть оставить свою работу в институте. Это была мучительная для меня проблема. Я боял-

ся оторваться от института, будущее писателя казалось мне неверным, зыбким, да и к тому же я еще не знал, есть ли у меня на это право. В нелегком этом решении во многом помогла твердая уверенность Фадеева. «Пора, пора,— сказал он,— проза не терпит совместительства, она требует круглосуточной работы». Думаю, что это помогло мне уйти из института».

Как же поступает в данной ситуации большинство молодых литераторов?

Не успеет выйти в свет первая книга, как начинающий писатель спешит расстаться с основной работой. Хорошо, если человек очень талантлив, но на моей памяти у многих вторая книга не получалась, или в лучшем случае получалась много слабее первой. И тогда начинается хождение по издательствам, возникают конфликты, а писатель не состоялся, способностей хватило только на одну книгу. Мы порой удивляемся, откуда такой наплыв серой беллетристики. Мне, старому издателю, по душе гранинское строгое отношение к литературе.

Здесь уместно вернуться к уже начатому разговору о повести «Ярослав Домбровский». В конце пятьдесят третьего года, когда издательство готовило к переизданию повесть, Леонид Николаевич Рахманов высказал свои соображения:

«Готовя книгу ко второму изданию, Гранин в значительной степени переработал и дополнил ее, устранил многие из отмеченных недостатков. Автор еще не вполне владеет искусством многозвучия. Почти каждый эпизод книги несет определенную однолинейную функцию.

Кое-где Гранину изменяет чувство стиля, языка, и тогда появляются такие фразы:

«Каждое дело находило у него горячее участие...»

«Кивнула в сторону платка...»

«Их можно было уморить со смеху».

Я хочу, чтобы издательство, автор и члены редсовета правильно меня поняли; не оттого в своем отзыве я говорю больше о недостатках повести Гранина, что недостатков в ней больше, чем достоинств, напротив, эта талантливая повесть уже настолько зарекомендовала себя среди читателей и переиздание ее — дело настолько необходимое, что именно поэтому я счел возможным (и необходимым) подчеркнуть недостатки, не боясь, что мой придирчивый отзыв может испортить судьбу рукописи. Единственно, что я хочу — чтобы автор еще раз так же придирчиво посмотрел свою рукопись перед сдачей ее в производство».

Повесть «Ярослав Домбровский» вышла в свет два года спустя тиражом семьдесят пять тысяч экземпляров. Чтобы довести рукопись этой книги до печати, типографии потребовалось два месяца, сейчас на это уходит более полугода.

Интересна и поучительна история издания у нас романа «Искатели».

В отличие от многих писателей, Гранин не спешил сдать в издательство законченную рукопись.

— Рукопись должна отлежаться,— говорил он,— а я должен на некоторое время отойти от нее, а потом вновь вернуться...

На моей памяти это «отлеживание» гранинских рукописей не раз ставило под угрозу вы-

полнение издательского плана. Так было и с романом «Искатели».

Седьмого октября 1952 года с автором был подписан договор на роман под условным названием «Главный инженер» со сроком сдачи рукописи 3 мая 1953 года. Потом последовали четыре отсрочки, в заявлениях автора они объясняются «необходимостью некоторых изменений в романе», и только в августе пятьдесят четвертого года мы получили рукопись, прочитать ее попросили Леонида Николаевича Рахманова. Сейчас, когда в архиве я познакомился с отзывом, написанным Рахмановым тридцать три года тому назад, мне показалось, что вместо рецензии я читаю рассказ об авторе и его книге.

Рахманов пишет, что его огорчили первые страницы романа, где в описании внешности персонажей много банального и привычно беллетристического. «Вместе с тем с самого начала романа стали отчетливо вырисовываться интересные и значительные конфликты, намечаться характеры... Некоторое время я старательно отмечал у себя в блокноте удавшиеся автору фразы и целые сцены, в противовес явным небрежностям и банальностям. Но скоро я заметил, что удавшееся, хорошее в романе стало решительно оттеснять все огрехи, что литературное мастерство писателя крепнет с каждой главой.

В романе удалось главное. Не прикрашивая и не преувеличивая, избегая широких мазков и громких слов, познакомил нас Гранин с коллективом обычных советских людей, занятых обычной трудовой деятельностью (в данном случае это энергетическая система большого

города), и показал, сколько творческих сил кипит в таком рядовом коллективе, как увлечены люди своим трудом, как страстно борются они за новое в технике, за новое в жизни, за новое в самих себе. Недостатки Лобанова (главного героя романа) как бы являются естественным продолжением его достоинств. К концу романа вырастает и крепнет наша читательская привязанность к Лобанову. Мы теперь не только соучастники, мы уже участники той любви, того доверия, которое он обрел у своих сотрудников...»

Ознакомившись с отзывом, директор отделения Л. Досковский попросил Леонида Николаевича взять на себя редактуру романа. В конце ноября автор и редактор подготовили рукопись к набору...

1955 год. В тематическом плане выпуска литературы, в разделе новинок, роман «Искатели» намечен к выпуску пятнадцатитысячным тиражом, а в разделе переизданий запланирована повесть «Ярослав Домбровский». Мы боялись, что при том бумажном голоде, который испытывало издательство, в Москве две книги одного автора могут не утвердить.

В мае из Москвы приехал директор издательства. Каково же было наше удивление, когда на совещании с издательскими работниками и членами редсовета он сказал:

— Книга Гранина «Искатели» признана лучшей книгой года. Союз писателей принял решение для этой книги сделать исключение: помимо обычного тиража отпечатать ее и по разделу переизданий. Прошу передать Даниилу Александровичу мое поздравление.

Вот так дебютировал Гранин. Не упомню

еще такого случая в издательской практике тех лет, чтобы в одном году планировалось три издания одного автора тиражом сто шестьдесят пять тысяч экземпляров.

Мы, издатели, были рады такому успеху нашего автора и за три месяца подготовили роман «Искатели» к печати.

Книга вышла в свет и сразу стала библиографической редкостью. Наряду с восторженными отзывами шли читательские письма с жалобами, что «Искателей» они не могут купить, а в библиотеке за этой книгой выстроились очереди длиной в два месяца, а то и больше. Восторженные отзывы в прессе и читательские письма побудили нас уже на будущий год планировать переиздание этого романа стопятидесятитысячным тиражом. Мы рассчитывали очень быстро управиться с переизданием, использовав матрицы предыдущего издания.

Когда Даниил Александрович принес нам оригинал рукописи — раскленные страницы изданной у нас книги, на полях было столько исправлений и заново напечатанных на машинке строк, что стало очевидно: матрицы использовать нельзя. Скажу прямо; удовольствия это мне не доставило. Гранин сидел у моего рабочего стола и, видимо догадываясь о моем огорчении, смущенно говорил:

— Иначе поступить я не мог, в готовой книге я усмотрел столько огрехов, что оставить их без исправления нельзя.

— Задали вы нам хлопот,— ответил я, продолжая сердиться.— Книгу придется заново набирать, но уж в следующем издании я вам и запятую не прощу.

Гранин недоуменно посмотрел на меня, ему было неведомо, что в моем столе лежала заявка «Союзкниги» на полтора миллиона экземпляров этой книги. Еще дважды мы возвращались к изданию романа, общий тираж составил пятьсот тысяч экземпляров. Все заявки мы удовлетворить не смогли из-за недостатка бумаги и полиграфической мощности. А письма все шли и шли.

Приведу только одну выдержку из письма доцента Воронежского политехнического института Миловзорова к Гранину: «...Я Вам очень благодарен за Ваши книги, которые во многом воспитали меня (особенно «Искатели», «Иду на грозу»): благодаря им я, по всей вероятности, обрел какую-то уверенность в жизни, науке, не покидавшую меня, как мне кажется, даже в трудных грозовых ситуациях...»

В ноябре 1986 года по телевидению был показан фильм «Искатели», снятый по роману, историю издания которого я здесь рассказал.

Как же было не порадоваться, что роман, написанный более трех десятилетий тому назад, актуален и сейчас, в эпоху обновления нашего общественного строя...

После издания романа Даниил Александрович стал уже не только нашим автором, но и нашим сотрудником. Я не оговорился — в ту пору он принимал активное участие в делах издательства. Откройте первую страницу сборника «Молодой Ленинград» за 1955 год,— в числе писателей, которые принимали участие в его создании, вы найдете и Гранина, который в ту пору помогал редактировать отдел прозы. Какое-то время он вел занятия с молодыми

прозаиками в литературном объединении. Неохотно, но в сложных случаях рецензировал спорные рукописи. Помогал талантливым молодым писателям издать их книги. Помню, как в течение нескольких лет тянулась история с изданием книги Валентина Тублина «Испанский триумф», и только вмешательство Гранина, его обстоятельная рецензия положили конец колебаниям редакции, и книга вышла в свет.

В 1957 году вслед за журнальной публикацией нового романа Гранина «После свадьбы» в печати появились весьма разноречивые оценки произведения, порой даже скептические. Редсовет и наша редакция по-иному оценили роман, считая его шагом вперед в творчестве писателя. Мы тогда рассчитывали издать его в 1958 году. В архиве я решил взглянуть на рукопись романа, подготовленную автором для нас. Журнальные страницы оригинала чередуются с машинописным текстом, на полях рукописи множество поправок, почему-то выполненных автором красными чернилами (по правилам набора это не допускается), следы корректорской правки, разметка рукописи для набора техническим редактором В. Г. Комм. Подписи на титульном листе редакторов В. Воеводина и Н. Ходзы свидетельствовали об окончании редактуры и готовности рукописи к набору. Наборщики типографии оставили следы своей работы в виде отпечатков пальцев в правом углу рукописи со следами типографской краски.

Как-то мы заспорили с Даниилом Александровичем об организаторской роли издательства, и тогда в подтверждение своей мысли

я забыл привести пример из наших же отношений с ним. С запозданием делаю это сейчас.

В феврале 1962 года директор отделения Николай Луговцов и главный редактор Борис Лихарев, которые внимательно следили за журнальными публикациями, обратились с письмом к Гранину:

«Ваши очерки о Кубе будут изданы быстро и в срок, конечно, в текущем 62-м году. Об этом с Москвой мы полностью договорились.

Просим принять наше предложение об издании этой книги в издательстве «Советский писатель», подписать с издательством договор и обозначить в нем срок сдачи рукописи.

Вы, Даниил Александрович, наш старинный автор, и мы надеемся, что Ваше расположение к издательству останется неизменным.

О Вашем согласии просим сообщить срочно потому, что должны об этом информировать Москву до 10-го февраля...»

В июне Гранин сдал нам рукопись очерков «Неожиданное утро» и только тогда подписал договор. В этом же году, как и было обещано, книга вышла в свет, мы успели даже одеть книгу в суперобложку, а внутри текста поместить перьевые рисунки художника Г. Ковенчука.

Гранин, как обычно, не сообщил нам, что им закончен новый роман «Иду на грозу». Только по публикациям в журнале «Знамя» в 1962 году наша редакция смогла ознакомиться с новым произведением. В том, что эту книгу писатель будет издавать у нас, мы не сомневались. Нас тогда беспокоил вопрос, когда мы получим рукопись, сколь долго роман будет лежать на столе у автора?..

Исподволь мы стали готовить оформление

книги. Должен здесь заметить, что роман заслуживал лучшего оформления, и только трехцветная суперобложка как-то скрасила неудачу художника.

Год спустя после журнальной публикации Даниил Александрович принес нам рукопись, а до этого мы прочли в «Огоньке» оценку этого произведения, которую дал член правления издательства известный критик Александр Макаров: «...Роман этот написан с гражданской страстностью, одна из значительных книг этого года...»

С подобной оценкой вы уже встречались на страницах этих записок по поводу романа «Искатели». А в рецензии для нас Александр Николаевич писал: «...Конечно же, это самая увлекательная книга, какую приходилось читать за последнее время. Написана замечательно, умно, талантливо, даже как-то празднично. Вероятно, автор писал ее с аппетитом...»

Когда писались эти мои воспоминания, я был еще под впечатлением недавнего вторичного прочтения романа, и тогда подумал: почему я, в какой-то мере причастный к изданию книг этого автора, не имею права на, пусть и запоздалый, читательский отзыв. Я разыскал странички моих записей, которые вел по ходу чтения романа, и вот что я прочел:

«Два долгих дня, с увлечением, уже во второй раз читаю роман «Иду на грозу». Пытаюсь выделить главное, подчеркнуть, заложить закладки, а получается, что каждая страница главная, каждая страница несет психологическую нагрузку, развивает сюжет, без этой страницы нет романа.

Два долгих дня я пробыл в мире ученых-

физиков, жил их судьбами, исканиями, страстями, противоречиями, огорчениями, неудачами и победами. Следил за противоборством, борьбой с подлостью... И вот какие мысли меня одолевали. Роман, написанный почти четверть века тому назад, глубиной поднятых проблем, где человеческий фактор имеет решающее значение, очень актуален и сегодня, во время обновления нашей жизни. Зайдем и сегодня в любой научно-исследовательский институт, и мы наверняка встретимся с героями гранинского романа, с подобными проблемами и, может быть, в чем-то схожими ситуациями. В этом, мне кажется, сила гранинского таланта — в том, что книга эта не дань времени, а глубоко проблемна».

Вот с запозданием в четверть века я и ответил на обращение издательства к читателям, помещенное на последней страничке книги с просьбой прислать свои отзывы.

А теперь впору взглянуть на страницу книги, идущую вслед за оглавлением, она расскажет нам о коллективе работников, которые трудились тогда над ее изданием: после окончания редактуры Игорь Кузьмичев подписывает рукопись в набор, вслед за ним корректор А. Рабинова осуществляет вычитку, а уж только потом технический редактор Зоя Игнатова размечает формат наборной полосы, шрифты, и 22 декабря 1962 года рукопись романа уходит в набор. Нельзя не сказать и о полиграфистах типографии № 5, которые уже были знакомы с гранинскими книгами. Их можно заподозрить в желании поскорей воспользоваться правом внеочередного получения книги. Чем же другим можно объяснить, что книга, насчи-

тывающая четыреста сорок страниц, была подготовлена к печати за два месяца.

В апреле 1963 года сто тысяч экземпляров книги поступили в продажу. Через год роман был переиздан нами двухсоттысячным тиражом. Замечу, что в плане этого года только еще одна книга имела такой тираж. Дважды после этого мы возвращались к переизданию этого романа, общий тираж издания его составил шестьсот пятьдесят тысяч экземпляров, и это была только третья часть заказов книжной торговли. На издание такого количества экземпляров книги при бумажном голоде мы израсходовали чуть меньше трехсот тонн бумаги, что для того времени составляло значительную часть наших фондов.

Хочу здесь сказать, что Даниил Александрович никогда не обращался с просьбой о переиздании своих книг, за него этот вопрос решало издательство и многочисленные письма читателей...

Хотя Гранин и принес в литературу свою тему, тему научного творчества, но есть у нашего автора книги другого плана, к ним относится удивительная книга очерков «Примечание к путеводителю». В упоминавшейся книге Л. Плоткина мы встречаемся с размышлением Даниила Александровича об очерковом жанре:

«О! Это очень трудный жанр. Путевые очерки — это сложно и тонко, как стихи. Главное состоит в том, что документы, факт стал явлением искусства...»

А вот что пишет в редакционном заключении редактор этой книги И. Кузьмичев:

«Непосредственным поводом для создания

этой книги лирической прозы послужили недавние путешествия автора в Австралию, ГДР, Англию. Однако перед нами не просто путевые очерки, а сложное переплетение воспоминаний, публицистики, литературных портретов, лирических раздумий, т. е. такое художественное единство, где главную роль играет личность писателя с учетом его биографии...»

Художнику как нельзя лучше удалось оформление этой далеко не простой книги. На трехцветной суперобложке приметы стран, которые посетил автор. Три цикла очерков сопровождаются полустраничными иллюстрациями, удачно вписавшимися в художественную ткань книги.

В плане выпуска по резерву мы оставили место для этой обещанной автором книги. Заканчивался год, а рукопись еще у Гранина на столе. Мы давно уже привыкли к «сюрпризам» писателя. Наконец в конце сентября рукопись поступила в издательство. Помню вопрос, с которым ко мне обратился редактор Игорь Кузьмичев.

— Удастся ли еще в этом году издать «Примечание к путеводителю»?

— Вам бы следовало вовремя «нажать» на своего автора,— ответил я,— теперь давайте сообща думать, как решить эту задачу, времени осталось мало.

И тогда мы решили, что первый экземпляр рукописи мы дадим корректорам на вычитку, над вторым будет работать Кузьмичев, и за пять дней надо успеть свести воедино редакторскую и корректорскую правку и после работы техреда Маргариты Ульяновой отправить книгу в набор. Весь издательский и типо-

графский процесс до подписания в печать занял два месяца. Шестого декабря книга была подписана в печать. Предстояло за оставшиеся до конца года дни выправить набор, напечатать тридцать тысяч экземпляров книги, сфальцевать, сшить блоки, изготовить крышки. Помню бессонную ночь за два дня до окончания года, когда мне и моим сотрудникам, чтобы выполнить годовой план, пришлось помогать завертывать готовую книгу в суперобложку.

Бывают у издателя не только будни — хотя редко, но и праздники. За два дня до Нового года зашел ко мне улыбающийся Даниил Александрович. Такую улыбку он обыкновенно дарил своим читателям с портретов книг, которые мы печатали. В руках у него была пахнувшая типографским клеем и краской книга «Примечание к путеводителю». За моим столом он написал автограф: «Эту первую книгу — первый экземпляр — сердечно с благодарностью. 30 декабря 67 года. *Д. Гранин*».

Ниже он приписал: «Последняя книга года». Для меня это был самый дорогой новогодний подарок.

Так завершилась история этого издания.

В настоящих записках я часто упоминаю о проблемах, которые мы испытывали во время изданий книг Гранина, когда автор с трудом расставался с рукописью. Но справедливости ради следует рассказать о единственном случае, когда Даниил Александрович опередил время.

Новую рукопись «Выбор цели», которая планировалась (разумеется, не без ведома автора) на 1976 год, писатель принес нам в мае

семьдесят пятого года. О чем эта книга, лаконично сказано в аннотации, помещенной на обороте титульной страницы:

«Три новые повести Д. А. Гранина составляют книгу «Выбор цели». Повесть «Эта странная жизнь» ставит проблему времени на примере жизни А. А. Любищева. «Однофамилец» рассказывает о призвании, о сложности отношения к таланту, о высших ценностях человеческой жизни. Физики гитлеровской Германии, США, Советского Союза в работе над атомной бомбой — герои повести „Выбор цели“».

В пору своего писательского возмужания Гранин проявлял особый интерес к художественному оформлению своих книг, предпочитая чисто графическое, шрифтовое решение. Но помню, что, когда готовилась к печати книга «Выбор цели», по просьбе Даниила Александровича на переплете книги и перед каждой повестью мы поместили и отпечатали цветной краской рисунки незаслуженно забытого известного графика Александра Михайловича Родченко, и это, прямо скажу, было хорошее дополнение к умной и талантливой книге.

Не успели машины «Союзкниги» вывезти из типографии тираж готового издания, как в нашей почте появились первые отзывы читателей. Приведу лишь некоторые.

Мария Николаевна Лебедева из города Йошкар-Ола в своем пространном письме пишет:

«...На высокую гору восходит писатель, когда берет перо в руки. Далеко ему видно, намного дальше, чем нам, простым смертным.

И как хочется, чтобы сложность жизни (за изображение этой сложности — искреннее спасибо!) не гасила свет идеалов...»

Упоминавшийся нами Валерий Миловзоров из Воронежа так начинает свое письмо:

«Двухсерийное повествование (поставленное по одноименной повести «Однофамилец») заостряет проблему: кто может стать ученым и кому положено быть ученым. По моему мнению, вторая сторона этой проблемы, отражаемая в фильме, поставлена во всем своем драматизме в законченном виде впервые. Великолепно название «Однофамилец», оно предельно лаконично и широко по содержанию, в нем слышится обращение к людям — не терять свое лицо...»

А вот очень интересное, хотя и совсем другого плана, письмо учительницы старших классов города Вольска Анны Яковлевны Теплищевой.

«...«Эта странная жизнь» — о Любищеве. Я прочитала, и у меня словно выросли крылья, столько интересного и полезного я узнала и для себя, и для моих ребят. Мы прочитали ее вместе и приняли решение в новой, 3-й, четверти жить по-любищевски. Нас сейчас это захватило полностью. А я подумала, что Вы можете оказать нам помощь, поднять в нас наш творческий дух, ведь о Вас мои ребята говорят, затаив дыхание, Вы для них, да и для меня, личность совершенно необыкновенная. Пришлите нам, пожалуйста, свои книги, нам негде их взять, а ужасно хочется прочитать, если можно, то с памятной надписью, они займут самое почетное место в кружке Любищева...»

В ответ на посланную Граниным книгу Анна Яковлевна пишет:

«Какой это был праздник для меня. Внутри все пело. Забуду даже, почему так хорошо и легко, задумаюсь, а потом сразу ясно — книга... И даже все получалось у меня в этот день без всякого напряжения...»

И далее автор письма приглашает писателя посетить город Вольск на Волге, где, как она утверждает, живут чудесные люди.

Не знаю, по каким причинам один-единственный раз Даниил Александрович изменил своей привязанности к нашему издательству, напечатав новую повесть «Клавдия Вилор» не у нас. Но на долю наших производственников выпало самое трудное: нам предстояло переиздать ее массовым тиражом.

За книгу «Клавдия Вилор» Гранину была присуждена Государственная премия СССР. По установленному порядку нашему издательству полагалось издать эту книгу в «Библиотеке произведений, удостоенных Государственной премии». Мы долго думали над тем, как книгу объемом в четыре авторских листа, да при тираже двести тысяч экземпляров, выпустить в тканевом переплете с тиснением лауреатского знака, как это было принято в данной серии.

Уменьшив формат, построив наборную полосу с уменьшенным количеством строк, раздобыв более плотную бумагу, мы добились того, что обработку блока этой книги и вставку в переплетную крышку можно было осуществить на машинном оборудовании, что существенно ускорило выход книги в свет.

Вспоминается и такое: когда я поднялся

в линотипный цех, где набиралась эта книга, лица у линотиписток были суровые, у некоторых в глазах застыли слезы.

Хотя эти девчата были не из того поколения, что героиня книги Клавдия Вилор, прошедшая испытания войны, муки плена, сумевшая выстоять и сохранить в трагических обстоятельствах чувство достоинства,— они были горды тем, что на этот раз, в отличие от других военных повестей и романов, которые они прежде набирали на клавиатуре своих линотипов, героем повести была русская женщина.

Осенью сорок пятого года штаб нашей Шестой армии вместе с воинскими соединениями следовал из Германии на территорию нашей страны. Путь наш лежал через маленькие и большие города Польши, Западной Украины, Белоруссии в район Воронежа. Города и памятники культуры лежали в развалинах.

У каждого человека есть на географической карте место своей родины, отчего дома, где он родился, провел свое детство. Проезжая по дорогам Белоруссии, я находился в пяти километрах от города Быхова — моей родины, где в оккупации оставались мать, отец и два маленьких племянника. Мост через реку Днепр был взорван. Переправившись на пароме, я въехал в город. Центр города был в развалинах. А ведь именно центр — замок на крепостном валу, церковь, костел, гимназия, а внизу, у склона крепостного вала за луговой поймой, тихо несущий свои воды Днепр, где босоногим мальчишкой я ловил на муху

пескарей, уклейку и плотву, что было немалым подспорьем в голодные года,— и был лицом и душой маленького города, история которого началась еще в XIV веке. Все это исчезло, как и дом моего детства. Сохранившиеся ветхие постройки не представляли собою город. Отец, мать и племянники были расстреляны фашистами в первые дни оккупации. Так я навсегда расстался с городом своего детства.

Все книги Гранина я обычно читал в верстке. Роман же «Картина» прочитал в рукописи. Ее в декабре семьдесят девятого года мне вручил сам автор. Я был тогда крайне смущен — ведь я не критик и не редактор, а производственник. Гранин же не сказал, почему он ко мне обращается, а только попросил срочно прочитать.

Через несколько дней он мне позвонил. Я сказал, что роман мне очень понравился, что это одно из лучших его произведений. Но по реакции Гранина я понял, что мои восторги ему не интересны. Ему важно другое. Что именно? Все, что имеет отношение к деятельности хозяйственной службы города. Это достоверно, подтвердил я, и написано со знанием дела. Гранин сказал: «Вот это — то, что я хотел от вас услышать, спасибо, принесите рукопись в издательство, а я за ней забегу».

Чтобы объяснить, почему свой рассказ об издании «Картины» я начал с города моего детства, позволю себе коротко изложить сюжет этой книги.

Мэр города Лыково, будучи в командировке, посетил Московскую художественную выставку. У одной картины он надолго задер-

жался. Что же привлекло его внимание? Несомненно, на ней изображен город его детства Лыково.

Вот дом Кислых с его причудливой архитектурой, а вот и Жмуркина заводь, где в детские годы вместе со своими сверстниками он подолгу купался и играл. Это место и было центром города, с ним связана его история, уходящая в глубь веков.

И вот это заповедное место, которое олицетворяет душу города, областное начальство отвело под строительство завода вычислительных машин.

Лосев и общественность города ведут борьбу за сохранение этой части города в первозданном виде. Борьба успешно завершается.

В доме Кислых музей истории города. В центре висит та самая картина. Жмуркина заводь плавно несет свои воды. Плата за это — вынужденный уход Лосева с поста мэра города.

Все это вызвало у меня воспоминания о городе моего детства и порушенной немцами его красоте.

Роман «Картина» был издан нами в 1980 году. Часто в выступлениях Гранина в печати он сетует на длинные сроки издания книг. Этот роман, не объявленный ни в одном плане, был подготовлен к печати издательством и типографией ровно за полтора месяца.

Здесь нет возможности познакомить со всеми отзывами читателей, приведу лишь некоторые.

Воробьева из города Витебска пишет:

«Уважаемый товарищ Гранин!

Отработав сама почти 10 лет председателем горисполкома областного центра, с первых страниц чтения Вашего романа «Картина» мне стало ясно, что Ваш герой будет бороться за Жмуркину заводь, но меня интересовали пути, по которым вы его поведете, и, главное, чем Вы окончите роман, т. е. какова будет судьба главного героя? Читала я Ваш роман с карандашом и бумагой, искала, где и в чем Вы допустите ошибку, в описании обстоятельств, действиях, поведении героя, а короче, где Вы будете, извините, сами как автор искать компромисс со своей совестью, но я не нашла этого, а на бумагу выписала Вами тонко подмеченные, истинные черты стиля и методов нашей работы.

Так может написать только человек, сам поработавший в этой должности.

Какой Вы наблюдательный!

Поразительно тонко все подмечено!

Некоторые читатели считают, что Вы выдвигаете только идею бережного отношения к памятникам старины. Нет, наряду с этим у Вас прослеживается другая нить. Наши недостатки и острая необходимость улучшения методов и стиля нашей работы. У каждого города, у каждого председателя есть своя «Жмуркина заводь», и даже часто это и не памятник старины, а насущные проблемы, перспективы развития города, и если председатель не ищет компромисса со своей совестью, конец его деятельности однозначен, в наилучшем случае — группа инвалидности, уход с работы. Смотрела я фильм о работе председателя горисполкома «Прошу слова» (по-моему, так он

называется), не понравился! А вот Ваше произведение — спасибо Вам, дорогой, милый человек, за его правдивость!

Искренне почитающая Вас *Воробьева*
26/XI-82 г.»

А вот выдержка из отзыва Пригожина Евгения Ильича из города Сланцы:

«Об одной из сюжетных линий романа — защите красоты сказано немало, в то время как главное в нем, на мой взгляд, совсем иное. Впервые мы встречаемся с реальной, написанной с Полным Знанием Дела картиной работы отличного руководителя-организатора. Явление в художественной литературе, скажем прямо, уникальное, и это не случайно. В. труде такого работника окружающие, как в айсберге, видят лишь надводную часть.

Председатель исполкома, умный, энергичный, честный, талантливый, Лосев живет одним стремлением — сделать все возможное для своего города, его жителей...

Читатель понимает, что «Шапка Мономаха» честного, умного, энергичного руководителя очень нелегка...»

В. Гридасова из Ворошиловграда:

«Я не знаю другого такого же многопланового произведения в нашей (советской) литературе, как «Картина», тем более на современном материале (не одержимость ли тут? — а я ищу у Вас мудрости). «Картина» будоражит мысль и совесть. Ответов нет. Но сколько вопросов! В этом, безусловно, ценность и успех «Картины» (совсем по Чехову — художник ставит вопросы)... И спасибо Вам от

всей души, что живете неуспокоенно, что не даете успокоиться другим».

Нравственная сила романа настолько велика, что она вызвала читательские конференции с участием мэров городов.

Четвертого декабря 1985 года по первой программе телевидения был начат показ трехсерийного фильма по роману «Картина». Как же я был обрадован, когда в качестве заставки была показана наша книга!

Когда мы обсуждали оформление этой книги, мы не знали, что выносим ее на суд не только читателей, но и миллионов телезрителей.

Мои записи об истории издания гранинских книг подошли к концу, остается лишь рассказать о «Блокадной книге», издательское и полиграфическое исполнение которой мне представляется едва ли не самой трудной из решаемых когда-либо нами задач.

Первая часть книги, написанная Алексеем Адамовичем и Даниилом Граниным, по не зависящим от Ленинградского отделения причинам была издана нашим издательством в Москве.

В конце 70-х годов вышел журнальный вариант «Блокадной книги».

Кому как не ленинградцам печатать эту книгу отдельным изданием? Но не так просто складывались тогда дела. Первому секретарю Ленинградского обкома партии Г. В. Романову «Блокадная книга» не понравилась, он считал, что написана она в темных, безысходных тонах, мало подвигов, слишком много страданий, улицы города в описании авторов имеют неприглядный вид. Хотя главный подвиг ле-

нинградцев в том и состоял, что город в нечеловеческих, невыносимых условиях жесточайшего голода, холода, непрерывного артиллерийского обстрела, бомбежек все же жил, работал для фронта, выстоял и победил.

Адамович и Гранин решают печатать книгу в Москве. В 1979 году первая ее часть вышла в центральном издательстве «Советский писатель». Зная мнение первого секретаря обкома, ни одна ленинградская газета, ни один журнал не рискнули поместить отзыв на это издание.

Но газета «Московский комсомолец» печатает обстоятельную рецензию Юрия Казакова, а в журнале «Дружба народов» поместил свою блестящую статью о книге Виктор Конецкий.

Единственное, что удалось сделать Ленинградскому отделению издательства, это в 1982 году приложить максимум усилий, чтобы эта святая для ленинградцев книга была достойно издана уже в Ленинграде двухсоттысячным тиражом.

Разве эта история — не позорная страница произвола и некомпетентного руководства литературой в те годы?

Задача, которую поставили художники-оформители при подготовке этого издания, выходила за рамки обычной иллюстрированной книги. Они пытались графическими средствами с привлечением большого количества документальных фотоснимков воссоздать картину блокадного Ленинграда, дополняющую авторский текст.

Дело это было не из простых. Сто тридцать снимков, напечатанных в книге, должны были поведать о всех сторонах трагической и вместе с тем героической жизни ленинградцев в блоки-

рованном городе. Как это удалось, пусть судят читатели. Осуществление этого замысла потребовало от художников большого творческого и физического напряжения. Поиск иллюстративного материала тех далеких лет был делом далеко не легким. Переснимались материалы из Госкинофотоархива, Музея истории Ленинграда, из личных архивов авторов, из семейных архивов ленинградцев. Сверяясь с авторским текстом, художники, вооружившись фотокамерами, спешили по следам авторов книги заснять памятные места, недостающие детали.

Когда встал вопрос, где печатать эту сложную для полиграфического исполнения книгу, в Москве было решено: «Издание «Блокадной книги» — это святой долг ленинградцев».

Генеральный директор Ленинградского производственно-технического объединения «Печатный Двор» Ф. В. Ли и начальник производственного отдела В. И. Дурнов оспаривали право печатнодворцев на издание этой книги по современной технологии, которая тогда там осваивалась.

Весть о приезде в типографию одного из авторов «Блокадной книги» Даниила Гранина собрала на встречу с ним в красном уголке не только молодежь, но и участников блокады.

Свой рассказ Гранин начал с того, что в начале 1975 года он обратился по радио с просьбой к людям, пережившим блокаду, поделиться воспоминаниями, помочь создать эту книгу, нужную не только ныне живущим, но и их потомкам. На квартиру автора последовали звонки, приглашения посетить многие дома.

А в апреле Алесь Адамович и Даниил Гра-

нин начали делать записи на магнитофонную ленту.

Люди рассказывали о том, как рыли окопы, устанавливали заграждения, работали в холодных цехах фабрик и заводов, ремонтировали танки, изготовляли снаряды, мины, патроны, а были это в большинстве своем женщины и подростки.

О своих личных переживаниях рассказывали неохотно, уступая настойчивым просьбам авторов,— непросто было вновь будоражить память, пережить в воспоминаниях голод, холод, обстрелы и бомбежки, смерть близких.

Гранин подчеркнул, что в блокаду спасались те, кто спасал других. Записей было много, они и составили сто девяносто семь страниц первой части книги. Вторая часть выстроилась главным образом по трем дневникам людей разных возрастов и разных судеб.

«После сбора всего материала,— рассказывал Гранин,— началась долгая и трудная писательская работа. Следовало заново и не один раз прослушать сотни метров магнитофонной ленты, отобрать главное, сцементировать записи с авторскими размышлениями, выстроить книгу».

Символичной в этой встрече писателя с полиграфистами была одна деталь. На сцене висела большая фотография, запечатлевшая следы разрушения Ленинградской книжной базы, где в блокаду погибли книги писателей, изданные в нашем издательстве.

В своем выступлении Гранин сурово критиковал полиграфистов. Он сетовал на длинные сроки выхода книг, на большое количество ошибок в текстах, на испорченное собрание

сочинений А. Блока, на страницах которого в конце строк отсутствуют знаки препинания, на низкое качество полиграфического исполнения изданий.

А в издательстве тем временем технические редакторы Р. Соколова и Л. Полякова заканчивали подготовку к набору «Блокадной книги».

После получения из типографии корректуры издательские работники вместе с Даниилом Александровичем вновь просмотрели страницы будущей книги, внесли исправления. 4 октября 1982 года книга была подписана в печать.

В выполнении этого ответственного заказа были задействованы многие цеха, участки, много людей. Не все поначалу шло гладко. Первые офсетные пробы были нами забракованы. Шел поиск новой технологии, переделка форм, пересъемка фотосюжетов. Наконец появилась первая тетрадь книги, утвержденная нами как эталон. Не могу здесь не отметить высокое мастерство печатника на офсетной машине Тарабухина.

Об объеме выполненной работы можно судить по количеству завезенного издательством материала — это сто шестьдесят тонн офсетной бумаги, десятки тонн картона, тысячи метров переплетной ткани.

Настал день, когда один из авторов «Блокадной книги» Даниил Гранин подписал сигнальный экземпляр этой, самой, на мой взгляд, главной книги издательства за послевоенные годы.

Когда я прочел в плане Дома писателей о предстоящей встрече Даниила Гранина со староруссцами, я недоумевал: почему со старо-

руссцами и почему тема предстоящего разговора — история создания повести «Обратный билет» и романа «Картина»?

Красная гостиная в Доме писателей в этот февральский день 1986 года с трудом вместила всех гостей. Я заблаговременно занял место в первом ряду. До начала встречи ко мне подсел Гранин; он был удивлен, увидя меня здесь.

— Что вас привело сюда?

Я ответил:

— Хочу присмотреться к вам со стороны...

Тридцать пять лет прошло со дня первого знакомства, но как мало я о нем знаю, я убедился на этой встрече.

Гражданская ответственность за все происходящее в сферах науки, промышленности, экологии, охраны памятников культуры, в литературе и в судьбах маленьких городов России — все это прозвучало во вступительном слове Гранина. Оно было резким по содержанию, и в нем была боль от сопричастности к негативным явлениям жизни.

Из вступительного слова Глеба Алехина, из речи Гранина я понял, что детство писателя проходило в Новгородчине, на Псковщине и в Старой Руссе. Детский приметливый глаз постигал там извечные законы природы, красоту лесов, озер, речек, где он мальчишкой барахтался в воде, научился плавать, а плавание в бурной жизни ему предстояло суровое. Не оттуда ли, из далекого детства, идет его беспокойство за судьбы малых городов?

По вопросам староруссцев, по их выступлениям, скажем, о судьбе музея Достоевского, я понял, что они знают о моем писателе значительно больше, чем я, причастный к изданию

почти всех его книг. Скажу честно, удовольствия это мне не доставило. И тогда я решил задать Даниилу Александровичу вопрос, который приоткрыл бы мне уголок его творческой лаборатории. Решился я на это в расчете, что на миру ему будет неудобно промолчать.

А вопрос этот прозвучал так:

— Я знаком с письмом к вам бывшего мэра областного города Воробьевой по поводу романа «Картина». Она в письме даже подозревает, что вы работали в этой должности, знаете тонкости, трудности и заботы руководителя небольшого города. Согласитесь с тем, что эта работа очень специфична. И писать о ней трудно. Откуда же у вас такая осведомленность?

Вот что ответил Гранин:

— Я люблю маленькие города России, неравнодушен к их судьбам. Я — за сохранение их особенностей, пейзажа, исторических памятников. Ведь наша страна это не только Москва, Ленинград и другие крупные города. Подавляющее большинство городов с преобладающим количеством населения — это все-таки города маленькие. Я давно знаком с мэрами таких городков. Со многими сдружился и от них услышал о проблемах, возникающих на их трудном пути. Все это легло в основу романа «Картина»...

Когда после этой встречи я взял в библиотеке книгу «Обратный билет», долго не мог простить себе, что ранее не прочел эту биографическую повесть. Мне стал понятен интерес старорусcцев к своему земляку. Читая эту книгу, я вместе с писателем как бы совершил путешествие в места его детства, теперь, спустя много лет не узнаваемые им. В Старой Руссе после

оккупации осталось четыре дома (в том числе дом Достоевского). В этой повести из размышлений автора о годах детства и юности как-то вновь для меня высветилась щедрость его души, человеческая доброта. Он больше не казался мне сухим и скрытным. От этой юности сохранилась у писателя любовь к старому городу, из этой юности он пришел к роману «Картина».

Здесь я должен попросить извинения за отступление в хронологии и вернуться к майским дням 1983 года. Я не первый раз в квартире Гранина. Просторный рабочий кабинет, стеллажи с книгами. Большой стол, за которым писались книги. В гостиной старенький стол, за которым Гранин готовил уроки, учась в школе, большой шкаф, забитый читательскими письмами и рецензиями. Мне показалось, что этим большим хозяйством ведает жена писателя Римма Михайловна. Пока мы с ней беседовали, Даниил Александрович, видимо, работал над очередной книгой. А вот и он.

Я рассказал ему, что, освободившись от издательских дел, задумал написать свои воспоминания о писателях, с которыми общался почти сорок лет. Зачитал ему несколько набросков, он высказал свои замечания, дал ряд советов.

Он рассказал мне, как в первый раз, тридцать три года тому назад, принес в наше издательство свою повесть «Победа инженера Корсакова», как был окружен теплотой и сердечностью. Вспоминал, как ныне покойный старший редактор Александр Троицкий, будучи намного старше его,— человек умный, тактичный и обладающий хорошим литературным вку-

сом,— на дому у Гранина редактировал его раннюю книгу.

— На первых порах,— сказал писатель,— мне очень помогли замечания корректоров и советы Всеволода Воеводина и Евгения Наумова. Обстановка тогда в издательстве отличалась искренним радушием, приветливостью и отсутствием «учрежденческого» подхода.

Я спросил Гранина, перечитывает ли он свои книги,— последовал ответ:

— Только при подготовке собрания сочинений. Я на ваш вопрос ответил бы еще так — у меня сейчас к своей работе не те требования, которые соответственно были тогда, когда писал, мои требования к себе растут больше моих возможностей.

Мой следующий вопрос звучал так:

— Что вы за тридцать три года с момента выхода вашей первой книги дали издательству и читателю — ясно, ну а что вам дало издательство?

— У меня есть свое издательство, а это чрезвычайно важно для писателя. Сознание того, что я приду в это издательство, где люди, работающие там, покоряют меня своим радушием, торопят меня, интересуются. Здесь я свой. В других же издательствах я автор, приходящий со стороны.

Зашел у нас тогда спор об организаторской роли издательства в литературном процессе, и здесь выявились наши расхождения.

Гранин считает, что издательство сильно не своей организаторской ролью, а добросовестным, внимательным и радушным отношением к писателю.

— Даниил Александрович, объясните мне,

почему, если мне память не изменяет, вы неохотно шли на заключение договоров и делали это, как правило, при сдаче готовой рукописи?

— Действительно, я не подписывал договоры, несмотря на испытываемые порой материальные затруднения. Я чувствовал себя во время работы свободным от издательства, в финансовых вопросах надо мной не висели сроки, обусловленные договором.

Под конец нашей встречи Гранин очень тепло отозвался о работе редакторов, в частности об Игоре Кузьмичеве, который был редактором большинства его книг. Говорил о Михаиле Новикове, вспоминал, как за моим столом в спорах решались вопросы оформления его книг.

— Ну а если вы все-таки настаиваете, чтобы я сказал об организационной стороне деятельности издательства, то в качестве примера я мог бы привести инициативу издательства в выпуске однотомников ленинградских писателей.

Поинтересовавшись, о ком я пишу, он посоветовал обязательно написать о встречах с покойным очень талантливым поэтом Всеволодом Александровичем Рождественским.

Мне осталось только извиниться, что оторвал его от рабочего стола.

Настало время подвести итоги. За тридцать три года я принимал участие в издании двадцати одной книги Гранина тиражом более двух с половиной миллионов экземпляров. А сколько еще напишет этот большой художник!

Я с грустью открываю титульный лист «Блокадной книги» с автографом писателя:

«Все мои книги, начиная от первой («Победа инженера Корсакова») и до этой блокадной,

прошли через Ваши руки, тридцать три года моей литературной жизни — Вы были моим главным издателем. Благодарить за это невозможно, помнить об этом я буду всегда.

Д. Гранин».

Ради такой оценки стоило прожить нелегкую издательскую жизнь — в трудностях, треволнениях и радостях, связанных с появлением в свет талантливых книг.

* * *

ПУТЕВОЙ ПОРТРЕТ С МОРСКИМ ПЕЙЗАЖЕМ

ВИКТОР КОНЕЦКИЙ

Весной пятьдесят пятого года в отделение издательства пришел юноша. Был он невысокого роста, щуплый, с рыжей шевелюрой и такими же рыжими веснушками. В уголке рта с каким-то особым шиком зажата дымящаяся папироса. Одет в повидавший виды китель и такого же цвета расклешенные брюки. Глядя на его походку, я подумал, что он играет в затянувшуюся с детства игру в бывалого моряка, а длинный коридор издательства для него палуба корабля. Невдомек мне было тогда, что на литературную палубу вступил очень одаренный молодой человек, имя которого вскоре будет называться в числе известных писателей; не знал я и о том, что уже тогда вся его жизнь и творчество связаны с морем.

Летом восемьдесят четвертого года я забежал на огонек к Виктору Конецкому. Пока он заканчивал править корректуру, я оглядывал его жилье. Все стены были увешаны нарисованными им небольшими картинами — натюрморты, гигантские ледники, морские пейзажи. Глядя на них, начинаешь думать, что в своих картинах он продолжает разговор, начатый в книгах.

Но вот Виктор отложил свою работу и стал

рассказывать. В объединение молодых прозаиков при «Советском писателе» его привел однокашник по военному училищу Валентин Пикуль, причем Пикуль ходил с гордо поднятой головой: в его активе был уже изданный роман «Океанский патруль».

— А вообще,— улыбаясь, рассказывал Конецкий,— нашу неразлучную троицу — Пикуля, Курочкина и меня — окрестили именами трех мушкетеров. Кто из нас был Атосом, Портосом и Арамисом, мы так толком и не узнали.

Не только по четвергам, когда проходили занятия, но и в другие дни эта троица подолгу беседовала на литературные темы с нашим старшим редактором Александром Троицким и редактором альманаха «Молодой Ленинград» Маргаритой Довлатовой. Заходили и другие участники объединения, приносили свои первые стихи или рассказы, редакторская комната превращалась в литературный клуб, душой которого была Довлатова. То и дело отсюда раздавался заразительный смех, звучали шутки неутомимого Виктора Курочкина.

Вспоминаю, кстати, каким ярким примером злобной, несправедливой критики тех лет явилась статья А. Елкина «Очень странный экипаж», опубликованная в «Литературной газете» по поводу публикации в восьмом номере журнала «Молодая гвардия» повести В. Курочкина «На войне как на войне». И как только автор статьи не изощрялся, называя эту повесть «сборником солдатских анекдотов». Появилась и в «Известиях» критическая рецензия Н. Шамоты. Казалось, обложили со всех сторон автора в какой-то степени автобиографической по-

вести. И только доказательная статья Сергея Воронина в «Комсомольской правде» утихомирила слишком ретивых критиков.

Финал этой истории описан в третьем томе собрания сочинений Воронина. Привожу его здесь:

«Когда я пришел в издательство «Советский писатель», то меня ожидал сюрприз. Старейший работник издательства А. Н. Узилевский пожал мне руку и сказал: „Спасибо, Сергей, за статью о Курочкине. Мы уже готовы были разбирать набор его книги. Теперь все в порядке“».

В 1970 году повесть «На войне как на войне» вышла в свет. Как сейчас помню радостное с лукавинкой лицо писателя, человека легко ранимого и житейски неприспособленного.

Виктор Конецкий не миновал той процедуры, которая предшествовала приему в объединение молодых прозаиков. Каждый молодой был обязан прочесть вслух свой рассказ. Затем следовало коллективное обсуждение, а уж потом голосование о приеме. Конецкий прочитал свой первый или один из первых рассказов «Капитан» и был принят.

Маргарита Довлатова как-то рассказала мне, что, прочитав анкету Конецкого, была крайне удивлена, что этот молодой человек уже бывалый моряк, окончил высшее военно-морское училище, был офицером, после демобилизации плавал на судах морского флота.

Но вернемся к рассказу Виктора. Он поведал мне об огромном значении в его писательской судьбе уроков Леонида Николаевича Рахманова — тогда тот руководил объединением

молодых прозаиков,— о нелицеприятных выступлениях товарищей по поводу его первого рассказа, о своей дружбе с Пикулем и Курочкиным. Когда Конецкий стал рассказывать о Викторе Курочкине, о его таланте писательском и человеческом, глаза его увлажнились: видно, скорбь о безвременной смерти друга не утихала, это мне стало особенно понятно, когда я прочел в книге «Третий лишний» шестьдесят великолепно написанных страниц, посвященных памяти Виктора Курочкина.

В Леониде Рахманове Конецкого поражала «широкая палитра литературного вкуса», объективное восприятие прозы начинающих писателей.

— Доставалось нам от него за надуманность и красивости.

Немного призадумавшись, видимо припоминая, Виктор продолжил свой рассказ:

— На одно из занятий он пригласил Константина Паустовского, бывали на занятиях Юрий Герман и Вера Панова. Как-то Леонид Николаевич объявил конкурс на лучший рассказ, который следовало написать в течение трех часов на заданные темы: первая — «Пуговица», вторая — «Первая любовь». По истечении времени рассказы были зачитаны. После бурного обсуждения было признано, что первое и второе места поделили я и Виктор Голявкин...

Помнится,— продолжает Конецкий,— как на одном занятии Леонид Николаевич ругал меня за рассказ «Потерянное счастье»,— а я так рассчитывал, что этот мой первый рассказ будет опубликован в альманахе «Молодой Ленинград»...

В Ленинградском государственном архиве литературы и искусства в материалах, имеющих отношение к работе молодого объединения прозаиков, нахожу отзыв Леонида Николаевича на этот рассказ:

«Рассказ написан талантливой рукой, но работать над ним нужно серьезно. У читателя возникает несколько решений этой темы. Автор должен доказать единственно правильное решение».

Спустя несколько месяцев при обсуждении на редсовете состава второго номера альманаха «Молодой Ленинград» Рахманов говорит, что из четырех рассказов молодого одаренного автора В. Конецкого следует напечатать рассказы «Сквозняк» (о старости и молодости, о заразительной силе жизни) и «В море», сюжет которого довольно традиционен (спасение людей с тонущего судна), но написан рассказ убедительно и нуждается лишь в небольшой правке: например, слишком литературно-эффектны некоторые фразы старпома.

Летом пятьдесят шестого года альманах «Молодой Ленинград» с рассказами Виктора Конецкого вышел в свет, это время и есть начало его литературной деятельности.

Ноябрь пятьдесят седьмого года. Всероссийский семинар молодых прозаиков в Ленинграде. К открытию семинара мы выпустили в свет сборник «Молодой Ленинград», первые книги Евгении Васютиной, Ричи Достян, Вадима Беляева, Эмиля Офина, Надежды Верховской, Ильи Фонякова и книгу рассказов Виктора Конецкого «Сквозняк». На этом же семинаре Михаил Светлов рекомендует Конецкого в члены Союза писателей.

Рецензируя рукописи молодых, Юрий Герман утверждал, что молодой и, конечно, одаренный автор пишет, потому что «не может не писать» — так он сказал, когда познакомился с первой книгой Виктора Конецкого «Сквозняк», так он писал в рецензиях на книги В. Шефнера «Неведомый друг» и С. Антонова «По дорогам идут машины». Редактором первой книги Конецкого была Маргарита Довлатова. В разговоре, да и в своих книгах Виктор Конецкий очень тепло говорит о ее роли в становлении писательских судеб молодых, о ее умении помочь, подбодрить в трудное время.

После выхода книги «Сквозняк» с интервалом в два-три года выходят у нас следующие книги Конецкого: «Камни под водой», «Завтрашние заботы», «Над белым перекрестком», «Кто смотрит на облака», «Среди мифов и рифов», «Морские сны», «За доброй надеждой», «Сегодняшние заботы», «Третий лишний», «Путевые портреты с морским пейзажем».

Сейчас, когда правда жизни становится нормой партийной и государственной деятельности, особенно вспоминается работа моих друзей редакторов над рукописями Виктора Конецкого.

В своих книгах Виктор Викторович никогда не искал легкого пути, не вступал в компромисс с собственной совестью. Когда писал о недостатках, то писал только правду, какой бы она ни была горькой. Писал резко, а порой и зло.

Более десятка книг Виктора Конецкого вышло в нашем издательстве, но не припомню случая, чтобы по каждой из них не было вме-

шательства цензуры,— от нас требовали разрешения Министерства Морского флота, исключения отдельных эпизодов из корректуры. Доставалось нам тогда от Конецкого. Но неприятности для нас, издателей книг Конецкого, этим не кончались...

В 1983 году наше издательство напечатало его повесть «Третий лишний». Помимо повести, в книге публиковались литературные портреты, в частности воспоминания о Викторе Шкловском, с которым Конецкого связывала нежная дружба.

Когда книга была уже отпечатана, а восемь тысяч экземпляров были полностью готовы, последовал запрет на ее выпуск в свет. Кому-то не понравился рассказ Шкловского о Лиле Брик и ее взаимоотношениях с Маяковским. Пришлось перепечатывать весь тираж.

Вот тогда мы выслушали от Конецкого такие «эпитеты», что я и сейчас не рискнул бы их повторить.

Проходило время, этот по сути своей добрый и здравый человек остывал, и работа над книгой продолжалась, хотя при случае он не отказывал себе в удовольствии упрекнуть нас.

Издатель не лишен чувства привязанности к своему писателю, он ревнив, он бывает обижен и сердит, когда автор не отвечает взаимностью и следующую книгу уносит в другое издательство.

С Виктором Конецким, несмотря на все сложности с изданием его книг, у нас за многие годы сложились добрые отношения, и я бы сказал больше — отношения взаимной симпатии, о чем свидетельствует его письмо:

«Первая моя книга вышла в Вашем изда-

тельстве и две следующие книги — тоже. Мне дорога та связь, которая была у меня с издательством длительные годы, еще со времен моего членства в литобъединении. И мне хотелось бы свою новую книгу, которую я пока считаю самым серьезным своим произведением, опубликовать в Ленинграде и именно у Вас».

Речь здесь идет о романе «Кто смотрит на облака», изданном у нас в шестьдесят седьмом году.

Не знаю, кого из издателей такое письмо оставило бы равнодушным, тем более что написано оно писателем, далеко не щедрым на добрые слова.

В ЛГАЛИ начальница отдела Адия Константиновна Бонитенко провела меня по залам хранилища, где поддерживается постоянная температура и влажность. В особых коробках хранятся рукописи изданных книг, авторов многих из них уже давно нет в живых. Их рукописи доступны исследователям.

Мы разговорились, Адия Константиновна оказалась большой поклонницей таланта Виктора Конецкого, а я был издателем почти всех его книг. Эта экскурсия надоумила меня ознакомиться с некоторыми хранящимися здесь рукописями.

Вот рукопись второй книги Конецкого — «Камни под водой». О чем она может поведать спустя четверть века? Оказывается, о многом! Ну прежде всего о том, что первоначально автор назвал свою рукопись «В пути к причалу». О том, что двенадцатого сентября пятьдесят восьмого года эту рукопись читала Вера Федоровна Панова и написала хорошую рецензию.

Вот только некоторые выдержки из нее: «Большинство рассказов, которые Конецкий включил в свою книгу, свидетельствуют о том, что Конецкий — сложившийся писатель, со своим отношением к жизни, своими героями — волевыми, сильными, смелыми». Заметим, что это было сказано спустя два года после первой публикации молодого автора. «Лучшими рассказами считаю,— продолжает Панова,— «По сибирской дороге», „Снег тает на земле“» (в книге этот рассказ об А. Чехове вышел под названием «Две осени».— *А. У.*).

Говоря о рассказах «По сибирской дороге» и «Две осени», Вера Федоровна подчеркивает, что в первом случае это размышления шофера, работающего на строительстве Братской ГЭС, во время одного из долгих и трудных рейсов. Пафос труда передан автором без громких слов, в будничных проявлениях. Рассказ «Две осени» — об Антоне Павловиче Чехове,— по мнению Пановой, написан Конецким с любовью и уважением к великому писателю.

В заключение В. Панова не рекомендует включать в эту книгу рассказы «Возле моря» и «После дождя»; в оглавлении рукописи я этих рассказов не обнаружил. Обратил я внимание на даты написания, помещенные в конце каждого рассказа, которые говорят о долгой и скрупулезной работе автора; так, написание рассказа «Наш кок Вася» обозначено 1956—1957 годами, «Две осени», рассказ в девятнадцать страниц, был написан в 1958—1959 годах.

На титульном листе рукописи надпись: «В набор. В. Конецкий. 16 мая 1959 года». Тут же: «В набор. Главный редактор И. Абрамен-

ко» и надпись: «В набор. Редактор И. Кузьмичев».

Мы привыкли к частым и длительным отлучкам Виктора Конецкого, после которых он появлялся в издательстве в хорошем настроении, с обветренным лицом, пахнущий морем. Сдаст рукопись, познакомится с рецензией (отрицательных отзывов на его книги я не помню), поработает с редактором, если позволяло время — дождется корректуры и опять уходит надолго в море.

В производственном отделе издательства мы вынуждены были приспособиться к специфике писателя — профессионального моряка. Каждый раз мы знали график его очередного выхода в море и соответственно торопили корректуру в типографии и в корректорской.

О своих походах Конецкий рассказывал скупо, о них мы узнавали, только прочтя корректуру или книгу.

Совершенно неожиданно к нам попала карта его морских походов. Произошло это при следующих обстоятельствах: издали его трилогию путевой прозы «За доброй надеждой», автор попросил нас на форзацах напечатать карту, на которой пунктирной линией обозначены моря и океаны, города, порты, острова и причалы, к которым в свое время держал путь на разных судах писатель и моряк Виктор Викторович Конецкий. Технически это было сложно, но книга получилась необычной.

И сейчас, когда я пишу эти строки, вновь прочитываю дарственную надпись на этой книге:

«С нежной благодарностью за доброе отношение. Виктор Конецкий».

Не знаю, кто кого должен благодарить. Я только издатель этой книги. Но как велик труд писателя и моряка, который обогнул нашу планету с севера на юг, побывал в Арктике. Он плавал в водах Карского и Баренцева моря. Побывал в Игарке и Салехарде, в Мурманске, Архангельске и Петрозаводске. Ходил из Лондона через Кильский канал в Норвежское море, в Атлантику. Побывал на Канарских островах, в Триполи, в Касабланке, в Дакаре, посетил остров Святой Елены, Монтевидео, Мыс Доброй Надежды, Индийский и Тихий океаны... Веду по карте карандашом и боюсь напутать, вот уж тогда попадет от Виктора Конецкого, несмотря на давнюю дружбу.

А как интересно сейчас вновь прочитать страницы этой большой и умной книги, вместе с автором отстоять вахту, побывать в далеких местах, по достоинству оценить тяжелый труд моряков.

Книги Конецкого исчезали с книжных прилавков в один день даже тогда, когда он ходил в молодых, мгновенно они раскупаются и сейчас.

Уже первая книга вызвала целый поток писем в издательство. Среди его почитателей люди разных возрастов и профессий. Письма приходили и продолжают приходить в издательство после выхода каждой его книги, буквально из разных концов страны. Я любил просматривать читательские письма. В них не только оценка творчества автора, но вместе с тем и оценка работы издательского коллектива. Ведь приняв от автора книгу и выпустив ее, издательство делит с автором успех и неудачу. Хороший отзыв читателя, одобрительная рецен-

зия в прессе идут в актив издательства, неудачная книга — в пассив.

Позволю себе привести из большого потока писем только некоторые и то не полностью. Читательница из города Перми пишет:

«...Я давно слежу за всем, что выходит под Вашим именем. И чем дальше, и чем я старше, тем Вы мне дороже. Мне просто легче жить, зная, что Вы есть, пишете, думаете, маетесь... И дело даже не в том, что Вас я считаю лучшим среди русских писателей. Есть (слава богу!) и еще хорошие и даже очень хорошие писатели. Дело в самих Ваших книгах, дело в том, что и кто за ними стоит. Есть у меня какая-то родность во всем, что я читаю у Вас. Может быть, это потому, что мы — люди одного поколения и то, что дорого и близко Вам, да и сама Ваша человеческая суть, дороги и близки мне... Это-то и ставит Вас для меня в совершенно особый ряд пишущих людей. Все, чем болеете Вы, все болью отзывается во мне, болью, признательностью и нежностью человеческой... Больше всего и чаще всего перечитываю то, где в подзаголовке стоит «Рассказ Геннадия Петровича М.», «Чертовщину», «Последний день в Антверпене», «Третий лишний», да и вообще все могу перечитывать. Когда мне уж очень тошно и страсть как охота «потопить свою ладью» (по Монтеню), я хватаюсь за Ваши книги, и — ничего, отходит».

А вот как «отчитала» Виктора Викторовича девятиклассница из Ленинграда Н. Дмитриевская. Она нарисовала ему тушью закладки для книг, а на одном «персональном» фрегате на вымпеле написала его инициалы В.В.К.

«Я хочу благодарить Вас. Ваши книги — мои любимые, то есть такие, где каждая мысль близка моим, где ни одной фальшивой ноты, где понятен человек писавший. Самая большая ошибка, которую Вы допустили (сорвались-таки),— Вы сказали, что Ваша популярность, секрет ее — в морской тематике. Все остальное ерунда в сравнении с такой ошибкой. И сами Вы прекрасно знаете, что это не так. Не сентиментальные девочки, а люди повидавшие плачут от «Еще о войне», «Над белым перекрестком», другими прекрасными рассказами, которые долго перечислять. И не надо говорить о себе несправедливые вещи. Что касается популярности, она велика очень, Вас любят очень многие, все, кто знают, кто когда-либо что-либо читал...»

Этот протест юной читательницы вызвали следующие строки, написанные Конецким в книге «Третий лишний»: «...ведь я действительно на девяносто процентов обязан морской тематике тем, что ко мне определенный интерес». Не маловато ли оценивает свой талант Виктор Конецкий — в десять процентов?

Широка география писем в адрес Конецкого. Из Алма-Аты пишет ему Л. Досаева:

«Я осмелюсь снова беспокоить Вас своим письмом — хочется поздравить Вас с днем рождения. Надеюсь, что Вы здоровы, что был удачным и интересным Ваш рейс в Арктику, что идет работа над Вашим романом-странствием.

Набралась духу и посылаю Вам маленькое стихотворение. Это и будет моим поздравлением...

...Летит над морем парус-птица,
Шумит у берега волна,
Вам и на суше море снится,
Которое в душе всегда...»

В этих заметках нет возможности описать события, связанные с изданием всех книг. Но мне кажется, для читателя несомненно представляют интерес размышления Виктора Конецкого, которыми он делится в марте семидесятого года в заявке издательству на книгу «Соленый хлеб» (позже автор назовет ее «Среди рифов и мифов»),— эта книга составит вторую часть трилогии «За доброй надеждой». Размышления автора позволят читателю заглянуть в творческую его лабораторию.

«Книга будет состоять из двух частей. Ей жанр — такой же, как жанр моей предыдущей книги «Соленый лед». Организация материала в первой части книги будет аналогична главам книги «Соленый лед», то есть каждая глава будет иметь внутренний сюжет и возможность самостоятельного существования. Это будут главы: «Лондонские доки», «Библейские места», «Средиземное море», «Осиновые дрова в Бискайском заливе»... Привожу названия глав, т. к. по этим названиям можно в некоторой степени представить себе и их содержание. В основе первой части книги будут лежать впечатления, полученные мной за год работы на грузовом теплоходе «Челюскинец» в должности грузового помощника капитана. Не следует думать, что там будут только экзотические, заграничные впечатления. Мне пришлось порядочно поработать в наших домашних портах — Ленинграде, Керчи, Новороссийске.

В основу второй части будет положен мой путевой дневник, который я первый раз в жизни вел в семимесячном рейсе! Ленинград — Киль — Канарские острова — остров Маврикия — Сингапур — архипелаг Каргадос — Маврикий — Монтевидео — Дакар (Сенегал) — Касабланка (Марокко) — Киль — Ленинград.

В этом рейсе я работал на научно-исследовательском экспедиционном судне «Невель» под вымпелом Академии наук СССР. Мы обеспечивали деятельность экспедиции, которая в свою очередь обеспечивала работу в космосе таких космических объектов, как «Зонд-7», «Луна-15», тройной запуск «Союзов». Никакого непосредственного отношения к работе экспедиции я не имел, ничего об этом не знаю, но отсвет космической современности не может не проявиться на страницах дневника.

Хочу отметить, что, как и в «Соленом льде», в новой книге я прибегаю к широкому использованию ассоциаций и разнообразного гуманитарного материала, т. е. пишу не только о том, что вижу, но и о том, что прочитал в своей жизни и что хочется вспоминать по определенному поводу и без поводов.

Название «Соленый хлеб» символически должно отражать ту истину, что хлеб моряков и горек, и солон».

Представленная в издательство рукопись была внимательно прочтена в редакции и отрецензирована видным ленинградским писателем Львом Васильевичем Успенским, который сравнил ее с лучшими классическими образцами путевой прозы.

Редактор Фрида Кацас в редакционном заключении писала:

«...Это путевые заметки, в основе которых лежат впечатления, полученные автором за три последних года плавания вокруг Европы, в Средиземном море, на Ближнем Востоке, в Индийском океане...

Личность автора в жанре путевых заметок центральная. Но в книге «Среди мифов и рифов» это и особый характер, психологическая достоверность которого предопределяется жизненным опытом В. Конецкого — второго помощника капитана. Это характер, сформированный морем, подчинившийся его законам, суровый, действенный и активный, ничего не принимающий на веру, чуждый выспренности и ложной чувствительности. Жизнь моря, требующая верности, солидарности, серьезности и взаимоответственности, является критерием в постижении реальных и нравственных, и эстетических ценностей жизни. Поэтому (в книге) высокие идеи гражданственности, любви к родине, чувство интернационализма насыщаются плотью и кровью, превращаются из абстрактных категорий в живую основу характера, который без них просто немыслим».

В 1972 году книга «Среди мифов и рифов» вышла в свет.

А через три года у нас была издана третья книга — «Морские сны», она и завершила трилогию «За доброй надеждой».

И вот пять строчек из «Морских снов», которые, хотя и в малой мере, дают представление о труде моряка Конецкого:

«Так начинается шестой месяц рейса.

Позади триста вахт, половина которых проведена в одиночестве, в кромешной тьме — от полуночи до четырех утра,— среди снов спя-

щего полушария Земли, в бессловесности приборов и судоводительской аппаратуры».

Завершая заметки, хочу еще раз вернуться к беседе с Виктором Конецким. Я рассказал Виктору, что с удовольствием прочел книгу Рахили Файнберг «Виктор Конецкий», изданную нашим издательством. И в главе пятой «И все сначала...» я прочел следующее: «В 1969 году вышла книга путевых заметок «Соленый лед». Работа над ней началась с 1964 года. Пожалуй, с этого времени появился в литературе сегодняшний Конецкий. Написанное ранее воспринимается как предыстория».

Выслушав меня, Виктор Викторович улыбнулся и сказал:

— Все, что написано до «Соленого льда», было выдумано или, если хотите, придумано мной, я тогда понял, что надо переходить к правдивой прозе, почувствовал, что недостаточно знаю жизнь и топчусь на месте. И тогда я пополз по морям и стал писать путевую прозу. Вначале мучился, а писать надо...

Здесь уместно сказать, что в разговоре Виктор Викторович очень часто и тепло говорил о своих редакторах, где-то сетовал на их строгость и излишнюю требовательность, но вместе с тем отмечал, что во время работы они были доброжелательными советчиками, а это так важно в тяжелой писательской работе.

Придя от Конецкого, я взял объемную книгу «За доброй надеждой» и стал читать. На девятнадцатой странице я наткнулся на следующие записи писателя:

«Значит, чтобы быть искренним и создать новые для всего мира формы, надо писать о

том, что видишь и как видишь. А что и как вижу я?

Вот этот вопрос я и задал себе в тридцать пять лет. И попал некоторым образом в положение сороконожки, у которой спросили, с какой ноги она начинает прогулку.

Перечитав эпопею, я обнаружил, что все написанное писал не я, а черт знает кто. Быть может, тот, кого я из себя изображаю. Быть может, доктор-окулист, который еще в детстве прописал мне по ошибке очки от близорукости».

Я обратился за разъяснениями к Игорю Сергеевичу Кузьмичеву. Я рассказал ему о разговоре с Виктором Викторовичем и о том, что вычитал в книге «За доброй надеждой». Я спросил, не кокетничает ли Конецкий и как в связи с этим относиться к рецензиям таких известных литераторов, как Ю. Герман, Л. Рахманов, Л. Успенский, В. Панова, которую на литературном вечере по случаю ее восьмидесятилетия Конецкий назвал своей суровой, но справедливой крестной матерью? И как, наконец, теперь я должен понимать отношение издательства и, в частности, его, Кузьмичева, как редактора многих книг Конецкого.

Игорь Сергеевич ответил, что у многих хороших писателей наступает такой рубеж, когда однажды они критически оглядывают то, что ими написано, по-новому оценивают созданное, начинают судить свои сочинения самым высоким судом. Такой рубеж, который он перешагнул в своей книге путевой прозы «Соленый лед», был и у Конецкого.

Ну а что касается того, что было написано более чем в десяти книгах, изданных у нас до

«Соленого льда», то об этом судите сами по книге, изданной недавно,— «Путевые портреты с морским пейзажем».

Дома я открыл эту книгу повестей и рассказов. Многое мне показалось знакомым и уже читанным. Оказалось, что Конецкий и Кузьмичев составили эту книгу, отобрав лучшее из многих предыдущих. Здесь и рассказы из книги «Камни под водой», изданной более четверти века назад, и повесть «Завтрашние заботы», напечатанная в шестьдесят первом году, и произведения, написанные совсем недавно. Читается это все с интересом, и вряд ли читатель засомневался в искренности писателя. В этой книге, от первого рассказа до последнего, прослеживается мужание таланта писателя, книги которого заняли достойное место в советской литературе.

Когда эти заметки были закончены, я решил почитать их Конецкому. Мы условились о встрече. Сделав несколько замечаний, Виктор размашисто написал на первой странице: «Добро». Я был очень обрадован, хотя и понимал все несовершенство написанного.

В тот вечер Виктору нездоровилось, а вставленный в пишущую машинку лист рукописи был недопечатан. Я стал собираться, поглядывая на письменный стол. Не удержался и на правах старого издателя спросил, над чем работает. Выяснилось, что он пишет четвертую и последнюю книгу путевой прозы. Более десяти раз он ходил в Арктику. Первый рейс был в пятьдесят третьем году, более трех десятков лет тому назад.

— Пишу и по многу раз переписываю. Условно назвал эту книгу «Пройденного пути у нас не отберешь».

На прощание я спросил, собирается ли он в море. Виктор поморщился... Видимо, я затронул больной вопрос.

— Здоровья моего теперь хватает на рейсы по Европе, а без моря не могу.

*

УДИВИТЕЛЬНАЯ КНИГА

ЛЕОНИД ПАНТЕЛЕЕВ

Двадцать седьмой год... Я зачислен в фабрично-заводское училище при типографии имени Володарского. В коммуне «Комсомолец» на третьем этаже дома по Чернышеву переулку (теперь ул. Ломоносова) у меня собственная белоснежная постель.

Раннее зимнее утро. Темно. Всего пятьсот шагов надо добежать нам до типографии, но мороз успевает забраться под выношенное пальто. Бегу не один, рядом досыпает на ходу мой друг Коля Королев.

— Смотри, мурзатые вынырнули,— обращаюсь я к Николаю.

Оба останавливаемся... Из люков на набережную выбираются одетые в тряпье беспризорники. Голод заставил их покинуть теплые трубы коллектора, проложенные вдоль Фонтанки.

— Уж очень они напоминают ребят из «Республики Шкид»,— заметил Николай.

Мы только что прочитали взятую из типографской библиотеки нашумевшую в то время книгу Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика Шкид». Но мог ли я тогда знать, что это морозное утро неожиданно всплывет в моей памяти через четверть века?!

...В пятьдесят третьем году на родительском собрании в 233-й школе Октябрьского района,

расположенной в переулке Антоненко, рядом с Мариинским дворцом, я познакомился с одним из главных действующих лиц «Республики Шкид» — знаменитым Викниксором. Он был классным руководителем и учителем русского языка в классе, где училась моя дочь. По ее рассказам я знал, что уроки он давал не по учебникам, а по разработанной им самим методике. Каждая его ученица имела список книг, которые должна была прочитать, и он добился того, что его питомицы, в отличие от многих послевоенных выпускников, были абсолютно грамотными. В записных книжках Виктора Николаевича Сороки-Росинского (Викниксора) были отмечены дни рождения каждой из учениц, и для каждой из них заранее был припасен подарок.

Глядя на Виктора Николаевича, уже сутулого от бремени лет, на его усталые и добрые глаза с лучиками морщинок, я подумал: сколько же поколений воспитал этот незаурядный педагог?

После собрания я подошел к Виктору Николаевичу и сказал, что по издательству хорошо знаком с Пантелеевым и могу передать ему привет. Он поблагодарил и заметил, что связь с Пантелеевым он поддерживает, как и со многими другими шкидовцами.

Мое же знакомство с Алексеем Ивановичем состоялось в начале сорок восьмого года, когда он принес нам рукопись «Рассказов о маленьких и больших». А до тех пор я знал его лишь как одного из авторов «Республики Шкид» (и героя этой повести — Леньку Пантелеева).

Не все вначале с изданием книги «Рассказы о маленьких и больших» шло гладко. Работ-

ники главной редакции издательства в Москве почему-то считали Пантелеева писателем для маленьких. И немало усилий приложили Ленинградская писательская организация и члены редсовета, отстаивая это издание. Поток читательских писем показал, что книга с большим интересом встречена не только юными, но и взрослыми читателями. Вообще-то, Пантелеев считал, что настоящий детский писатель должен уметь писать так, чтобы его с интересом читали и дети и взрослые...

Опасаясь, что заявка на переиздание в нашем издательстве его автобиографической повести «Ленька Пантелеев» будет встречена в главной редакции в Москве так же, как и предыдущий сборник, автор сопроводил рукопись письмом, где, в частности, говорилось: «Для этого издания повесть мною была переработана и дополнена...»

На моей памяти много примеров, когда переизданная книга обретает второе рождение, новую жизнь. Такое произошло и с повестью «Республика Шкид».

Вот что писал о ней Алексей Максимович Горький в письме к С. Н. Сергееву-Ценскому:

«Не попадалась ли в руки Вам «Республика Шкид» — прочитайте! «Шкид» — Школа имени Достоевского для трудновоспитуемых — в Петрограде. Авторы книги — воспитанники этой школы, бывшие воришки, одному 18, другому — 19 лет. Но это не вундеркинды, а удивительные ребята, сумевшие написать прeоригинальную книгу, живую, веселую, жуткую...»

В другом письме воспитанникам колонии

имени Горького в Куряже Алексей Максимович, продолжая разговор, пишет:

«...а книгу они сделали талантливо, гораздо лучше, чем пишут многие из писателей зрелого возраста. Для меня эта книга праздник...»

Печатание повести в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель» имеет свою предысторию. С тридцать шестого года, в течение двадцати четырех лет, книга была разлучена с читателем, так как соавтор Пантелеева, Григорий Белых, был незаслуженно репрессирован и вскоре погиб. В 1959 году «Республика Шкид» вышла тремя изданиями в Берлине. Писатель Виктор Борисович Шкловский писал тогда в «Литературной газете», что постыдно, когда за рубежом книга переиздается раньше, чем на родине писателя.

В начале ноября того же года директор нашего отделения Л. Досковский пригласил к себе главного редактора И. Авраменко, старшего редактора И. Кузьмичева и меня и сообщил, что из центрального издательства поступило указание срочно приступить к изданию повести «Республика Шкид». Алексей Иванович, сдав обновленный ее вариант, писал нам:

«В вашем издательстве выходит в свет книга «Республика Шкид», на титульном листе которой сказано, что «издание дополненное и переработанное». Скупая пометка эта вряд ли может рассказать о той большой работе, которую я проделал над «Республикой Шкид». Я действительно дополнил и переработал повесть основательно. Это была не просто стилистическая правка, это была тонкая и сложная работа, которую не грех назвать ювелирной.

Вы знаете, вероятно, что книгу, о которой

идет речь, написали 35 лет тому назад два парня, одному из которых было 18, а другому 17 лет. Рукопись их была далека от совершенства... Вместе с тем в повести была живость и непосредственность, которые придавали, вероятно, книге какую-то подкупающую прелесть. Перерабатывая повесть, я должен был обо всем этом помнить. Следовало так поправить книгу, чтобы читатель, перечитывая ее, не заметил переделок. Нужно было не только стилистически выправить повесть, но и правильно поставить педагогическую стрелку, опять-таки не забывая о том, что стрелку эту легко перекрутить и сломать. Мне кажется (а мнение мое совпадает с мнением редактора, рецензента и других лиц, читавших рукопись), что задача эта мне удалась, книгу я не испортил, напротив — она, ничего не утратив от своей мальчишеской лихости, стала вместе с тем чище, яснее, менее многословна, более целенаправленна и педагогична.

Переработка повести отняла у меня 7 месяцев весьма напряженного труда...»

Первым делом следовало определить минимальный срок, в какой это издание может быть осуществлено. Взвесив редакционные и производственные возможности, мы прикинули, что в шесть месяцев при четком соблюдении графика можно уложиться. Предстояло отрецензировать и заново отредактировать книгу, столь долго не издававшуюся, подготовить художественное оформление и, наконец, набрать и отпечатать. Тогда же было решено просить Веру Панову взять на себя рецензирование, а редактуру поручили Игорю Кузьмичеву.

Вот строки из ее рецензии:

«Есть книги, которые не могут быть рас-

сматриваемы лишь как вклад в литературу, но представляют собой частицу нашей истории, частицу пути, пройденного нашим народом, к таким книгам относится «Республика Шкид». Самый факт ее написания — факт исторический, это вызывает к книге — не менее, чем ее литературные достоинства,— интерес неизменный и взволнованный...

Я считаю литературным событием то обстоятельство, что эта книга, которую Горький в письме к Макаренко назвал «удивительной», подготовлена одним из авторов к переизданию и станет достоянием тех поколений советских читателей, которые ее не знают.

Чтобы приблизить книгу к этим поколениям, Алексей Иванович Пантелеев проделал очень большую работу. Многое из того, что нынешнему читателю неблизко, что может быть им воспринято неверно, из книги ушло... Написана заново глава «Ленька Пантелеев»...»

На заседании редсовета в конце пятьдесят девятого года в дополнение к своей рецензии Панова сказала:

«Я прошу товарищей, кто желает получить представление об этой книге, прочитать главу «Великий ростовщик» или три блестящие страницы, изображающие урок русского языка в главе «Лотерея аллегри». Это классика, это абсолютный блеск. Я многим читала эти страницы, и всем они доставили наслаждение...»

Были в выступлении Пановой и отдельные замечания, которые автор и редактор учли, подготавливая рукопись к набору. На редсовете было высказано пожелание предварить книгу вступительной статьей. Редактор книги Игорь Кузьмичев направил письмо С. Я. Маршаку:

«Глубокоуважаемый Самуил Яковлевич!

В этом году мы издаем «Республику Шкид». Вы были ее первым редактором, и вся жизнь книги прошла на Ваших глазах. Мы просим Вас написать к новому изданию небольшое предисловие, странички 2-3. Очень хотелось, чтобы Вы дали ей снова путевку в жизнь».

Вскоре в издательство пришел ответ от Маршака, в котором он сообщал, что болен и раньше мая выполнить нашу просьбу не сможет. Пожелав ему скорейшего выздоровления, Кузьмичев подтвердил согласие на получение статьи в срок, указанный Маршаком.

Статью от Маршака мы получили в июне. Вот что он, в частности, написал:

«...Л. Пантелеев — давно уже стал видным писателем... Он-то и подготовил к печати настоящее издание — оглядел книгу, написанную в юности, оком зрелого мастера, внес в нее некоторые изменения и поправки, стараясь в то же время сохранить в неприкосновенности ее молодой почерк.

Так и мы, кому довелось редактировать «Республику Шкид» тридцать лет назад, больше всего заботились о том, чтобы она не утратила жизненной подлинности, молодого задора, остроты и свежести юношеских впечатлений».

Сейчас, четверть века спустя, смотрю на переплет этой книги, где с передней сторонки на меня глядит смеющийся, веснущатый воспитанник Викниксора, а рядом тянется к свету подсолнух — герб «Шкида».

Мало мы тогда отвели времени на оформление книги, однако художник успел каждую

главку проиллюстрировать главными действующими лицами «Республики Шкид».

Вспоминаю эпизод, который произошел в процессе работы над книгой и благодаря которому я сам стал персонажем рассказа Пантелеева.

В середине октября Алексей Иванович вместе с дочерью Машей пришел в издательство за чистыми листами книги, которая полным ходом печаталась в типографии на Красной улице. Впрочем, приведу этот эпизод в изложении самого Пантелеева в книге «Наша Маша», подаренной мне с интригующим автографом: «Давнему знакомцу, одному из персонажей этой книги — с наилучшими пожеланиями, за себя, Элико Семеновну и Машу — Л. Пантелеев».

«...В издательстве Машку встретили не хуже, чем другие мои произведения,— пожалуй, даже лучше.

Кто-то спросил, сколько ей лет. Меня рядом не было.

— Три, кажется,— ответила Маша.

Пришел веселый, седеющий дядя, А. Н. Узилевский, заместитель директора издательства.

— А-а, девочка, здравствуй! Ты у нас работать хочешь?

— Хочу.

— Ну, будешь работать. Вот тебе стол, вот карандаш, вот бумага...»

Основательно переработанное и дополненное издание вновь увидело свет в конце шестидесятого года.

Мой рассказ об издании «Республики Шкид» был бы неполным, если хотя бы вкратце не упомянуть о типографской работе. Букваль-

но через несколько дней после отправки рукописи в набор позвонил мне начальник производства Сергей Трофимович Малинин:

— Приезжайте срочно: у нас чепе.

По дороге в типографию я терялся в догадках: может быть, запороли какую-то книгу в переплетном, уронили набор, сломалась машина?

Вместе с Малининым и директором типографии Михаилом Поляковым мы поднялись в наборный цех. Линотипный участок, где обычно стоял шум от работающих машин, встретил нас необычной тишиной. Я недоумевал, зачем меня сюда привели, здесь нужен электрик, чтобы подключить энергию.

Я подошел поближе к машинам.

Линотипистки, молоденькие девчата — вчерашние выпускницы технического училища, увлеченно читали страницы «Республики Шкид». Директор тогда сказал мне:

— Сегодня ваша «Шкида» остановила наборный цех, а что будет, когда вы подпишете книгу в печать? Остановятся печатные машины, а там, гляди, и переплетный цех. Начнется коллективная читка, а план ваш, что, Пантелеев приедет к нам выполнять? Не давайте нам таких книг. Давайте что-нибудь попроще...

Не в обиду будь сказано, Поляков не был книгочеем.

Мне пришлось пообещать, что для типографских мастеровых выделим книги за наличный расчет.

Тишину цеха нарушил стрекот работающих линотипов. На наших глазах стали появляться

отлитые в металле еще горячие строчки этой удивительной и вновь ожившей книги.

Мы издали много книг А. И. Пантелеева. В шестьдесят шестом году были изданы «Живые памятники». В книге несколько разделов: Шкидские рассказы, раздел, посвященный блокадному Ленинграду, и воспоминания автора о М. Горьком, С. Маршаке и Е. Шварце.

В восьмидесятом году вышла новая книга «Приоткрытая дверь...» — рассказы, очерки, разговор с читателем, из старых записных книжек. Эта книга в какой-то мере раскрывает творческую лабораторию писателя. Она во многом автобиографична. Для меня особенно интересными были записные книжки, охватывающие несколько десятилетий жизни А. И. Пантелеева — писателя, на произведениях которого воспиталось не одно поколение читателей всех возрастов. Среди этих читателей я сам, мои дети, мой внук. И эта эстафета, уверен, будет продолжаться, потому что в книгах Пантелеева история нашего государства, нашего народа, нашей молодежи. История правдивая и яркая, без прикрас и без выдумки. А без правдивой истории не может быть и подлинного настоящего, невозможно будущее!..

Когда я писал эти заметки, то, боясь допустить какую-либо неточность, я решил показать рукопись Алексею Ивановичу. По характеру он всегда был не очень общительным, но если человек ему нравился, то встречал его очень радушно. Позвонил я в не лучшее для Пантелеева время: писатель не оправился от семейной трагедии (смерть жены, болезнь дочери), да и годы близились к восьмидесятилетию; и хотя меня предупреждали, что он избегает встреч, но на

мою просьбу он откликнулся (как мне кажется) охотно.

В один из вьюжных февральских дней восемьдесят седьмого года состоялась наша встреча. В большой квартире писатель был одинок, не считая книг и своих рукописей. Несмотря на годы, он был, как всегда, подтянут и гладко выбрит.

Начиная с чтения первой страницы моей рукописи, Алексей Иванович преподал мне урок почтительного отношения к написанному. В заголовке у меня стояло «А. Пантелеев», хотя мне было известно, что во всех изданных у нас книгах неизменно печатался литературный псевдоним — Л. Пантелеев. Еще более досадную ошибку я допустил, цитируя из книги «Наша Маша» приход Маши (дочери Пантелеева) в издательство: «...В издательстве Машку встретили не хуже, чем другие мои произведения,— пожалуй, даже лучше». Слово «другие» в моем тексте отсутствовало, и писатель по памяти это обнаружил, несмотря на то, что с момента выхода книги прошло двадцать с лишним лет. Вот тут, мне показалось, он взглянул на меня с укоризной. Слава богу, больше ошибок не было обнаружено.

Помню, настоял он на снятии одного абзаца. У меня написано, что в течение почти четверти века «Республика Шкид» не издавалась, поскольку соавтор Пантелеева Григорий Белых был незаслуженно репрессирован, а далее я писал, что Пантелееву неоднократно предлагали печатать книгу под одной его фамилией, на что, естественно, он согласия не давал, а само предложение было для него оскорбительно.

Я недоумевал, что в этом моем изложении

его не устраивает. Алексей Иванович объяснил мне, что само напоминание об этом факте, об этом периоде времени было для него неприятно.

Поговорили мы и о последней книге — «Приоткрытая дверь...». Алексей Иванович напомнил мне историю издания книги. От этих воспоминаний я и сейчас краснею.

Долго лежала корректура и не подписывалась в печать, так как от нас потребовали двадцать пять исправлений и изъятий в тексте. Пантелеев на это не соглашался. И тогда было решено, чтобы я съездил и попытался уговорить автора. Моя миссия была удачной, писатель понимал, что выхода нет и задерживать издание нет смысла.

Чтобы замолить свои старые грехи, я в этот раз стал уговаривать Пантелеева переиздать книгу, восстановив все исключения, и добавить материал из записных книжек.

———— * ————

ВЕТЕР С ЮГА

ЭЛЬМАР ГРИН

Осенью восьмидесятого года группа издательских работников посетила Финляндию. Не буду рассказывать обо всем виденном в этой маленькой стране, у нашего северного соседа, да это и не предмет моих записок. Перед отъездом я прочел повесть нашего ленинградского писателя Александра Васильевича Грина «Ветер с юга» и теперь с нетерпением ожидал поездки на ферму.

Выехав ранним утром на автобусе из Хельсинки, мы через какое-то время свернули с автомагистрали на лесную дорогу. Петляющая асфальтированная дорога скоро привела нас на усадьбу. На поляне стоял двухэтажный дом, окрашенный темно-синей краской, скупо освещенный осенним солнцем.

На пороге дома нас радушно встретили средних лет высокий сухопарый мужчина — хозяин фермы и под стать ему рослая миловидная жена. На краю поляны на бетонном фундаменте были уложены первые венцы будущего дома, который строил их сын. Он вскоре собирался привести сюда свою будущую жену.

В доме все блистало чистотой. На полу лежали домотканые дорожки. Ничто здесь не го-

ворило о погоне за модой. Крепко, красиво сделанная мебель из натуральной древесины, телефон и телевизор, стеллаж с книгами — во всем чувствовался достаток. На хозяине и на хозяйке аккуратные комбинезоны напоминали, что мы оторвали их от работы. Наскоро осмотрев дом, мы спустились вниз. Невдалеке стоял высокий рубленый сарай, где хранился собранный урожай зерновых, а после окончания уборки и сельхозинвентарь. Сбоку этого сарая одноэтажное строение, где на откорме стоят пятьдесят поросят. Здесь они набирают вес до двадцати пяти килограммов, после чего передаются на другую ферму; там их откармливают на бекон. Удивило нас отсутствие коровы; оказалось, что молочные продукты рано утром им привозят с соседней фермы.

На краю поля стояли три трактора, на которых хозяин, хозяйка и их сын сами работали.

На земельных угодьях фермы располагались посевы пшеницы, сахарной свеклы и картофеля. По краям поля — в штабелях собранные с пашни камни. Поля здесь ухоженные, и, по рассказам хозяина, урожаи высокие.

В буртах очищенная от земли сахарная свекла, подготовленная для вывоза на сахарный завод. Чувствовалось, что достаток дается тяжелым трудом. На вид суровый и замкнутый, хозяин был горазд и на хорошую шутку. На мой вопрос о доходе он ответил: «Не скажу, может быть, вы фининспектор». Видимо, нелегкие природные условия, жестокая конкуренция, борьба за выживание научили малые фермерские хозяйства вести дело рационально. Трудолюбие и какая-то внутренняя дисцип-

лина, собранность этого маленького народа вызывала, не боюсь этого слова, восхищение.

Я очень стремился к поездке на эту ферму, тешил себя надеждой увидеть нечто напоминающее мне описанное Грином в повести «Ветер с юга» хозяйство господина Куркимяки и его батрака Эйнари.

Сорок послевоенных лет изменили облик финских хуторов, десятки тысяч малоземельных ферм разорились, уцелели те фермы, чьи пахотные земли составляют не менее десяти гектаров; пять процентов крупных землевладельцев пользуются наемной рабочей силой, и между ними и героями книги Грина нет ничего общего, их интересы охраняются законом и профсоюзами.

Все это я хотел рассказать Александру Васильевичу Грину летом восемьдесят пятого года, когда навестил его в Комарово на даче.

Открыв калитку, я попал в сказочное разноцветье. Цветы, вытянувшиеся к солнцу, скрыли меня. Я продвигался к дому по еле заметной в этих зарослях тропке. Взору открылся хорошо ухоженный островерхий дом, в точности напоминающий домики, увиденные на финских хуторах.

По ступенькам я поднялся на застекленную веранду, заполненную светом и солнцем. Хозяин дачи, Александр Васильевич, встретил меня в спортивном костюме, который так шел к его фигуре. Он был, несмотря на свои годы (76 лет), юношески подвижен. Во внешнем облике писателя, которого я впервые встретил сорок лет назад, я не отметил изменений, разве

только лицо избороздили лишние морщины и голову посеребрили годы.

Объяснив ему цель своего прихода, я рассказал о разочаровании, постигшем меня во время посещения финской фермы. Александр Васильевич усмехнулся и сказал:

— Искать сорок лет спустя после таких войн и социальных перемен поместье Куркимяки, описанное в моей повести «Ветер с юга», бесполезно. А вот то, что вы рассказывали о жизни сегодняшней Финляндии, это в какой-то мере результат политического ветра с юга...

Волнуясь и не зная, с чего начать разговор, я сказал, что вот у Прокофьева есть такая строчка — «Вся моя биография разошлась по стихам».

— Перелистывая вашу первую книгу, изданную у нас в сорок седьмом году, «Ветер с юга», сборник рассказов «Последний стог сена» и роман «В стране Ивана», я подумал, что написать их мог человек, переживший многое или хотя бы наблюдавший эти явления.

И тут Александр Васильевич поведал мне такое, что, не услышь это из его уст, я бы посчитал фантастикой.

—Родился я в тысяча девятьсот девятом году на окраине села Кивеннапа, ныне Первомайского района, на Карельском перешейке, в семье сапожника Василия Якимова. Мать, Наталья Михкелевна Грин, эстонка по национальности, помогала мужу, владея сапожным ремеслом. В семье нас было три брата и сестра. Вскоре после смерти отца мать дала нам свою фамилию. С пяти лет я ушел из родительского

дома — был отдан матерью в приют при Линтульском монастыре, там обучался грамоте, окончил два класса.

В девятьсот пятнадцатом году переехал в Петроград. Опять приют, который содержался благотворительным обществом «Маленький человек». Приют размещался в доме семьдесят три по Фонтанке, в нижнем этаже этого дома была частная типография Шварца. Здесь я изучил наборную кассу шрифтов и научился довольно бегло набирать различный текст.

Вскоре приютское начальство обнаружило у меня способности к рисованию и послало меня на выучку к шведу — золотых дел мастеру. Здесь я встретил февральскую и Октябрьскую революции. И опять, уже в советском приюте, или, как они стали называться, детском доме; здесь я еще два года проучился в школе.

С двадцать второго года, тринадцати лет от роду, началась моя жизнь батрака, вплоть до двадцать девятого. Босыми ногами исходил страну в поисках лучшей доли — Новгородчину, Псковщину, Украину, Крым, Кавказ, Калмыкию. За постой и кусок хлеба расплачивался тем, что рисовал портреты хозяев. В анфас не рисовал, а в профиль получалось похоже.

В Новгородчине батрачил два года без платы, с условием, что год учебы в Торопце пойдет в оплату за батрацкий труд. Так я закончил пять классов.

На Псковщине много было сел, населенных эстонцами. В Калмыкии село Эсто-Хагинск было тоже населено эстонцами; некоторые из них позже станут прообразами героев моих книг.

В этом, как вы понимаете, тяжелом батрацком труде были и радостные дни. Когда вспаханное и засеянное тобой поле зеленело всходами, а колос наливался спелостью, и когда этот зеленый ковер переливался от ветра, на душе становилось хорошо, видны были плоды труда рук человеческих, и в этот момент забывалось о поте и крови, пролитых на этой пашне.

В двадцать девятом году, двадцати лет от роду, когда в стране начались перемены, я понял, что моей батрацкой жизни пришел конец. Пора было подумать о будущем. В Севастополе поступил добровольцем во флот. Служить меня послали на Балтику. Прослужил пять лет, ходил в море, приобрел специальность радиста. Все время не покидало желание получить высшее образование. Демобилизовался и работал в порту, потом на Главпочтамте. Закончил вечернюю школу-десятилетку, год рабфака.

Свершилось то, о чем мечтал вечерами после тяжелого батрацкого труда, о чем мечтал в морских походах: в тридцать девятом был зачислен после успешно сданных экзаменов на первый курс университета. Но вскоре был мобилизован и участвовал в войне с белофиннами. После окончания войны, когда появилась семья, перевелся на вечернее отделение университета. Но продолжить учебу не удалось, подоспела Отечественная война. Вначале был призван в роли связиста, потом переведен на работу в газете. В Выборге в армейской газете «Знамя победы» я служил с сорок четвертого по сорок седьмой год. Тогда я задумал написать рассказ «Ветер с юга». Когда сел писать, оби-

лие материала перехлестнуло рамки рассказа и из-под пера начала вырисовываться повесть...

И здесь рассказ Грина приблизился к тем годам, когда мои старшие товарищи по издательству принимали участие в судьбе этого писателя. Я сказал:

— В начале сорок шестого года, когда наше Ленинградское отделение возобновило свою работу, мы сразу ощутили нехватку добротной прозы. И это не удивительно. За годы войны и блокады погибла почти четвертая часть ленинградской писательской организации. Не все писатели еще были демобилизованы, и не все оставшиеся в блокадном городе оправились от пережитого, были способны сесть за письменный стол. И вот, на одной из редакторских летучек наш главный редактор, Григорий Эммануилович Сорокин, сказал, что только что по корректуре журнала «Звезда» он познакомился с талантливой повестью «Ветер с юга», а вот как разыскать автора — Эльмара Грина, офицера армейской газеты,— не знает.

— Когда я узнал, что моей повестью интересуется издательство «Советский писатель»,— сказал Александр Васильевич,— то я подумал: в этом издательстве сидят «тертые калачи», если они собираются печатать мою повесть, значит, судьба быть мне писателем.

— Помню, как пришли вы впервые в издательство на Малую Садовую и принесли рукопись повести «Ветер с юга»,— сказал я.— Сидели мы тогда в тесноте, и невольно я был свидетелем вашего разговора с директором и главным редактором. Не в обиду будь вам сказано,

человек вы на разговор скупой, и Сорокину буквально с трудом удалось выяснить, что помимо повести у вас есть написанные рассказы. Он просил вас как можно скорее принести их в издательство. Повесть «Ветер с юга», редактором которой вызвался быть Сорокин, была подписана в печать в декабре сорок шестого года. Несмотря на острую нехватку переплетных материалов, эту книгу мы издали в тканевом переплете, а оформлял ее лучший график того времени В. Двораковский.

И тут Александр Васильевич сказал:

— Редактором второй моей книги — рассказов «Последний стог сена» — был тот же Сорокин, и вышла она в свет в том же сорок седьмом году. Вскоре за повесть «Ветер с юга», изданную у вас, я был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР. И это было так неожиданно для меня.

Александр Васильевич заметил, что Сорокин был очень опытным редактором, в работе над рукописью не навязывал своего мнения, но между тем как-то умел убедить автора еще раз критически оглядеть написанное.

Мне было очень приятно это услышать о нашем первом главном редакторе отделения от такого большого писателя, как Эльмар Грин, и между тем больно за попранную судьбу Григория Эммануиловича Сорокина. Он скончался в феврале пятьдесят четвертого года в лагере в день своей полной реабилитации. Как рассказывал наш редактор Сергей Спасский, больное сердце Сорокина не выдержало сообщения, что правда восторжествовала над беззаконием.

Рассказывая об Александре Васильевиче Грине, я хочу поделиться всем виденным мною в доме и в саду во время нашей беседы.

Подобно основному герою его повести «Ветер с юга» Эйнари, руки у писателя умные и умелые. Здесь, на веранде, где мы беседовали, я обратил внимание на светлый письменный стол. Он не укладывался в фасоны и отделку столов, выпускаемых мебельной фабрикой. Добавим к этому настенный шкафчик на кухне, необычные полки для книг,— все это сделано руками Александра Васильевича. Да и архитектура дома придумана им.

Может показаться нарочито придуманным автором этих записок, но земля на участке, где стоит дом и цветет сад, ранее была безжизненной. Здесь был песчаный карьер. И если Эйнари, чтобы иметь четыре грядки огорода на каменном бугре, где стояла его избушка, необходимо было привезти тридцать восемь возов земли и торфа, то Грину, чтобы засыпать яму карьера, надо было завезти очень много самосвалов земли. И под руками бывшего батрака земля ожила и откликнулась хорошим урожаем, на кустах зрели крупные ягоды смородины, крыжовника, на грядках земляника, укроп, салат, молодой картофель и горох. Правды ради следует сказать, что пальму первенства Александр Васильевич уступает своей жене, Екатерине Ивановне. Это благодаря ей каждый уголок дома блестит, это благодаря ее добрым рукам яркими красками цветут цветы и плодоносят грядки.

Александр Васильевич предложил отведать воды из колодца, который стоит на родничке. Вода оказалась холодной и очень вкусной. От-

ведал я и земляники. Он сетовал, что ему не удалось привить любовь к земле своим сыновьям.

Прощаясь, я набрался смелости и спросил, что бы ему хотелось еще написать. Не задумываясь, словно это было давно решено, он ответил — есть желание написать о прожитых годах, об увиденном и передуманном.

*

МНОГИЕ ГОДЫ И ОДИН ДЛИННЫЙ РАЗГОВОР
МИХАИЛ ДУДИН

Со дня нашего знакомства минуло почти сорок лет. Много талантливых книг, к изданию которых мои товарищи и я были причастны, написаны им за эти годы. В нашем издательском коллективе Михаила Дудина любят, радуются расцвету таланта поэта, тому, как от книги к книге крепнет и мужает его поэтический голос.

Лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР (двух созывов), председатель Ленинградского областного комитета защиты мира... Множество обязанностей, и при этом — всегда доступен, прост в обращении, дружелюбен и душевен.

Бывало, забежит в издательство, прочтет на ходу сочиненную эпиграмму — когда веселую, а когда и озорную, едкую, скажет на прощание: «Будь здоров» — и исчезнет до следующей встречи. После такого, хотя и краткого общения, как будто трудности отступали и работалось веселее.

Мы давно условились с Михаилом Александровичем встретиться и поговорить. В один из апрельских дней 1987 года обещанная встреча состоялась.

Кабинет поэта скромно обставлен, нет ничего лишнего. Большой письменный стол, два

кресла, на письменном столе стопка бумаги, карандаши, ручки и обилие фломастеров. Дудин постоянно что-то рисует, и сейчас нарисованное в цвете причудливое дерево он подарил мне. Во всю стену большой шкаф, набитый книгами. Во время нашей беседы он безошибочно находил ту или иную нужную книгу. Телефонный аппарат — вдали от письменного стола, у мягкого дивана. Вот, пожалуй, и вся обстановка, да еще картины, развешанные по стенам.

Сейчас, глядя на Михаила Александровича, когда он перешагнул свое семидесятилетие, когда годы посеребрили волосы, а на усталом лице появились морщины, мне все же казалось, что передо мною все тот же Михаил Дудин из сорок девятого года, когда мы познакомились и подружились. Подолгу тогда вечерами бродили по осеннему саду Трудящихся имени М. Горького, вдоль главного фасада Адмиралтейства. Останавливались у памятников: Пржевальскому, Жуковскому, Гоголю, Глинке и Лермонтову. Выходили из сада, когда уже на Исаакиевской площади зажигались знаменитые петербургские фонари. Он мне читал свои стихи, и, слушая его, я понимал, что этот солдат двух войн живет памятью тех дней, что мужество нашего солдата навсегда останется его главной поэтической темой.

В один из таких вечеров мы зашли в печатный цех нашей типографии на Красной улице. В освещенном большом зале стоял неумолкающий шум, на помосте одной из печатных машин мы застали стройную девушку в красной косынке, она плавно, без излишней суеты, накладывала бумажные листы, а на высоком табурете у приемки сидела смуглая, с черными

глазами, в хорошо отглаженном комбинезоне печатница, и, следя за качеством, принимала и ровняла отпечатанные листы первой у нас книги Дудина «В степях Салавата». Оставив его у этой машины, где он наблюдал, как ложились его стихи на печатном листе, я отошел к соседней машине, где печаталась книга ленинградского поэта Виссариона Саянова «Ленин в Горках». Некоторое время спустя обернулся и увидел, что машина, у которой я оставил Дудина, не работает, а девушки, окружив его, громко смеются. К ним стали подходить печатники с других машин. Я поспешил увести Михаила Александровича из цеха, в котором он устроил импровизированный вечер поэзии, пока он не остановил всю работу. Долго я досаждал ему вопросом: какие стихи он читал им и почему они так заразительно смеялись?

— Это мой секрет, а девчата у вас здесь работящие и красивые, буду забегать сюда без тебя,— в шутку сказал он.

Дудин и позже бывал в этой типографии, читал свои стихи, как-то он сказал мне:

— Люблю запах типографской краски еще с военных времен, он напоминает мне нашу «типушку» на полуострове Ханко.

Вот так, с воспоминания о первой его книжке, изданной у нас почти четыре десятилетия тому назад, и началась наша беседа. Я сказал:

— В задуманной мной книге мне хочется рассказать будущим читателям и о тебе, о твоих книгах, вот почему я ждал этой встречи. Начну с того, что я долго недоумевал, почему летом сорок девятого года, ты, к тому времени автор двенадцати стихотворных книг, принес нам рукопись очень маленькой книжечки «В

степях Салавата» — стихи о Башкирии и вольные переводы башкирских поэтов. В ней всего пятьдесят две странички, а размером она чуть больше двух спичечных коробков. Позже, работая в Ленинградском государственном архиве литературы и искусства, я нашел ответ. Оказывается, двумя годами раньше ты нам принес большую рукопись стихов и поэм. Но директор нашего центрального издательства затребовал твою рукопись для рецензирования в Москву, хотя в Ленинграде тогда были такие авторитетные поэты, как Прокофьев, Берггольц, Рождественский, Саянов...

Вот что тогда, в сорок восьмом году, написали по поводу этой рукописи А. Софронов и Н. Грибачев.

А. Софронов: «Книга Дудина представляет несомненный интерес. В наиболее важных, по-моему, поэмах и стихах Дудин выступает как зрелый поэт, и наоборот, там, где Дудин находится еще в плену подражания камерным поэтам, узким и недостаточно жизненным по своим темам,— там Дудин терпит поражение. К счастью поэта, это относится к его ранним стихам, к разделу лирики. Именно в разделе лирики много стихотворений или узко альбомного характера, или малозначительных и не выразительных. Интересен в книге раздел войны, но есть в этом разделе и очень существенный недостаток, который несколько свойствен всей книге (за исключением раздела «новое»). Почти все стихи М. Дудина страдальческие...»

А вот что писал тогда Н. Грибачев:

«Две особенности совершенно ясно обнаруживаются в сборнике стихов М. Дудина — безусловное техническое мастерство, с которым

поэтически соседствуют свои наблюдения над жизнью, с одной стороны, и поверхностное отношение к этой жизни, отсутствие внутренней цельности — с другой. Однако стоит прочесть сборник, как становится очевидным, что, за исключением последнего раздела, в нем повторяются положения и ситуации, давным-давно известные широкому читателю по работам других авторов, а лирический раздел лишь усугубляет декадентско-субъективистские мотивы, давным-давно осужденные... Военные стихи Дудина — это лирическая декларация, и в этом смысле они стоят ниже стихов Межирова и Гудзенко... Книгу стихов Дудина следует включить в план издания, приняв за основу раздел «новое», а в настоящее время в этом разделе семьсот строк, это мало для книги. Следует вернуть автору рукопись для пополнения...»

— Этих двух рецензий было достаточно для того, чтобы работавший тогда директором Ленинградского отделения Досковский — человек осторожный, я бы даже сказал, архиосторожный — вернул тебе рукопись. Я не специалист и не берусь комментировать эти рецензии. Но мне было обидно сейчас читать их. И вот, когда я ознакомился с этими отзывами в архиве, придя домой, я достал с полки книгу ленинградского критика Владимира Лаврова «Михаил Дудин. Очерк поэзии», изданную у нас в семьдесят шестом году, внимательно перечел ее, и ни на одной странице этой книги, где автор ведет разговор о твоих ранних стихах, я не встретился с подобными оценками.

История издания этой книги, как ты помнишь, имела свое продолжение. Несколько лет

спустя наше издательство вновь вернулось к ее рассмотрению. Естественно, что рукопись была дополнена стихотворениями, написанными позже.

Вот что тогда сказал на редсовете Александр Прокофьев:

«В предлагаемую Михаилом Дудиным рукопись «Стихотворения и поэмы» вошло все значительное и лучшее, что написано поэтом, и мне кажется, что издание ее будет заметным явлением в поэзии. Когда я редактировал его книжечку «В степях Салавата», было решено исключить из этого сборника стихотворение «Чумазый как черт тракторист». Незачем включать его и сейчас».

А дальше Александр Андреевич принялся тебя ругать за небрежную подготовку рукописи.

«Впечатление такое, как будто Дудин уронил рукопись со стола, собрал ее и принес в издательство. Страницы не пронумерованы, даты написания стихов не проставлены... Эта небрежность присуща Дудину. Он никак не притронулся к стихам, которые выходили в отдельных изданиях, в журналах и альманахах. Книгу эту надо обязательно издать, но рукопись надо вернуть автору, пусть приведет ее в порядок и уважает своих издателей...»

И последнее. На подаренном мне экземпляре этой книги, в апреле пятьдесят четвертого года, ты написал «Соавтору»,— тут ты явно переоценил мои возможности. Какой я соавтор, если за всю жизнь не создал ни одной рифмованной строчки. Уж это ты написал от щедрости твоей души.

Вот и вся история издания этой книги. Те-

перь мне хочется выслушать твое отношение к этому.

Вот что я услышал от Дудина:

— Вероятно,— но это ты знаешь лучше меня,— что когда в те времена книгу не хотели издать в Ленинграде, то ее направляли в Москву, и, может быть, даже просили, чтобы рецензии об этой книге были определенного толка. Очень жалко, что в книгу не была включена поэма «Вчера была война». На что в то время были, видимо, свои причины, вы тогда, вероятно, и не могли ее напечатать. Я сейчас и не особенно помню, о чем писали Грибачев и Софронов, и я не так уж много обращал внимания на эти рецензии. Ведь книга «Стихотворения и поэмы» все же была потом напечатана.

А что касается моей маленькой книжечки «В степях Салавата», то я тогда впервые побывал в Башкирии после Первого совещания молодых писателей. Это было в сорок седьмом году. Туда я поехал к Мустаю Кариму. Он был очень болен, у него было сквозное осколочное ранение в грудь и туберкулез легких. Там, в Башкирии, я перевел на русский язык его книгу «Цветы на камне». Мустай Карим мне очень понравился и полюбился, и до сих пор у меня с ним прекрасные отношения. Там же я написал свои стихи о Башкирии, и раз я уже приехал, то мне хотелось составить маленькую антологию из переводов стихов башкирских поэтов — моих ровесников, с которыми я там познакомился, и поэтов старшего поколения, таких, как Сайфи Кудаш. Эта книжечка вначале была полностью напечатана в журнале «Звезда», а уж потом вышла отдельным изданием у вас, редактором ее был Александр Андреевич

Прокофьев. Очень хорошо вы тогда ее издали...

Я напомнил Дудину, что из восемнадцати его книг, изданных в нашем издательстве, в издании тринадцати я принимал участие. И, готовясь к этой встрече, я их внимательно просмотрел.

— И вот на что я обратил внимание: начиная с книги «Стихи и поэмы» и в последующих сборниках ты возвращаешься к теме войны. Мне это понятно, ведь ты участник двух войн и, вероятно, тема войны и мира надолго заняла свое место в твоем сердце и в твоих стихах.

Дудин ответил так:

— Понимаешь, в чем дело, я и мои ровесники ребята-поэты писали не о войне,— я писал о человеке, о человеческой душе. Мне, естественно, было понятней проявление этой души на войне. Но я не о войне писал. На кой черт о ней писать. Даже стихотворение «Соловьи» — это не о войне, а о человеке, о том, как он в этих сложных условиях себя ведет и чувствует. Это «божье» наказание — война, и в этой войне человеку приходится как-то находить себя. А нам, людям, которые прошли через войну, на фоне багряного зарева войны видна человеческая душа, как она себя ведет. Так и сейчас каждый день убеждаешься, что все не просто. Все проблемы внутричеловеческие и общечеловеческие упираются в конце концов в нравственное начало человека. Вот почему я пишу об этом...

— Я тебя понял, спасибо. А теперь давай поговорим о твоей книге «Утро доброй осени». Здесь меня интересует роль рецензента в твоей работе над рукописью. Эту книгу рецензировал

и редактировал твой добрый друг Борис Лихарев. Человек внешне замкнутый, мало разговорчивый. А какая добрая человеческая душа скрывалась за этой замкнутостью. Так вот, Борис Михайлович при первом чтении твоей рукописи, тогда она называлась «В гостях у юности», написал в своем отзыве:

«Общее впечатление от прочитанного: есть немало отличных лирических стихов, очень свежих и очень проникновенных строк. Есть очень точное лирическое воспоминание о детстве, о матери, есть отличное описание родной природы и жизни в деревне — это украшает рукопись. Однако биография старого учителя изложена очерковато, бегло, она выглядит как сокращенный пересказ. Ее хотелось бы увидеть более углубленной, было бы желательно больше подробности быта, чувств, характера героя...»

Отзыв был написан в конце пятьдесят четвертого года. Год спустя ты сдал доработанный вариант этой рукописи. И опять ее рецензирует Борис Лихарев. Послушай, что он пишет, тебе это будет интересно, наверняка ты уже и не помнишь ее содержания:

«Должен отметить, что поэма «Учитель» рецензировалась мною однажды и тогда мне пришлось привести ряд мест, требовавших, по-моему, переделок. Сравнивая теперешний текст с предыдущим, я с удовлетворением заметил, что большинство моих замечаний учтены Дудиным, внесены им и очень правильные, дельные изменения в ряде строф, теперь поэма избавлена от имевшихся недочетов. Считаю поэму подготовленной к включению в этот сборник.

Мне нравится спокойный, углубленный тон

произведений, включенных в этот сборник. Эта книжка свидетельствует о наступившей зрелости поэта, радует разнообразием красок, а также расширяющимся кругозором, широтой вопросов, интересующих Дудина, и лиричностью, которой проникнута вся работа в целом».

Все это Борис Михайлович написал накануне редсовета, на котором обсуждалась твоя книга. Редсовет собрался 24 октября пятьдесят седьмого года, на этом заседании ты присутствовал. После зачтения рецензий Лихарева и Прокофьева, который, кстати, очень хвалил твою книгу, но возражал против ее названия «В гостях у юности», выступил и Всеволод Петрович Воеводин:

— В этой книжке стихи, написанные за последние полтора года. Эта книжка меня порадовала. Я люблю поэзию Михаила Александровича. На какой-то период, может быть, последние четыре-три года, у меня было такое ощущение, что поэт стоит на месте, я рад своей ошибке. В новой книжке его лирическое дарование еще больше расцвело. Книгу надо поскорей издать.

В этом же году книга под названием «Утро доброй осени» вышла в свет.

Дудин: Несомненно, умная и конструктивная рецензия помогает писателю. Таким и был отзыв Бориса Лихарева, в одном я с ним не согласен: это не сборник, а книга стихов.

Я: Я не вижу разницы...

Дудин: Понимаешь, в чем дело, есть сборники стихов и есть книги стихов — это большая разница. Сборник стихов читается так: есть такое стихотворение, есть другое стихотворение, между ними нет большой логической

связи. А сборник «Утро доброй осени» был сделан как книга (и по-моему, тогда Боря Семенов ее иллюстрировал). Там было несколько циклов стихотворений и поэма «Учитель». Эта книга и была мной задумана не как сборник, а как книга. Читалось и каждое стихотворение в отдельности, и каждый цикл в отдельности, и все-таки была некая внутренняя связь стихов, циклов и поэмы «Учитель». Наверно, шло осмысление послевоенного времени, и этим мне книга дорога до сих пор, я ее включил почти целиком в свое собрание сочинений, и сейчас, при повторном четырехтомном собрании сочинений, включил почти целиком. И так же я считаю мою первую большую книгу «Переправа», вышедшую в сорок пятом в Лениздате,— тоже это и сборник стихотворений, и в то же время единая книга о Ленинграде, о войне, то есть не о войне, а, скорее, о свойствах человеческой души и ее проявлении на войне.

Я: На этом редсовете ты прочел два стихотворения, которые вызвали возражения А. Прокофьева и Б. Лихарева; если мне память не изменяет, одно начиналось так:

Я знаю храбрость финского солдата...

Другое — так:

И только пес по кличке Геринг напоминает о войне...

Какова судьба этих стихотворений,— ты, наверно, их не включал в свои книги?

Дудин: Нет, почему же,— включал! Вот послушай, какая тут может быть крамола?

Я знаю храбрость финского солдата,
По азимуту памяти иду,

Я здесь не раз встречался с ним когда-то
В своих снегах в сороковом году.

Есть у меня стихотворение «Кукушка», может быть не очень удачное, написанное после финской войны. Оно перекликается с этим стихотворением. А финны действительно прекрасные солдаты, воевали они за Финляндию, и каждый воевал за свой хутор. Поэтому я и написал это стихотворение.

Я: А теперь давай с тобой поговорим о твоих подопечных, о тех, которым ты помог войти в литературу. В архиве я познакомился с твоими рецензиями на рукописи молодых поэтов, некоторые из них написаны тридцать лет назад. Представляет интерес, как оправдались твои прогнозы.

В пятьдесят шестом году свою первую рукопись стихов «Именем любви» принес к нам в издательство Илья Фоняков — двадцатилетний юноша, студент четвертого курса университета. Вот что ты тогда написал:

«Каждое поколение выделяет своих поэтов, со своим специфическим, присущим только этому поколению отношением к жизни и, конечно, со своими типичными недостатками...

Илья Фоняков находится на той ступени, когда от него можно ожидать действительных открытий, первого настоящего утверждения своего неповторимого «Я» в поэзии».

Сейчас Илья Фоняков автор двадцати пяти поэтических книг, известен не только как поэт, но и как отличный публицист.

Два года спустя ты был на редсовете докладчиком по книге Владимира Торопыгина «Продолжение песни». Володю Торопыгина в изда-

тельстве все любили, в нем было что-то такое, что заставляло к нему относиться очень по-дружески. Он был честным и добрым человеком, о стихах его не берусь судить.

Д у д и н: И я его любил, он был талантливым поэтом, и первую его книгу в Лениздате «День открытых дверей» я редактировал. Он был человеком, вглядывающимся в жизнь.

Я: Напомню тебе, что ты тогда сказал на редсовете: «...Естественно, что у каждого поэта, вступающего в литературу, есть своя тема, свой круг интересов, свой круг читателей...»

Д у д и н. Стихи первых двух книг Торопыгина — «День открытых дверей» и «Ваш корреспондент» — были посвящены, как он сам определил, «четвертому поколению» советской молодежи, которой не удалось участвовать в Великой Отечественной войне, но которая унаследовала традиции высокой революционной романтики в мирное время. Поэт выступал от имени этой молодежи, был как бы корреспондентом ее души, ее мыслей и чувств, ее волнений и огорчений...

Я: Теперь у меня к тебе такой вопрос. Я читал твою большую рецензию на книгу Глеба Горбовского «Долина». В этой рецензии ты цитируешь одно стихотворение, которое, если мне память не изменяет, начинается со следующих строк:

На костре при лунном свете
Жгли седую побируху,
Не какую-нибудь ведьму —
Заурядную старуху.

Я обратил внимание, что в этой рецензии ты утверждаешь — это стихотворение «авто-

биографично», вот это у меня вызвало недоумение, объясни, в чем тут дело.

Д у д и н: Хорошо, пожалуйста. Вот что приключилось с Глебом. Его матушка в сорок первом году, после того, как он закончил первый класс, отвезла его на родину отца — Якова Алексеевича — в деревню Горбово Псковской области, отсюда и фамилия на самом деле не Горбо́вский, а Го́рбовский. Глеб остался там. И после этого они не виделись пять лет. Началась война, немцы оккупировали эту деревню, и он, малолетний парнишка, побывал в лагерях и на нашей земле и в Германии. Мальчишка видел, что вытворяли немцы, видел, как сжигали немцы старуху за сына-партизана. Поэтому я и писал, что эта книга во многом автобиографична.

Между прочим, когда Горбовского очень прижали за сборник стихов «Тишина», его поддержал ваш старший редактор Игорь Кузьмичев, они друзья, и он редактор всех книг Глеба, изданных в вашем издательстве.

Когда в Москве была напечатана рецензия на книгу «Тишина» — страшная рецензия — и в Лениздате сразу затормозили его однотомник, я написал предисловие к нему, и где-то после выхода этой книги Глеб стал на ноги. И, по своему собственному утверждению, из «волчонка» превратился не в «волка», а в человека. Мне очень нравится, что он пишет и хорошую прозу, ну конечно, и стихи. Он талантливый человек, и это очень приятно, когда на твоих глазах вырастает такой талантливый писатель.

Я: В то тяжелое для него время твоя поддержка была ему очень важна. Мы ведь с тобой знаем, что тогда и сломать человека наши некоторые критики могли запросто.

Дудин. Я тогда об этом и не думал.

Я: Мне помнится, что в то время у тебя было много подопечных, которым ты помог с выходом первых книг,— это Александр Рытов, Наташа Галкина, Игорь Нерцев. А вот Галя Гампер мне рассказывала, что ты познакомился с ее стихотворениями в «Молодом Ленинграде», разыскал ее адрес, приехал к ней домой, почитал ее стихи и вскоре помог ей издать первую книгу — «Крыши» — в Лениздате; и вторая ее книга — «Точка касания» — была издана в нашем издательстве в семидесятом году — тоже не без твоего участия. Меня в ней, помимо поэтического дарования, подкупает огромная воля, душевный настрой, и это несмотря на тяжелый физический недуг. Поэзия — это то, что помогает ей жить. Помимо тебя и Майя Борисова ей помогала.

Дудин. Галя Гампер и без меня теперь справляется, она нашла свое место в поэзии... Ну а я еще долго возился с первой книгой Геннадия Алексеева «На мосту», изданной у вас в семьдесят шестом году. В восьмидесятом вы издали его вторую книгу — «Высокие деревья».

Геннадий Иванович — человек незаурядной биографии. Несмотря на то, что он был членом Союза писателей, он до последних дней своей жизни не расставался с преподавательской деятельностью в Ленинградском инженерно-строительном институте, он был ученый, кандидат наук, доцент, архитектор. Ты не видел его последнюю книгу, выпущенную издательством «Современник»? Насколько он был талантлив, можно судить не только по стихам, но и по его рисункам в этой книге. Вот посмотри,

как его рисунки вписываются в ткань книги. Рано он ушел из жизни...

Я: Не все твои подопечные выдержали проверку временем, некоторые из них так и остались авторами первых книг.

Дудин: Так было, так и будет в литературе, время самый объективный судья.

Я: На твою небольшую книгу «Мосты» от начала набора до подписания в печать в пятьдесят восьмом году мы затратили всего две недели. Скажи сегодня об этом полиграфистам, не поверят. Книга «Мосты» имеет подзаголовок «Стихи из Европы», как это следует понимать?

Дудин: В то время я был связан с Комитетом защиты мира, он только что организовался. Сборник «Мосты» написан мной под впечатлением виденного во время круиза вокруг Европы, это был круиз дружбы и мира. Стихи из этой книги я тоже полностью включаю в свое собрание сочинений. Очень хорошие рисунки к сборнику нарисовал тогда Олег Маслаков. Примером, как надо писать такие книги, для меня была довоенная книга Николая Тихонова «Тень друга», тоже о путешествии по Европе.

Я: Я уже тебе говорил, что, прежде чем пойти к тебе, я посмотрел твои книги, и вот на что я обратил внимание — за семнадцать послевоенных лет у нас было издано десять твоих стихотворных книг, а начиная с шестьдесят восьмого года, в течение десяти лет, ты в нашем издательстве не печатался. Чем же это можно объяснить?

Дудин: Каких-то особых причин у меня не было, вот разве когда Илья Авраменко был у вас главным редактором, деловые отношения у меня с ним не сложились. Помню, принес я ему

рукопись, в которой была и ранее опубликованная поэма «Вчера была война», написанная мною в сорок шестом году. По обстоятельствам тех лет поэма была тогда напечатана с изъятием таких строк:

И друг предаст, и недруг станет другом.
Оглянешься — нет никого кругом.
И жизнь твоя замкнется этим кругом
И повторится с кем-нибудь в другом.

И дальше к концу поэмы:

Мы лишь костями выстлали дорогу,
А сами не добрались до вершин.
Но ты клянись торжественно и строго
Все довершить, что я не довершил.

А потом, когда пришло время, мне захотелось издать поэму полностью, с включением этих изъятых строк, которые делали ее более правдивой и привязанной к тому времени. Авраменко же сказал: теперь, когда стало возможным публиковать такие строки, Дудин, дескать, написал их заново.

Я: Вполне допускаю, что Илья Корнильевич мог это сказать.

Дудин: Вот тогда я рассердился и унес рукопись, хотя у меня были хорошие отношения с Всеволодом Воеводиным, который работал у вас старшим редактором.

Я: В восемьдесят втором году в нашем издательстве в «Библиотеке произведений, удостоенных Государственной премии СССР» вышла твоя книга стихов «Дерево для аиста», в нее вошли циклы: «Седое сердце», «Дерево для

аиста», «Полярный круг», «Западный берег» и «Забытая тетрадь». Хотя Государственная премия СССР тебе была присуждена за одноименную книгу, изданную в издательстве «Молодая гвардия», нашему коллективу было радостно, что эти циклы стихов, за которые ты был удостоен звания лауреата, впервые были напечатаны у нас в твоих книгах «Клубок» и «Полюс».

Дудин: Да, это так, и никто не оспаривает ваш приоритет.

Я: Для нас, производственников, издание книг в лауреатской серии всегда было хлопотно. Издание твоей книги «Дерево для аиста» было вдвойне сложно. Ты и твой редактор Дикман задумали эту книгу как творческий отчет. Помимо упомянутых циклов, книгу предваряют лирические стихи.

Оформить твою книгу мы попросили московского художника Е. И. Когана — автора художественного оформления всей этой лауреатской серии.

Несмотря на то, что в этой книге почти четыреста страниц и тираж немалый — пятьдесят тысяч экземпляров, издали мы ее довольно быстро, двенадцатого мая отправили в набор, а в сентябре в моем кабинете на готовом экземпляре книги ты оставил экспромтом написанный автограф:

В этой книге, без урону
Для себя и для других,
Узилевскому Арону
Посвящаю лучший стих —

Пусть выбирает.

М. Дудин

Я выбрал стихотворение «Солдатский разговор». Особенно мне понравились такие строчки:

И мой товарищ говорит
Заветное одно:
Раз в Ленинграде свет горит,
В Германии темно!

Дудин: Правильно выбрал это стихотворение, ведь и твоя биография прошла через войну, ты был с нашими войсками в Германии, когда в Ленинграде после прорыва блокады стало светло.

А книгу «Дерево для аиста» вы издали хорошо, и формат маленький, и книга очень нарядная.

Я: Спасибо работникам типографии, они постарались сделать это издание быстро и нарядно, там тебя хорошо помнят с тех пор, когда ты там читал свои стихи, а ленинградское телевидение засняло эту встречу. Давай вспомним, в каком году это было.

Дудин: Помню, помню, съемка была в переплетном цехе, когда там завершали работу над моей книгой «Клубок», это было осенью семьдесят восьмого. Хорошо прошла эта встреча, хорошо слушали меня работницы.

Я: Особенно им понравились твои стихи: «Соловьи», «Сквозь сон я слышал голос твой», отрывки из поэмы «Вчера была война». Там кроме молодежи были и люди нашего с тобой поколения, там были солдатские вдовы. После окончания встречи ты лихо писал автографы на книгах «Клубок», только что распрессованных из кареток подвесной дороги. А типография после этого еще долго не могла рассчитать-

ся с тиражом, не хватало книг, пришлось допечатать.

Д у д и н (смеется): А книгу вы тогда издали под формат малой серии, и художник Бродский ее очень хорошо оформил. Спасибо.

Я: «Со спасибом за это издание»,— ты мне написал на титульной странице книги. Теперь расскажи, какие у тебя планы на будущее?

Д у д и н: Сейчас я занят вот чем: у меня в этом году в «Советском писателе» выходит книга поэм под названием «Зерна». В одноименной поэме одна глава ранее не печаталась, теперь наступило время ее печатать. В поэме «Песня дальней дороге» какие-то строки тоже не печатались. Все это надо исправлять. Мне приятно, что думал я когда-то правильно.

Я: Расскажи, если можно, историю написания письма Маннергейму.

Д у д и н: Ну что ж, понимаешь, в чем дело, полуостров Гангут расположен в четырехстах пятидесяти километрах западнее Ленинграда. Ленинград был в кольце, немец в бинокль видел Москву, а наш гарнизон насчитывал двадцать семь тысяч человек, и мы заняли у финнов ни много, ни мало — девятнадцать островов. Представляешь, какие это были ребята! Мы продолжали наступать, это был единственный успешно наступающий фронт. Существовал тогда такой негласный окопный договор: когда мы говорили с переднего края в мегафон, финны не стреляли, когда финны говорили — мы не стреляли. И вот в один из дней на передний край приехал очередной финский оратор читать послание Маннергейма, которое начиналось так: «Доблестные защитники Гангута, что вы здесь воюете, Сталин сбежал в Аме-

рику, за что вы проливаете кровь, выходите и сдавайтесь в плен». Я уже тогда работал в газете «Красный Гангут», и к нам приехал прекрасный художник Борис Иванович Пророков. Комиссар Валя Раскин сказал нам: «Надо бы, ребята, достойно ответить». И тогда мы с Пророковым сочинили это письмо, которое заканчивалось так:

«Подлизывай, пока цела щетинистая
Жо.. фюрера.

Гарнизон советского Ханко. 10 октября 1941 года».

Я: Любителей писать стихи в нашей стране много, когда я работал в издательстве, мне случалось читать многие письма школьников, да и людей старших возрастов, которые присылали нам свои стихи. Некоторые из них категорически настаивали на публикации, если можно — отдельной книгой, другие, более скромные, просили показать их А. Прокофьеву, О. Берггольц, тебе, третьи обращались с просьбой научить их профессии поэта.

Очевидно, что научить этому нельзя, для этого изначально человек должен обладать талантом. Талантом видения. Но вот творческая лаборатория писателя складывается, видимо, по-разному. Не обессудь и расскажи, как ты работаешь?

Дудин (достает из шкафа свои записные книжки): Вот смотри, у меня их целая полка. Эту записную книжку мне подарил художник Василий Звонцов, с ней я ездил в Чили, здесь зарисовки, записки, строчки и целые стихи, а потом по рисункам вспоминается все это, и вот

так пишутся стихи. Видимо, ты уже догадался, что это те самые блоки из чистой бумаги и переплетные крышки, которые типография изготовляет для макета будущей книги. Вот эти блоки мне дарили мои друзья-художники. Я рисовал тут и стихи писал.

Я: В этой твоей записной книжке хорошо прослеживается творческий процесс работы над стихотворением, прежде чем оно будет напечатано. Здесь порой сюжет будущего стихотворения написан прозой, рядом зарисовки, а вот и первые стихотворные строчки, рядом полностью стихотворение, оно чем-то тебя не устраивает, ты его заново переписываешь, ведь недаром в одном из твоих стихотворений я прочел:

Стихи не каприз и не шалость,
Стихи не сдаются на милость.

Дудин: Вот эту записную книжку мне подарил ленинградский художник Пен-Варлен, здесь мои стихи для книги «Дерево для аиста», изданной у вас.

Я: Ты покачал головой, когда я сказал, что часто ты в рисунок вкладываешь сюжет будущего стихотворения. Но такое у меня ощущение, когда я листаю твои записные книжки.

Дудин: Каждый раз по-разному, есть у меня стихотворение, озаглавленное «7 июля», начинается оно с такой строчки:

Вчера желтеющий листок
слетел с березы.

Листок я этот поднял, положил в эту записную книжку, а здесь я его нарисовал, вот, смотри, а потом написал стихотворение:

Вчера желтеющий листок
слетел с березы —
Предупреждающий исток
Осенней прозы.

И дальше:

Он, зеленея, мало жил
Своей загадкой,
Я взял его и положил
В тетрадь закладкой.

Я: Когда я смотрю твои зарисовки цветными фломастерами, мне вспоминается сорок седьмой год и мое посещение Ольги Форш, на стенах комнаты множество рисунков, исполненных цветными карандашами.

Дудин: Ольга Дмитриевна тоже рисовала, но она была мастер, у нее были хорошие учителя.

Я: Ее рисунки мне тогда напоминали места старого Петербурга, так хорошо описанные в ее романе «Михайловский замок». Мне кажется счастливым сочетанием, когда писатель может передать свое восприятие виденного не только пером на бумаге, но и в цвете.

Дудин: Когда ничего не выходит, рисуешь, вот вид из Михайловского, цветок на книге, ночное...

Я: И наверняка есть стихотворение «Ночное».

Дудин: Да, есть. Вот еще записная книжка. Здесь написано: «Невский пятачок», потом зарисовка, потом стихотворение «Невский пятачок». Тут есть стихотворение Коле Рыленкову.

Я: А вот и шаржевая зарисовка Рыленкова. Здорово похож, на шаржи ты мастер.

Дудин: А стихи ты знаешь какие? (Читает.)

Сейчас не понапрасному
цветет смоленский край,
там день рожденья празднует
Рыленков Николай.
И мучилась, и грезила,
и верила в рассвет
душа моя поэзия
шестидесяти лет.
Встречалась, горе мыкая,
с победой и бедой,
и в верности великая,
осталась молодой.

Я послал ему фототелеграмму, там был нарисованный мною его портрет и текст этого стихотворения.

Я: Я знаю, что у тебя была нежная дружба с Кайсыном, поэт он был хороший.

Дудин: Я любил Кайсына, и поэт отличный, и человек прекрасный. Послушай, что еще записано в этой записной книжке: «Если бы ты все, что ты сделал, оставил себе, ты бы умер под тяжестью сделанного. Мир устроен иначе, хочешь ты этого или не хочешь, все то, что ты делаешь, ты делаешь для других, и для других надо все делать хорошо».

Вот какие мысли приходящие я доверяю своей записной книжке.

Я: Это, пожалуй, твое гражданское кредо. Все, что ты делал, ты всегда делал хорошо,

это особенно видно по твоим записным книжкам.

Дудин: Прежде чем я уберу их в шкаф, смотри, как записывается стихотворение:

Да, я солдат.
Завидуй мне. Дивись.
Я принимаю всех обид упреки.
Мне плоть и душу вымотала жизнь,
Восторги века и его пороки.

Вот раз переписано, два переписано, три переписано, четыре переписано, и наконец — готовое стихотворение.

А вот первые записи небольшого стихотворения, которое я поместил в изданную у вас книгу «Дерево для аиста»:

Душа моя, а все ли ты свершила?
Что из того, что не сбылась мечта,—
Из грязи прорастает красота,
Без пропасти немыслима вершина.

Пока жива — надеждою лучись,
В отчаянном дыму стихотворенья
Сама в себе не презирай терпенья,
А у терпенья мудрости учись.

Я: Ты мне показал много записных книжек. Здесь накопленные годами первые наметки стихотворений, здесь и рисунки, и готовые стихи. Здесь и размышления о месте поэта в нашей жизни. Словом, здесь хорошо видна твоя творческая лаборатория. Спасибо тебе, что ты так щедро поделился и рассказал мне о самом для тебя сокровенном. Думаю, что это будет интересно прочитать и любителям поэзии. Сорок лет минуло с тех пор, как ты стал со-

трудничать с нашим издательством. За это время мы напечатали восемнадцать твоих книг, на которых стоит марка «Советский писатель».

Когда в наших тематических планах были обозначены книги А. Ахматовой, О. Берггольц, А. Прокофьева, В. Саянова, В. Шефнера, М. Дудина, и позже С. Ботвинника, М. Борисовой, Г. Горбовского, А Кушнера, В. Сосноры, А. Чепурова — это украшало наш поэтический раздел плана.

Расскажи, какое место в литературном процессе, по-твоему, занимает издательство?

Дудин: Для писателя издательство это, по существу, второй дом. Я всегда рассматривал своих издателей как равноправных участников литературного процесса.

У меня в вашем издательстве были очень хорошие редакторы. Это и Всеволод Воеводин — человек умный, понимающий слово. Одну книжку отредактировал Илья Авраменко, но мы потом с ним разошлись. Несколько моих книг редактировал Борис Лихарев,— будучи сам хорошим поэтом, он любил и понимал поэзию, его рекомендации были всегда продуманные. А потом редактором всех моих книг стала Минна Исаевна Дикман — редактор умный, понимающий, с хорошим вкусом. Она не навязывает себя, а как-то умеет войти в контакт с автором. Самое главное, видимо, в том, что Дикман умеет вникнуть и понять замысел автора.

Я: А в чем же тогда роль редактора?

Дудин: А в том, чтобы помочь писателю сделать хорошую книгу. Не дело, когда редактор начинает править строчки. Я уже тебе го-

ворил, что есть сборники и есть книги, это не одно и то же. Редактор должен помочь автору из рукописи сделать книгу. Донести главное, что несет автор в этой книге.

Я: Какую бы твою книгу я ни взял, везде я встречаюсь с темой мира и войны... Я подумал, что это, видимо, идет не от должности председателя областного Комитета защиты мира, а от душевной потребности...

Дудин: А председателем областного Комитета зашиты мира я стал не по назначению, а по убеждению.

Что же касается темы мира, то у истинной поэзии обязанность — хоть на полшага, но идти впереди времени, предугадывать и предупреждать события, помогать людям встречать их во всеоружии мужества и беспощадной правды.

Я: Видимо, поэт и не может иначе, ибо для поэта жизнь человеческая и общество человеческое — это самое главное.

Дудин: Видишь, друг мой, в чем дело, ведь если присмотреться к современному литературному процессу, очень много есть книг, написанных не по внутренней необходимости — вот если я это не напишу, я умру,— а по досужему умению писать, вот в чем дело. А каким бы ты мастером ни был, если это не написано по необходимости, это не литература.

Беда нашей критики заключается в том, что она разъяла нашу литературу на две составные части, на форму и содержание. А ведь прекрасная мысль всегда несет в себе прекрасное выражение, это ведь процесс неразрывный. И должна быть всегда эта железная необхо-

димость написания: или я напишу, или я умру. А потом, если поразмыслить,— только пойми меня по-хорошему,— то самые прекрасные книги написаны на чердаках и в подвалах, а самая хорошая книга — я говорю о «Дон Кихоте» — в долговой яме написана.

Я: Но ты пишешь свои книги не на чердаке, а тем более не в долговой яме?

Дудин: Я об этом просто не думаю. Дело в том, что я не мог не писать то, что я пишу. Бывает такой момент, когда я должен сесть и писать, иначе не знаю, что со мной будет.

Я: То, что ты писал и пишешь, написано по велению сердца, в твоих книгах ты делишься со своими читателями своим раздумьем, своим беспокойством, своей болью и радостью. Видимо, поэтому я и не мог отыскать твои книги среди завала поэтических сборников на прилавках книжных магазинов.

Теперь поговорим о другой стороне твоей деятельности. Мне памятны твои статьи в печати с призывом на деньги, собранные от населения, воздвигнуть памятник героям, своей жизнью отстоявшим город Ленина. Знаю, что по твоей инициативе в ленинградских издательствах был начат выпуск ряда сборников писателей, и гонорар, который им причитался, по их просьбе перечислен в фонд строительства памятника.

Еще раньше ты был одним из инициаторов выпуска в нашем издательстве писательского сборника «Доброе утро, люди!», гонорар от которого поступил в Фонд мира.

Дудин: В шестьдесят четвертом году на одном собрании я предложил создать фонд

строительства памятника героям обороны Ленинграда. На этот призыв горячо откликнулись жители нашего города.

Первую книжку — «Песня Вороньей горе. Поэма»,— деньги от продажи которой поступили на расчетный счет этого фонда 114292, мы выпустили в Лениздате в том же году с художником Андреем Ушиным. На одной из страниц было указано, что книга выпускается на общественных началах: поэтом М. Дудиным, художниками А. Ушиным и О. Маслаковым, редактором Н.Чечулиной, техредом Л. Леваневской, и дальше идет перечисление многих имен корректоров, наборщиков, травильщиков, верстальщиков, печатников и переплетчиков. Одна неделя потребовалась этому коллективу энтузиастов, чтобы издание появилось на прилавках книжных магазинов.

Я: Михаил Александрович, в завершение нашей беседы я хотел бы с тобой поговорить о тревожном положении с поэзией.

Книготорговая сеть до минимума сократила свои заявки на тиражи поэтических книг,— это, разумеется, не относится к книгам широко известных в нашей стране поэтов. Но даже эти минимальные тиражи лежат на прилавках книжных магазинов. Давай зайдем с тобой в специализированный книжный магазин «Гренада». Здесь нам предложат шестьсот названий поэтических книг.

Дудин: Я тебе уже говорил, это происходит от досужего умения писать. Это сочинительство не по внутренней необходимости поэта. В такой поэзии наш разборчивый читатель не нуждается.

Я: В последнее время на страницах «Ли-

тературной газеты» по этому поводу была широко развернута дискуссия. Некоторые авторы статей утверждают, что во всем виноваты издательства и главным образом редакторы, что поток серых поэтических книг постоянно пополняется в последнее время. Спору нет, издатели несут моральную, но, к сожалению, не материальную ответственность за то, что книги, изданные ими, не находят покупателя, или лучше сказать, читателя. Другие утверждают, что торговая сеть не способна пропагандировать поэтические книги. Но ответственность за создавшееся положение несут и писательские союзы. Рецензенты и критики обычно стихи человека, способного к версификации, зачисляют в талантливые, а Союз писателей спешит принять его в члены Союза. Происходит ранняя профессионализация, молодой человек расстается со своей прежней профессией, а таланта еле хватило на одну книгу.

Дудин: У каждого времени свое отношение ко всему этому. Если посмотреть поэзию времен Есенина (ты это, возможно, лучше меня помнишь), сколько тогда выходило книг, которые канули в Лету. Остался Есенин. Во время революции и в годы гражданской войны сколько было поэтов, а время из тех лет отобрало единицы.

Я: Когда ты в сорок девятом году издал у нас свою книгу «В степях Салавата», в плане нашего писательского издательства было всего девятнадцать стихотворных книг, а теперь их в плане на восемьдесят седьмой год сто шестьдесят четыре, и это только по одному издательству.

Дудин: Это очень много, много!

Я: А ведь, как я уже тебе говорил, беда в том, что очень много молодых людей, при содействии Союза писателей, обрели право считать себя профессиональными литераторами.

Дудин: Художник в широком смысле слова — это не профессия, а призвание, легких судеб в искусстве не было и быть не может.

Я: Мне остается тебя поблагодарить за интересную беседу и извиниться за то, что отнял у тебя изрядное время...

Прежде чем покинуть этот гостеприимный дом, я попросил у Михаила Александровича разрешения взглянуть на книги, изданные в других издательствах. И был поражен обилием их. Меня, старого издателя, прежде всего интересовало художественное и полиграфическое исполнение книги. Особенно изящно оформленным мне показался двухтомник «Песни моему времени» издательства «Современник», цветные иллюстрации к нему выполнил земляк Дудина палешанин О. Ан. Видно, ревность во мне заговорила, и я сказал Дудину: «Книгу «Ключ» мы издали не хуже этой, но там главную роль сыграли твои рисунки, они наполнили книгу светом и красками».

Я знал, что книги Дудина издаются за рубежом, однако поразила меня география этих изданий: Болгария, Германия, Чехословакия, Румыния, Англия, Индия, Япония и, разумеется, наши национальные республики.

Закончить эти записки я хотел бы, перефразировав автограф Дудина на подаренной мне книжке:

Благодарю Создателя
За этого писателя.

---- * ----

ВРЕМЯ ТАЯНИЯ СНЕГОВ

ЮРИЙ РЫТХЭУ

Летом 1955 года к нам в Дом книги пришел молодой человек. Смуглое лицо, словно продубленное северными ветрами, и особенно глаза выдавали принадлежность его к одной из народностей Севера нашей страны. Принес он Маргарите Довлатовой, которая в ту пору готовила к изданию альманах «Молодой Ленинград», рассказ «Двадцать банок сгущенки» — всего двадцать страничек машинописного текста. В конце рассказа стояла фамилия автора — Юрий Рытхэу, а чуть пониже напечатано: авторизованный перевод с чукотского Александра Смоляна. Рассказ был принят и напечатан во втором номере альманаха за 1956 год. Это была первая публикация Рытхэу в нашем издательстве.

Но справедливости ради рассказ о Юре Рытхэу следовало бы начать с майских дней пятьдесят четвертого года. Позади годы учебы в Ленинградском государственном университете, на руках диплом об окончании филологического факультета, и он приходит в издательство с заявкой на книгу.

Что же заставило нас тогда подписать договор с неизвестным автором на издание не написанного еще произведения? Ведь такое исключение мы делали только именитым писателям.

Ответ на этот вопрос я нахожу в заявке на книгу:

«Хочу написать повесть, которая будет первой частью трилогии. В ней будет рассказано о маленькой народности чукчей и эскимосов, населяющих земли Крайнего Севера. Из глубин веков скудно сохранилась история этого народа, еле насчитывающего сегодня пятнадцать тысяч человек. Чукчи не имели своей письменности, и только в 1931 году появилась чукотская азбука (заметим, что учебники для чукотских школ печатались в той же типографии, где печатались книги нашего издательства.— *А. У.*) и чукотские школы. Так вот, судьба этого народа, его путь от первобытно-общинного строя к советской власти — тот фон, на котором будет развиваться сюжет повести: это история молодого чукчи, от дымной яранги, шаманского бубна до университета».

Нетрудно догадаться, что эта повесть, как и последующие книги автора, как и упомянутый рассказ «Двадцать банок сгущенки», во многом автобиографична.

Могло ли тогда издательство отказаться от книги первого в нашей истории писателя-чукчи?

Разумеется, был элемент риска, и мы сознательно пошли на это. Поначалу наши отношения не складывались. К июлю 1955 года, в срок, обусловленный договором, Юрий Сергеевич рукопись не сдал и попросил отсрочку. Съездил на Чукотку, поговорил со стариками, собрал дополнительный материал, но повесть не складывалась. Издательство расторгло договор.

В 1957 году Рытхэу принес нам рукопись

повести «Время таяния снегов». После столь трудных отношений с автором в издательстве отнеслись к рукописи настороженно. В Ленинграде в ту пору активно сотрудничал с нами писатель Геннадий Гор — знаток истории северных народностей. Ему мы и отправили рукопись на отзыв. И вот что он тогда написал в своей рецензии:

«С большой прозаической вещью, насколько мне известно, Юрий Рытхэу выступает впервые. Его повесть посвящена становлению чукотского мальчика Рынтына, его учебе в школе и жизни в интернате. Книги и научные сведения входят в сознание чукчей, еще недавно живших в неолите. В отличие от других писателей-северян, Рытхэу не делал в своих новеллах ставку на этнографию, эпос, быт. Достоинство Рытхэу не столько в бытовом наполнении, сколько в лирическом осмыслении, лаконично переданном материале. Рытхэу по-настоящему талантлив, с тонким чувством юмора и хорошим поэтическим видением...»

Получить положительный отзыв от такого мастера, каким был Гор, весьма лестно для молодого писателя. Такому отзыву могли позавидовать и писатели старшего поколения. В октябре 1957 года издательство возобновило свои договорные отношения с автором. В 1958 году первая книга чукотского писателя в нашем издательстве вышла в свет и хорошо была принята критиками, а главное,— читателями. Знаменательно и то, что перевод на русский язык был выполнен самим автором.

Выход этой книги ознаменовал приход в литературу самобытного, бесспорно очень талантливого писателя.

И здесь в моих заметках я должен сделать отступление, чтобы рассказать немного о жизни Рытхэу, без чего трудно осмыслить истоки его творчества и дальнейший путь в большую литературу.

Родился Рытхэу в 1930 году в поселке Уэлен в двадцати километрах от мыса Дежнева — северо-восточной оконечности Азии. Отец — чукча, мать — эскимоска. Жили, как и все, в яранге. Отец охотился на морского зверя — моржей и тюленей, был и на выборной советской работе. Жил и воспитывался Юра у своего дяди Кмоля, лучшего охотника поселения, с ним в детские годы ездил на охоту. В совершенстве управлял собачьей упряжкой, как мальчик Иорэле из рассказа «Двадцать банок сгущенки», который вызвался сбегать на лыжах за семнадцать километров от поселка за сгущенным молоком для детского сада. На обратном пути он, зарывшись в снегу, пережидал пургу. Его, голодного, донимало искушение открыть банку, но он этого не сделал. Взрослые разыскали обессиленного мальчика — это был Юрий Рытхэу. С одиннадцати лет зарабатывал на жизнь, возил на упряжке экспедицию. Учился в Анадырском педагогическом училище, но педагогом не стал, призванием его стало писательство.

Вот с этих лет перенес в свою взрослую жизнь будущий писатель поразительное знание истории своего маленького народа, его душевной красоты, его постоянной борьбы за выживание в условиях суровой природы. Множество легенд, выслушанных им в сумерках полярной ночи, послужили заделом для дальнейшей литературной работы.

Четырнадцать книг издал в нашем издательстве Юрий Сергеевич и всегда оставался верен своей теме. Казалось, что здесь писатель неизбежно должен повторяться. Но в каждой новой книге — новые открытия, новые главы из истории своего народа, новые герои.

И читателю, которому в пору отсутствия воздушного сообщения месяцами пришлось бы добираться до тех мест, где происходят события, описанные писателем, Рытхэу своими книгами приблизил это расстояние. Каждое новое произведение — свидетельство мужания таланта писателя, чьи книги давно перешагнули рубежи нашей родины.

Закончить свои заметки о писателе хочу маленькой историей, рассказанной им с присущим ему юмором:

— В голодные студенческие годы я пришел в Ленинградское отделение издательства «Молодая гвардия» с маленькой рукописью рассказов. С утра во рту, как говорят, и маковой росинки не было. Директор в это время завтракал; ел сосиски и запивал чаем. Меня он не пригласил разделить с ним трапезу. Тогда я еще подумал, что на Чукотке еда в одиночку грозит этому человеку появлением язвы на языке. Я пожалел его. Но в последующие посещения я заставал его совершенно здоровым...

Хочу рассказать о недавней встрече с Рытхэу, дружба с которым началась более тридцати лет тому назад, когда в издательстве шла работа над изданием его первой книги.

Юрия Сергеевича я застал за работой над рукописью, но о ней несколько позже. Беседу

нашу я записал на магнитофонной ленте, привожу ее дословно.

— Юрий Сергеевич, ты автор многих книг, изданных не только нашим издательством, но все же с каким издательством ты предпочитаешь иметь дело и куда ты несешь свою новую рукопись с большей охотой?

— Я всегда предпочитаю свое новое произведение издать в «Советском писателе», потому что это ближайшее издательство. Вы знаете, что я из семьи охотников. У нас морской охотник идет к ближайшей полынье, к ближайшему разводью, потому что идти по морозу и в пургу на большее расстояние просто бессмысленно. Поэтому для меня издательство «Советский писатель» географически и чисто житейски — ближайшее издательство, вот это первое, почему я шел туда.

Второе, что это издательство, наиболее доброжелательно относящееся к любому автору, не только ко мне. Все писатели, которые печатались в «Советском писателе», именно в Ленинградском отделении, я думаю, навсегда связали с ним свою писательскую судьбу.

— Даниил Гранин мне то же самое сказал.

— Потом, это и отношение редакторов. Ведь писатель, в основном, имеет дело с редактором. Писатель — живой человек. Он этой книгой живет, рассчитывает на что-то, планирует свой бюджет, поначалу очень скудный. «Советский писатель» всегда был на стороне автора. Никогда, ни в одном издательстве меня не спрашивали: «Может быть, тебе нужны деньги?», а вот в вашем издательстве спрашивали. Для писателя деньги — это возможность писать больше, лучше, отдавая себя всего книге. Вез-

ло мне и на то, что у меня, в общем, были хорошие редакторы. Это очень немаловажно, тем более для человека, который вначале знал всего пятнадцать русских слов, ведь мой родной язык — это язык чукчей.

— Помнится мне твой приход в издательство в полушубке. У тебя был полушубок?

— Если я пришел в полушубке, значит, я его взял взаймы.

— Это значит, что у тебя, северного человека, не было его?

— Да. Но в издательство надо было приходить прилично одетым, ведь недаром в народе говорят: «По одежке встречают, по уму провожают».

— Кто были твои редакторы?

— Первый мой редактор был Илья Корнильевич Авраменко. Он очень неплохой редактор был, потому что он поэт и как-то посвоему чувствовал слово, и смотрел на текст произведения с какой-то неожиданной точки зрения, иной, чем другие редакторы. Последние годы у меня постоянный редактор — Фрида Германовна Кацас.

— Это человек обаятельный.

— Одного обаяния мало для редактора. Это должно быть на двадцатом месте у серьезного редактора, здесь важно другое. Дело в том, что Фрида Германовна — из тех редакторов, которые верят автору. Может быть, потому, что знает мой творческий потенциал, она иногда может затронуть такие глубины моих возможностей, о которых я сам и не подозревал. Вот почему, если бы была такая возможность, сажал бы ее рядом, когда я начинаю новую книгу, но, к сожалению, это невозмож-

но. Но когда я знаю, что первой читает мою рукопись она, я спокоен, и не потому, что я такой самоуверенный, а потому, что то, что она скажет,— это для меня приговор последней инстанции. Или книга состоялась, или над ней еще следует работать.

— Над чем ты сейчас работаешь и какие твои планы на ближайшие годы? Я знаю, что в нашем издательстве готовится к печати твой новый роман «Интерконтинентальный мост».

— У меня на письменном столе лежит рукопись для американского издательства. Американцы готовят к изданию большую книгу о Советском Союзе. Восьмая часть этой книги — мой рассказ о нашем Севере.

Сейчас у нас, в обстановке гласности, демократизации, очень критическое отношение к нашей действительности.

Я никогда не получал от наших издателей и даже от журналов и газет такого заказа, который мне дали американцы. Они мне сказали:

«Нам нужно, чтобы вы написали о Севере с любовью, доброжелательностью, чтоб это был Север привлекательный. Мы понимаем, что у вас сейчас критически оценивается путь, пройденный вашей страной, идет переоценка многих событий, но мы хотим дать нашему читателю привлекательный образ вашей страны, и ваша страна этого заслуживает».

Многие американские книги о Советском Союзе были написаны с негативных позиций. Вдумайтесь, насколько изменился в последнее время мир и наше место в этом мире. Человек обретет больше уверенности, если он будет видеть в нашей стране действительно привле-

кательное, доброжелательное, миролюбивое государство.

— А какой объем этой работы?

— Больше листа. А еще у меня лежит необыкновенный материал, над которым я уже несколько лет думаю.

В 1935 году в Москве состоялся необычный процесс, который привлек внимание не только в нашей стране, но и за рубежом. Это дело об убийстве доктора Вольфсона на острове Врангеля. Государственным обвинителем был Вышинский. Убийц приговорили к расстрелу. Такова внешняя оболочка дела. Внутреннее же содержание — удивительная живучесть такого абсолютно чуждого человеку явления, как антисемитизм. Вольфсон и его жена были евреями, и эскимосы, которые жили рядом с полярной станцией, где разыгрывалась эта драма, с ужасом и абсолютным непониманием происходящего видели, как на основании каких-то непонятных для них рассуждений рождается ненависть одного человека к другому. Ведь для эскимосов все эти люди были людьми одной расы.

Эта книга зовет меня к столу, и буквально не сегодня, так завтра я уже сяду писать. Книги у меня рождаются очень долго, где-то в далеких закромах. Дело в том, что я из тех писателей, которые долго обдумывают, а пишут быстро. Большую книгу «Сон в начале тумана», изданную и в других странах, я написал за четыре месяца.

— Вот и эта будущая книга связана с твоей «малой родиной», она, видимо, расскажет, как чуждо для твоего народа такое понятие, как расизм. Ну что же, удачи тебе.

В каком году ты получил Государственную премию за роман «Конец вечной мерзлоты» и где ты печатал его? Как мне обидно, что наше издательство не имеет отношения к этому событию.

— Государственную премию РСФСР я получил в 1983 году. А напечатал роман вначале в «Новом мире», а потом в издательстве «Наш современник». У вас в это время издавалась другая моя книга.

Но все же это ваше издательство привело мое творчество к столь высокой оценке.

Однажды ваш главный редактор Кочурин сказал мне:

«Мы не можем так часто тебя печатать...»

В «Советском писателе» у меня почти нет переизданий, потому что я люблю издавать у вас свои новые книги, у своего редактора.

— Только одно переиздание было в 1983 году. Под названием «Полярный круг» вышли твои лучшие повести, ранее напечатанные у нас, книга вышла двухсоттысячным тиражом, а вообще тиражи твоих книг, изданных у нас, уже давно и намного превысили миллион экземпляров.

Возвратимся к твоей работе для американцев. Мне понравились твои рассуждения о перестройке. Как по-твоему, чем определяется перестройка для издателей и, разумеется, для писателей? Ни с кем из писателей я на эту тему не беседовал.

— Для того чтобы совершить перестройку в издательско-писательском деле, следует помнить, что писатели и издатели тесно связаны. Здесь можно было бы позаимствовать опыт

русского дореволюционного книгоиздательства.

Вот посмотрите, как прогрессивные русские издатели поддерживали нужных им и обществу писателей. Некоторые издатели подписывали пожизненные контракты с писателями. А почему бы нашим издателям не перенять этот опыт?

Ни один Союз писателей не поддержит литератора так, как это может сделать издатель. Издатель печатает книгу и материально содержит писателя.

Я в шутку сказал насчет пожизненного контракта, а почему бы и нет? Почему бы мне не получать от вашего издательства какую-то помесячную оплату, которая после выхода книги покрывалась бы? Но зато я был бы спокоен, что мне не надо просить аванса. Разве я не покрою своими книгами пятьсот рублей в месяц?

Поэтому перестройка должна теснее сплотить издателя и писателя и экономически, и творчески. Почему роль творческих союзов, прямо скажем, сильно упала? А потому, что сейчас на поверхность выходит истинная сущность писателя, его книга, его поведение, его голос. Тут писатель отличается и тем, с каким журналом и издательством он связан. Важно, какой он писатель и где он издается. Ведь не секрет, что помимо размежевания писателей то же произошло и с журналами и с издательствами. А роль союзов писателей в том, чтобы покончить с групповщиной, объединить писателей для решения задачи перестройки и в духовной сфере.

— Возвращаясь к вопросу о контрактах,

хочу заметить, что, разумеется, издательство не со всяким писателем подпишет такое соглашение. Скажем, в Ленинграде есть группа писателей, не буду называть их имена, творческий потенциал которых позволяет сегодня без особого риска подписать контракт. Число их не так уж велико, наберется десятка полтора таких имен.

— Знаешь, Юрий Сергеевич, я всегда относился к тебе доброжелательно, знаю, что ты можешь подшутить, разыграть, а сейчас ты меня поражаешь глубиной знания многих проблем. Твоя мысль о единении издателя и писателя, о том, что издательство, помимо творческих вопросов, должно быть заинтересовано в том, чтобы ты каждый день сидел за столом сытый и чтобы твоя семья была сыта и обута,— резонна, и перестройка издательского дела, помимо ряда других важных задач, должна и это учитывать. Этот вопрос требует тщательного рассмотрения и увязки с интересами основной массы писателей.

— Мы критикуем известного издателя Маркса, который якобы ограбил Чехова, купив у него право на его сочинения. Но, простите, на эти деньги Чехов построил дачу в Крыму, купил целое имение в Мелихове, городской дом в Москве на Садово-Спасской и кроме этого получал дивиденды. Сейчас попробуйте продать собрание сочинений Гослитиздату и построить не дачу, а садовый домик на эти деньги.

— Во-первых, я что-то не вижу советского Чехова, может, проглядел. Во-вторых, в Комарово есть много писательских дач, да и ты богом не обижен, вот какую дачу отгрохал.

А под Москвой я видел писательские дачи — дворцы. Так что наших именитых писателей советская власть не обидела. Но это так, к слову. Ты почему-то постоянно жаловался на отсутствие денег, хотя издавали мы тебя много и щедро.

— Большие расходы, семья большая. Каждый год летаю на Чукотку, а на это уходит несколько тысяч рублей.

— Ты каждый год ездишь на Чукотку подышать воздухом своей родины, посмотреть на социальные и духовные изменения в этом крае, побеседовать со стариками и другими людьми. Это тот, видимо, духовный заряд, который нужен писателю, прежде чем он сядет за стол?

— Конечно!

— Вернемся к книге, которую ты задумал. Когда рассчитываешь сдать рукопись в издательство?

— Думаю, что год, как минимум, мне потребуется.

— Ты знаешь, что я уже давно не работаю в издательстве, да и годы мои большие. Но меня, и, думаю, не только меня, волнует то, что происходит в писательской среде: грызня, разобщенность. Чем ты это объясняешь?

— Я думаю, это понятно. Сейчас идет отчетливое проявление — кто ты есть на самом деле? Многим это не нравится, потому что, действительно, некоторые оказываются на глазах общественности «голыми королями». Потом, идет пересмотр отношения писателя к жизни и своему творчеству. Раньше писатель и у нас, и в республиках был воспеватель успехов, часто не существующих. Как ты зна-

ешь, успехов, прямо скажем, у нас маловато, чтобы ими хвастаться, а инерция эта остается. У многих творческое наследие состоит именно из таких вещей, а жизнь требует расплаты,— это одна сторона.

Второе,— идет расслоение по очень чувствительному месту — по национальному признаку, и оказывается, что все нации в той или иной степени оказались обиженными. Даже самые процветающие среднеазиатские национальности — «витрина социализма», а за этой витриной оказалась процветающая коррупция. Коллективизация, которая под корень вырубила русское крестьянство. У них тоже есть основания быть недовольными. А Прибалтика, которую так разбавили другими нациями, что коренные жители еле-еле находят свое национальное начало. Так что здесь наша национальная политика оказалась во многом несостоятельной, и расстояние между декларацией и настоящим положением так велико, что большие силы потребуются, чтобы их свести воедино.

В национальном вопросе много эмоций, а эмоции, как известно, заводят очень далеко.

— Спасибо, очень интересно было послушать тебя, твои размышления по поводу таких непростых проблем. В заключение нашей беседы скажи, в каких странах издавались твои книги?

— В Канаде, Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании, Испании, Франции, Румынии, Чехословакии, Польше, Индии, даже в Эфиопии, еще при императоре Хайле Селассие Первом, в Италии, где мой роман «Сон в начале тумана» в восемьдесят третьем году неожидан-

но для меня получил очень престижную католическую литературную премию «Грицане Кавур». Вручал мне ее в городе Альба министр культуры в очень торжественной средневековой обстановке.

— А какая книга из написанных тобой тебе дороже всего?

— «Время таяния снегов» — первая часть трилогии, изданная в вашем издательстве.

— Прежде чем встретиться с тобой, я почитал некоторые твои книги, в издании которых принимал участие, и вот о чем подумал: если бы, скажем, довелось мне пожить на Чукотке полгода-год, вряд ли я бы узнал столько, сколько почерпнул из книг о твоей Чукотке.

Издавать твои книги было не просто, соседи по этажу, которые давали разрешение на печать, всегда настороженно читали их, много запретных тем было тогда и в зверобойном промысле на морях, не дай бог упоминать о промысле китов. Многие герои твоих книг были пришельцы из Америки, и здесь возникали проблемы. В общем, хлопот с изданием твоих книг было много...

Вот так закончилась наша беседа. На наших глазах Юрий Сергеевич Рытхэу от книги к книге своим талантом обрел известность не только у нас, но и за рубежом. У меня помимо дружбы остались его книги с добрыми дарственными надписями.

* * *

БИОГРАФИЯ И КНИГИ

ГЕОРГИЙ ХОЛОПОВ

Шел последний месяц первого послевоенного года. Озабоченные неутешительными результатами года, мы допоздна задерживались на работе, искали выход из создавшегося положения.

Мы — это директор отделения издательства «Советский писатель» Николай Брыкин, главный редактор Григорий Сорокин, старший редактор Арсений Островский и автор этих записок.

— Одиннадцать книг прозы и поэзии за год — маловато для такой писательской организации, как ленинградская,— замечает Брыкин.

В тот год издательство «Советский писатель» выпустило в свет сто четыре книги, большая часть издана на ленинградских полиграфических предприятиях, но из них только одиннадцать книг ленинградских писателей.

— Нам надо знать, над чем работает сейчас каждый ленинградский писатель, следить за журнальными публикациями, и тогда мы пополним свой редакционный и производственный портфель,— сказал Сорокин.— Вот, в частности, у меня верстка одиннадцатого номера журнала «Звезда», в нем первая часть

романа Холопова «Огни в бухте». Роман о Кирове, почему бы нам его не издать?

— Это тот Холопов, который накануне войны издал у нас маленькую книжку рассказов? — спросил Брыкин.

— Да, он,— ответил Сорокин.— Та книга называлась «Бегство Сусанны»... «Огни в бухте» я прочел,— продолжал Сорокин,— интересный роман. Беда в том, что сейчас Холопов на Карельском перешейке, на берегу Комсомольского озера. Надо посылать телеграмму и просить приехать с рукописью романа.

Издание произведений, опубликованных в журналах, стало практикой нашей работы. Конечно, авторы для издательства дорабатывали, дополняли свои рукописи. Журнальная апробация позволяет редактору увидеть сильные и слабые стороны произведения, проанализировать реакцию литературной критики. Журнал «Звезда», которым, к слову говоря, Георгий Холопов бессменно руководил многие годы, начиная с 1957-го, публиковал изданные затем у нас произведения многих ленинградских писателей.

За окном моросил осенний ленинградский дождик. Развязав шнурок плащ-палатки и аккуратно сложив ее, молодой человек, на котором ладно сидел офицерский китель со следами погон, подсел к главному редактору, положив на стол объемистую папку.

Со многими писателями я в ту пору был уже знаком, но новый посетитель, с копной черных вьющихся волос, с лицом усталым и очень худым, был мне незнаком. После его

ухода я спросил у Григория Эммануиловича, кто это был.

— Это и есть Холопов, о котором мы говорили. Он принес рукопись, будем читать. Одновременно с нами будет читать музей Кирова.

На этом и закончился тогда наш разговор о романе.

В начале сорок седьмого года Сорокин докладывает на редсовете о работе редакции над романом «Огни в бухте».

— Роман интересен тем, что Сергей Миронович Киров выступает здесь не только как организатор, но и как человек большого творческого начала в жизни. Книгу пришлось основательно редактировать, особенно за счет ужатия авантюрной линии. Музей Кирова в своей рецензии отмечает, что образ Кирова показан правильно и достоверно.

Вскоре рукопись поступила в производственный отдел.

И с этого момента началась многолетняя дружба с Холоповым. Выпускать его книги было всегда интересно и легко. С большим вниманием он прислушивался к замечаниям редактора, с признательностью относился к пометкам корректоров. Все изданные у нас его книги имеют строгое оформление, основанное на скромном шрифтовом решении, это соответствовало вкусу и требованиям автора.

Георгий Холопов принадлежит к числу авторов, которые не меняют привязанности к своим издателям. Шестнадцать книг тиражом более двух миллионов экземпляров издано в нашем издательстве более чем за четыре десятилетия.

У Александра Андреевича Прокофьева есть такая строчка: «Вся моя биография разошлась по стихам». Можно с уверенностью сказать, что биография Георгия Холопова, в большей или меньшей мере, присутствует на страницах его книг.

Когда я уже всерьез занялся «Записками издателя», возникла необходимость встретиться с Георгием Холоповым.

Июнь восемьдесят четвертого года. Мы похолостяцки устроились на кухне за чашкой кофе. Жена Георгия Константиновича, Ольга Ивановна, на даче. В этом доме входящего всегда ожидает гостеприимство и радушие. Я прочитал наброски заметки об одном ленинградском писателе. Должен признаться, Холопову не понравилось, он стал меня учить, как надо беречь слово, скупо и сжато излагать свои мысли. Но главная цель моего прихода была выудить у Георгия Константиновича все то, что мне может пригодиться, когда я буду писать о нем — нашем авторе.

Много в тот летний вечер было переговорено. Здесь были воспоминания и о детских годах, о юности, о войне, о послевоенных годах, о работе над изданием его книг.

Когда разговор зашел о влиянии собственной биографии писателя на его творчество, Холопов сказал:

— Вот за многие годы я знаю, что ты мои книги читал. К выпуску всех моих книг в издательстве «Советский писатель» ты был причастен. А вот сейчас я дам тебе книгу, в издании которой ты не принимал участия, в ней ты найдешь ответ на многие вопросы...

Он подошел к книжной полке и вытащил

маленькую, тощую книжицу. На блеклом выцветшем переплете крупным шрифтом напечатано: Георгий Холопов, «Бегство Сусанны», а на титульном листе я нашел год выпуска: тысяча девятьсот сороковой.

Это была первая книга Холопова, вышедшая в нашем отделении, редактором ее был Н. В. Лесючевский, который после войны переехал в Москву и четверть века возглавлял наше издательство. Художником этой книги был брат Лесючевского.

Когда дома я стал читать ее, то обнаружил, что многие факты, события, герои рассказов мне встречались в других книгах Холопова: «Гренада», «Докер», «Грозный год»... В них — суровая биография Холопова, история нашей страны...

В маленьком уездном городе Шемахе, прилепившемся в предгорье Кавказского хребта, в бедной семье в 1914 году родился будущий писатель. Когда Георгию исполнилось четыре года, семья, спасаясь от нашествия турок, бежала в Баку. Когда турки подошли к Баку, семья переправилась на пароходе в Астрахань. Во время этих скитаний умерли отец, младшая сестра, брат, дед и бабушка.

В книжке «Бегство Сусанны» есть автобиографический рассказ «Цветы», о том, как не по-зимнему одетый, голодный пятилетний мальчик бегает по стылым, заснеженным улицам Астрахани, пытаясь обменять зажатый в руке кусочек хлеба с повидлом на букетик живых цветов. Как доволен был мальчишка, когда дед уложил цветы на грудь отца и сказал:

— Ты настоящий мужчина! Отец у тебя тоже был такой...

В январе двадцатого года вслед за наступающей Одиннадцатой армией и армией Кавказского фронта двинулась назад в Баку семья Холопова. И новая страшная беда обрушилась на эту семью: в поездке за продовольствием попадает под поезд и лишается ног мать.

Ученик первого класса восьмилетний Георгий пополняет армию бакинских ирисников.

— Механика, на первый взгляд, была простая,— вспоминает Холопов.— Следовало купить в кондитерской «Эйнема» коробку сливочных ирисок и поштучно их распродавать. Для этого надо было обладать предприимчивой головой и ногами спринтера...

Вслед за торговлей ирисками была торговля папиросами, газетами, работа рассыльным за десятирублевое жалованье. Все это совмещалось с занятиями в школе. Что поделаешь, надо было помогать матери.

Занятия в девятом выпускном классе в тридцатом году Георгий совмещал с работой грузчиком в Бакинском порту. В порту шестнадцатилетний юноша завязывает дружбу с людьми разных национальностей, разных, порой невероятных судеб,— все это потом послужило материалом для романа «Докер», написанного тридцать пять лет спустя.

Окончена школа. Холопов приезжает в Ленинград. Поступает на завод имени Карла Маркса. В цеху, где собирались хлопкопрядильные машины, молодой рабочий внимательно присматривается к людям, к работе. Жил он в это время в Шувалове, в комсомольской коммуне, и здесь у него появляются новые друзья — рабочие парни Выборгской стороны, со своими биографиями, привычка-

ми, мировоззрением. Юноша из провинциального города старается глубже разобраться в ситуациях человеческой жизни, почувствовать рабочий настрой, энтузиазм; все это пригодилось писателю Холопову.

Потом были первые пробы пера в заводской газете «Трибуна». Занятия в литературных кружках Ленинграда, которыми тогда руководили корифеи советской литературы: К. Федин, Б. Лавренев, А. Чапыгин, В. Шишков, М. Зощенко, М. Слонимский, работа штатным сотрудником газеты «Крестьянская правда»,— все это явилось большой жизненной школой будущего писателя. Учился Холопов и в вечернем Литературном институте имени Горького.

Шагая по обширной Ленинградской области, Георгий Константинович наблюдает за социальными изменениями в деревне, видит и вникает во многие человеческие судьбы. Однажды Холопов забрел в маленькую деревушку. Зоркий глаз начинающего писателя увидел скрытый от постороннего человека мир сельской старообрядческой жизни, фольклорные сюжеты, истории. Из-под пера Георгия Холопова появляется широкое прозаическое полотно — роман «Медвежий лог», изданный за год до войны. Роман этот автор ни разу не пытался переиздать. Но при всех его недостатках этот роман вселил уверенность в своих силах.

В 1937 году Г. Холопов был принят кандидатом в члены Союза писателей, в 1939-м переведен в члены Союза. Когда я спросил у Георгия Константиновича, кто участвовал в заседании правления при его приеме, то изумился: это были О. Форш, А. Горелов, В. Шиш-

ков, К. Федин, Н. Тихонов, М. Зощенко, С. Маршак, К. Чуковский, Б. Лавренев, Л. Соболев, М. Слонимский — цвет советской литературы. Главным докладчиком был Слонимский — великолепный литературный наставник, который уже тогда в начинающем писателе увидел незаурядность таланта. Это он позже скажет: «Холопов бежит от серых и скучных слов». С детальным разбором первых опубликованных рассказов выступил К. Федин.

В том же году писатель начинает работу над давно задуманным романом «Огни в бухте».

Бакинский период жизни и деятельности С. М. Кирова был близок и знаком автору. Холопов едет в Баку. Многие месяцы работает в архиве Института истории партии, часто бывает на нефтяных промыслах Биби-Эйбата, где в первые годы советской власти разворачивались главные события борьбы за нефть. В Баку Холопов разыскал людей, знавших Кирова, работавших с ним.

Каждый уголок, каждая пядь земли, о которых идет речь в романе, знакомы Холопову с детских и юношеских лет. Среди друзей писателя были люди, близко знавшие Кирова. Главными действующими лицами романа были Сергей Миронович Киров и инженер Богомолов. Богомолов погиб от руки убийцы, часть его личного архива оказалась в Ленинграде и была передана Холопову.

Работа над романом двигалась довольно быстро. Оставались ненаписанными только две последние главы, когда грянула война.

От Свирского участка фронта до центра Европы — Венгрии, Чехословакии, Австрии —

пролегла военная дорога капитана Холопова. Неуемная натура толкает молодого корреспондента в самые жаркие места: на передовую, в экипаж тяжелого бомбардировщика, совершающего боевой вылет на позиции немецких войск и в тыл врага. Я видел в пожелтевших от времени армейских газетах корреспонденции Холопова. Эти корреспонденции и были началом большой книги «Невыдуманные рассказы о войне», которая потом вышла в «Советском писателе».

Демобилизовавшись из армии, Холопов уезжает в Баку. Требовалось уточнить некоторые эпизоды и детали для романа о Кирове. Осенью сорок седьмого года роман «Огни в бухте» вышел в свет...

Чтобы полнее изобразить яркую жизнь С. М. Кирова, Холопов задумал написать роман, посвященный астраханскому периоду его деятельности. Он едет в Астрахань. Встречается с участниками гражданской войны. Работает в архивах. Роман «Грозный год» вышел в свет в пятьдесят пятом году, через восемь лет после «Огней в бухте», но стал первой книгой дилогии Холопова о С. М. Кирове.

На моем письменном столе лежит книга в темно-вишневом переплете — первое издание дилогии, где оба романа помещены в соответствии с хронологией событий: сначала «Грозный год», а затем «Огни в бухте».

Вспоминаю нашу работу над этой книгой. Получив из редакции рукопись и полистав ее, я рассердился: на расклеенных страницах рукописи было много исправлений, сделанных рукой автора. А мы тогда рассчитывали использовать матрицы предыдущих изданий, ис-

правив только во втором романе нумерацию страниц, и сразу приступить к печатанию книги. Но спорить с Холоповым было бесполезно.

Сжатые сроки выхода этой книги, насчитывающей шестьсот страниц, при тираже семьдесят пять тысяч экземпляров, заставили меня призадуматься.

Книга была сдана в набор четвертого февраля, вторая корректура подписана в печать третьего марта. Восьмого апреля Георгий Константинович, зайдя ко мне в комнату, подарил мне авторский экземпляр готовой книги с дарственной надписью. Два месяца для такой объемной книги — срок поистине невероятный, вряд ли издатели и полиграфисты могут сегодня похвастать такой оперативностью. Через некоторое время в издательство стали приходить книги, переведенные с нашего издания в разных странах.

Все тяжелое, а порой и трагическое, что шло бок о бок с детскими и юношескими годами автора и его сверстников, не давало ему покоя. В начале 60-х годов была задумана во многом автобиографическая дилогия: «Гренада» и «Докер». Роман «Гренада» вышел в свет в 1962 году.

В апреле 1964 года от Холопова мы получили следующую заявку: «Предлагаю для издания роман «Докер», который я должен закончить в самое ближайшее время, где-то в мае — июне этого года. Роман этот имеет самостоятельный сюжет, но в какой-то мере является продолжением «Гренады». События в книге развертываются в 1931 году. Южный порт, разноязычная артель грузчиков. Фан-

тастические судьбы людей. В среде грузчиков выковывается характер главного героя книги — молодого докера Гарегина. Он уже взрослый человек, ему семнадцать лет, он недавно закончил школу. В порту он познает жизнь, активно борется за светлые идеалы. Размер книги — десять авторских листов».

В середине шестьдесят девятого года Георгий Холопов заканчивает работу над книгой «Маленькая повесть и большие рассказы». Честное и бесхитростное повествование, написанное почти четверть века спустя, о последних днях войны выходит в свет в семидесятом году. Эта книга, так же как и книга «Невыдуманные рассказы о войне», легла в основу изданной у нас в семьдесят втором году объемной книги под названием «Две книги о войне. Маленькая повесть и большие рассказы».

В 1975 году к тридцатилетию Великой Победы эта книга Холопова была удостоена диплома Министерства обороны СССР, а автору был вручен именной офицерский кортик.

...Убегая от городской суеты и шума, с шестьдесят третьего года, пятнадцать лет подряд, писатель проводит в Прикарпатье. Здесь в тиши, на лоне красивой природы, завершил он работу над романом «Докер». Здесь была написана и издана у нас книга «Иванов день», удостоенная в 1982 году Государственной премии РСФСР имени М. Горького. В книгу эту вошла и ранее изданная повесть «Путешествие в Буркут».

Для того чтобы написать эту книгу, Георгий Константинович спустя семьдесят пять лет повторил маршрут, пройденный великой

дочерью Украины Лесей Украинкой по дорогам Прикарпатья.

С увлечением я вспоминаю и пишу эти строки о своем друге Георгии Холопове, знакомству нашему почти сорок лет, многое утрачено в памяти, но кроме издательских дел нас с ним объединяла комсомольская юность.

Когда я разложил на столе столь знакомые мне книги, которые прошли через добрые сердца и руки моих товарищей по издательству, мне на ум пришла мысль: а ведь книги Холопова, по мере их выхода, как бы служили вешками, отмечавшими путь, пройденный писателем, который совпадал с отрезком времени, пройденным страной. И в этом, пожалуй, сила таланта писателя.

Сегодня вечером, когда я поставил последнюю точку в этих записках, по программе «Время» был оглашен указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Холопова Георгия Константиновича орденом Ленина. Страна по достоинству оценила своего писателя.

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

*

ПОД ЗИНГЕРОВСКИМ ГЛОБУСОМ

История создания «Библиотеки поэта» начинается задолго до выхода в 1933 году первой книги. Читатель, взяв в руки том Большой или Малой серии, обнаружит на титульном листе слова: «Основана М. Горьким». В письме Ромену Роллану из Сорренто, датированном 31 октября 1931 года, А. М. Горький пишет:

«В этом году мой визит в Союз Советов был уже не визитом наблюдателя, а поездка работника.

Далее — организовано издание «Библиотеки поэта», это — картина роста русской поэзии, в образцах ее, начиная с XVIII века и до наших дней... Общая их цель — вооружить знанием прошлого молодежь страны с населением 162 млн. Эта молодежь, в большинстве крестьянская, родилась вне культуры, и необходимо, чтобы она знала прошлое, это даст ей возможность лучше понять и достойно оценить настоящее, создаваемое ею. Вот Вам мой „рапорт“» (М. Горький, т. 30, с. 228—229).

В книге «Статьи и воспоминания», подаренной мне известным поэтом и прозаиком В. М. Саяновым, в статье «Встречи с Горьким» Саянов пишет:

«Весной 1931 года позвонил мне Илья Груздев... Оказалось, что Алексей Максимович уже прибыл в Москву, расставшись на несколько

месяцев с Сорренто. Приехал он, как всегда, с новыми планами.

Груздев недавно встретился с Горьким, и Алексей Максимович больше всего заинтересовался планом создания новой Большой серии поэтических сборников, посвященных классической русской поэзии и поэзии двадцатого века».

Далее Саянов рассказывает, что начинание это захватило грандиозностью замысла и отсутствием до сих пор попыток свести воедино труд многих поколений русских поэтов. Груздев предупредил Саянова, что следует ожидать вызова в Москву членов будущей редколлегии «Библиотеки поэта».

Двадцать седьмого мая 1931 года в Краскове под Москвой А. М. Горький тепло встретил прибывших к нему из Ленинграда Ю. Тынянова, И. Груздева, Н. Тихонова и В. Саянова. Об этой встрече Саянов пишет:

«...Алексей Максимович с большим подъемом говорил о необходимости поднять культуру наших поэтов. Перед ним лежала на столе кипа писем и рукописей, и он, заглядывая в некоторые из них, приводил примеры плохой техники стиха, малокультурья, а зачастую и вопиющей неграмотности наших поэтов-профессионалов.

... — О начинающих и говорить нечего, надо их технически вооружить, надо познакомить с историей русской поэзии. Большая работа предстоит вам, но сделать ее необходимо...

Мы согласились участвовать в подготовке серии только при том условии, что сам Алексей Максимович возглавит «Библиотеку поэта» и напишет к ней вступительную статью.

Свое обещание А. М. Горький выполнил. В пожелтевших от времени номерах газет «Правда» и «Известия» от 6 декабря 1931 года опубликована статья М. Горького «Библиотека поэта». «„Издательство писателей в Ленинграде“ в 1932 году начинает издавать «Библиотеку поэта». В состав «Библиотеки поэта» будут включены наиболее значительные произведения русской поэзии — от Ломоносова до наших дней.

Почему признано необходимым издание «Библиотеки поэта»?

Наша молодежь должна иметь ясное представление о месте и значении поэзии в истории культуры, о том, какую роль играла поэзия в истории роста, упадка и разложения буржуазного общества».

И далее, как и в беседе с членами редколлегии о значении «Библиотеки поэта», М. Горький пишет:

«А поэтам нашим, кроме всего этого, нужно хорошо знать историю русской поэзии и знать, какими приемами техники слова пользовались поэты прошлого времени, как развивался, обогащался язык русской поэзии, как разнообразились формы стиха. Нужно знать технику творчества.

...Немногие из наших поэтов могут похвастаться тем, что знают свое дело так хорошо, как следует знать его. И немногие из них понимают, насколько глубока действительность, творимая рабочим классом Союза Советов...

...Стихов у нас пишется бесконечно много, и, должно быть, труд поэта принято считать легким трудом, а это — очень вредное заблуждение. В результате такого заблуждения мы

имеем бесконечные ленты рифмованных слов, и — как правило — эти слова, рассудочно построенные в строки и строфы, совершенно лишены чувства полного, искреннего слияния поэта с его темой...»

К сожалению, следует отметить, что спустя более полувека пороки советской поэзии 30-х годов, о которых пишет М. Горький, присущи целому ряду поэтических книг, выпускаемых нашими издательствами сегодня.

Алексей Максимович заканчивает свою статью словами:

«„Библиотека поэта" ставит целью своей познакомить молодежь с историей русской поэзии и дать начинающим поэтам материал для технической учебы...»

Статья Горького стала программой деятельности «Библиотеки поэта» на многие годы.

Вернувшись после встречи с А. М. Горьким в Ленинград, Ю. Н. Тынянов и В. М. Саянов принялись за организацию при кооперативном «Издательстве писателей в Ленинграде» редакции «Библиотеки поэта», большую помощь в этом деле им оказал председатель правления этого издательства К. Федин.

Первым изданием, с которого началась «Библиотека поэта», был сборник стихов Г. Державина (1933).

В 1932 году Тынянов, который стал по существу научным руководителем «Библиотеки поэта», пригласил Арсения Георгиевича Островского на должность редактора-организатора.

Вслед за Державиным в 1933—34 годах вышли в свет еще пять книг: Д. Давыдов, «Поэты Искры», «Ироикомическая поэма»,

А. Дельвиг, К. Рылеев. По мере их выхода сигнальные экземпляры направлялись М. Горькому. В плане «Библиотеки поэта», разработанном Горьким, эти издания не значились первоочередными.

Горький пристально следил за работой «Библиотеки поэта». В декабре 1934 года он довольно сердито ответил Федину на его письмо и письмо работников «Библиотеки поэта»:

«Библиотеку следует начинать с народной песни, с былины, с Тредьяковского, т. е.— именно «научно» и строго хронологически... От этого порядка и плана работы молча отказались. Работа сразу же приняла характер работы «по линии наименьшего сопротивления», по силе симпатии каждого «единоличника», по принципу «всяк молодец на свой образец». Одному приятен Рылеев, другому — Державин, третьему — Бенедиктов». И в связи с возникшим спором, в каком издательстве издавать книги «Библиотеки поэта», Алексей Максимович замечает: «Совершенно неважно, в какой издательской организации будет издаваться „Библиотека поэта“».

Горький просит Федина довести содержание его письма до ленинградских литераторов, работающих в «Библиотеке поэта».

Старейший сотрудник редакции А. Г. Островский в статье «У истоков „Библиотеки поэта“», опубликованной в сборнике «Воспоминания о Ю. Тынянове», рассказывает, что в то время на это издание претендовали издательства «Академия» и «Гослитиздат». Однако Ю. Н. Тынянов считал, что издание Большой серии — дело писательское.

Тихонов как-то рассказывал, почему имен-

но Ленинград был избран центром «Библиотеки»: Ленинград — город поэтов, впитавших в себя лучшие традиции русской поэтической и переводческой школы. Здесь была база, которая позволяла поставить дело широко и научно.

Недаром после того как возникло у кого-то предложение перевести «Библиотеку» в Москву, Тихонов, Тынянов, Саянов и Груздев обратились в ЦК ВКП(б) с решительной просьбой сохранить издание в Ленинграде.

Просьба была услышана.

В связи с недовольством Горького тем, что выпущенные тома громоздки (Горький полагал, что объем не должен превышать десяти печатных листов), а статьи и комментарии рассчитаны на специалистов, ему были направлены срочно подготовленные два макета будущей Малой серии «Библиотеки поэта». А. Островский вспоминает, что Горький писал И. Груздеву: «Макет издания мне очень нравится».

Несмотря на свою чрезмерную занятость, Горький до последних дней своей жизни держал в поле зрения работу редколлегии, ему направлялись на просмотр рукописи, он занимался даже добыванием типографской бумаги для издания этой серии. На титульных листах сборников, выпущенных при жизни писателя, напечатано: «Под редакцией М. Горького».

С конца 1934 года в связи с ликвидацией кооперативного «Издательства писателей в Ленинграде» редакция «Библиотеки поэта» вела свою работу в созданном при Союзе писателей СССР издательстве «Советский писатель». Это благотворно сказалось на дальнейшей судьбе

«Библиотеки поэта». Выпуску книг этой серии в общем плане издательства отводилось значительное место, организационные вопросы (финансирование, полиграфия, бумага, ткани и др.) стали общеиздательской заботой. Только за один 1935 год было выпущено восемь томов Большой серии и впервые были изданы шесть книг Малой серии. В последующие годы в тематических планах издательства предусматривался, как правило, выпуск от 14 до 24 названий в год.

Первая редакционная коллегия «Библиотеки поэта» была сформирована Горьким. В нее вошли: М. Горький (главный редактор), И. Груздев, Б. Пастернак, В. Саянов, А. Селивановский, Н. Тихонов, Ю. Тынянов.

О работе редколлегии и редакции в довоенные годы рассказал мне А. Г. Островский.

Редколлегия в ту пору собиралась два-три раза в год. Помимо обсуждения плана выпуска книг на этих заседаниях рассматривались многочисленные заявки на подготовку изданий, утверждались кандидатуры авторов вступительных статей, комментаторов и составителей. Следует сказать, что первоначальные наметки плана издания русской поэзии XVIII — начала XX веков разработал Ю. Н. Тынянов, А. М. Горький внес в этот план существенные дополнения. План этот и впоследствии дополнялся Горьким и редколлегией.

Ю. Н. Тынянов не ограничивал свою работу только контрольным чтением готовящихся изданий. Постоянной его заботой было создание авторского коллектива, заинтересованного в судьбе «Библиотеки поэта», тщательный от-

Ю. Н. Тынянов (1894 — 1943)

бор кандидатур как ученых старой школы, так и — с прицелом на будущее — молодых начинающих литературоведов, которым поручалась подготовка изданий; в этой работе ему помогал В. Саянов.

Так, Тынянов очень высоко ценил Григория Александровича Гуковского как ученого, специалиста по поэзии XVIII и XIX веков и превосходного текстолога. Григорий Александрович — один из зачинателей «Библиотеки поэта». Тринадцать подготовленных к изданию книг в «Библиотеке поэта» — таково литературное наследие этого ученого только в нашем издательстве.

Островский показал мне последний протокол заседания редколлегии, подписанный Тыняновым 31 мая 1941 года. На этом заседании присутствовали И. Груздев, Н. Тихонов и А. Островский. Заседание посвящено обсуждению и утверждению поименного списка лиц, которым поручается подготовка изданий.

Тынянов при заключении договоров настаивал на необходимости тщательной и огромной по своему масштабу текстологической подготовки изданий. Круг интересов Тынянова при издании серии был тогда очень широк: от редактуры издания до полиграфического исполнения. Часто приходилось слышать от него, что технические редакторы не знают архитектоники стихотворных книг.

За время работы Тынянова в качестве руководителя «Библиотеки поэта» было издано 129 томов Большой и Малой серии. В ту пору при подготовке этих изданий были разысканы новые материалы, в стихотворных текстах устранены цензурные и другие вмешательства.

Советская школа текстологов, завоевавшая мировое признание, сложилась в значительной степени на основе практики «Библиотеки поэта» этих и последующих лет.

В. Н. Орлов, вспоминая начало своей деятельности в «Библиотеке поэта», рассказал, что Ю. Н. Тынянов, его учитель на Высших курсах искусствоведения, пригласил его, начинающего ученого, работать в «Библиотеке поэта». Здесь он прошел настоящую школу текстологии, им изданы 22 книги в Большой и Малой серии. Владимир Николаевич говорил о той большой роли в судьбе и направлении «Библиотеки поэта», которую сыграл Ю. Н. Тынянов. Рассказал о том резонансе в литературных кругах, который вызвал выход двухтомного собрания стихотворений В. Кюхельбекера, подготовленного Ю. Н. Тыняновым.

В архиве ЛГАЛИ сохранилось незначительное количество документов, характеризующих деятельность «Библиотеки поэта» в предвоенные годы. В обстоятельной рецензии Б. М. Эйхенбаума на сборник «Д. Веневитинов, С. Шевырев, А. Хомяков», датированной 22 марта 1937 года, указывается на поверхностное содержание вступительной статьи. Статья нуждается в большой доработке, имеются рекомендации, по каким направлениям должна вестись доработка.

В. Н. Орлов 10 апреля 1937 года в рецензии на намечавшуюся к изданию книгу стихов Коневского (она не была издана) отметил, что в таком виде работу Н. Степанова следует считать незаконченной. Здесь же одобрительная рецензия Н. Мордовченко на вступительную статью В. Орлова к книге «Катенин», отзыв

Л. Плоткина на работу А. Дымшица о Надсоне, рецензия В. В. Гиппиуса на работу Н. Степанова («Майков», Малая серия). В. Гиппиус указывает на стилевые погрешности вступительной статьи и неоправданное отсутствие таких известных стихов, как «Розы», «Уходи, зима седая». В целом проделанная работа оценивается положительно. Б. Мейлах в рецензии на двухтомное собрание стихотворений Кюхельбекера отмечает большую работу, проделанную Ю. Н. Тыняновым по установлению датировки стихов и устранению искажений текстов, допущенных в изданиях 1880—1908 годов; «в этом отношении данное издание,— заключает рецензент,— является первым научным изданием Кюхельбекера». И еще один любопытный документ, обнаруженный мною в этой папке. Это письмо В. Саянова А. Островскому, написанное 8 мая 1938 года, относительно готовящегося к изданию сборника стихов Хлебникова. Письмо характеризует атмосферу требовательности, доброжелательности и коллегиальности, которая царила в редколлегии «Библиотеки поэта»:

«Уважаемый Арсений Георгиевич!

Ознакомился с планом, представленным Н. Л. Степановым, и считаю, что в основном этот план издания избр. стихов Хлебникова вполне приемлем.

Мне хотелось бы все-таки, чтобы с этим планом ознакомились и другие члены редколлегии. Основные вопросы, которые надо обсудить, по-моему, следующие:

1) Принцип отбора стихотворений. Мне ка-

жется, что это издание стихотворений Хлебникова должно быть народным, в эту книгу следует включать не экспериментальные работы Хлебникова, а только то, что может представить интерес для широких читательских кругов. Таких стихов у Хлебникова много.

2) Принцип работы комментатора. Мне кажется, что этот комментарий должен быть комментарием особого типа: он должен не столько объяснять, сколько толковать стихотворения.

В. Саянов».

Письмо В. Саянова, к сожалению, последний документ, относящийся к предвоенной деятельности «Библиотеки поэта».

Самой высокой оценки заслуживает участие старейшего сотрудника «Библиотеки поэта» А. Островского в издании более двухсот книг Большой и Малой серий. В беседе со мной Арсений Георгиевич сказал:

— За мою более чем шестидесятилетнюю литературную деятельность двадцать лет, отданные «Библиотеке поэта», являются самым интересным и отрадным временем в моей жизни.

Следует добавить, что Островский является автором вступительных статей и комментариев и составителем сборников В. Брюсова и И. Тургенева в Малой серии.

После смерти М. Горького редколлегия «Библиотеки поэта» неизменно формировалась Секретариатом Союза писателей СССР. В нее, наряду с видными критиками и литературо-

ведами, знатоками русской поэзии и многонациональной поэзии других народов СССР, входили крупнейшие советские писатели: М. Ауэзов, П. Бровка, Б. Пастернак, А. Прокофьев, В. Саянов, А. Сурков, А. Твардовский, Н. Тихонов, С. Чиковани, М. Турсун-заде,— называю только тех, кого уже нет с нами.

Пятьдесят лет — срок немалый, за это время сменилось несколько составов редколлегии и главные редакторы. В послевоенные годы в разные отрезки времени редколлегию возглавляли: И. Груздев, В. Друзин, В. Базанов, В. Орлов, Б. Егоров, Ф. Прийма. В канун пятидесятилетия «Библиотеки поэта» ее главным редактором утвержден Ю. Андреев.

На протяжении всех пятидесяти лет редколлегия осуществляла руководство деятельностью «Библиотеки поэта», продолжая горьковские традиции. Главный редактор и члены редколлегии участвовали в решении наиболее сложных вопросов. Вот далеко не полный их перечень, дающий представление о многогранной деятельности редколлегии:

1. Подготовка и рассмотрение проектов плана первого и второго издания Большой серии, первого, второго и третьего издания Малой серии, с последующим утверждением этих планов на Секретариате Союза писателей СССР. Утверждение и дополнение годовых планов выпуска.

2. Подбор и утверждение авторского коллектива — авторов вступительных статей, текстологов, комментаторов и переводчиков. При этом подготовка изданий поручалась специалистам, хорошо знавшим наследие того или иного поэта, историю поэзии той или иной

эпохи или литературного направления, способных помимо историко-литературного разбора дать четкую идейно-политическую оценку. Переводы, как правило, поручались поэтам и переводчикам, занимавшимся переводами классического наследия поэтов национальных республик.

3. На заседаниях редколлегии проходило обсуждение вступительных статей, состава издания и комментариев. Рецензирование сборников поручалось не менее чем двум членам редколлегии. Кроме того, редакция привлекала видных специалистов к рецензированию почти всех изданий. Мне довелось присутствовать на некоторых заседаниях ленинградской части редколлегии в послевоенные годы, сохранился и архив этих лет, свидетельствующий о большой по масштабу работе, проведенной редакцией и редколлегией, а вот архив «Библиотеки поэта» с 1932 по 1941 год мне разыскать фактически не удалось (за исключением некоторых документов, о которых ранее рассказано), он почти полностью был уничтожен в первый год войны в результате взрыва артиллерийского снаряда близко от помещения издательства, находившегося в ту пору внутри Гостиного Двора. Во время этого взрыва погибло пять сотрудников издательства, в числе их секретарь «Библиотеки поэта» Т. Гуревич; она же и литературный секретарь Ю. Тынянова. Горьковские традиции коллегиальности при решении творческих вопросов были присущи всем составам редколлегии.

Перелистываю стенограммы заседаний редколлегии «Библиотеки поэта», и перед глазами встает картина страстного литературного дис-

пута о судьбе многонациональной поэзии нашей родины, в котором принимали активное участие В. Базанов, В. Жирмунский, В. Орлов, А. Прокофьев, В. Перцов, Н. Грибачев, А. Сурков, А. Твардовский, Н. Тихонов, И. Ямпольский и другие. Имеются разительные примеры скрупулезности, с которой редколлегия решала возникшие текстологические разночтения. В поле ее зрения были и вопросы качества поэтических переводов.

Вот некоторые краткие записи, сделанные мной по стенограммам заседаний редколлегии послевоенного периода:

18 июня 1954 года.

Заседание ведет В. Базанов. Обсуждаются некоторые разночтения в издании И. Крылова — Басни, составитель А. Могилянский.

Постановили:

По пункту 6. «Море зверей» — согласиться с предложением Б. Томашевского и оставить текст по изданию 1943 года.

По пункту 12. «Слон» — сохранить текст издания 1943 г., т. к. цензурных документов нет, а в примечаниях дать как рабочую гипотезу предположение о цензурном запрете.

По пункту 15. «Алкид». В слове «Чудесный» оставить написание «Чудесной».

По пунктам 27, 28, 29 — в трех местах в последнем прижизненном издании И. Крылова напечатано слово «Лев». Согласиться с составите-

лем, что это результат автоцензуры, и восстановить слово «Царь».

Книга с этими исправлениями вышла в конце 1954 года.

Обсуждение разночтений в текстах книги Маяковского — Стихотворения (Малая серия). Составитель В. Катанян.

1. Согласиться с предложением составителя и в стихотворении «Владимир Ильич» оставить слова — «Юбиляра уют». 〈...〉

3. «Моя речь на Генуэзской конференции». Согласиться с мнением И. Эвентова. Просить В. Катаняна привести вариант текста, указать в примечаниях, что текст, возможно, не доработан В. Маяковским, и т. д.

Б. Томашевский и И. Эвентов были приглашены на это заседание в качестве консультантов.

Здесь уместно рассказать, как научно обоснованная текстологическая подготовка изданий позволила избежать неприятностей и крупных ошибок.

В 1951 году в Большой серии «Библиотеки поэта» вышел том Избранных произведений Демьяна Бедного. Вступительная статья, подготовка текстов и примечания И. Эвентова, редактор — А. Дементьев. Некоторое время спустя в «Литературной газете» была опубликована статья литературоведа В. Куриленкова по поводу редакционного произвола в изданиях Бедного.

Центральным Комитетом партии была образована комиссия, которой было поручено проверить, как издаются произведения Демья-

на Бедного. Оказалось, что к изданию произведений этого поэта привлекаются случайные люди, не имеющие никакого опыта текстологической работы.

Подвергалось проверке и наше издание, было признано, что его подготовка осуществлена достаточно профессионально.

В печати неоднократно отмечалось, что текстологическая подготовка книг, изданных в «Библиотеке поэта», отличается высоким научным уровнем, но бывали отдельные неудачи и затруднения. Об этом шел нелицеприятный разговор на заседании ленинградской части редколлегии в мае 1955 года. Г. Макогоненко в своем выступлении рассказал, что в последнее время редакция сталкивается с фактами, когда вступительные статьи к некоторым изданиям не отвечают научным и идейным требованиям, а стихотворный корпус книг изобилует пропусками слов, строф, перепутанными словами, редакция испытывает нужду в кадрах текстологов.

На этом заседании своими мыслями поделились зачинатели советской школы текстологии Б. Томашевский и Б. Эйхенбаум. Последний сказал: «Один вопрос меня беспокоит. Все жалуются, что текстологический уровень «Библиотеки поэта» понизился. ...Есть растущие текстологические кадры, и вокруг «Библиотеки поэта» нужно создать актив молодежи, воспитывать, устраивать собрания, доклады, обсуждать с молодежью нужды «Библиотеки поэта». Это единственный способ заинтересовать молодых людей, которые к этому расположены. Лекции старших товарищей, практические занятия покажут им на деле,

что это не какое-нибудь скучное, а увлекательное и нужное занятие, большое государственное дело».

Б. Томашевский сказал: «Борис Михайлович подловил ту мысль, которую мне хотелось высказать. Нужно создать нечто вроде актива друзей, путем организации открытых заседаний редколлегии, где бы докладывались какие-либо интересные вещи по ходу работы над текстами, вступительными статьями. Нужно установить контакт с университетской молодежью, которая тянется к текстологии».

И сейчас, тридцать лет спустя, когда нужда в текстологических кадрах по-прежнему велика, не лишне бы вернуться к предложениям и советам Б. Эйхенбаума и Б. Томашевского.

В Ленинградском государственном архиве литературы и искусства в нескольких объемных папках собраны стенограммы заседаний редколлегий за многие годы. Читая их, можно проследить историю этой уникальной «Библиотеки». Рассмотрим высказывания непосредственных участников этих заседаний:

17 ноября 1954 года

На этом заседании утверждается план выпуска 1955 года. По предложению А. Прокофьева в план издания включаются книги И. Франко и Я. Купалы. Принимается решение об издании сборника произведений А. Кантемира. «А. Блок. Стихотворения» — издание поручается подготовить В. Орлову, «Огарев» — С. Рейсеру. Автором вступительной статьи к книге стихотворений Жуковского утверждает-

ся Н. Коварский. Утверждены к набору готовые рукописи: «Катенин», «Рылеев», «Крылов», «Лирические песни».

И. Ямпольский, член редколлегии в 1956—1972 годах, вспоминает, что работа редколлегии в те годы была в центре внимания Секретариата Союза писателей. В 1956 году в Союзе писателей в Москве, с привлечением большого числа литераторов, состоялось заседание редколлегии, на котором обсуждался общий план «Библиотеки поэта». В обсуждении активное участие принимали: П. Антокольский, К. Федин, В. Перцов, С. Кирсанов, Н. Грибачев, А. Твардовский, М. Рыльский, В. Орлов. Редколлегия в те годы собиралась не реже одного раза в год.

Особенно плодотворным был период, когда редколлегию «Библиотеки поэта» возглавлял В. Н. Орлов — отличный знаток русской и советской поэзии, а его заместителем был И. Г. Ямпольский. Начнем рассказ об этом периоде с заседания редколлегии.

В 1956 году редакция совместно с редколлегией разработали план дальнейшего расширения изданий «Библиотеки поэта», особенно раздела классического наследия братских республик.

27 февраля 1969 года Секретариат ССП снова возвращается на своем заседании к делам «Библиотеки поэта» и своим решением обязывает редколлегию и редакцию разработать к началу 1970 года перспективный план нового издания.

В эти годы вся текущая работа велась с большим подъемом. Участники «Библиотеки поэта» приходили в редакцию (или даже приез-

жали из других городов) не только чтобы подписать договор или представить готовую рукопись, но и поделиться интересными находками или возникшими сомнениями. В оживленной беседе намечались пути их разрешения. Эти годы выделяются и в количественном отношении: за 1956—1970 годы вышло 223 книги, то есть по 15 книг в год. Среди изданных за это время книг хотелось бы назвать сборники «Ленин в советской поэзии», «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне», «Пролетарские поэты первых лет Советской эпохи», стихи И. Бунина, К. Бальмонта, Ф. Глинки, Б. Пастернака, Н. Заболоцкого, В. Саянова, М. Цветаевой и других. Был подготовлен макет сборника стихов «Поэты начала двадцатого века» (статья, составление и комментарий В. Н. Орлова). Макет был тщательно рассмотрен на заседании редколлегии и рекомендован к изданию, но по не зависящим от редакции причинам этот сборник не был издан. Ряд авторов из этого сборника вышли впоследствии отдельными изданиями: К. Бальмонт, А. Белый, Ф. Сологуб, В. Иванов, М. Волошин, О. Мандельштам.

В ту пору в издательстве «Книга» вышел в свет сборник статей — «Издание классической литературы. Из опыта „Библиотеки поэта“». Сборник этот представляет интерес, поскольку наглядно показывает, какие текстологические проблемы возникали при подготовке отдельных изданий классического наследия. Орловым и Ямпольским совместно с редакцией была разработана Инструкция по подготовке изданий Большой и Малой серий «Библиотеки поэта», которая во многом

помогла поднять уровень текстологической работы.

Теперь, пожалуй, следует рассказать печальную историю издания в 1968 году двухтомника «Мастера русского стихотворного перевода» в Большой серии «Библиотеки поэта». Автором вступительной статьи и комментария, а также подготовки текстов был профессор Ефим Григорьевич Эткинд, в статье было написано:

«В советскую пору происходит удивительный процесс, когда ряд крупнейших русских поэтов становится профессиональными переводчиками. Это можно сказать о Б. Пастернаке, С. Маршаке, А. Ахматовой, Н. Заболоцком, Л. Мартынове, П. Антокольском, если ограничиться поэтами старшего поколения. Общественные причины такого процесса понятны: лишенные возможности до конца высказаться в оригинальном творчестве...» — далее автор делает вывод, что указанные поэты в эти годы занимались переводами.

Выводы Эткинда подтверждаются участием вышеназванных поэтов в переводах книг «Библиотеки поэта». Однако по-другому оценили его статью в обкоме партии. Вспомнили Эткинду и защиту поэта Бродского на судебном процессе, и то, что на его даче перепечатывалась рукопись Солженицына. Профессор Е. Эткинд был исключен из членов Союза писателей, и ему было предложено покинуть страну.

Поплатились тогда и работники издательства, имевшие касательство к изданию двухтомника. Были освобождены от работы главный редактор М. Смирнов, заведующая редак-

цией И. Исакович, старший редактор К. Бухмейер.

В 1988 году Ленинградский секретариат Союза писателей отменил свое решение об Эткинде как ошибочное.

Многим в ту пору не нравился курс, взятый главным редактором Владимиром Орловым, на возвращение читателю русской поэзии, не печатавшейся в период запретов.

Тогда впервые в 1965 году были изданы в Большой серии «Избранные произведения» Марины Цветаевой, «Стихотворения и поэмы» Николая Заболоцкого, «Стихотворения и поэмы» Бориса Пастернака, в 1966 году «Стихотворения и поэмы» Андрея Белого, «Стихотворения и поэмы» Бориса Корнилова, «Стихотворения и поэмы» Иосифа Уткина, «Стихотворения и поэмы» Михаила Светлова, в 1969 году «Стихотворения» Константина Бальмонта.

Готовились к изданию книги Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Игоря Северянина, Вячеслава Иванова, Николая Клюева и других. Очень поддерживали Владимира Орлова в этих начинаниях Николай Тихонов и Александр Твардовский.

Директор издательства Николай Васильевич Лесючевский несправедливо относился к Орлову. Тут, помимо разных взглядов на издания русских классиков в «Библиотеке поэта», сказывались и характеры этих двух руководителей. Николай Васильевич знал и то, что в ленинградском обкоме партии, после случая с изданием двухтомника «Мастера русского стихотворного перевода», не очень жалуют

Орлова, и он выжидал момент, чтобы освободиться от него.

Такой предлог вскоре представился. К столетию со дня рождения В. И. Ленина в Большой серии вышла книга «Ленин в советской поэзии», в которой был напечатан отрывок из поэмы «Высокая болезнь» — опального поэта Бориса Пастернака. Да еще автор вступительной статьи литературовед С. Владимиров усугубил этот грех, отметив особо это произведение:

«Немалую энергию поэтической мысли концентрирует в себе эпилог к поэме «Высокая болезнь» Бориса Пастернака...»

Этого было достаточно, чтобы позднее освободить от обязанностей главного редактора «Библиотеки поэта» Владимира Николаевича Орлова.

А пока большая работа шла своим чередом, деятельность редколлегии активизировалась.

27 февраля 1969 года

На этом заседании членам редколлегии вручается для ознакомления список дополнительных включений в план. Орлов предлагает обратиться с письмом от имени редколлегии к Н. Степанову и Н. Харджиеву с настоятельным предложением приступить к совместной работе над изданием Хлебникова.

А. Сурков предлагает выпустить отдельным изданием в двух томах лучшие вступительные статьи к сборникам «Библиотеки поэта». В. Базанов поддерживает это предложение.

В. Орлов информирует, что работа по изда-

нию классической поэзии народов СССР ведется в тесном контакте с Союзами писателей республик. М. Турсун-заде отмечает, что Н. Тихонов как знаток Востока много помогает в подготовке подобных изданий.

16 октября 1969 года

Рассматривается список возможных дополнений к плану Большой серии. Большинством голосов решено ввести в план сборники: «Русская басня», «Сатирическая поэзия 1908—1917 гг.», «Из русской поэзии 40—50-х годов», «Песни народов Северного Кавказа», сборники стихотворений: С. Городецкого, И. Эренбурга, Д. Кедрина, В. Сосюры.

Участвовавшие в обсуждении этого вопроса Н. Тихонов, В. Перцов, Б. Соловьев, Б. Егоров, И. Ямпольский, К. Кулиев, В. Жирмунский, А. Твардовский, В. Базанов высказались за то, чтобы дополнения к общему плану были доведены до минимума. На этом заседании утверждаются шестнадцать новых договоров и их исполнители, обсуждаются проекты ранее разосланных макетов будущих книг. Главный редактор доложил о поступивших отзывах на макет сборника «Ленин в советской поэзии». На основании десяти письменных отзывов в макет внесены поправки, сделаны изъятия и дополнения. В. Перцов, Н. Тихонов, А. Твардовский, В. Базанов отметили высокие достоинства сборника. Макет утверждается к изданию с учетом высказанных замечаний.

Был рассмотрен макет сборника стихотворений Бальмонта. Положительно охарактери-

зовав состав тома, В. Перцов попросил В. Орлова — автора вступительной статьи к этой книге — уточнить отдельные положения в трактовке импрессионизма.

По макету книги «И. Сельвинский. Стихотворения и поэмы» возникли споры по составу. Тридцать страниц стенограммы посвящены обсуждению этого издания. В связи с огромным творческим наследием поэта члены редколлегии обратили внимание на необходимость отбора только лучших и зрелых произведений.

11 февраля 1971 года

И. о. главного редактора Б. Егоров вносит на рассмотрение редколлегии вопрос о состоянии подготовки к изданию книги классика армянской литературы Е. Чаренца, обратив внимание членов редколлегии на то, что большая часть существующих переводов очень слаба и, по сути, искажает тексты Чаренца.

Сурков: А может, не ориентироваться на одного переводчика, у нас людей, близко работающих с армянской поэзией, довольно много. Может быть, как-то рассредоточить, чтобы обеспечить вовремя это дело.

Тихонов: Следует обратиться к П. Антокольскому, который переводил Чаренца.

14 сентября 1971 года

В. Перцов, ознакомившийся с рукописью «Стихотворений и шуточных пьес» В. Соловьева, рекомендует одобрить состав и вступительную статью.

Ф. Прийма докладывает о мероприятиях по форсированию изданий поэтов национальных республик.

В. Базанов: В 1972 году исполняется 50 лет со дня образования СССР, необходимо увеличить выпуск книг классиков братских республик.

Н. Лесючевский: Это очень важно, надо срочно посмотреть, что можно сделать для усиления изданий классического наследия к 50-летию Советского Союза.

Н. Тихонов: Надо, чтобы больше членов редколлегии прочитывало рукописи и участвовало в решении спорных вопросов.

Н. Лесючевский: Очень приятно числить в составе редколлегии лиц уважаемых, но нужно, чтобы люди еще и работали.

И. Ямпольский: Наследие Дмитрия Гулиа необходимо вначале подготовить к изданию в Большой серии, а затем в Малой.

В. Базанов: Правильно.

14 января 1973 года

Н. Лесючевский информирует членов редколлегии:

1) О решении Секретариата ССП о включении в план «Библиотеки поэта» книг А. Твардовского и А. Прокофьева.

2) Об утверждении Секретариатом новых членов редколлегии: Н. Грибачева, М. Луконина, А. Болдырева, А. Бушмина, А. Западова, П. Бровку, С. Рустама, В. Рождественского.

Далее Н. Лесючевский информирует о решении Секретариата Союза писателей и Гос-

комиздата СССР о целесообразности издания в 1973—1975 годах в Большой серии стихотворений О. Мандельштама и в Малой серии: М. Волошина, Вяч. Иванова, Н. Клюева, И. Северянина. На этом же заседании в план включается издание видного советского поэта Я. Смелякова.

27 мая 1974 года

В. Перцов: Статья В. А. Рождественского к книге Игоря Северянина очень хороша, она включает в себя и моменты воспоминаний, которые здесь очень уместны. Статья аналитична.

Хочу сказать несколько добрых слов о В. А. Рождественском.

Впервые в нашем издательстве Всеволод Александрович стал печататься в 1947 году, это был сборник стихов «Родные дороги. 1941—1946». После этого десять лет имя Рождественского не значилось в наших планах, да и не только у нас. Эти годы, как и многие советские поэты, он мог заниматься лишь переводами. И только в 1958 году мы издали его книгу стихов «Иволга». Опала кончилась... Еще семь стихотворных книг напечатал у нас Всеволод Александрович, мы уже были хорошо знакомы, да и страсть к рыбалке как-то сблизила нас.

Помню, какой радостью светилось лицо поэта, когда из сигнальных экземпляров в семьдесят третьем году я подарил ему только что изданную его книгу лирических стихов «Добрый день», к тому времени он был автором более тридцати поэтических книг.

— Эта книга,— сказал он мне тогда,— пожалуй, самое лучшее, что я написал...

После было еще два сборника стихов — «Лицом к заре», напечатанная за год до смерти писателя, и посмертная книга лирики «Психея» со вступительной статьей его старого друга Николая Тихонова.

Пожалуй, в истории «Библиотеки поэта» едва ли можно назвать еще литератора, который столько сделал для этого издания. Более чем в сорока книгах этой библиотеки напечатаны его переводы. Во многих книгах поэтов национальных республик он выступает как редактор поэтических переводов. Он составитель и автор вступительных статей в книгах А. Апухтина, И. Северянина, М. Цветаевой и других.

Данью его высокому поэтическому мастерству явилось издание в Большой серии «Библиотеки поэта» тома его стихотворений.

Но вернемся к заседанию редколлегии.

В обсуждении вопроса издания Северянина приняли также участие А. Западов, Н. Тихонов, А. Сурков и другие. Сборник утверждается к изданию.

А. Бушмин: Статья в книге Вяч. Иванова не раскрывает особенностей творчества этого поэта, в статье много места занимает переписка Иванова, оценка Иванова как филолога, а о стихах сказано мало, и то с точки зрения филологической.

На пятнадцати страницах стенограммы — выступления всех членов редколлегии. Единодушное мнение, что в таком виде статья не может быть одобрена. Необходима доработка.

Сборник М. Волошина принимается к изданию с просьбой к С. Наровчатову сделать целый ряд уточнений в статье с учетом высказанного членами редколлегии.

18 июня 1975 года

На этом заседании включаются в план выпуска книги Н. Ушакова и Гамзата Цадасы.

Обсуждается вопрос о составлении плана нового издания после завершения второго издания Большой серии и третьего издания Малой серии.

В. Г. Базанов: Вопрос о составлении генерального плана нужно вынести за пределы редколлегии, хотя редколлегия и состоит из очень авторитетных литераторов и поэтов. Нужно учесть и коллективное мнение актива. Было бы желательно, чтобы в Ленинграде, не превращая это в конференцию, не делая из этого события, посоветоваться — у нас много вокруг «Библиотеки поэта» объединяется и историков литературы, и поэтов, которые не входят в состав редколлегии, но это люди заинтересованные и квалифицированные, которые могли бы нам кое-что подсказать. Не обязательно со всеми при этом соглашаться, конечно. Сейчас можно выйти в более широкую аудиторию; многие очень уважают «Библиотеку поэта», считают значительным явлением советской литературы.

Редколлегия поддержала предложение В. Базанова и приняла решение вновь собраться для обсуждения и утверждения плана.

Потребовалось десять лет, чтобы уже новый состав редколлегии сформировал план третьего издания Большой и четвертого издания Малой серии.

Помимо активного участия в работе редколлегии, большую практическую помощь редакции своими отзывами оказывали А. Сурков, В. Перцов, Н. Грибачев, А. Прокофьев, В. Базанов, А. Твардовский, Н. Тихонов.

В ответ на запрос редакции о составе готовящегося к изданию сборника стихов М. Светлова член редколлегии А. Твардовский прислал в 1965 году письмо заведующей редакцией Исакович:

«Уважаемая Ирина Владимировна!

Мне не представляется оправданным и целесообразным включение в книгу стихов М. Светлова в серии «Библиотека поэта» его пьес. Это при всем моем уважении к памяти Светлова и самых добрых чувствах к его поэзии. Мне кажется, что сам Светлов, насколько я знаю, не настаивал бы на таком «пополнении» своего поэтического наследия.

С уважением *А. Твардовский*».

Другой точки зрения придерживался Н. Тихонов, считавший, что песни из пьес должны быть включены в сборник. Редакция согласилась с мнением Тихонова.

В 1972 году во втором издании Большой серии «Библиотеки поэта» вышел том «Избранные произведения» Л. Мея. Замечания А. Суркова при подготовке этой книги к изданию были полностью учтены: «...Вступительная ста-

тья К. Бухмейер кажется мне приемлемой. Только следует ли в оценке исторического места Мея в русской поэзии фактически брать его под защиту как от оценок его современников, принадлежавших к прогрессивно-демократическому лагерю, так и от критических замечаний его единомышленников.

И, наверное, надо освободить статью от довольно многочисленных «половинчатых» формулировок. («Некоторые основания для упреков были... хотя Мей не доходил...» и т. д.). Я не совсем уверен в том, что есть логика в утверждении автора статьи после упоминаний о слабом внимании современников и людей дооктябрьского периода к творчеству Мея того, что «...только после Октября, в процессе критического освоения наследия прошлого, было по-настоящему пересмотрено творчество этого несомненно значительного художника, у которого как у знатока русского языка советовал учиться Горький».

Ведь весь контекст статьи очень убедительно показывает, что «туман», который стоял между Меем и его современниками, был. И послеоктябрьские работы о поэте, которые, может быть, и обнажают какие-то стороны «сложных связей поэта с литературно-общественной жизнью его эпохи», не отменяют того, что при жизни поэта этот «туман» существовал как реальность.

И надо как-то подчеркнуть, что Горький говорил о Мее как о поэте с богатым русским языком, отнюдь не побуждая учиться у него «чистоискусственничеству»...»

Весной 1977 года незадолго до своей смерти В. Рождественский закончил подготовку

Вс. А. Рождественский (1895 — 1977)

в Малой серии «Библиотеки поэта» томика «Стихотворений» М. Цветаевой. Рукопись статьи была направлена на просмотр членам редколлегии. Н. Грибачев, А. Западов и Н. Тихонов высоко оценили работу В. Рождественского. Вот что писал в своем отзыве на эту статью Н. Тихонов:

«С самого начала должен сказать, что был очень удачным выбор автора для вступительной статьи к сборнику стихотворений Марины Цветаевой в Малой серии «Библиотеки поэта».

Всеволод Рождественский является большим мастером стиха, большим знатоком поэзии, благожелательным, серьезным критиком, и ему под силу исследовать целые творческие биографии. В данном случае он обстоятельно проследил весь путь поэтического развития таланта Марины Цветаевой.

В его статье нашли себе место и линия биографическая, и развитие характера, и разбор ее поэтического наследия, и его значение в истории советской поэзии.

Он не маскировал никаких ложных движений ее жизненного пути, открыто раскрыл черты, не давшие ей с самого начала войти в строй советских поэтов, последовательно и подробно описал годы, проведенные в эмиграции, и произведения, созданные там.

Статья его написана ясным, красноречивым языком и доступна самому широкому читателю. Рождественский отдал внимание и поэтическим достижениям Цветаевой, богатству ее стиха, разнообразию ее таланта. Он правдиво раскрыл ее драматическую позицию между

враждебной западной эмиграцией и «красным» востоком, ее одиночество, ее бедственное существование за рубежом и безысходность.

Цветаева постепенно приходила к мысли о возвращении на родину. Мрак надвигающегося на Европу фашизма ввергал ее в мысли о всеобщей гибели, о конце Европы.

Я помню Парижский конгресс в защиту культуры в 1935 году, когда Гитлер уже зверствовал в Германии. Это было за три года до захвата Чехословакии, которую так любила Цветаева. В Париже она была уже с передовой интеллигенцией, ненавидела фашизм и говорила о возвращении в Москву.

Вся ее мучительная жизнь за рубежом представлена в статье Рождественского без попытки окружить ее ореолом особой славы, который создавали ей одно время довольно упорно.

Конечно, она не была «соперницей» Анны Ахматовой, да это сближение и неестественно и неверно.

Я не нашел в статье о Цветаевой ошибок или мест, которые требуют поправок. По-моему, эта статья может печататься как вступительная к сборнику стихотворений Марины Цветаевой в Малой серии «Библиотеки поэта».

Я читал не торопясь, внимательно, и меня устраивало такое подробное, правдивое, неторопливое развертывание темы.

Всеволода Рождественского надо почаще привлекать как автора предисловий к работе в «Библиотеке поэта».

15/VI-1977 г. *Н. Тихонов*».

Все рецензии Н. Тихонова, обладавшего незаурядными знаниями в области истории русской поэзии и поэзии других народов, были написаны тщательно, в них давались творческие советы как по составу издания, так и о том, в каком направлении должна быть проведена доработка статьи и комментариев. Отличный знаток поэзии, он внес большой вклад в разработку планов «Библиотеки поэта», а многие его поэтические переводы (Шевченко, Гамзат Цадаса, Коста Хетагуров и др.) являются образцовыми.

Не имея возможности проанализировать все протоколы заседаний редколлегии и остановив внимание читателя только на некоторых из них, я лишь хотел показать, как редколлегия за свою полувековую деятельность воплотила в явь замысел А. М. Горького.

У читателя может возникнуть вопрос, почему замысел М. Горького, предусматривавший объем каждой книги максимум в 10 листов, был осуществлен в двух сериях: Большой и Малой, причем объем Большой достигал в отдельных случаях пятидесяти листов.

Ответ на этот вопрос дает сама история изданий «Библиотеки поэта» за пятьдесят лет.

Когда наши историки литературы, литературоведы и поэты начали задуманную Горьким работу, стало ясно, что поставленная задача может быть решена на основе полного и всеобъемлющего пересмотра созданного старой научной школой. Необходимо было освободить

классическое наследие от длительных посторонних наслоений, устранить искажения текстов. Требовалось проследить процесс развития поэзии во всем многообразии имен и направлений. Только на основе создания полных, хорошо выверенных изданий Большой серии могла появиться избранная популярная, рассчитанная на массового читателя Малая серия. С чем же столкнулись ученые, литературоведы, которые сотрудничали в «Библиотеке поэта» с ее основания, десятки лет? Автор этой статьи попросил их ответить на этот вопрос.

В беседе со мной доктор филологических наук, профессор И. Г. Ямпольский, автор, подготовивший 18 книг «Библиотеки поэта» (А. К. Толстой, Тургенев, Курочкин, Минаев и другие), рассказал о тех трудностях, которые возникали перед ним. Так, стихотворения поэтов «Искры» были тесно связаны со своим временем. В них много откликов на события общественной и литературной жизни, полемики и скрытых намеков. Все это было ясно современникам, но теперь требует расшифровки, чтобы смысл стихотворений был понят в полной мере. Естественно, что понадобилось хорошее знание политической жизни, литературы той эпохи и упорные разыскания.

Иные трудности возникли при издании произведений А. К. Толстого. Так, например: автограф сатиры «История Российского государства от Гостомысла до Тимашева» не сохранился. Она была напечатана по неисправленному списку, со многими искажениями. Пришлось проделать скрупулезную работу по сличению всех выявленных списков, чтобы

освободить текст «Истории» от этих искажений.

И. Ямпольский так определил объем текстологической работы: необходимо разыскать и тщательно изучить все сохранившиеся автографы — беловые и черновые, проследить историю прижизненных публикаций, вмешательство цензуры и пр., чтобы установить подлинный авторский текст. Следует унифицировать пунктуацию, приблизив ее к современным нормам, но так, однако, чтобы не нарушить интонационное звучание стиха. Автор вступительной статьи и комментариев должен досконально знать эпоху, события, связанные с появлением стихов, окружение поэта, мемуары и переписку современников, не ограничиваясь, как это еще нередко бывает, элементарными справками из энциклопедического словаря. Автор комментариев — не только знаток своего дела; он наделен и известной интуицией, которая приобретается в процессе работы.

Доктор филологических наук, профессор А. В. Федоров в ответ на мое письмо ответил:

«Ваш вопрос о творческой лаборатории составителя сложен! Он решался каждый раз по-разному, в зависимости от материала. Так, при работе над Анненским (для Большой серии) основным было изучение рукописного фонда (главным образом ЦГАЛИ), установление соотношения многочисленных редакций стихов и проверка предыдущих публикаций, осуществленные сыном поэта. При подготовке издания Случевского, рукописи которого сохранились в ничтожной степени (а публи-

куемые стихи он, как правило, не датировал), главным было выяснение, вернее, выявление первопечатных редакций, предшествовавших их печатанию в сборниках его стихотворений, и анализ соотношения многочисленных разночтений.

Когда шла работа над «Грузинскими романтиками», весь упор был на сопоставлении стихотворных переводов и их подстрочников, составленных в данном случае очень добросовестно и квалифицированно (Е. Б. Вирсаладзе), на их рецензировании (с советами поэтов-переводчиков) и на поправках, вносимых ими.

Что касается вступительных статей, то каждый раз — и в изданиях Большой и в Малой серии — хотелось делиться с читателями итогами своих изучений и популяризовать творчество поэтов, либо впервые в советское время показываемых читателю (Случевский, грузинские романтики), либо еще мало известных широкой аудитории (Анненский). Особо о Плещееве. Это была работа в более, что ли, удобных условиях: сохранился значительный архивный фонд, и почти все автор успел опубликовать при жизни».

А. В. Федоров за период с 1939 по 1962 год подготовил к изданию в «Библиотеке поэта» 7 томов.

Б. Я. Бухштаб — доктор филологических наук, профессор, подготовивший в «Библиотеке поэта» 13 книг, в том числе А. Фета, Н. Добролюбова, Козьму Пруткова и «Поэты 1840—1850 годов», так рассказал о своей работе:

«Спасибо за память, за добрые слова о моей работе для «Библиотеки поэта». В моей науч-

ной биографии «Библиотека поэта» сыграла исключительную роль, а в истории советского литературоведения — бесспорно явилась одним из самых больших достижений.

...Меня всегда влекли вспомогательные науки литературоведения, и, помимо собственно истории литературы, я много занимался текстологией и библиографией. К работе в «Библиотеке поэта» меня привлек Тынянов. Первая же работа, которую я сделал — «Полное собрание стихотворений Фета»,— была крайне сложной. Потребовалось несколько лет усердного труда. Мне пришлось прежде всего составить библиографию публикаций Фета и для этого просмотреть журналы, газеты и сборники, в которых он мог участвовать, за пятьдесят лет. Крайне сложным оказалось и разрешение текстологических проблем, поскольку в тексты Фета активно вмешивались многие лица, в том числе такие авторитетные, как Тургенев и Некрасов. Эта работа дала мне настоящую закалку текстолога...»

Чуть менее полувека сотрудничал Борис Яковлевич Бухштаб в «Библиотеке поэта». Остался он ей верен и в последние годы жизни. Незадолго до смерти он подготовил для нового издания Большой серии том «Стихотворений и поэм» А. Фета.

Дмитрий Сергеевич Лихачев активно сотрудничал в «Библиотеке поэта». В 1949 году во втором издании Малой серии вышла книга «Слово о полку Игореве»; кроме вступительной статьи и примечаний, в сборник включен прозаический перевод «Слова о полку Игореве», сделанный Д. С. Лихачевым.

В 1967 году «Слово о полку Игореве» было еще раз издано в Большой серии. На мой вопрос, чем эти издания отличаются от предыдущих, Д. С. Лихачев скромно ответил: «Издания «Слова», в которых я участвовал, дают некоторые новые толкования, прочтения и комментарии».

Специалисты знают, какая большая творческая работа скрывается за этими словами.

В 1960—1980-х годах к работе в «Библиотеке поэта» привлекается более молодое поколение текстологов. В пространном письме на мое имя одна из представительниц этого поколения Н. Банк, в частности, пишет:

«В «Библиотеке поэта» я прошла замечательную школу текстологии и комментирования поэтических текстов.

...В пору, когда главным редактором ее был Владимир Николаевич Орлов, мне удалось сделать там несколько книг: А. Белого (вместе с Н. Г. Захаренко), В. Луговского (единолично), «Стихотворную сатиру 1905—1907 годов» (совместно с Н. Г. Захаренко и Э. М. Шнейдерманом). Работая над томом стихотворений, поэм, переводов П. Г. Антокольского — уже в другую эпоху «Библиотеки поэта», я постоянно помнила строгие уроки текстологии, преподанные мне В. Н. Орловым».

* * *

В практике мировой культуры нет аналога такой глобальной по своему масштабу «Библиотеки», созданной силами ученых и писате-

лей. В ходе своего развития «Библиотека поэта» превзошла замысел Горького и трансформировалась в фундаментальный свод важнейших памятников русской поэзии и национальной поэзии других народов СССР от их истоков до выдающихся поэтов советского периода.

На столе в редакции лежит проект плана нового издания «Библиотеки поэта». Этот план, в основном сохраняя преемственность с предыдущими планами, содержит и некоторые добавления.

Приступая к новому изданию, редакция считает необходимым тщательно проанализировать и бережно отобрать лучшие издания, выпущенные за пятьдесят лет (а таких изданий большинство). Все они были подготовлены виднейшими литературоведами и поэтами страны, большая часть из которых за это время ушла из жизни. Актив «Библиотеки поэта» — это оставшаяся часть ученых, стоявших у истоков ее создания, и ученые среднего поколения. Этих сил явно недостаточно, чтобы осилить такое издание.

Все изданное, начиная с 30-х годов, требует нового прочтения, анализа, дополнения с учетом найденных в последние годы в архивах новых текстов; переосмысления, а порой переработки вступительных статей и комментариев, с учетом всего нового, появившегося в филологической науке в последнее время. К этой работе привлекаются, помимо известных литературоведов, и способные молодые ученые, с таким расчетом, чтобы они на основе уже созданного прошли при «Библио-

теке поэта» школу текстологии, в этом им огромную наставническую помощь могли бы оказать ныне здравствующие старейшие участники «Библиотеки поэта» и опытные ее редакторы. Форма учебы здесь может быть различная, от семинара до прикрепления молодых к ветеранам.

В беседе с главным редактором «Библиотеки поэта» Ю. Андреевым я задал ему вопрос — чем будут отличаться в новом издании тома Большой и Малой серии? Привожу его ответ.

«Большая серия будет сочетать в себе исторический и эстетический принципы, то есть давать не все подряд (это была бы библиотека истории литературы), но существенные достижения, характерные для каждого из исторических периодов своего развития. Это должна быть, как мечтал М. Горький, «картина роста русской поэзии, в образцах ее, начиная с XVIII века и до наших дней». Границы роста русской поэзии мы раздвигаем, начиная этот обзор с народной эпической поэзии, но принцип хотим подчеркнуть и выделить. Вступительной статье и комментариям Большой серии будет присущ интерес как к исторической, так и к эстетической стороне представляемой в томе поэзии.

Что же касается Малой серии, то она будет представлять собой свод абсолютных поэтических ценностей, тех произведений, которые не устарели с ходом времени и продолжают нас волновать и сейчас. Естественно, что характер вступительной статьи и аппарата будет определяться прежде всего анализом тех

причин, которые определили бессмертие включенных в том шедевров».

Почетная и огромная по своему масштабу работа, начатая А. М. Горьким и большим авторским коллективом, требует теперь умножения усилий для создания пересмотренного и улучшенного издания, которое должно быть на уровне всех современных самых строгих идейных, научных и полиграфических требований.

СОДЕРЖАНИЕ

Узилевский А.
У 34 Дом книги: Записки издателя.— Л.: Сов. писатель, 1990.—544 с., 25 илл.
ISBN 5-265-01209-5

Книга одного из старейших ленинградских издателей — результат длительной работы в архивах и итог всей жизни. Автор воссоздает множество интересных деталей издательской жизни, цитирует ранее не известные документы, дает выразительные портреты ленинградских поэтов и прозаиков.

У $\frac{4702010201-157}{083(02)-90}$ 144—90 ББК 84. Р7

АРОН НАТАНОВИЧ УЗИЛЕВСКИЙ

ДОМ КНИГИ

Худож. редактор Б. А. Комаров
Техн. редактор Л. П. Полякова
Корректоры Ф. Н. Аврунина, О. Э. Карпеева

ИБ № 7631

Сдано в набор 28.09.89. Подписано к печати 18.04.90. М24584. Формат 70×100[1]/32. Бумага офсетная № 1. Школьная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 22,10. Уч.-изд. л. 20,54.
Тираж 30 000 экз. Заказ № 338. Цена 1 р. 70 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ В 1990 ГОДУ

ПЕРЕКРЕСТОК: Сборник. Первая книга прозаиков.— Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1990.

В новый сборник серии «Мастерская» включены произведения пяти ленинградских прозаиков Н. Шадрунова, Б. Мазо, В. Алексеева, А. Бартова и Ф. Чирскова. Все это люди, давно пишущие, хорошо известные узкому кругу профессионалов, но трудно и мучительно искавшие дорогу в годы литературного застоя. Не случайно сборник называется «Перекресток». Под одной обложкой в нем сошлись различные направления, течения, эстетические воззрения, иногда диаметрально противоположные и вступающие в полемику друг с другом.

ОЛЕЙНИКОВ Н. Пучина страстей: Стихотворения и поэмы.— Л.: Сов. писатель, 1990.

Николай Макарович Олейников (1898—1937) — один из самых оригинальных и ярких представителей русского поэтического авангарда 1920—1930-х годов: тонкий лирик и пародист, поэт-сатирик, философ, своеобразный стилист, с именем которого связано целое художественное направление так называемого «абсурдизма» (Д. Хармс, А. Введенский, Н. Заболоцкий и др.). Погибший во времена сталинщины, он на десятилетия был исключен из истории литературы. Его произведения не издавались, бóльшая их часть оставалась в рукописях и списках, сохраненных семьей и друзьями поэта.

Впервые книги Н. М. Олейникова были изданы в ФРГ и США.

Настоящее издание — по существу почти полное собрание всех поэтических произведений Н. М. Олейникова, включающее его стихи для детей. Сборнику предпослана статья известного ленинградского писателя и литературоведа Лидии Гинзбург, лично знавшей поэта, а также его творческая биография, написанная А. Н. Олейниковым, сыном поэта.

ДОВЕРИЕ

1 р. 70 к.

